Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова

ISSN 2713-2536

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ОРЛОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ИМЕНИ В.В. ЛУКЬЯНОВА

Электронный журнал

№ 4(101) 2024 г.

Орел
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2024

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5, 6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова [электронный ресурс]: электрон. журнал Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. – Электр. текстовые данные (3,02 МБ). – Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024. – 1 компакт-диск: 12 см.

Журнал является периодическим электронным изданием, в котором публикуются результаты научных исследований ведущих ученых и молодых авторов по юридическим отраслям науки, а также передовому опыту борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Минимальные системные требования: процессор Intel с частотой не менее 1,3 ГГц; ОЗУ 512 Мб; операц. система семейства Windows; Adobe Reader v. 4.0 и выше; дисковод; мышь.

Текстовое электронное издание.

© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5, 6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Электронное издание создано
при использовании программного обеспечения:
Microsoft Word, Adobe Acrobat Reader.
Технический редактор *С.Ю. Клевцова*

Дата выхода в свет: 25.12.2024.
Объем издания: 3,02 МБ.
Комплектация издания: 1 компакт-диск: 12 см.
Тираж: 25 компакт-дисков
16+

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор).
Реестровая запись
от 14.08.2020 серия Эл № ФС 77-78909
распространяется бесплатно

учредитель:
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова».

адрес редакции и издателя:
302027, Орел, ул. Игнатова, 2.
Тел. 8 (4862) 423114.
E-mail: orui@mvd.ru.
http:www.orui.mvd.ru.

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5, 6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Журнал включён в Научную электронную библиотеку и систему Российского индекса научного цитирования. URL: http://www.elibrary.ru и в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в отрасли «Юридические науки» по специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.

ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова».

© Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024.

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5, 6

Редакционная коллегия:

Главный редактор – начальник
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Д.Л. Проказин

Заместитель главного редактора – заместитель начальника
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
(по научной работе) кандидат юридических наук, доцент Д.Ф. Флоря

Члены редакционной коллегии:
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Л.А. Алексеева;

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова,
доктор юридических наук, профессор А.А. Аубакирова;

профессор кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета
доктор юридических наук, доцент А.Б. Баумштейн;

заместитель начальника кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук, доцент М.В. Баранчикова;

начальник центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
доктор юридических наук, доцент С.С. Безруков;

профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
доктор юридических наук, профессор В.Ф. Васюков;

профессор кафедры государственного и муниципального права
Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского
доктор юридических наук, профессор В.В. Головко;

заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь
по научной работе
кандидат юридических наук, доцент П.В. Гридюшко;

заместитель начальника Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина (по научной работе)
доктор юридических наук, доцент О.А. Дизер;

профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии
доктор юридических наук, доцент И.А. Ефремова;

первый заместитель начальника Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор О.В. Зиборов;

начальник кафедры «Автомобильной подготовки» Академии МВД Республики Узбекистан
кандидат технических наук, профессор С.А. Калауов;

начальник кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор А.И. Клименко;

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Новосибирского военного ордена Жукова института имени
генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
доктор юридических наук, доцент Н.Ю. Лебедев;

профессор кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя Заслуженный работник высшей школы,
почетный работник высшего профессионального образования,
доктор юридических наук, профессор В.П. Малахов;

профессор кафедры уголовно-процесуального права имени Н.В. Радутной
Российского государственного университета правосудия
доктор юридических наук, доцент Е.В. Марковичева;

профессор кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
доктор юридических наук, доцент К.В. Муравьев

главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор В.В. Николюк;

ученый секретарь ученого совета, профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
доктор юридических наук, доцент А.В. Никуленко;

начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных
кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор Р.Б. Осокин;

начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России
доктор юридических наук, профессор А.В. Победкин;

начальник кафедры уголовного процесса Орловского юридического
института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Е.А. Семенов
(*ответственный секретарь*);

первый заместитель начальника
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор О.И. Цоколова;

профессор кафедры организации правоохранительной и правозащитной деятельности
Тульского института (филиала) (РПА Минюста России)
ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России
доктор юридических наук, профессор Н.Г. Шурухнов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

Астрахан В.И. ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРАВОПОНИМАНИЮ В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ..…13

Булгакова В.Р. ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА..….....21

Гарина О.В. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГЕНЕЗИСА ОБЪЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ (ДРЕВНЯЯ РУСЬ – РУССКОЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ ГОСУДАРСТВО)……...29

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Афонин В.В. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ НОВЫХ ПОДХОДОВ К НАНЕСЕНИЮ ДОРОЖНОЙ РАЗМЕТКИ.……....37

Белевский Р.А. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ…..…….....44

Гордеева А.Д. УПРАВЛЕНИЕ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ КОМПОНЕНТОВ БЕЗОПАСНОГО СИСТЕМНОГО ПОДХОДА……..……....52

Губенков А.О. К ВОПРОСУ О ЧАСТИЧНОЙ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПОБОЕВ……...……...…..……....60

Гусева А.А. ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ АФРИКИ……...……..68

Жбанова С.А. ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ....76

Затолокин А.А. ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХКОНФЛИКТОВ……...……..86

Набока А.А., Кузнецова К.А., Пестов Р.А. ПОДГОТОВКА ПОЛИЦЕЙСКИХ КАДРОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОПЫТ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ……..……..95

Сальников Е.В., Сальникова И.Н. ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО ПОДХОДА К ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ……..102

Смирнов И.А. КОМПЕТЕНЦИЯ В ДЕЙСТВИИ: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ ……..…110

Стручков Ю.Н.ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ……..……..117

Шалимова О.Н. ПРОЦЕДУРА ПОЛУЧЕНИЯ ПАСПОРТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……..124

Ясникова В.А. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА СНИЖЕНИЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ТРАВМАТИЗМА НА ДОРОГАХ ВНЕ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ…….131

Уголовно-правовые науки

Балашова А.А. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДОПРОСАПО ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ……139

Бондарь Е.А., Волчкова А.А. АНАЛИЗ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАЛОГОМ НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ, В ПРАКТИКЕ НАЛОГОВЫХ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ……..147

Джалилов Ф.М. УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КАК ФУНКЦИЯ ПРОКУРОРА В СТАДИИ ПОДГОТОВКИ ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ.....157

Капустина Л.С., Семенов В.Р. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ГАРАНТИЯ ПРАВ И СВОБОД УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА……...165

Кузнецов Д.Ю. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.…...…….…….....173

Кутуев Э.К., Исмагилов Р.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ПРЕИМУЩЕСТВА, ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ…….....181

Малахова А.Е. ИНСТИТУТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО – РУДИМЕНТ ОБВИНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ.....188

Муравьев К.В., Абрамова Л.Л., Олейник В.В. СРОКИ РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ……..…196

Подчерняев А.Н., Кодзов Т.Н. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ БЕЗОПАСНОСТЬ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ…….....207

Сибилькова А.В., Бадиков Д.А. УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ……...…216

Сокол Ю.В., Титова К.А. К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВЫХ СУДЕЙ……226

Сучков А.И.ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ И ТАКТИКА ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ СПРОВОЦИРОВАННЫХ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ……235

Таршева М.Н., Матросова Л.Д. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ……242

Тишутина И.В., Кононов П.А. ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ ТИПИЧНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ, СКЛАДЫВАЮЩИХСЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)……250

Тохирзода О.Т. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ……259

Фарафонова О.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ……268

Шурухнов Н.Г. ИССЛЕДОВАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА – ПРИНЦИП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ: НАУЧНЫЙ ПОДХОД ПРОФЕССОРА А.П. ГУЛЯЕВА……276

Информация для авторов……284

CONTENTS

Theoretical-historical legal sciences

Astrakhan V.I. POSSIBLE APPROACHES TO UNDERSTANDING LAW IN THE CONTEXT OF THE RELATIONSHIP BETWEEN SOCIAL AND ETHNIC HISTORY……..……...……13

Bulgakova V.R. THE SITUATION OF JEWISH COMMUNITIES IN THE CONTEXT OF STATE-CONFESSIONAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY...…….....21

Garina O.V. CERTAIN ASPECTS OF THE GENESIS OF OBJECTS OF STATE PROTECTION (ANCIENT RUSSIA – RUSSIAN CENTRALIZED STATE)……..29

Public-law (state-legal) sciences

Afonin V.V. PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF TECHNICAL MEANS OF TRAFFIC ORGANIZATION (ROAD MARKING) IN RUSSIA……..37

Belevsky R.A. OPERATIONAL EXPERIMENT AS A TYPE OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY…….…...……..44

Gordeeva A.D. ROAD SAFETY MANAGEMENT AS A COMPONENT OF A SAFE SYSTEMS APPROACH…..……....52

Gubenkov A.O. ON THE ISSUE OF PARTIAL DECRIMINALIZATION OF BEATINGS…….……..…..……....60

Guseva A.A. ROAD SAFETY IN AFRICAN COUNTRIES…...……..……..68

Zhbanova S.A. THE PROBLEMS OF APPLYING SOME MEASURES TO ENSURETHE PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF ROAD SAFETY…….……..76

Zatolokin A.A. EXPERIENCE AND PROSPECTS OF INTERACTION OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS WITH RELIGIOUS ORGANIZATIONS FOR THE PREVENTION OF INTER-NATIONAL CONFLICTS.....86

Naboka A.A., Kuznetsova K.A., Pestov R.A. TRAINING OF POLICE PERSONNEL AT THE PRESENT STAGE: EXPERIENCE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA…….....95

Salnikov E.W., Salnikova I.N. FORMATION OF A SCIENTIFIC APPROACH TO ROAD SAFETY…….……102

Smirnov I.A. COMPETENCE IN ACTION: KEY ASPECTS OF ADMINISTRATIVE INVESTIGATIONS……..…….…….110

Struchkov Y.N. FEATURES OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL COERCION IN THE CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS…….117

Shalimova O.N. THE PROCEDURE OF OBTAINING A PASSPORT BY MINORS IN THE RUSSIAN FEDERATION REVISITED……..124

Iasnikova V.A. FOREIGN EXPERIENCE OF MEASURES AIMED AT REDUCING ROAD TRAFFIC INJURIES ON ROADS OUTSIDE POPULATED AREAS……131

Criminal Law Sciences

Balashova A.A. PROBLEMATIC ISSUES ARISING DURING INTERROGATION VIA VIDEOCONFERENCE……..139

Bondar' E.A., Volchkova A.A. ANALYSIS OF THE WAYS OF COMMITTING CRIMES RELATED TO VALUE ADDED TAX IN THE PRACTICE OF TAX AND LAW ENFORCEMENT AGENCIES.……..……...147

Jalilov F.M. CRIMINAL PROSECUTION AS A FUNCTION OF THE PROSECUTOR AT THE STAGE OF PREPARING THE CASE FOR TRIAL…157

Kapustina L.S., Semenov V.R. ENSURING THE LEGALITY OF INVESTIGATIVE ACTIONS AS A GUARANTEE OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS.....165

Kuznetsov D.Y. CONCEPTUAL FOUNDATIONS FOR THE FORMATION OF RUSSIA'S CRIMINAL POLICY TO COMBAT JUVENILE DELINQUENCY..…….....173

Kutuev E.K., Ismagilov R.A. THE USE OF VIDEOCONFERENCING IN CRIMINAL COURT PROCEEDINGS: ADVANTAGES, PROCEDURAL PROBLEMS, WAYS OFIMPROVEMENT…..……....181

Malakhova A.E. BRINGING A PERSON AS AN ACCUSED PERSON – A VESTIGE OF ACCUSATORY ACTIVITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS RUSSIAN FEDERATION.....188

Muraviov K.V., Abramova L.L., Oleinic V.V. DEADLINES FOR REVIEWING REPORTS OF CRIMES: PROBLEMS OF REGULATION AND LAW ENFORCEMENT.....196

Podchernyaev A.N., Kodzov T.N. SOME ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW RULES ENSURING ROAD SAFETY IN MODERN RUSSIA…...207

Sibilkova A.V., Badikov D.A. IMPROVING THE STAFFING OF FORENSIC UNITS IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA……216

Sokol Y.V., Titova K.A. ON THE ISSUE OF THE EFFECTIVENESS OF THE ACTIVITIES OF MAGISTRATE JUDGES…….....….226

Suchkov A.I. TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS AND TACTICS OF INITIAL INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE INVESTIGATION OF PROVOKED ROAD ACCIDENTS..……...…....235

Tarsheva M.N., Matrosova L.D. PROBLEMATIC ISSUES OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGY…….……....242

Tishutina I.V., Kononov P.A. ON CERTAIN ASPECTS OF THE STUDY OF TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS ARISING DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST TRAFFIC SAFETY AND TRANSPORT OPERATION (EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)…..……...……...…250

Tohirzoda O.T. STATE RESPONSIBILITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF CRIMINAL PROCEEDINGS OF PRIVATE PROSECUTION…..……..……..……...259

Farafonova O.A. USING OF VIDEO CONFERENCING IN CRIMINAL PROCEEDINGS……...…….……....268

Shurukhnov N.G. INVESTIGATION OF THE CIRCUMSTANCES OF A CRIMINAL CASE –PRINCIPLE OF INVESTIGATOR'S ACTIVITY: SCIENTIFIC APPROACH OF PROFESSOR ANATOLY PETROVICH GULYAEV.....276

Information for authors …….…..284

Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья
УДК 340.12

ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРАВОПОНИМАНИЮ В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Астрахан Владимир Иванович
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, Орел, Россия

vianostra@mail.ru

Аннотация. Различие подходов к интерпретации структуры и содержания цивилизационного процесса, в том числе в сфере развития правовой действительности, коренится как в неоднозначности самого процесса, так и в традиционной ангажированности ведущих научных школ той или иной парадигмой социальной истории, а в отношении возникновения и развития права – той или иной концепцией правопонимания. Более того, сам концепт «социальная история» с некоторых пор противопоставляется не только концепту «естественная история», но и (особенно после восхождения звезды современной этнологии) концепту «этническая история». На основе обоснования содержательной взаимосвязанности (и даже взаимообусловленности) социальной и этнической истории в статье предлагается авторский подход к пониманию генезиса и развития права.

Ключевые слова: социальная история, этническая история, право, правовая система, фазы этногенеза.

Для цитирования: Астрахан В. И. Возможные подходы к правопониманию в контексте соотношения социальной и этнической истории // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 13–20.

POSSIBLE APPROACHES TO UNDERSTANDING LAW IN THE CONTEXT OF THE RELATIONSHIP BETWEEN SOCIAL AND ETHNIC HISTORY

Vladimir I. Astrakhan
Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel, Russia

vianostra@mail.ru

Annotation. The difference in approaches to interpreting the structure and content of the civilization process, including in the sphere of development of legal reality, is rooted both in the ambiguity of the process itself and in the traditional commitment of leading scientific schools to one or another paradigm of social history, and in relation to the emergence and development of law - to one or another concept of legal understanding. Moreover, the concept of "social history" itself has for some time been contrasted not only with the concept of "natural history", but also (especially after the rise of the star of modern ethnology) - with the concept of "ethnic history". Based on the substantiation of the substantive interconnection (and even interdependence) of social and ethnic history, the article proposes the author's approach to understanding the genesis and development of law.

Keywords: social history, ethnic history, law, legal system, phases of ethnogenesis.
For citation: Astrakhan V. I. Possible approaches to understanding law in the context of the relationship between social and ethnic history // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 13–20.

Теорий происхождения права, равно как и концепций правопонимания, достаточно. Иногда они совпадают содержательно (скажем, в рамках теории общественного договора или теории насилия), порой дополняют друг друга (историко-материалистическая теория), а то и во многом противоречат друг другу (психологическая теория). Но в одном сходятся представители всех концепций: право – социальное явление, то есть порождение социума, следовательно, оно – функция социальной истории.

Социальную историю принято отсчитывать с условного момента возникновения государственности, более ранние периоды называют доисторическими. Это представляется не совсем верным, причём с многих позиций. Во-первых, государство – вершина социального оформления общества, т. е. это определённый, далеко не первый этап социальной истории. Во-вторых, отражённость социальной истории в нарративах (культовые сооружения, захоронения, даже начала письменности) уходит корнями далеко в догосударственную эпоху. В-третьих, родоплеменная организация – это уже история, причём история становления и развития социальных отношений. Аргументацию можно продолжить, но в этом нет особой необходимости.

Итак, государство и право – социальные явления. Что предшествовало чему – вопрос праздный. Логика понятна: поскольку право как универсальный социальный регулятор творится государством, то оно исторически вторично. Вместе с тем масштабность исторического времени позволяет считать государство и право «ровесниками» в рамках исторического процесса. Оба они – порождения социальной истории на определённой её стадии.

Но применительно к человечеству используется не только термин «социальная история». Можно, конечно, отграничить от социальной истории такие её направления, как история культуры, политическая история, экономическая история, история науки и техники… Но это будет искусственное отграничение. По сути, всё перечисленное должно быть включено (и, как правило, включается) в предмет социальной истории. Исключение, пожалуй, составляет только история этническая, или история возникновения и развития этносов, а главное – этнических контактов. Теперь об этом подробнее.

Начнём с источника дискуссии, одного из самых противоречивых научных произведений XX века – монографии «Этногенез и биосфера Земли». Согласно её автору, Л. Н. Гумилёву, этнический контакт – это «процесс взаимодействия двух и более этнических систем одного или нескольких рангов этнической иерархии» [1, с. 548]. Функцией этнических контактов является этническая история, соотнесение которой с социальной историей – вопрос дискуссионный, но разрешимый.

Начать, скорее всего, следует со сравнительного анализа понятий «этносфера» и «социосфера».

Социосфера понимается как человечество (общество), а также освоенная человеком природная среда; т. е. социосфера – это часть географической оболочки [2] (кстати, сам термин введён географом Э. Нефом).

Л. Н. Гумилёв дефинирует этносферу как «земную оболочку, представляющую собой мозаичную в этническом отношении антропосферу, слагающуюся из всей совокупности этноценозов Земли» [1, с. 549].

Интересен тот факт, что последователи междисциплинарного подхода к пониманию социосферы построили иерархию сфер (уровней) развития общества следующим образом: биосфера – этносфера – социосфера – психосфера – антропосфера [3]. При этом далеко не все земные социальные общности могут выйти на уровень психосферы и тем более антропосферы. И, напротив, есть общности, опередившие общецивилизационный процесс и достигшие прежде других высшего уровня развития.

Согласимся, что формулировка Гумилёва более «общесоциальна» и гуманистична. Ведь антропос – уже человек, а значит, социальное существо. И, бесспорно, субъект психосферы. Об этносфере и речи не идёт, тем более о биосфере. Используемое в дефиниции Гумилёва понятие «мозаичность» разделяет человечество (антропосферу) только по этническому критерию, а также по критерию совпадения (несовпадения) фаз различных этногенезов в общем потоке времени. Что касается структуры этногенеза, то она одинакова для всех этносов. Этногенез носит характер естественного процесса, а сменяемость его фаз зависит от усреднённого уровня пассионарности.

Общность структуры всех этногенезов и есть объединяющий фактор, который либо не учитывается, либо игнорируется ранее упомянутыми социологами.

Сам Л. Н. Гумилёв, выдвигая и обосновывая тезис «этнос – не общество» [1, с. 46–48], вместе с тем утверждает, что сопоставимость природных процессов (в данном случае – этногенезов и этнических контактов) с историческими событиями (социальной историей) очевидна [1, с. 37]. Это, конечно, не означает, что понятия «этническая история» и «социальная история» синонимичны, но если интерпретировать их через понятия «исторические события», «исторические источники», «историческая судьба» и т. п., то с известной долей уверенности этническую историю можно поместить между этнологией и социальной историей, естественно, ближе к последней.

Что касается понятия «историческая судьба», то именно его содержательный объём предполагает дихотомическое деление на этническую историю и социальную историю. Видообразующий признак здесь – история. Возникающее в психологии суперэтноса ощущение общности исторической судьбы «снимает» кажущееся противоречие.

Приведём аргументы в пользу этого тезиса. Кто станет сомневаться в том, например, что возникновение эллинистического мира было результатом контакта на суперэтническом уровне? В результате контакта романского и нарождающегося христианского суперэтносов возросла Византия, а потом и Христианский мир. Латинская Америка как социокультурная общность – следствие такого же (по масштабу) контакта. Наконец, формирование великорусской общности – это функция контакта восточнославянского, тюркского и угрофинского суперэтносов. Разве последствия перечисленных контактов на суперэтническом уровне не являются отправными точками значимых этапов социальной истории?

Л. Н. Гумилёв результат контакта называет «смешением». Именно здесь необходимо отграничить природное от социального, вернее – от социокультурного.

Природный аспект этнического контакта может рассматриваться в двух вариантах:

1) создание этнического субстрата, компоненты которого при наличии пассионарного толчка интегрируются в новый этнос;

2) сосуществование контактирующих этносов в одной экологической нише в форме симбиоза, ксении или химеры. И в том и в другом случае ведущая роль отводится подсознательному – положительной или отрицательной комплиментарности (симпатии или антипатии по отношению к «чужим»), наличии или отсутствии ностальгии (так Гумилёв определяет ощущение несовместимости с иным этническим полем), пассионарному импульсу поведения и т. п.

Таким образом, природный аспект этнического контакта выражается концептом «интерференция вибраций этнических полей» [1, с. 548], далеко не научно-историческим, но явно отражающим биологическое в социальной истории. Что касается межэтнических контактов в их социокультурном плане, то они весьма затруднены несовпадением фаз этногенезов. «Поднимающийся» этнос ещё не готов ко взаимообогащающему контакту с этносом, находящимся в инерционной фазе, он «моложе», и его поведенческий стереотип может в корне противоречить стереотипу контрагента. Так, убийство древнерусскими князьями монгольских послов напрочь разрушило возможность «партнёрских» отношений с монголами (различные фазы этногенеза), но в очередной раз продемонстрировало единство с половцами (совпадение фаз).

Совпадение фаз этногенеза у различных соседствующих этносов (или выравнивание уровней пассионарного напряжения при смешении) ведёт к формированию суперэтноса. Так возникли Китай (как цивилизация), эллинистическая цивилизация, *Pax Romana*, византийский и славянский суперэтносы, христианский мир, исламская цивилизация, новоевропейская цивилизация. Создание суперэтносов неизбежно приводило к активизации культурного обмена, взаимопередаче культурных традиций и, как следствие, к формированию упомянутого ранее ощущения общности исторической судьбы (вспомним: «…соединённые общей судьбой на своей земле…»). Поток этнической истории (межэтнические контакты) сливался с потоком социальной истории (естественно, в её широком понимании – как истории больших человеческих сообществ).

Нас же интересует социокультурный аспект этнического контакта в контексте возникновения и развития права. Он раскрывается через используемые Л. Н. Гумилёвым понятия «традиция культуры» и «история культуры». Если история культуры – это «коллективная память этносов о своих культурных традициях», то последние могут передаваться «по ходу времени от этноса к этносу» [1, с. 546]. Здесь уместно вспомнить такое явление, как рецепция римского права. Взаимодействуя с нарождающимися этносами эпохи Средневековья, умирающий римский суперэтнос передал им, в числе прочего, традицию правопонимания и построения моделей, которые впоследствии назовут национальными правовыми системами. Подобное случилось в ходе контакта китайцев с монголами в результате завоевания Китая Чингисханом, а также в рамках контакта на суперэтническом уровне «Византия – Русь» [4]. Таким образом, право может возникнуть не только из внутренних интенций этноса, но и как результат «смешения», характерного для этнических контактов. То же можно сказать и о передаче традиций государственности (например, Иван III, создавая централизованное государство, некоторые черты структуры и функционирования государственного аппарата заимствовал у многолетнего «контактёра» – Золотой Орды).

Это и есть социокультурный аспект этнического контакта, вернее, даже не аспект, а условие (фактор) взаимопроникновения культур, которое, вне всяких сомнений, являет собой значимый сегмент социальной истории. Вспомним о правовой культуре и её субстанциональной основе – правовом менталитете. Как он формируется и на какой стадии этногенеза – вопрос особый.

Так, в момент пассионарного толчка (пусковой момент этногенеза), равно и в последующей фазе пассионарного подъёма, государство и право возникнуть не могут, впрочем как и другие сложные социальные институты. На фоне демографического взрыва и господства императива «Мы хотим быть великими!» становящемуся этносу не до создания системы политической власти или каких-то устойчивых общеобязательных социальных регуляторов. Содержание этой фазы – всеобщее стремительное движение (как правило, в пространстве) с вектором, прямо противоположным вектору инстинкта самосохранения. Социальная история начала

течение своё, но вне оформляющих социальных структур. Вместе с тем традиции уже сформированы, а это начало отсчёта «регулятивного менталитета». Биологическое ещё не уступает первенства социальному, но последнее пробивает себе дорогу через «энергетические бури» в виде тех же этнических доминант поведения, которые сами по себе уже правила, а следовательно, предтеча права.

В акматической фазе этногенеза, характеризующейся высшим уровнем пассионарного напряжения и господством императива «Будь самим собой!», также трудно надеяться на доминирование социальных механизмов. Социальная история продолжает длиться (тем более в этой фазе в недрах этноса возникает множество консорций, порождающих общественные формы), но она ещё вторична, как бы атрибутивна. На этом вторичном фоне (именно в рамках консорций) возникающие учения привносят в бурлящий этнос зачатки этических норм, которые, переплавляясь и трансформируясь, всё же выживают порой, давая начало вновь формирующемуся правовому менталитету. Классический пример: этика раннего христианства, проникшая в Рим, когда римский суперэтнос переходил из акматической фазы в фазу надлома. Чем это завершилось – общеизвестно.

Но только после надлома, в инерционной фазе этногенеза, когда уровень пассионарности этноса резко снижается, неконтролируемость движения уступает место опасливому торможению, и социальное постепенно начинает доминировать над природно-подсознательным. Эта фаза этногенеза вызывает к жизни лавинообразное формирование социальных институтов, восполняющих недостаток пассионарности и связанной с ней природной выживаемости. Но энергетический потенциал ещё достаточно высок. Он подпитывает силы и возможности сформировавшейся государственности. Инерционная фаза может длиться столетия, у неё есть внутренняя периодизация. В начальный период государство либо ведёт успешную завоевательную политику, либо успешно отстаивает свои позиции на политической карте региона. А далее, по мере истечения пассионарности этноса, вынуждено либо примкнуть к новому лидеру (влиться в более энергетический пассионарный поток) на правах младшего партнёра, либо утратить признаки суверенитета и принять полную или частичную зависимость от него.

Но инерционная фаза характерна и формированием так называемых «скреп» – социокультурных явлений, подменяющих собой былое буйство пассионарности. Именно в этой фазе разные этногенезы порождают такие, например, феномены: древнекитайское конфуцианство (которое легло в основу соответствующей правовой системы); буддизм в Древней Индии (то же самое); высокая классика античной философии (в том числе философия права); расцвет римской юриспруденции в период ранней империи… Что касается Киевской Руси, то именно в инерционной фазе этногенеза восточнославянской общности, на пике становления древнерусской государственности, из племенных традиций и первоначальных религиозных норм, из византийских прообразов возникает национальная правовая система, формально отражённая в Русской Правде Ярослава Мудрого. А века спустя именно в инерционной фазе нового этногенеза – великорусского, или российского, – под руководством М. М. Сперанского была осуществлена беспрецедентная кодификация российского права.

Здесь уместно соотнести этногенез с локальной цивилизацией. О. Шпенглер и А. Тойнби говорили о цивилизациях-организмах [5; 6] (это ли не синоним этноса?). Цивилизации возникают и развиваются, определяется их роль и место в общецивилизационном потоке. Великая держава – это не только государство с его социальным, техногенным и природно-ресурсным потенциалом. Это, прежде всего, система власти, оформляющая этногенез на определённой стадии его жизни. Но это, так сказать, «положительная обратная связь», поскольку государство, как и другие социальные институты (включая социокультурные феномены), возникают в рамках определённых фаз этногенеза и предполагают определённый уровень пассионарной

напряженности. К слову, концепция осевого времени К. Ясперса [7] в этом смысле несколько противоречива. Во-первых, период в 600 лет слишком велик для выведения закономерностей даже общецивилизационного потока. Во-вторых, эта концепция потребовала выделения так называемых доосевых цивилизаций, что разрывает непрерывность эволюции мир-системы. Эти противоречия «снимаются» в рамках цивилизационнного подхода только теорией этногенеза. «Центры» осевого времени, скорее всего, следует рассматривать в контексте определённых фаз (а именно инерционных) конкретных этногенезов.

Однако для любого этноса и суперэтноса, по Л. Н. Гумилёву, за инерционной фазой следует фаза обскурации («сумерки этноса»), характеризующаяся снижением пассионарности ниже уровня гомеостаза. Это сопровождается либо исчезновением этноса как системы, либо превращением его в реликт. В этой фазе рушатся культурные традиции, распадаются устоявшиеся связи, укрепляется новая, конформистская доминанта поведения – «будь таким, как мы». Как писал Гумилёв, «трудолюбие подвергается осмеянию, интеллектуалы вызывают ярость... Ценятся не способности, а их отсутствие, не твёрдые убеждения, а беспринципность» [1]. Время творцов и пророков сменяется безвременьем «деловых людей» и честолюбцев. Примеры: Римская империя после Александра Севера; Персидская империя после Ксеркса; Киевская Русь после Мстислава Великого; Золотая Орда после хана Бердибека…

Полное исчезновение этноса (суперэтноса) – явление в истории достаточно редкое, особенно после падения эллино-римской цивилизации. Как правило, этнос либо «откалывается» от умирающего суперэтноса и включается в формирование нового суперэтноса (например, отпадение Руси от западноевропейского суперэтноса в XIII–XV вв.), либо переходит в мемориальную фазу, либо превращается в реликт (баски, исландцы, ирокезы, феллахи и др.).

В фазе обскурации с правовой системой происходит то же, что и с политическим режимом. Это переход от реформ через консерватизм к реакции. Если предположить, что советский период отечественной истории был гипертрофированно коротким временем жизни «советского (социалистического) суперэтноса», то 1960-е – 1980-е гг. и составили фазу обскурации этого этногенеза.

В эти годы, с одной стороны, в сфере юридической практики устанавливается и усиливается уголовная и административная ответственность за отдельные виды правонарушений (например, хулиганство, мелкие хищения государственного и общественного имущества), смертная казнь как санкция распространяется на новые составы преступлений (спекуляция валютными ценностями или ценными бумагами; хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах; в отношении особо опасных рецидивистов и лиц, осуждённых за тяжкие преступления; посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника; угон воздушного судна).

С другой стороны, в сфере правовой идеологии (конкретнее – юридической науки) усилились тенденции к противодействию правовому произволу. Это выразилось в разработке либертарно-юридической теории государства и права (наш аспект – либертарно-юридическая концепция правопонимания), основывающейся на различении права и закона [8]. Содержательная разработка концепта «правовой закон», скорее всего, явилась интеллектуальным откликом пассионарной части общества на негативные социально-политические процессы, характерные для фазы обскурации. Возможно, так возникают новые консорции, вызывающие к жизни формирование новых этносов, а в перспективе (как знать?) – и суперэтносов.

Что касается мемориальной фазы этногенеза, то в её пределах существование этносов поддерживается как внешними, так и внутренними обстоятельствами. Среди внешних следует выделить такие общецивилизационные факторы, как

макроэкономика, геополитика, геоинтеграция, формирование информационного общества, межкультурный диалог, становление глобального гражданского общества. Внутренние условия – это, прежде всего, национальные культурные традиции (или традиционные духовные ценности), среди которых сложившийся правовой менталитет и оформившееся общественное правосознание занимают далеко не последнее место.

Таким образом, и генезис права, и процесс его развития могут быть интерпретированы сквозь призму соотношения социальной и этнической истории. Результаты подобной интерпретации приводят к следующим выводам.

1. Устойчивая парадигма «социальная история начинается с образования государств», бесспорно, обоснована. Но есть «предгосударственный период», достаточно протяжённый во времени, когда и ландшафт освоен, и отличие от «других» определено, и социальная структура более или менее устоялась, и система хозяйствования обрела зримые черты, и – наконец – осмыслена общность исторической судьбы… Это уже этнос, причём этнос «осоциальненный». Этногенез (как смена уровней пассионарной напряжённости) и социальная история (как процесс развития социальных институтов) тесно переплетаются, взаимообусловливают друг друга и взаимозависят друг от друга.

2. С позиций этнической истории возникновение права как национальной правовой системы можно увязать с инерционной фазой этногенеза (в рамках которой массово возникают социокультурные «скрепы», поддерживающие истекающую пассионарность этноса), тогда как правовой менталитет может закладываться значительно раньше, в акматической фазе (фазе высшего пассионарного напряжения), но, как правило, при наличии активных контактов на этническом и суперэтническом уровнях.

3. Юридическая практика содержательно и по формам осуществления также тесно связана с уровнем пассионарной напряжённости, характерным для конкретных фаз этногенеза. Обычное право племён, зарождающееся в фазе пассионарного подъёма, реализуется в акматической фазе в нарочито жестоких и брутальных формах (правотворческий произвол, преимущественно инквизиционная форма процесса, публичные пытки и казни, принцип талиона, право сеньора и т. п.). В инерционной же фазе, по мере кристаллизации правовых систем, правотворчество обретает более цивилизованные формы, а процесс, возвращаясь к изначальной состязательности, «обрастает» такими либеральными институтами, как презумпция невиновности, адвокатура, суд присяжных и др. Что касается фазы обскурации («сумерки этноса»), то ей вообще присущ обскурантизм в государственной политике, в том числе политике правовой (расширение сферы криминализации, ужесточение уголовной репрессии и пр.).

4. Развитие правовой идеологии (появление теорий происхождения права, концепций правопонимания, методологических систем толкования права) характерно для инерционной фазы этногенеза, причём на её заключительных стадиях («золотой век» юриспруденции). А по мере перехода этноса в фазу обскурации в лице носителей правовой идеологии от науки (учёных-правоведов) могут возникать консорции (в современной транскрипции – институты гражданского общества), предлагающие новые модели правопонимания и тем самым активно выступающие за сохранение позитивного опыта правотворчества и правоприменения.

В заключение можно выразить универсальное сомнение в абсолютной истинности приведённых автором соображений и аргументов. Истина, как известно, всегда относительна…

---

1. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. 510 с.

2. Терентьева В. И. Три кита – три фактора развития социосферы, выделенные психологическим знанием // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2013. № 6. С. 2.
3. Гуц А. К., Коробицын В. В. Социальные системы. Формализация и компьютерное моделирование. Омск, 2000. 159 с.
4. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: «АСТ МОСКВА». 2008. 665 с.
5. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993.
6. Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник / Перевод с английского Е. Д. Жаркова. Москва: Рольф, 2001. 640 с.
7. Ясперс К. Смысл и назначение истории. 2-е изд. М., 1994. 527 с.
8. Нерсесянц В. С. Различение и соотношение права и закона как междисциплинарная проблема // Вопросы философии права. Под ред. Д. А. Керимова. М. 1973. 835 с.

1. Gumilev L. N. E`tnogenez i biosfera Zemli. M.: AST: AST MOSKVA, 2007. 510 s.
2. Terent`eva V. I. Tri kita – tri faktora razvitiya sociosfery`, vy`delenny`e psixologicheskim znaniem // Vestnik Vostochno-Sibirskoj otkry`toj akademii. 2013. № 6. P. 2.
3. Gucz A. K., Korobicyn V. V. Social`ny`e sistemy`. Formalizaciya i komp`yuternoe modelirovanie. Omsk, 2000. 159 s.
4. Gumilev L. N. Drevnyaya Rus` i Velikaya Step`. M.: «AST MOSKVA». 2008. 665 s.
5. Shpengler O. Zakat Evropy`. Ocherki morfologii mirovoj istorii. M., 1993.
6. Tojnbi A. Dzh. Postizhenie istorii: Sbornik / Perevod s anglijskogo E. D. Zharkova. Moskva: Rol`f, 2001. 640 s.
7. Yaspers K. Smy`sl i naznachenie istorii. 2-e izd. M., 1994. 527 s.
8. Nersesyancz V. S. Razlichenie i sootnoshenie prava i zakona kak mezhdisciplinarnaya problema // Voprosy` filosofii prava. Pod red. D. A. Kerimova. M. 1973. 835 s.

Информация об авторе

Владимир Иванович Астрахан. Заведующий кафедрой национальной безопасности. Доктор исторических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева».
302026, Россия, г. Орел, ул. Комсомольская, 95.

Information about the author

Vladimir I. Astrakhan. Head of the Department of National Security. Doctor of Historical Sciences, Associate Professor.
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Oryol State University named after I.S. Turgenev".
302026, Russia, Oryol, Komsomolskaya st., 95.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted November 10, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 323.2

ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Булгакова Виктория Руслановна
Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

vikaimamova@mail.ru

Аннотация. В статье затрагиваются основные аспекты проводимой государственно-конфессиональной политики Российской империи применительно к еврейскому населению во второй половине XIX века. Исследуется численная составляющая иудеев, исходя из их возраста и гендерных признаков. Анализируется основной нормативный правовой акт данного периода – Свод законов Российской империи. Рассматривается правовой статус евреев с точки зрения двух важных составляющих их жизнедеятельности – социально-экономической и духовной. Отмечается, что в отношении иудеев устанавливались черта оседлости, квоты на образование, дополнительные налоги и сборы, что выделяет их среди другого иноверного населения Российской империи. Делается вывод о том, что политика государства в отношении еврейского населения в анализируемый период, нося ограничительный характер, была направлена на его христианизацию и русификацию.

Ключевые слова: евреи, Российская империя, политика, правовой статус, иудеи.

Для цитирования: Булгакова В. Р. Положение еврейских общин в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX в. // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 21–28.

THE SITUATION OF JEWISH COMMUNITIES IN THE CONTEXT OF STATE-CONFESSIONAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Victoria R. Bulgakova
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

vikaimamova@mail.ru

Annotation. The article touches upon the main aspects of the state-confessional policy of the Russian Empire in relation to the Jewish population in the second half of the 19th century. The numerical component of Jews is examined based on their age and gender characteristics. The main normative legal act of this period - the Code of Laws of the Russian Empire - is analyzed. The legal status of Jews is considered from the point of view of two important components of their life - socio-economic and spiritual. It is noted that the Pale of Settlement, education quotas, additional taxes and fees were established for Jews, which distinguishes them from other non-believers of the Russian Empire. It is concluded that the state policy towards the Jewish population in the analyzed period, being restrictive, was aimed at its Christianization and Russification.

Keywords: Jews, Russian Empire, politics, legal status, Judeans.

For citation: Bulgakova V.R. The situation of jewish communities in the context of state-confessional policy of the Russian empire in the second half of the XIX century // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 21–28.

Понимание многих процессов, происходящих в современных реалиях, невозможно без изучения их генезиса. Взгляд общественности в настоящее время прикован к борьбе еврейского народа за свою идентичность. Примечательно, что «еврейский вопрос» приобрёл свою актуальность не только сейчас – положение евреев в разные исторические эпохи всегда отличалось неоднозначностью. Интересным, на наш взгляд, видится анализ положения еврейских общин в Российской империи именно во второй половине XIX века, так как в этот период наблюдается активная политика правительства, связанная с реформированием нормативной правовой базы государства, что, в свою очередь, сказалось и на правом статусе иудеев. Следует констатировать, что положение иноверного населения, к которому относились мусульмане, евреи, язычники и другие лица, не исповедующие православную веру, во второй половине XIX века в Российской империи носило ограничительный характер. Подобную тенденцию можно заметить благодаря изучению положений нормативного правового акта, регулирующего все сферы жизнедеятельности общества в рассматриваемый период. Речь идёт о Своде законов Российской империи, принятом в 1832 году, но вступившем в силу с января 1835 года.

Государственно-конфессиональная политика в отношении евреев во второй половине XIX века носила «сдерживающий» характер в первую очередь потому, что количество людей, исповедующих иудаизм, согласно переписи населения 1897 года, было достаточно большим. Так, они занимали четвёртое место после православных, мусульман, римских католиков. Всего иудеев по империи насчитывалось 5 215 805 человек[1] (2 547 144 мужчин и 2 668 661 женщина), однако сверх того необходимо учитывать население, подлежащее переписи в Финляндии, находящееся в заграничном плавании на военных судах, русские поселения в Бухаре и русских подданных в Хиве – 1 304 иудеев (1 088 мужчин и 216 женщин)[2]. В разделе XXV можно проследить деление на возрастные и гендерные группы среди иудеев. Для наглядности данные представлены ниже в таблице.

Распределение населения, исповедующего иудаизм, по возрастным группам и полу

Возраст	**Мужчины**	**Женщины**
До 1 года	84 546	80 755
От 1 до 9 лет	657 454	656 980
От 10 до19 лет	582 492	666 203
От 20 до 29 лет	428 197	445 272
От 30 до 39 лет	293 282	304 071
От 40 до 49 лет	203 540	219 642
От 50 до 59 лет	152 221	164 080
От 60 до 69 лет	96 265	89 397
От 70 до 79 лет	40 093	32 628
От 80 до 89 лет	8 112	7 522

[1] Согласно Первой всеобщей переписи населения в Российской империи проживало 125 640 021 человек [Электронный ресурс]. URL: https://www.prlib.ru/history/619019 (дата обращения: 17.05.2024).

[2] Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г., Т. 2 [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1793155/ (дата обращения: 17.05.2024).

От 90 до 99 лет	986	1 322
От 100 до 109 лет	71	145
От 110 и более лет	1	1
Неизвестного возраста	972	859

Регламентация правового статуса евреев подробно представлена в томе IX главы 2 «О евреях» Свода законов Российской империи. Думается, что его рассмотрение целесообразно осуществить благодаря выделению следующих важных блоков в зависимости от сферы жизнедеятельности.

I. Социально-экономический аспект правового статуса евреев.

II. В первую очередь необходимо указать на тот факт, что в отношении евреев, являющихся подданными России, применялись общие законы (при условии, если не было предусмотрено особых правил) (ст. 767). Каждый еврей приписывался к одному из установленных в государстве состояний, и в случае несоблюдения этого правила с ним поступали как с бродягой. Евреи должны были сохранять свою фамилию, даже несмотря на то, что могли обратиться в христианскую веру (это правило не распространялось на военных евреев). Называть еврея могли только тем именем, которое было записано в метрической книге[1].

Евреи во всех публичных актах и документах должны были использовать русский язык, а не еврейский. Документы (акты, объяснения и прочие бумаги), направляемые в суд или правительству, могли быть подписаны на еврейском языке, а в случае если еврей писать на другом языке не мог, должна была осуществляться расшифровка записи, которая заверялась надлежащим образом. Кроме того, были закреплены специальные правила, регулирующие постоянное и временное пребывание евреев в России. В соответствии с томом XIV Свода закона Российской империи, евреям было разрешено постоянно пребывать в определённых областях, включая Бессарабскую, Вильнюсскую, Витебскую, Волынскую, Екатеринославскую, Киевскую, за исключением самого города Киева и ряда других. Применительно к другим территориям устанавливалась черта оседлости – граница, за пределами которой евреям запрещалось постоянное нахождение (исключение составляли ремесленники, купцы первой гильдии и др.)[2]. Примечательно, что вид на жительство (то же, что и паспорт, в те времена [1, с. 48]) был действителен только в тех местах, где евреям разрешалось временное пребывание или постоянное жительство.

Помимо сказанного, отметим, что на евреев возлагались специальные налоги, в том числе: 1) процент с доходов, полученных от арендованной недвижимости, принадлежащей евреям; 2) процент с доходов, полученных из еврейских отраслей, таких как винопроизводство, продажа водки, пивоварство, производство стекла и другие предприятия; 3) процент с денежных капиталов, полученных евреями после смерти родственников. Эти налоги были дополнены двумя дополнительными сборами: свечным, посвящённым исключительно поддержке еврейских образовательных учреждений; и коробочным, взимаемым за убой скота и птиц на кошер (с каждой птицы и скотины), а также с продажи кошерного мяса (с каждого фунта). Говоря о таком важном аспекте социально-экономической составляющей жизнедеятельности, как образование, следует отметить, что дети евреев, как и дети лиц других вероисповеданий, могли быть приняты к обучению в общих казённых учебных

[1] Свод законов Российской империи в 16-ти томах. Т. 9 [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?window_volume_contents&volume=100011 (дата обращения: 18.05.2024).

[2] Свод законов Российской империи. в 16-ти томах. Т. 14 [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?window_volume_contents&volume=100018 (дата обращения: 18.05.2024).

заведения и частных училищах, пансионах тех мест, в которых дозволено жительство их отцам.

С начала XIX века по 17 октября 1905 г. образовательная система пережила значительный прогресс. В частности, в этот период российское правительство применило правила, позволяющие включать еврейских студентов вместе с нееврейскими коллегами в народные школы, средние учебные заведения и высшие учебные заведения. Основная цель этой инициативы заключалась в том, чтобы усилить доступ евреев к образованию, тем самым способствовать культурному усовершенствованию еврейского населения и их ассимиляции в более широкое имперское российское общество.

Изначально еврейское сообщество демонстрировало скептицизм по отношению к правительственным инициативам из-за ряда обстоятельств. Во-первых, в еврейском обществе существовала преобладающая мысль о том, что образовательные программы правительства стремились уничтожить национальное сознание и традиционное культурное наследие, приобретённое в течение веков. Эта мысль не была необоснованной, учитывая последовательный акцент правительства на агрессивные меры ассимиляции. Во-вторых, евреи сомневались в принятии «российской» системы образования в первую очередь потому, что язык и идеология, используемые в образовательном процессе, считались чужими еврейскому сообществу. Кроме того, только лишь получение образования не могло обеспечить гражданские права евреев, которые законно отвергались. Примечательно, что даже тогда, когда образование было доступно, оно не навсегда давало евреям свободу выбора своего места жительства по всей Российской империи [2, с. 37].

Однако со временем ситуация развивалась. Интеграционные процессы между евреями и имперским обществом в сочетании с внутренними еврейскими духовными движениями способствовали растущему энтузиазму для высшего образования среди еврейской молодёжи во второй половине XIX века. Поскольку образовавшаяся еврейская молодёжь воспринимала образование как ключевое средство достижения спасения и восстановления своих гражданских прав, правительство ввело интенсивные ограничения на доступ евреев к образованию. Этот шаг обоснован опасениями относительно сохранения границ этнического и религиозного представления в различных областях государства. После принятия Временных правил 3 мая 1882 г. евреям было разрешено проживать и заниматься различными видами деятельности, в том числе ремёслами и торговлей, в городских районах и назначенных местах. Такое развитие имело неоднозначные последствия.

С одной стороны, внимание еврейского населения переместилось на получение профессиональных знаний, что привело к увеличению доли еврейских студентов низших социально-экономических сословий, которые стремились получить высшее образование [3, с. 89]. С другой – серьёзный рост желающих получить высшее образование среди еврейского населения вызвал беспокойства со стороны правительства. В частности, министр образования И. Д. Делянов сообщал в 1886 году, что евреи были мотивированы получать высшее образование исключительно для того, чтобы избежать жительства в гетто и бежать от военной службы, а не потому что настоятельно желали приобрести знания. Кроме того, существовала преобладающая мысль о том, что евреи причастны к проведению беспорядков в образовательных учреждениях. Как отмечал А. И. Георгиевский, председатель научного комитета Министерства просвещения: «В многочисленных случаях в различных высших учебных заведениях первичными зачинщиками таких нарушений были еврейские студенты» [4, с. 164]. Это воспринималось как необходимость подавления студенческого энтузиазма, служащего оправданием для ограничения еврейского доступа к образованию.

В 1886 году Комитет министров признал необходимым защитить школы, в том числе и высшую, от наплыва евреев. В связи с этим Комитет принял резолюцию, позволяющую министру народного просвещения осуществлять дискрецию при реализации частных мер по ограничению приёма евреев в эти учреждения. Стоит отметить, что правила, регулирующие приём евреев в высшие учебные заведения, остались неопубликованными из-за опасений, что публичное разглашение может привести к неправильному толкованию. Вместо этого правительство стремилось достичь своей цели в виде защиты учебных заведений путём уменьшения притока еврейских лиц, используя частные министерские директивы, адаптированные к специфическим требованиям каждой местности или учреждения. Так, в частности, стали устанавливаться определённые квоты для евреев: 1) высшее образование допускалось получать в столичных учебных заведениях только трём процентам евреев, в прочих местностях Империи вне черты еврейской оседлости – пяти процентам, в районе оседлости – десяти процентам; 2) среднее образование: в столичных учебных заведениях могли получить лишь пять процентов евреев, в прочих местностях Империи вне черты еврейской оседлости – десять процентов, в районе оседлости – пятнадцать процентов [5, с. 171]. Приём евреев в средние учебные заведения, которые не предоставляли учащимся никаких прав, открывающих возможность поступить в высшие учебные заведения, допускался без всяких ограничений, как и в художественные училища, в торговые, художественно-промышленные, технические и ремесленные училища ведомства Министерства торговли и промышленности. Кроме того, отдавая детей в христианские училища, евреи обязаны были объявлять об их вере. Вступившие в училища дети евреев не принуждались к изменению их веры и не обязаны были посещать уроки, в которых преподаётся учение Христианскому закону. Так, с позитивной стороны следует отметить тот факт, что евреям предоставлялось право обучать детей своих законам веры по собственной их воле как в училищах, так и у частных учителей.

Изучая такую достаточно важную составляющую жизни евреев, как брачно-семейные отношения, отметим, что данная сфера регламентировалась в т. X Свода законов Российской империи. Примечательно, что возраст вступления в брак был одинаковым для всех конфессий [6, с. 45]: для мужского пола – 18 лет, для женского – 16 лет. Кроме того, запрещалось вступать в брак лицу, достигшему 80-летнего возраста, а также лицам безумным и сумасшедшим. В соответствии со ст. 81 (гл. 3 т. X «О браках нехристиан между собою и с Христианами») было установлено, что, если один супруг, придерживаясь еврейского закона, принимает Православную веру, а другой остаётся в первоначальной вере, но изъявит желание жить с новокрещенным, их брак не распадается. Однако принявший Крещение супруг обязан обеспечить преображение другого супруга в Православие, в то время как последнему запрещается вынуждать первого отказаться от своей новой веры посредством угроз или принуждения. В случаях, когда один супруг отказывался продолжать брак, осуществлялся развод, позволяющий противоположной стороне вступить в брак с лицом православного вероисповедания.

Помимо сказанного, следует указать и на то, что в Своде законов Российской империи устанавливалось специальное правило, согласно которому брак евреев с российскими подданными евангелического исповедания совершался на основании Устава Евангелическо-Лютеранской Церкви (ст. 87). Также в Своде Законов Российской империи было предусмотрено, что евреи, подобно другому иноверному населению, подлежат конкретным регламентам в отношении усыновлений, хотя эти положения были уточнены постановлением правительственного Сената. В частности, евреи могли проводить усыновления за пределами назначенных районов постоянного

поселения при условии, что усыновляемые соблюдают общие законы Российской империи и имеют право проживать где угодно внутри империи[1]. Подчеркнём, что еврейские общины сохраняли записи, похожие на те, которые велись у мусульман, включая метрические книги, связанные с рождением, браками, разводами и смертью. Эти записи, контролируемые Раввином, содержали такую информацию, как:

1) осуществление обрезания младенца мужского пола и наречение имени младенца женского пола вместе с датами рождения и родительской информацией;

2) документация о браке и разводе, содержащая имена, возраст, обстоятельства, данные свидетелей;

3) похоронные записи, подробно описывающие имя, возраст, причину смерти и статус умершего.

Независимо от метрических книг Раввины имели у себя частные книги или тетради, хранящиеся при синагоге или молитвенном доме, в которых все данные, подлежащие внесению в метрические книги, вписывались при самом совершении религиозных обрядов, на еврейском и русском языках, и не позже чем по истечении месяца они должны были быть занесены в метрические книги.

II. Духовный аспект правового статуса евреев.

Рассматривая такую неотъемлемую составляющую жизни евреев, как вероисповедание, необходимо отметить, что они могли по их желанию быть приняты в христианскую веру с разрешения министра внутренних дел, а в Кавказском крае – главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. Опасно больные и военнослужащие могли принять христианскую веру без разрешения указанных лиц. Кроме того, несовершеннолетние евреи имели право присоединиться к христианской вере без получения согласия от родителей, что отличается от правил, установленных, например, в отношении мусульман. Но прежде чем еврей пройдет через таинство Священного Крещения, он должен сначала обучиться догматам новой веры, получить свидетельство об обучении и одобрительный отзыв от местного духовного начальника.

Крещение совершалось в Церкви, а в отношении больных – допускалось крестить дома, при этом врач также удостоверял факт болезни и желание больного принять христианскую веру. Кроме того, при совершении Крещения обязательно было присутствие свидетелей. В отношении евреев было установлено ещё и дополнительное правило – рассматриваемое таинство должно обладать публичностью, осуществляться в воскресный или праздничный день, а также только в городской Церкви. Крещение в сельской Церкви или, тем более, дома запрещалось. В то же время в день, когда еврей принял Священное Крещение или в следующее за Крещением воскресенье, он должен был быть допущен к Причащению. После принятия евреями христианской веры совершалось Священное Крещение и в отношении их малолетних детей до семилетнего возраста. Если Священное Крещение принимал только один из родителей, то оно осуществлялось в отношении детей того же пола (мама – дочка, отец – сын). В случае принятия христианской веры евреи могли быть приписаны по их желанию к городским или сельским обществам, при этом они должны были выбрать род занятий в течение 9 месяцев, в противном случае их относили к числу праздношатающихся. Тем самым, правительство стремилось к христианизации иноверного населения. Также следует отметить, что в 1896 году был принят «Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных», в соответствии с которым евреи могли осуществлять общественные молебны только в черте оседлости, богослужения проводились только в молитвенных школах или синагогах [7, с. 67]. Выявление факта проведения богослужения, например в своём доме, влекло за собой уголовную ответственность. При этом строительство синагог и молитвенных школ

[1] Свод законов Российской империи в 16-ти томах. Т. 10 [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?window_volume_contents&volume=100013 (дата обращения: 19.05.2024).

допускалось только с разрешения губернского начальства [8, с. 37]. Говоря об управлении духовными делами евреев, следует отметить, что верховным органом, отвечающим за урегулирование еврейских духовных вопросов, выступала Раввинская комиссия, состоящая из председателя (Раввина) и шести членов. Примечательно, что продолжительность их срока службы не устанавливалась. Члены могли быть отстранены от занимаемой должности из-за различных обстоятельств, включая болезнь или иные законные причины. Председатель избирался ежегодно, хотя он мог оставаться в положении вне этого срока, если его деятельность считалась ценной для сообщества.

Задачи Раввинской комиссии охватывали две основные области: 1) расследование и разрешение споров, связанных с еврейскими религиозными практиками, ритуалами и деятельностью Раввинов; 2) расследование случаев, связанных с разводом, когда существует двусмысленность в применённых законах или когда возникают жалобы относительно решения Раввина. Комиссия без разрешения Министерства внутренних дел не приступала к вынесению заключений ни по какой своей сфере деятельности. В случае несогласия Министерства внутренних дел с вынесенным решением оно либо отказывало в его принятии, либо отправляло его обратно в Комиссию для нового рассмотрения. При этом дела в Раввинской Комиссии решались в коллегиальном порядке и на русском языке[1]. Данный аспект лишний раз указывает на то, что как общегражданская, так и духовная жизнь евреев подвергалась серьёзному контролю и вмешательству со стороны действующего на тот момент правительства.

Подводя итог проведённому исследованию, необходимо отметить, что положение еврейского населения в Российской империи во второй половине XIX века носило ограничительный характер вследствие того, что правительство видело угрозу со стороны достаточно распространённой по численности общины. Вмешательство в такие важные сферы жизнедеятельности, как социально-экономическая и духовная, способствовало осуществлению контроля со стороны государства и принятию мер, не позволяющих в достаточной степени реализовывать свою идентичность. Введение ограничения на свободу передвижения (черта оседлости), образовательных цензов (квота на получение образования), дополнительных налогов и сборов и многое другое в некоторых случаях способствовало реализации государственной политики, направленной на христианизацию и русификацию еврейского населения. Однако следует отметить: подобная «сдерживающая» деятельность правительства в отношении еврейских общин продлилась недолго, а именно до принятия Указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», благодаря которому была расширена сфера принципов толерантности, обеспечивались фундаментальные гражданские свободы, в том числе свобода совести, что может стать предметом дальнейших исследований.

1. Шурухнов Н. Г., Шурухнова Д. Н. Паспорт для русских подданных и иностранцев в Российской империи. Некоторые виды ответственности за нарушение «Устава о паспортахъ» // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 45–51.
2. Сафонов А. А., Наумов И. А. Ограничение прав еврейского населения Российской империи в доступе к высшему образованию в конце XIX - начале XX в // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 3. С. 36–41.
3. Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Париж, 1933. Т. 2. 344 с.
4. Георгиевский А. И. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890. 302 с.

[1] Свод законов Российской империи в 16-ти томах. Т. 11, ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?window_volume_contents&volume=100014 (дата обращения: 19.05.2024).

5. Матушанская Ю. Г. Светское и религиозное образование евреев в Российской империи // Вестник КГЭУ. 2016. № 2(30). С. 164–175.
6. Каневский А. А. Формы правового плюрализма в Российской империи (на примере расторжения брака между иудеями) // Труды Института государства и права РАН. 2017. № 3(61). С. 38–68.
7. Бушуева А. В., Карнишин В. Ю. Правовое положение евреев в Российской империи // Государство, Право, общество: проблемы взаимодействия (политология, юридические науки, история, религиоведение, социология), 2019. С. 65–68.
8. Егоров В. В. Регулирование правового положения еврейского населения Российской империи в период правления Николая II (1894-1917) // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 3(32). С. 37–41.

1. Shuruxnov N. G., Shuruxnova D. N. Pasport dlya russkix poddanny`x i inostrancev v Rossijskoj imperii. Nekotory`e vidy` otvetstvennosti za narushenie «Ustava o pasportax``» // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii im. V. V. Luk`yanova. 2024. № 2(99). S. 45–51.
2. Safonov A. A., Naumov I. A. Ogranichenie prav evrejskogo naseleniya Rossijskoj imperii v dostupe k vy`sshemu obrazovaniyu v konce XIX - nachale XX v // Grazhdanskoe obshhestvo v Rossii i za rubezhom. 2013. № 3. S. 36–41.
3. Sliozberg G. B. Dela minuvshix dnej. Zapiski russkogo evreya. Parizh, 1933. T. 2. 344 s.
4. Georgievskij A. I. Kratkij istoricheskij ocherk pravitel`stvenny`x mer i prednachertanij protiv studencheskix besporyadkov. SPb., 1890. 302 s.
5. Matushanskaya Yu. G. Svetskoe i religioznoe obrazovanie evreev v Rossijskoj imperii // Vestnik KGE`U. 2016. № 2(30). S. 164–175.
6. Kanevskij A. A. Formy` pravovogo plyuralizma v Rossijskoj imperii (na primere rastorzheniya braka mezhdu iudeyami) // Trudy` Instituta gosudarstva i prava RAN. 2017. № 3(61). S. 38–68.
7. Bushueva A. V., Karnishin V. Yu. Pravovoe polozhenie evreev v Rossijskoj imperii // Gosudarstvo, Pravo, obshhestvo: problemy` vzaimodejstviya (politologiya, yuridicheskie nauki, istoriya, religiovedenie, sociologiya), 2019. C. 65–68.
8. Egorov V. V. Regulirovanie pravovogo polozheniya evrejskogo naseleniya Rossijskoj imperii v period pravleniya Nikolaya II (1894-1917) // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2012. № 3(32). S. 37–41.

Информация об авторе

Виктория Руслановна Булгакова. Старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук.
Барнаульский юридический институт МВД России.
656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, д. 49.

Information about the author

Victoria R. Bulgakova. Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology. Candidate of Law.
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
656038, Russia, Barnaul, Chkalova st., 49.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted October 10, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 340

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГЕНЕЗИСА ОБЪЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ (X–XVIII вв.)

Гарина Оксана Вячеславовна
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

ksu@myopusmail.ru

Аннотация. В статье анализируется развитие объектов, подлежащих защите со стороны государства в период X–XVIII вв., а также субъектов, её реализовавших. В указанный период в стране отсутствовало консолидированное законодательство и объекты государственной защиты получали правовое закрепление в отдельных нормативных правовых актах. Их анализ позволил определить объекты государственной защиты, актуальные в настоящее время, и сформулировать вывод о том, что правовое отражение таких объектов было обусловлено их значением для государства и общества.

Ключевые слова: Древняя Русь, государство, защита, объект, Русское централизованное государство, Российская империя.

Для цитирования: Гарина О. В. Отдельные аспекты генезиса объектов государственной защиты (X-XVIII вв.) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 29–36.

CERTAIN ASPECTS OF THE GENESIS OF OBJECTS OF STATE PROTECTION (ANCIENT RUSSIA – RUSSIAN CENTRALIZED STATE)

Oxana V. Garina
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

ksu@myopusmail.ru

Annotation. The article analyzes the development of objects subject to protection by the state in the period of the X-XVIII centuries, as well as the subjects of its implementation. During this period, there was no consolidated legislation in the country and the objects of state protection received legal consolidation in certain regulatory legal acts. Their analysis made it possible to determine the objects of state protection that are currently relevant and formulate a conclusion that the legal reflection of such objects was due to their importance for the state and society.

Keywords: Ancient Russia, state, defense, object, Russian centralized state, Russian Empire.

For citation: Garina O. V. Certain aspects of the genesis of objects of state protection (X-XVIII centuries) // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 29–36.

Количество объектов, подлежащих государственной защите, в период Древней Руси и Российской Федерации различно. На современном этапе развития российского государства их перечень шире, но часть объектов государственной защиты, актуальных в настоящее время, сохранились с древнейших времен.

К объектам защиты со стороны государства в период Древней Руси относились:

– территория государства и расположенные на ней водные объекты;
– гражданские правоотношения;
– процессуальные правоотношения;
– общественный порядок и общественная безопасность.

Что касается обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, то указанные объекты охранялись нормами Русской правды и договорами, которые заключала Древняя Русь с другими государствами, в частности с Византией. В Русской правде в качестве объектов защиты определялась личность и собственность, что подтверждалось нормами, предусматривающими ответственность за посягательство на них. В качестве примеров следует упомянуть следующие положения, содержащиеся в памятнике права:

– причинение вреда здоровью – ст. 5 (Краткая редакция Русской правды), ст. 27 (Пространная редакция Русской правды), ст. 20 (Сокращённая редакция Русской правды).

– причинение смерти – ст. 19 (Краткая редакция Русской правды); ст. 3 (Пространная редакция Русской правды), ст. 30 (Сокращённая редакция Русской правды).

– хищение имущества – ст. 37 (Краткая редакция Русской правды), ст. 81 (Пространная редакция Русской правды), ст. 12 (Сокращённая редакция Русской правды).

Обращаем внимание, что отдельные статьи Русской правды предусматривали не только санкцию в виде штрафа, но и возмещение вреда потерпевшей стороне. В период Древней Руси судебный процесс находился в начале своего формирования, что объясняло отдельные его несовершенства в сравнении с современным. Вместе с тем уже тогда стороны имели право представлять доказательства, изобличающие виновное лицо или подтверждающие невиновность лица. В статьях памятника права нашли отражение нормы о правилах наследования имущества. Таким образом, нормы Русской правды регулировали отношения в сфере уголовного, процессуального и гражданского права. Вопросы воздержания государства от военных действий встречаются в договоре Руси и Византии 911 года [1]. В указанном документе приведено положение о желании Древней Руси установить долголетние, мирные и дружеские отношения с Византией. Примечательно, что этот договор был заключён несколько позднее, после похода Олега на Царьград. Согласно Повести временных лет, он состоялся в 911 году.

В начале X века Русь защищала интересы своих граждан, совершивших преступление за её пределами. В договоре Руси и Византии 907 года урегулированы вопросы судопроизводства и ответственности за преступление, если оно было совершено «русином». Анализируемый акт содержит нормы, касающиеся процедуры судопроизводства. Она перекликается с порядком, изложенным в Русской правде. Так, вместо термина «обида» используется «проказа»; присутствуют в процессе послухи (свидетели) и присяга; предусмотрена возможность примирения сторон путём заключения договора («урядимся»). Сословный характер ответственности прослеживается в Договоре 911 года – смертная казнь для знатного русина могла быть заменена конфискацией его имущества. Ст. 14 приведённого документа закрепляла выдачу преступника, совершившего преступление на территории Руси и скрывшегося в Византии. Внесение этого положения в международный договор защищало право потерпевшей стороны на привлечение виновного лица к ответственности. В ст. 9 документа русские пленники в Византии отпускались с обязательством уплаты выкупной суммы, которую, по мнению законодателя, им проще было собрать в пределах своего государства. При этом в ст. 11 указана конкретная сумма для выкупа

«грека-пленника – 20 золотых». В указанном акте были закреплены нормы, охранявшие собственность (ст.ст. 6, 7, 12) и регламентировавшие порядок наследования. Разъяснение последнего было необходимо, так как наследники и наследодатели могли проживать в разных государствах. Введение этого положения позволило защитить интересы наследников, живущих в Древней Руси, и не допустить присвоение имущества наследодателя из Византии местными властями.

Одним из основных объектов защиты с момента становления государства являлись торговые отношения. Нормы, их охранявшие, включались в Русскую правду и содержались в договорах Руси и Византии. Представляет интерес ст. 8 договора 911 года, которая не соответствовала «береговому праву» Европы. Включение этого положения в международный договор свидетельствовало о стремлении Древней Руси защитить морской торговый путь – русские оказывали помощь греческим купцам, терпящим бедствие на море. Отмечаем, что аналогичное обязательство не было предусмотрено для Византии и, как следствие, оно имело односторонний характер. Византия в ст. 10 договора 911 года закрепила возможность поступления на военную службу в своём государстве русских дружин для последующего принятия ими участия в военных походах на её стороне. Положения договора 911 года отчасти были скорректированы в договоре 944 года [1]. В тексте последнего документа это подтверждалось формулировками: «построити мира первого» (восстановление прежнего соглашения, существовавшего до начала военных действий), «обновити ветхий мир» (возобновление старого договора). Содержание договора Древней Руси и Византии 971 года [1] кардинально отличается от договоров 911 и 944 годов. Положения первого акта посвящены сохранению «мира и прочной дружбы» между двумя государствами. В документе не затронуты вопросы обеспечения безопасности торговых путей и личности.

Развитие гражданских отношений требовало правового их закрепления. Детализирование гражданских правоотношений отражено в нормах Псковской судной грамоты [2, с. 146], которые более полно стали защищать субъекта от нарушения его прав и законных интересов в том или ином гражданском правоотношении. Так, законодатель более подробно разъяснил положения наследственного права, форм заключения сделок.

Нормы Псковской судной грамоты регламентируют уголовные и процессуальные отношения. Само государство стало новым объектом защиты, часть норм Псковской судной грамоты предусматривала ответственность за посягательство на его интересы. Развитие защиты интересов участников процесса было выражено в появлении «сутяжников». Отмечаем, что именно в Псковской судной грамоте появляется наименование процессуального документа – «судница». Псковская судная грамота определила государство и порядок управления в нём как новый объект защиты на национальном уровне. Ранее о защите страны в её внутригосударственных актах в основном шла речь с точки зрения обеспечения внешней безопасности.

Сфера объектов защиты пополнилась новыми предметами. Это отражено в текстах Судебника 1497 года и 1550 года. В частности, появилась ответственность за посягательство на правосудие: предусматривалось наказание за ябедничество; вводились новые виды процессуальных документов – срочная, приставная, бессудная и правовая грамоты. Таким образом, именно договор 911 года, Русская правда, Псковская судная грамота определяли объекты, защитой которых ведало государство. На внутригосударственном и международном уровнях к ним относились: территория, гражданские правоотношения, судебный процесс, общественная безопасность и общественный порядок. Судебники Ивана IV и Ивана V отразили развитие законодательства в части защиты отдельных объектов. Если изначально договоры предусматривали сравнительно простые формы – устная или при свидетелях, то позднее стали предъявляться требования к письменной форме – заверение и сдача на

хранение, «пятнание» и уплата пошлины. Всё это было необходимо для защиты законных интересов участников гражданского правоотношения. В рамках судопроизводства вводился новый вид доказательств – «ссылка».

В Древней Руси и в период феодализма на территории Руси были определены основные объекты, подлежащие защите со стороны государства и получившие развитие и конкретизацию в последующие периоды развития.

На первом этапе развития российской государственности наблюдалось становление системы обеспечения безопасности. К органам государственной власти и их должностным лицам, которые были задействованы в поддержании состояния защищённости, относились глава государства, дружина, бояре и лица, осуществлявшие управление на местах. Изначально оформились два уровня органов власти и должностных лиц (центральный и местный), проводивших мероприятия по защите таких объектов, как территория государства и расположенные на ней водные объекты, порядок управления, гражданские правоотношения, процессуальные правоотношения, общественный порядок и общественная безопасность. На этапе централизованного государства было принято Соборное уложение 1649 года [3]. В сравнении с предыдущими актами количество объектов, защищаемых государством, увеличилось, что отражено в нормах указанного памятника права. Так, в сферу обеспечения общественного порядка и безопасности включалось противодействие и пресечение незаконной винокуренной деятельности. Для чего отдельно определялось, что в городах и государевых больших селах можно открыть по одному кружечному двору, «в меньших малолюдных селах кружечным дворам не быть» [4, с. 262]. Позднее в Указе от 9 сентября 1652 г. устанавливался запрет боярам и приказным людям содержать в вотчинах и по городам кабаки и кружечные дворы» [5, с. 271].

Вместе с тем обращаем внимание на то, что законодатель стремился ввести новые формы защиты общества от лиц, угрожающих его безопасности. В частности, закрепление в качестве санкции за совершение противоправного деяния тюремного заключения. Охранение процессуальных отношений прослеживается не только в более детальной регламентации судебного процесса, но и во введении ответственности за лжесвидетельство. Необходимость защиты порядка управления в государстве обусловила введение нормы, запрещающей под угрозой наказания осуществлять подлог документов. Нормы Соборного уложения свидетельствуют о признании законодателем в качестве опасного явления для государства, общества и личности мошенничества. Несмотря на то что оно выступает разновидностью хищения, уже в XVII веке было принято решение о выделении мошенничества как самостоятельного состава преступления.

Текст Грамоты «О встрече и принятии отпущенного из Москвы в Курск, по причине произошедших там болезней, животворящего креста Господня с мощами» [6, с. 161] позволяет конкретизировать, в отношении кого и чего осуществлялась защита. Это члены правящей династии и православные крестьяне, мир и тишина. Для обеспечения их защиты необходимо было одоление врагов, избавление от зол, от болезней и от вражеских действий, которые составляли угрозы безопасности государства, общественному порядку и безопасности и личности.

Соборное уложение не урегулировало вопросы наследования в полном объёме, что обусловило необходимость издания уточняющих положений о наследовании детьми, родившимися после смерти отца [7, с. 171]. Сфера брачно-семейных отношений получила правовое закрепление в Указе от 27 июня 1651 г., который предписывал в случае заключения четвёртого брака вдовой, обладавшей прожиточным поместьем, расторгнуть такой союз и передать земельное имущество «тем их мужьям, с которыми они будут разведены для того, что те вдовы утаили, что им они четвёртые мужья, а тем людям тем вдовам давать денег и хлеба на прокорм по указу» [8, с. 254].

В приведённом документе содержатся элементы, обозначающие становление будущей системы социального обеспечения со стороны государства. Передача вдове части поместья на прожиток после смерти мужа позволяла ей самой себя обеспечивать. В случае заключения четвёртого брака такой женщиной земля изымалась, но предусматривалось издание указа, по которому вдова получит финансовую помощь от государства. В торговых отношениях российские купцы находились под защитой государства. В Указе «О высылке английских купцов из России и о приезде им только в Архангельск…» [9, с. 167] приводились злоупотребления со стороны указанных лиц, указывались факты использования их документов третьими лицами, что негативно отражалась на местном купечестве. В целях исправления ситуации английским купцам было предписано торговать у «Архангельского города» и «пошлины платить по Государеву указу». Процессуальные отношения попадали под защиту со стороны государства. Указ от 4 ноября 1653 г. [10, с. 305] предусматривал запрет обвинения без суда истца и ответчика, не явившихся в суд в срок по законным причинам. В данном документе обосновывалась необходимость проведения судебного заседания в присутствии тяжущихся сторон, что свидетельствовало о существовании отдельных принципов судопроизводства – права на рассмотрение дела в суде.

В анализируемый период глава государства издавал акты, в которых объявлялось о смягчении наказания отдельным категориям преступников и о приуроченных к памятным событиям в истории российского государства. Так, 20 октября 1653 г. было объявлено о замене смертной казни для татей и разбойников на битье кнутом и отсечение у левой руки по персту с последующей ссылкой в Сибирские, Понизовые и Украйные города с женами и детьми [11, с. 301]. Глава государства издавал отдельные распоряжения об охране в период военного времени «крестьян деревень Оршенских монастырей от всяких обид и притеснений со стороны ратных людей» [12, с. 350]. Притеснение выражалось в форме разорения, грабежа, гонений или иного насилия, а санкция в документе определялась как жестокое наказание и казнь без всякой пощады. Государственная защита в период централизованного государства осуществлялась главой государства – царём, административным аппаратом – приказами и избами, их должностными лицами. В период централизации государственная защита продолжила своё развитие – была усовершенствована система органов, реализовывавших мероприятия в этом направлении; в нормах права нашли отражение способы защиты различных объектов со стороны государства. При этом перечень последних расширился за счёт появления новых предметов общественных отношений, подлежащих охранению со стороны.

Одним из важных этапов в развитии государственной защиты в России было время правления Петра I. В то время осуществлялась модернизация государственного аппарата, внедрение западных принципов управления и налоговой системы.

В период правления Петра I сфера государственной защиты увеличивалась за счёт включения в неё новых предметов и, как следствие, произошло расширение объектов, подлежащих охранению. Система местничества была упразднена в связи с изданием Акта «Об отмене местничества» 1682 г.[1] и Табеля о рангах 1722 г. [13, с. 52–78], вместо приказов были учреждены коллегии, формировались органы управления в центре, территориальных единицах и городах. Это неполный перечень преобразований Петра I. Проведение их в жизнь позволило оптимизировать государственную защиту. Система местничества с современных позиций характеризуется как коррупционная, а введение рангов должностей обновило чиновничий аппарат за счёт продвижения по службе лиц в силу их карьерного роста

[1] Соборное деяние об уничтожении местничества от 12 января 1682 г. [Электронный ресурс]. URL. https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2004/ (дата обращения: 25.07.2024).

и личностных особенностей. Несмотря на ранговость службы, она не была лишена недостатков. Полностью устранить коррупционный элемент не удалось.

Несомненно, развитием отраслевой системы управления являлось учреждение коллегий вместо приказов. Первые характеризовались однотипностью структуры и своей специализацией. Отрицательно на эффективности их деятельности сказывался коллегиальный характер принятия решений и отсутствие единоличного характера ответственности за его реализацию. Применить меры воздействия в отношении лиц, сообща принявших решение, невозможно.

В период правления Петра I наблюдалось развитие судебного процесса, что проявлялось в закреплении в Кратком изображении процессов или судебных тяжб [14] нового вида доказательств – заключения судебно-медицинской экспертизы. Её можно было использовать по отдельной категории дел и с обязательным последующим допросом сведущего лица в судебном заседании. Вместе с тем появление такого источника доказательств может свидетельствовать о развитии защиты права лица от необоснованного обвинения.

Развитие защиты сторон судопроизводства прослеживается в тексте Указа из Юстиц-коллегии в Распевную палату [15, с. 617]. Законодатель устанавливал возможность рассмотрения дела в суде при невозможности явиться на заседание одной из сторон. Так, если истец или ответчик сами не могли присутствовать при разрешении дела, то они могли прислать «на тот же указанный срок людей своих, или кому они в том верят с письменным известием». Документ предусматривал, что в случае «притворности оговорок», «волокиты дел по посылкам на поверстной указной срок» истец или ответчик будут обвинены. Таким образом, уже в начале XVIII века сформировалось положение о заочном рассмотрении дела без участия сторон или стороны. Такое судопроизводство, как изначально было определено, оказывалось проигранным для неявившегося участника.

Угрозой для правильного разрешения дела выступала волокита, с которой боролись продолжительное время. В качестве примера можем привести положения Указа из Юстиц-коллегии [16, с. 648]. В приведённом акте «притворные пронырства и ябеды пресекать и искоренять судом истины самой Божьей разбирать» было возложено на губернаторов и вице-губернаторов.

Расширение территории государства продолжало разрешаться посредством ведения военных действий в XVIII веке. Крупным «территориальным приобретением» Российской империи благодаря военной политике Петра I стал выход к Балтийскому морю. Необходимость ведения продолжительных военных действий и в новых локациях предопределила реформирование вооружённых сил. Итогом чего стало формирование регулярной армии и создание военно-морского флота. Таким образом, Петр I, разрешая территориальные вопросы, создавал внутри государства условия для успешной реализации своей политики как внутри государства, так и за его пределами.

В XVIII веке защита гражданских правоотношений стала одним из ключевых вопросов в развитии общества. В этот период происходили значительные изменения в политической, экономической и социальной сферах, что привело к возникновению новых правовых принципов и институтов. В Европе были разработаны первые конституции, которые закрепляли основные права и свободы граждан. Также были приняты законы, регулирующие отношения собственности, заключение контрактов, процедуры наследования и другие гражданские правоотношения. Для России характерно сходное развитие защиты гражданских правоотношений, но на неё оказывало влияние самодержавие, выступавшее неотъемлемой характеристикой власти. Так, в целях недопущения дробления имений, получаемых в порядке наследования, был установлен принцип майората – всё имение переходит во владение старшего сына наследодателя. Указ «О единонаследии» фактически защищал интересы старшего сына.

Что касается торговой деятельности, то она контролировалась центральными и местными властями. Так, по именному указанию Петру Милле было разрешено открыть вольный дом на Васильевском острове с предоставлением права торговать «всяким питием и табаком». Последние он должен был приобретать из Санкт-Петербургской Ратуши с запискою или у купецких людей с сообщением в Ратушу с обязательной уплатой с тех питий обыкновенных пошлин [17, с. 649]. Торговые отношения были предметом заключения международных соглашений. Так, 28 июня 1719 г. Российская империя подписала декларацию, положения которой дозволяли подданным Великобритании и Соединённых Нидерландских Штатов свободно торговать. При этом роль России заключалась пропускать и не задерживать торговые суда после проверки [18, с. 720].

Охране общественного порядка и общественной безопасности были посвящены акты, которые устанавливали запрет застраивать Неву и другие реки нечистотою [19, с. 711], выпускать на городские улицы домашний скот [20, с. 715], топить печи в избах и банях один раз в неделю [21, с. 718], нахождения на улице в указанные часы и продажи питий и товаров в позднее время [22, с. 727].

В период Российской империи субъектами, реализовавшими государственную защиту, были глава государства, органы центрального и местного управления, их должностные лица. Именно органы различного уровня подверглись значительному реформированию в имперский период российского государства. Так, на смену приказам пришли коллегии. Другим органом, который обеспечивал охрану отдельных отношений в государстве, был Правительствующий Сенат. Таким образом, систему государственной защиты в период X–XVIII вв. можно характеризовать как однобокую, ущемляющую интересы одного класса по сравнению с другим.

---

1. Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А. А. Зимин; под ред. С. В. Юшкова. М.: Гос. Изд. Юр. Л-ры, 1952. 287 с.
2. Шпаковский, Ю. Г. Псковская судная грамота / Ю. Г. Шпаковский, И. В. Потапчук // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8(48). С. 146–161.
3. Соборное Уложение 1649 года. Выверено по изданию: М.Н.Тихомиров, П.П.Епифанов. М., Изд-во Моск. ун-та, 1961.
4. Полное собрание законов Российской империи. Том 1 (1649 - 1675). № 72.
5. Полное собрание законов Российской империи. Том 1 (1649 - 1675). № 82.
6. Полное собрание законов Российской империи. Том 1 (1649 - 1675). № 2.
7. Полное собрание законов Российской империи. Том 1 (1649 - 1675). № 14.
8. Полное собрание законов Российской империи. Том 1 (1649 - 1675). № 64.
9. Полное собрание законов Российской империи. Том 1 (1649 - 1675). № 9.
10. Полное собрание законов Российской империи. Том 1 (1649 - 1675). № 109.
11. Полное собрание законов Российской империи. Том 1 (1649 - 1675). № 105.
12. Полное собрание законов Российской империи. Том 1 (1649 - 1675). № 136.
13. Законодательство периода становления абсолютизма // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М.: Юрид. литература, 1986. Т. 4.
14. Законодательство Петра I. 1696-1725 годы. М.: Зерцало, 2014.
15. Полное собрание законов Российской империи. Том 5 (1713 - 1719). № 3285.
16. Полное собрание законов Российской империи. Том 5 (1713 - 1719). № 3298.
17. Полное собрание законов Российской империи. Том 5 (1713 - 1719). № 3299.
18. Полное собрание законов Российской империи. Том 5 (1713 - 1719). № 3398.
19. Полное собрание законов Российской империи. Том 5 (1713 - 1719). № 3282.
20. Полное собрание законов Российской империи. Том 5 (1713 - 1719). № 3386.
21. Полное собрание законов Российской империи. Том 5 (1713 - 1719). № 3395.
22. Полное собрание законов Российской империи. Том 5 (1713 - 1719). № 3412.

1. Pamyatniki russkogo prava. Vy`p. 1: Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva. X–XII vv. / sost. A. A. Zimin; pod red. S. V. Yushkova. M.: Gos. Izd. Yur. L-ry`, 1952. 287 s.
2. Shpakovskij, Yu. G. Pskovskaya cudnaya gramota / Yu. G. Shpakovskij, I. V. Potapchuk // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2018. № 8(48). S. 146–161.
3. Sobornoe Ulozhenie 1649 goda. Vy`vereno po izdaniyu: M.N.Tixomirov, P.P.Epifanov. M., Izd-vo Mosk. un-ta, 1961.
4. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom 1 (1649 - 1675). № 72.
5. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom 1 (1649 - 1675). № 82.
6. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom 1 (1649 - 1675). № 2.
7. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom 1 (1649 - 1675). № 14.
8. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom 1 (1649 - 1675). № 64.
9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom 1 (1649 - 1675). № 9.
10. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom 1 (1649 - 1675). № 109.
11. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom 1 (1649 - 1675). № 105.
12. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom 1 (1649 - 1675). № 136.
13. Zakonodatel`stvo perioda stanovleniya absolyutizma // Rossijskoe zakonodatel`stvo X-XX vekov: v 9 t. M.: Yurid. literatura, 1986. T. 4.
14. Zakonodatel`stvo Petra I. 1696-1725 gody`. M.: Zerczalo, 2014.
15. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom 5 (1713 - 1719). № 3285.
16. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom 5 (1713 - 1719). № 3298.
17. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom 5 (1713 - 1719). № 3299.
18. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom 5 (1713 - 1719). № 3398.
19. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom 5 (1713 - 1719). № 3282.
20. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom 5 (1713 - 1719). № 3386.
21. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom 5 (1713 - 1719). № 3395.
22. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom 5 (1713 - 1719). № 3412.

Информация об авторе

Оксана Вячеславовна Гарина. Старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин. Кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the author

Oxana V. Garina. Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines. Candidate of Legal Sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Orel, Ignatova st., 2.

Статья поступила в редакцию 25.07.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted July 25, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья
УДК 371.24

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ НОВЫХ ПОДХОДОВ К НАНЕСЕНИЮ ДОРОЖНОЙ РАЗМЕТКИ

Афонин Вадим Вячеславович
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

vadim.afonin@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются отдельные проблемные аспекты существующей правоприменительной практики, касающейся использования и применения технических средств организации дорожного движения (дорожной разметки). Автором проводится анализ планируемых изменений в действующее законодательство и даётся правовая оценка последствий подобных изменений. Кроме того, делается вывод о том, что новеллы позволят максимально обеспечить эффективность функционирования транспортно-дорожного комплекса в России.

Ключевые слова: дорожная разметка, административная ответственность, Госавтоинспекция, технические средства.

Для цитирования: Афонин В. В. Проблемы правоприменительной практики технических средств организации дорожного движения (дорожной разметки) в России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 37–43.

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF TECHNICAL MEANS OF TRAFFIC ORGANIZATION (ROAD MARKING) IN RUSSIA

Vadim V. Afonin
Orlov Legal Institute of the Russian Ministry of Interior named after V.V. Lukyanova, Orel, Russia

vadim.afonin@mail.ru

Annotation. This article considers some problematic aspects of the existing law enforcement practice concerning the use and application of technical means of traffic organisation (road markings) and application of technical means of road traffic organisation (road markings). The author analyses the planned changes to the current legislation and provides a legal assessment of the consequences of such changes. In addition, it is concluded that the novelties will maximise the efficiency of the functioning of the transport and road complex in Russia.

Keywords: road marking, administrative responsibility, State Motor Vehicle Inspectorate, technical means.

For citation: Afonin V. V. Problems of law enforcement practice of technical means of traffic organization (road marking) in Russia // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 37–43.

Изучая проблемные вопросы практики применения технических средств организации дорожного движения (дорожной разметки) в России, необходимо более пристальное внимание уделить существующей статистике, которая в дальнейшем поможет сформировать прогноз и дать оценку эффективности использования дорожной разметки в нашей стране. Следует отметить тот факт, что основными существующими видами нарушений Правил дорожного движения, послуживших причинами дорожно-транспортных происшествий [1, с. 69], допущенных водителями ТС за 6 месяцев 2024 года, являлись несоответствие скорости конкретным условиям движения (10 931, или 21,9 %), несоблюдение очерёдности проезда (9 520 ДТП, или 19,1 % от их общего количества).

Наибольшее число погибших зафиксировано вследствие выезда на полосу встречного движения (1 655 погибших, или 32,2 % от их общего числа), несоответствия скорости конкретным условиям движения (1 462, или 28,3 %). Самой высокой тяжестью последствий характеризовались ДТП, которые произошли вследствие выезда на полосу встречного движения (16,9), нарушений правил обгона (16,3) и превышения установленной скорости движения (12,1) (см. рис. 1).

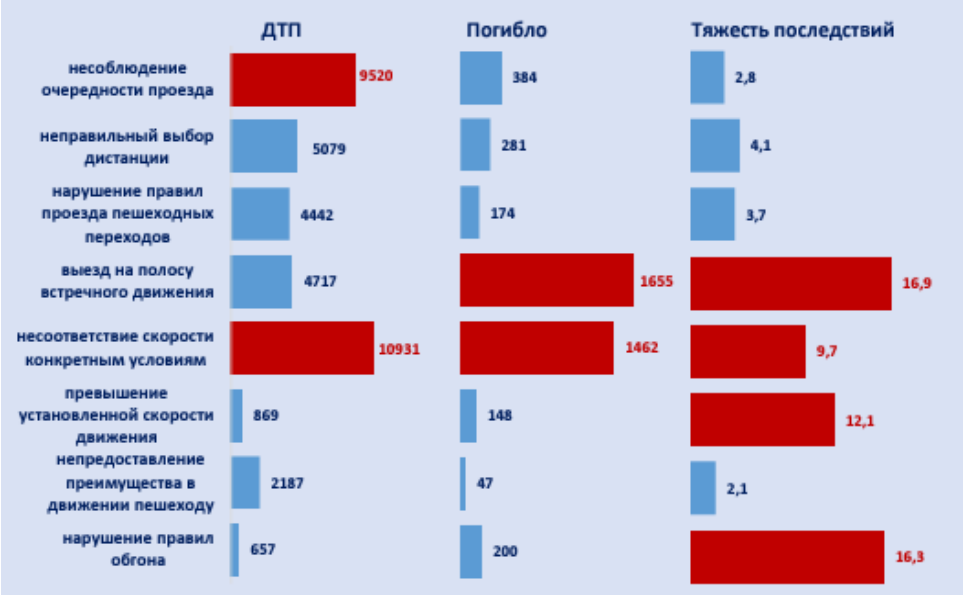

Рис. 1. Количество ДТП из-за основных видов нарушений ПДД водителями ТС, число погибших в них и тяжесть последствий ДТП

Ежегодно проводимый анализ действующих Правил дорожного движения несёт информацию о необходимости проведения реорганизации и пересмотра некоторых пунктов [3, с. 169], так как невозможно полностью охватить все юридические аспекты, которые могут иметь место на дорогах.

Имеются отдельные участники дорожного движения, которые ищут пробелы в законе, чтобы уйти от административной ответственности за совершённые ими административные правонарушения. Данными действиями они незаметно для себя помогают государству в поисках так называемых пробелов в современном законодательстве. Конечно, законодатель старается устранить пробелы в законе

не только для того, чтобы сократить число недобросовестных участников дорожного движения, но и для повышения безопасности на дорогах в целом. В ряде исследований, посвящённых данной области, проведённых различными учёными, проанализировано множество примеров данных изменений, а также установлена их историческая последовательность, что ещё раз доказывает нам, что человек стремится усовершенствовать систему дорожного движения и максимально обезопасить каждого водителя в пути. К сожалению, не всегда всё зависит от законодателя.

Многие факторы влияют на систему дорожного движения в целом. К примеру, появляются новые виды дорожной разметки, а также приводится обоснованность её применения на соответствующем участке автомобильной дороги. Однако качество и правильность её нанесения зависит не всегда от того, кто осуществляет планирование процесса организации дорожного движения на отдельно взятом участке [4, с. 70].

Данный фактор является не единственным недостатком, также необходимо контролировать износ нанесённой на дорожное полотно краски, осуществлять своевременное и качественное её обновление. Для этого определяются конкретные должностные лица, создаются организации, которые отвечают за контроль качества нанесённой дорожной разметки. К сожалению, именно данная проблема сейчас распространена повсеместно в нашем государстве.

Последние изменения и дополнения в Правила дорожного движения затронули достаточно большую часть, касающуюся дорожной разметки, уделяется отдельное внимание правилам установки видеокамер на дорогах, которые определяют необходимость нанесения соответствующей информации в виде разметки с изображением знаков фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения, где определено расстояние их нанесения: за городом не менее чем за 150–300 метров, а в населённых пунктах – за 100 метров.

Изучая отдельный региональный опыт, следует отметить, что, например, власти Москвы хотят снизить предел разрешённой скорости с 60 км/ч до 50 км/ч, ведь данный аспект уже давно действуют во многих странах Европы и СНГ, в которых определённая скорость позволяет, согласно статистике, уменьшить процент смертности в ДТП [5, с. 116], а также снизить вероятность фактов их совершения. Но тогда возникает вопрос о необходимости расширения дорожного пространства на дорогах Российской Федерации, если можно просто понизить максимальный предел скорости. Эксперты и журналисты утверждают, что данный фактор никак не сыграет на сознание участников дорожного движения, систематически нарушающих скоростной режим, ведь тогда нужно будет увеличивать штрафы, как и во всей Европе за все нарушения ПДД без исключения.

Для людей, которые грубо нарушают правила дорожного движения, рискуют своей жизнью и жизнями окружающих, должны действовать штрафы, соизмеримые с их нарушением. Ведь действующие санкции не всегда эффективны по отношению к данным нарушениям [6, с. 62]. Можно сколько угодно проводить ремонт дорог и оснащать технологиями транспортную инфраструктуру, но, если не ужесточить правила дорожного движения и наказания за их несоблюдение, снизить количество совершаемых правонарушений не удастся.

Проанализировав изменения в ПДД, необходимо отметить, что никаких предложений по внесению изменений в дорожно-транспортную разметку не вносится, хотя во многих комментариях автолюбителей можно найти проблемные вопросы, касающиеся не только качества дорожной разметки, но и её новых видов, которые до сих пор не нашли своего полного отражения в Правилах дорожного движения. Так, представители «Автодора» проинформировали водителей Российской Федерации о проведении эксперимента на автотрассах. Заключается он в следующем:

на загородных и скоростных дорогах начала появляться горизонтальная разметка, похожая на галочку или шеврон.

Основываясь на проблематике, изучаемой в рамках данной научной статьи, следует отметить, что законодательные органы государственной власти предусмотрели ответственность за несоблюдение требований дорожной разметки (ст. 12.16. КоАП РФ) «Несоблюдение требований дорожных знаков или разметки». Данный вид административных правонарушений составляет вторую по величине долю всех правонарушений в области дорожного движения, выявленных в ходе эксплуатации комплексов ФВФ (9,6 %, или более 17 млн) (рис. 2).

Рис. 2. Несоблюдение требований дорожных знаков/разметки

Большинство выявленных в ходе эксплуатации комплексов ФВФ нарушений по ст. 12.16. КоАП РФ подлежали квалификации по ч. 1 (несоблюдение требований, предписанных дорожными знаками или разметкой проезжей части дороги) – 79 %, или 14 млн. К их числу относятся, например, действия водителя, совершившего поворот направо в месте, где такой манёвр запрещён дорожным знаком, и другие. Менее десятой части (6 %, или 1,1 млн) рассматриваемого вида нарушений пришлось на поворот налево или разворот в нарушение требований дорожных знаков и разметки (ч. 2 ст. 12.16. КоАП РФ).

На несоблюдение требований дорожных знаков и разметки, запрещающих остановку и стоянку транспортных средств, пришлось 10 %, или 1,8 млн, из которых почти третья часть (29 %, или более 500 тыс.) выявлена в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, где установлены повышенные меры административной ответственности за отдельные административные правонарушения в области дорожного движения ввиду специфики дорожно-транспортной обстановки на территориях данных субъектов Российской Федерации.

Несоблюдение требований дорожных знаков, запрещающих движение грузовых транспортных средств, составило 4 % (почти 700 тыс.) от общего количества таких нарушений, из которых почти третья часть (32 %, или более 200 тыс.) выявлена в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге. На иные составы нарушения, предусмотренного ст. 12.16. КоАП РФ, суммарно пришлось менее 1 %[1].

[1] Материалы интернет-сайта Госавтоинспекции МВД России [Электронный ресурс]. URL:http://stat.gibdd.ru/ (дата обращения: 29.09.2024).

Специальные символы уже появились на ЦКАД, М-4 «Дон» в Липецкой, Воронежской и Ростовской областях. Также в эксперименте задействованы два участка М-11 «Нева» в Тверской и Ленинградской областях. Даже на только что открытой трассе «Восток» можно заметить данные галочки.

В ГК «Автодор» специалисты дали свои пояснения в части применения новых видов экспериментальной разметки, которые утверждают, что данные галочки указывают водителям на безопасную дистанцию при движении на определённом участке дороге. Так, всем известно, что безопасное расстояние высчитывается согласно формуле: скорость, поделённая на два, а рассчитывается она в метрах.

Прекрасным примером могут служить всем известные 30 метров при движении автотранспорта со скоростью 60 км/ч. Конечно, водителям очень тяжело определить невооружённым глазом нужное расстояние при движении, поэтому данная разметка может им помочь в этом. Для обозначения участка дороги с «галочками» будут созданы дорожные знаки, которые в очередной раз будут напоминать водителям о соблюдении безопасной дистанции на дорогах. Применение данной экспериментальной разметки, согласно мнению представителей Госавтоинспекции МВД России, должно снизить аварийность на скоростных трассах. Однако в средствах массовой информации есть и разногласия по поводу данных «галочек». Так, на вышеперечисленных автотрассах экспериментальная разметка наносится только на крайнюю левую полосу, что, конечно, нелогично.

Так, если по правой полосе двигается автомобиль со скоростью 60 км/ч, его можно обогнать по левой полосе, но совершенно невозможно, если автомобиль двигается по левой полосе со скоростью 60 км/ч при разрешённой 130 км/ч. Получается, что автомобиль, следующий за ним, также должен выдерживать дистанцию в 65 км/ч. Поэтому было бы правильнее наносить её на правую полосу движения.

Ввиду предстоящих внесений изменений в дорожную разметку автолюбители начали серьёзно переживать о введении новых штрафов, поскольку новейшие видеокамеры могут хорошо рассчитывать траекторию и дистанцию движения машин в соответствии с дорожной разметкой. Несмотря на этот факт, все эти опасения – это лишь слухи некомпетентных водителей.

В законодательстве не установлена конкретная дистанция в метрах, то есть без данных нововведений автолюбителей не за что привлекать к ответственности. Хотя в некоторых странах Европы всё же существуют подобные штрафы. Например, в Германии данные «галочки» наносятся на скоростных участках магистралей совместно с видеокамерами [7, с. 71], чтобы избежать штрафов, водителю необходимо выдерживать, к примеру, две «галочки» между автомобилями.

Таким образом, подводя итог проведённому анализу обозначенного в даннной научной работе вопроса, необходимо отметить, что подобные изменения являются актуальными сейчас, так как в некоторых фактах ДТП можно будет уверенно определить нарушение в соблюдении дистанции. Но при этом необходимо чётко установить границу ответственности в законодательстве.

Непосредственное изучение содержания и практического применения современных нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы функционирования дорожной разметки, дают основания полагать, что необходимо вносить изменения в действующее законодательство и разрабатывать новую нормативную систему в этой сфере. Это в значительной мере позволит максимально обеспечить эффективность функционирования транспортно-дорожного комплекса в России, повысит уровень удовлетворения потребностей экономики и населения в транспортных услугах, разделит полномочия, конкретизирует ответственность всех уровней власти по вопросам организации дорожного движения и дорожной разметки.

1. Исаев М. М. Отечественный и зарубежный опыт привлечения общественности к выявлению правонарушений в области дорожного движения // Современное состояние и перспективы обеспечения безопасности дорожного движения: теория и практика: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Орёл, 27 ноября 2020 года. Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2020. С. 68–71.
2. Афонина Е. Г. Полномочия как элемент компетенции органов внутренних дел в области предупреждения детского дорожно-транспортного травматизма // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 1(98). С. 34–41.
3. Кузминова Е. Ю. Перспективы развития административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2022. № 3. С. 168–173.
4. Щербаков А. Вдоль по встречной // Автомобильный транспорт. 2007. № 4. С. 70–72.
5. Панфилов И. А. К вопросу уплаты административных штрафов, назначенных за нарушения в сфере безопасности дорожного движения, в размере половины суммы наложенного взыскания // Административное право и процесс. 2017. № 5. С. 38–41.
6. Серебряков В. В. Актуальные вопросы перехода к балльной системе ответственности водителей за нарушение правил дорожного движения в Российской Федерации // Криминологический журнал. 2023. № 1. С. 115–119.
7. Былинин И. А. Федеральный государственный контроль (надзор) в области безопасности дорожного движения в условиях современной административно-правовой реформы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 61–70.

1. Isaev M. M. Otechestvenny`j i zarubezhny`j opy`t privlecheniya obshhestvennosti k vy`yavleniyu pravonarushenij v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Sovremennoe sostoyanie i perspektivy` obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: teoriya i praktika: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Oryol, 27 noyabrya 2020 goda. Oryol: Orlovskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii imeni V.V. Luk`yanova, 2020. S. 68–71.
2. Afonina E. G. Polnomochiya kak e`lement kompetencii organov vnutrennix del v oblasti preduprezhdeniya detskogo dorozhno-transportnogo travmatizma // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 1(98). S. 34–41.
3. Kuzminova E. Yu. Perspektivy` razvitiya administrativnoj otvetstvennosti za upravlenie transportny`m sredstvom v sostoyanii op`yaneniya // Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii. 2022. № 3. S. 168–173.
4. Shherbakov A. Vdol` po vstrechnoj // Avtomobil`ny`j transport. 2007. № 4. S. 70–72.
5. Panfilov I. A. K voprosu uplaty` administrativny`x shtrafov, naznachenny`x za narusheniya v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya, v razmere poloviny` summy` nalozhennogo vzy`skaniya // Administrativnoe pravo i process. 2017. № 5. S. 38–41.
6. Serebryakov V. V. Aktual`ny`e voprosy` perexoda k ball`noj sisteme otvetstvennosti voditelej za narushenie pravil dorozhnogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii // Kriminologicheskij zhurnal. 2023. № 1. S. 115–119.
7. By`linin I. A. Federal`ny`j gosudarstvenny`j kontrol` (nadzor) v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v usloviyax sovremennoj administrativno-pravovoj reformy` // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 2(99). S. 61–70.

Информация об авторе

Вадим Вячеславович Афонин. Доцент кафедры организации деятельности ГИБДД. Кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the author

Vadim V. Afonin. Associate Professor of the Department of Organization of Traffic Police Activities. Candidate of Law Sciences
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova st., 2.

Статья поступила в редакцию 15.10.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted October 15, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 343.1

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Белевский Роман Александрович
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

belevskiy@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления системы обеспечения информационной безопасности, а также её ключевые аспекты. Выделены проблемные вопросы, связанные с функционированием и развитием системы информационной безопасности в системе МВД России и возможные пути их решения. Для обеспечения единообразного подхода к защите информации на всех уровнях (федеральном, региональном и районном) предлагается привести организационную структуру подразделений в соответствие с законодательством. Важным направлением является развитие цифровой грамотности сотрудников органов внутренних дел, особенно в области информационной безопасности. Подчёркивается важность взаимодействия с новыми технологиями и кадровым потенциалом, а также необходимость международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью.

Ключевые слова: информационная безопасность киберугрозы, кибернападения, национальная безопасность, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, защита информации, система информационной безопасности.

Для цитирования: Белевский Р. А. Перспективы развития системы информационной безопасности в органах внутренних дел // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 44–51.

OPERATIONAL EXPERIMENT AS A TYPE OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY

Roman A. Belevsky
Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Oryol, Russia

belevskiy@gmail.com

Annotation. The article discusses the main directions of the information security system, as well as its key aspects. Problematic issues related to the functioning and development of the information security system in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia and possible ways to solve them were highlighted. To ensure a uniform approach to information protection at all levels (federal, regional and district), it is proposed to bring the organizational structure of units in line with the law. An important area is the development of digital literacy of employees of internal affairs bodies, especially in the field of information security. The importance of interacting with new technologies and human resources is emphasized, as well as the need for international cooperation in the fight against cybercrime.

Keywords: internal affairs bodies, cyber threat information security, cyber attacks, national security, digitalization, information and communication technologies, information protection, information security system.

For citation: Belevsky R. A. Prospects for the development of the information security system in the internal affairs bodies // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 44–51.

Новые технологические, информационные и общественно-политические ландшафты Российской Федерации ставят перед обществом в целом и правоохранительными органами в частности новые вызовы, связанные с проблемами информационной безопасности. Начиная с 2021 года информационная безопасность (далее – ИБ) была включена в число национальных приоритетов, впервые попав в Стратегию национальной безопасности России[1]. В этом документе обозначены ключевые угрозы в сфере ИБ:

– использование информационно-телекоммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела России;

– увеличение числа кибератак на российские информационные ресурсы;

– стремление транснациональных корпораций установить контроль над интернет-ресурсами;

– массовое распространение недостоверной информации и рост преступлений с использованием цифровых технологий [1, с. 333].

Внимание уделяется действиям отдельных государств, которые направлены на ослабление интеграционных процессов в рамках Содружества Независимых Государств и на подрыв взаимодействия России с традиционными партнёрами. В некоторых странах Россия воспринимается как потенциальная угроза, включая рассмотрение её как военного оппонента, при этом киберпространство трактуется как возможная сфера конфликтов. Возрастает риск эскалации локальных или региональных вооружённых столкновений, что может включать в себя государства, обладающие ядерным потенциалом. В этом контексте кибератаки могут выступать в качестве поводов для применения военной силы.

Производятся информационные мероприятия, направленные на создание образа России как враждебного государства. Осуществляется ограничение на использование русского языка, вводятся запреты на деятельность российских средств массовой информации и блокируется доступ к российским информационным ресурсам, включая онлайн-платформы, на территории отдельных государств. В долгосрочной перспективе позиция России в международном сообществе будет зависеть от уровня развития человеческого капитала, способности к технологическому лидерству, эффективности государственного управления и способности к переходу на современные технологические уклады. Конкурентоспособность страны обусловлена состоянием науки, инновационного сектора, промышленности, системы образования, здравоохранения и культуры, что подчёркивается в стратегии.

Вместе с тем наблюдается увеличение числа преступлений, совершаемых с применением информационно-коммуникационных технологий. Поскольку использование современных технологий в правоохранительной деятельности всё ещё находится в процессе развития, результат его применения вызывает дискуссии. С одной стороны, эволюция киберпространства имеет потенциал для решения сложных задач по предотвращению и раскрытию преступлений. С увеличением возможностей

[1] О Стратегии национальной безопасности Рос. Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации 2021. № 27 (часть II), ст. 5351

алгоритмов искусственного интеллекта модели прогнозирования процессуальной деятельности могут стать более эффективными, что позволит более целенаправленно распределять ресурсы и строить стратегии по предотвращению преступности. Однако существуют значительные этические и конфиденциальные проблемы наряду с потенциальными преимуществами использования таких технологий [1, с. 335].

Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»[1] подчеркнул значимость применения научных и технических достижений, современных технологий и информационных систем в деятельности полиции. Этот закон закрепил на законодательном уровне инновационные процессы в сфере правоохранительной деятельности и способствовал внедрению цифровых технологий в работу органов внутренних дел (далее – ОВД).

Современная деятельность ОВД тесно связана с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Активно создаются новые и модернизируются существующие информационные ресурсы, происходит централизация и стандартизация разрозненных баз данных. Это обеспечивает сотрудникам различных подразделений доступ к актуальной информации, необходимой для выполнения их функциональных обязанностей. Банки данных используются для сбора и обработки статистической и учётно-регистрационной информации, проведения оперативно-следственных мероприятий, криминалистических исследований и управления службами и подразделениями ОВД [2, с. 98].

Основные базы данных, учитывая задачи и полномочия правоохранительных органов, находятся под управлением Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) на федеральном и региональном уровнях. Для обеспечения эффективной правоохранительной деятельности требуется оперативный и надёжный доступ к информации через различные физические и логические каналы передачи данных.

Постоянное развитие технологий и их внедрение в работу ОВД диктуют необходимость создания многоуровневой системы обеспечения информационной безопасности, а также её регулярного совершенствования и модернизации.

Информация, попавшая в оборот, может принести вред её обладателю и (или) иным субъектам. Значит, задача обладателя – не допустить её распространения или передачи другим лицам в случае возникновения угрозы причинения вреда (как самому обладателю информации, так и третьим лицам). Поскольку информация как объект гражданского оборота имеет нематериальную природу, её защита отличается особенностью: без участия государства невозможно оградить её обладателя от несанкционированного доступа. Обеспечение права на защиту информации, как и других прав человека, государство осуществляет разными методами, способами и в разных формах. В последние годы в этой деятельности государство всё больше использует цифровые технологии в тандеме с правовым регулированием [3, с. 98].

МВД России придаёт особое значение защите информации, включая данные, содержащие государственную тайну и конфиденциальные сведения [4, с. 103]. Для обеспечения ИБ в ОВД реализуется комплекс мер, направленных на повышение устойчивости и защищённости информационных систем. Важным направлением этой работы является совершенствование нормативно-правовой базы, обеспечивающей регулирование вопросов ИБ. Важную роль также играет формирование научно-технической политики, которая определяет стратегию развития систем защиты информации. Особое внимание уделяется внедрению технологий и методов для предотвращения и нейтрализации потенциальных угроз. Среди приоритетных задач –

[1] О полиции: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

организация криптографической и технической защиты данных, а также предотвращение несанкционированного доступа к ресурсам ОВД.

Одним из ключевых аспектов является обеспечение информационной безопасности при взаимодействии с федеральными органами государственной власти. Для этого регулярно проводятся технические аудиты, направленные на выявление уязвимостей и оценку защищённости информационных систем. Повышение квалификации сотрудников в сфере защиты данных организуется на базе учебных заведений МВД России, что способствует поддержанию профессиональной компетентности кадров. Совершенствование материально-технической базы, включая обновление ресурсов образовательных учреждений, также остаётся важным элементом этой стратегии.

Для обеспечения информационной безопасности в структурах правопорядка проводятся разнообразные действия, объединённые в систему обеспечения этой безопасности. Этапы построения такой системы включают: установление целей, создание модели нарушителя, разработку модели угроз, анализ текущей системы, оценку рисков и решение о создании системы защиты с предложением методов защиты информации. Защита информации является важным аспектом обеспечения безопасности внутренних структур и включает меры по предотвращению утечек информации и недопустимому воздействию на неё.

Охрана информации опирается на различные методы и средства защиты. Эти подходы включают правовые, организационные, технические, программные, криптографические, этические и экономические меры. Для более подробного изучения системы информационной безопасности структур правопорядка можно выделить различные аспекты: правовой, научный, организационно-технический, технический и кадровый.

Правовой аспект включает разработку нормативных актов о защите информации в соответствии с требованиями законодателей. Также важно включать меры защиты информации в государственные программы и планы заказов для обеспечения безопасности информации. Использование государственной тайны и разграничение режимов секретности играют важную роль в защите информации.

Помимо правовых мер, необходим контроль за их исполнением. Организационные меры подразумевают контроль за методами обеспечения защиты информации и планирование соответствующих действий. Эти меры реализуются через работу с персоналом, внутренний и внешний контроль доступа, работу с данными, планирование, анализ и контроль за мерами безопасности. Сотрудники органов правопорядка несут ответственность за нарушение норм обращения с информацией и могут быть подвергнуты различным мерам наказания, включая дисциплинарные, административные и уголовные в соответствии с законодательством.

Аспект обеспечения информационной безопасности с научной точки зрения подразумевает создание научно-технической базы через планирование, проведение и внедрение результатов научных исследований и опытно-конструкторских разработок. Он ориентирован на использование передового опыта и реализацию единой научно-технической политики для развития системы безопасности. В рамках этой политики разрабатываются централизованные технические решения, обеспечивающие создание и эффективную эксплуатацию системы безопасности. Отсутствие унифицированного технического подхода к защите информации в региональных информационных системах снижает эффективность организационно-технических и экономических мер, что негативно сказывается на финансировании и внедрении средств защиты. Ограниченность финансирования в данной сфере делает возможным её развитие только на основе передовых IT-решений и стандартизированных подходов.

Организационно-технический компонент системы информационной безопасности включает оптимизацию работы подразделений, отвечающих за техническую и криптографическую защиту данных и эксплуатацию информационных ресурсов ОВД. Эти мероприятия охватывают весь жизненный цикл информационных систем – от проектирования и разработки системы доступа до распределения обязанностей при обработке данных и определения процедур выявления информационно-технических воздействий. Важным элементом является аттестация, а также поддержка системы на всех этапах эксплуатации и её вывод из эксплуатации при необходимости.

Ключевым условием надёжного функционирования системы информационной безопасности является обеспечение целостности и доступности информации. Это требует создания устойчивых конфиденциальных каналов связи, обеспечения непрерывности работы информационно-телекоммуникационных систем и наличия резервных ресурсов. Для эффективной защиты коммуникационного оборудования серверы хранения данных и рабочие станции должны размещаться в контролируемых зонах объектов ОВД.

Функционирование системы обеспечения информационной безопасности включает периодический комплексный контроль соблюдения требований нормативных правовых, нормативно-технических и методических документов в области информационной безопасности. Это также предполагает технический контроль эффективности мер защиты и улучшение взаимодействия между головными и подчинёнными подразделениями в рамках координации и методической поддержки их работы.

Материально-техническое обеспечение информационной безопасности базируется на оснащении информационных систем программными и аппаратными средствами защиты, в том числе средствами криптографической защиты. Оно также предусматривает закупку необходимого оборудования для нужд ОВД в соответствии с установленными нормами. В связи с быстрым развитием рынка информационных технологий и увеличением объёма задач по информатизации органов внутренних дел вопросы классификации и типизации средств защиты информации остаются проблемными при определении потребностей. Оптимизация процессов закупок и поставок средств защиты информации через государственную систему заказов требует утверждения типовых видов оборудования, а также технических и криптографических средств защиты. Выбор оборудования должен учитывать топологию сетей, особенности функционирования информационных систем на региональном уровне и специфику задач, выполняемых подразделениями ОВД, ответственными за защиту данных.

Для минимизации рисков, связанных с использованием зарубежного программного и аппаратного обеспечения, необходимо ускорить переход на отечественные платформы. Такой переход обеспечит большую независимость в вопросах информационной безопасности и снизит потенциальные угрозы, связанные с внешними воздействиями. Однако это сопровождается сложностями интеграции отечественных средств защиты и операционных систем в существующие информационные ресурсы ОВД. В таких условиях необходимо обеспечить максимально возможный уровень ИБ и добиться устойчивости системы. Планирование мероприятий по достижению необходимого уровня безопасности должно осуществляться поэтапно, с возможностью корректировки закупочных процессов и перехода на отечественное программное обеспечение на основании регулярного аудита ИБ.

Кадровый аспект занимает центральное место в системе обеспечения ИБ. Важной задачей является организация подготовки и повышения квалификации сотрудников ОВД, что позволяет поддерживать высокий уровень компетентности

в данной сфере [5, с. 102]. Поэтому одной из важных задач для сотрудников органов внутренних дел является развитие цифровой грамотности, поскольку каждый из них взаимодействует с информационными ресурсами ОВД в своей повседневной работе вне зависимости от своих функциональных обязанностей.

Приоритетные направления профессиональной подготовки и переподготовки определяются на основе анализа актуальных угроз, с которыми сталкиваются информационные ресурсы ОВД.

Для создания единого подхода к защите информации необходимо привести структуру подразделений ИБ на федеральном, региональном и районном уровнях в соответствие с законодательными требованиями. Такая унификация обеспечит согласованность мер и повысит эффективность защиты данных.

Распределение нагрузки на специализированные подразделения по обеспечению безопасности информации будет изменено благодаря масштабному повышению квалификации сотрудников ОВД в области обработки информации и обеспечения информационной безопасности на уровне пользователя. Особое внимание будет уделено проведению организационно-технических мероприятий по обеспечению ИБ. Таким образом, система обеспечения ИБ в ОВД функционирует взаимосвязанно и действует в цикличном и непрерывном режиме. Каждый аспект системы имеет равную важность, и её эффективность достигается развитием во всех направлениях [6, с. 80].

ИБ ОВД открывает перспективы для будущего развития в следующих направлениях:

– управление дорожным движением, включающее в себя мониторинг транспортных потоков, в том числе системы видеонаблюдения и определения параметров движения, а также управление движением на городских улицах с помощью адаптивных систем управления сетью устройств управления движением [7, с. 107];

– с увеличением информационных угроз и развитием информационных технологий органы внутренних дел МВД России должны усовершенствовать использование новейших технологий и инновационных решений для обеспечения информационной безопасности, в том числе искусственного интеллекта, машинного обучения, блокчейна и других передовых средств защиты данных;

– учитывая постоянную эволюцию информационных угроз, необходимо постоянное усиление кадрового потенциала органов внутренних дел МВД России в области кибербезопасности, включая подготовку специалистов, разработку специализированных программ и курсов, а также сотрудничество с научными учреждениями;

– в условиях глобализации и угроз информационной безопасности эффективная борьба с киберпреступностью требует международного сотрудничества. Органы внутренних дел МВД России должны активно развивать партнёрство с другими правоохранительными органами и спецслужбами для обмена информацией, совместной борьбы и лучших практик в этой области;

– повышение уровня информационной безопасности органов внутренних дел тесно связано с улучшением правового регулирования в области кибербезопасности. Необходимо разрабатывать и внедрять соответствующие законы и стандарты, которые помогут эффективно защищать информацию и права граждан;

– усиление защиты личной информации является неотъемлемым аспектом в современном информационном мире. Необходимость в инновационных решениях становится всё более важной в свете появления новых угроз безопасности [8, с. 77];

– развитие информационной безопасности требует формирования общественного осознания и признания её важности. ОВД должны активно взаимодействовать с обществом и компаниями для повышения информированности о киберугрозах, проведения образовательных мероприятий и распространения информации о методах защиты данных.

Подводя итог, следует отметить, что в современных условиях информационная безопасность правоохранительных органов Российской Федерации приобретает статус одного из приоритетных направлений государственной политики, что требует от органов внутренних дел комплексного подхода к защите информационных ресурсов. Основными угрозами для информационной безопасности выступают кибератаки, попытки внешнего вмешательства и рост числа киберпреступлений, что обусловливает необходимость усовершенствования нормативно-правового регулирования, технической инфраструктуры и кадрового потенциала.

Комплекс мер по обеспечению безопасности, включающий правовые, организационные, технические и криптографические аспекты, должен быть основан на постоянной модернизации и унификации стандартов защиты, а также на международном сотрудничестве для борьбы с киберугрозами. Таким образом, эффективность системы информационной безопасности ОВД зависит от системного взаимодействия всех уровней защиты, обновления технологий и правового сопровождения, что позволит обеспечить надёжное функционирование информационно-телекоммуникационных систем в условиях возрастания глобальных угроз.

1. Бартош А. А. Доктрина "сдерживания посредством отрицания" в современной дипломатии // Дипломатическая служба. 2021. № 4. С. 332–347.
2. Цифровые технологии в реализации конституционного права граждан на информацию / Л. Д. Матросова, О. В. Борисова, В. В. Василенко, Н. Ю. Завьялова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 98–106.
3. Матросова Л. Д. К вопросу об использовании информационных технологий в отечественном уголовном процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 4(40). С. 5–10.
4. Завгородний Е. Н. Развитие системы обеспечения информационной безопасности в органах внутренних дел // StudNet. 2021. Т. 4, № 7. 82 с.
5. Ткачева А. Ю. Аудит информационной безопасности и материально-техническое обеспечение ОВД как меры обеспечения информационной безопасности в ОВД // Успехи современной науки. 2016. Т. 2, № 10. С. 102–104.
6. Пашнин А. В. Информационное обеспечение Министерства внутренних дел Российской Федерации: характеристика и особенности // Безопасность дорожного движения. 2021. № 3. С. 79–82.
7. Новиков А. Н. Публично-правовое регулирование сферы дорожного хозяйства в Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 3(100). С. 100–108.
8. Семенов Е. Ю. Регулирование обработки персональных данных в России: юридические и технические аспекты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3(96). С. 69–77.

1. Bartosh A. A. Doktrina "sderzhivaniya posredstvom otriczaniya" v sovremennoj diplomatii // Diplomaticheskaya sluzhba. 2021. № 4. S. 332–347.
2. Cifrovy`e texnologii v realizacii konstitucionnogo prava grazhdan na informaciyu / L. D. Matrosova, O. V. Borisova, V. V. Vasilenko, N. Yu. Zav`yalova // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 2(99). S. 98–106.
3. Matrosova L. D. K voprosu ob ispol`zovanii informacionny`x texnologij v otechestvennom ugolovnom processe // Vestnik Ural`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 4(40). S. 5–10.

4. Zavgorodnij E. N. Razvitie sistemy` obespecheniya informacionnoj bezopasnosti v organax vnutrennix del // StudNet. 2021. T. 4, № 7. 82 s.
5. Tkacheva A. Yu. Audit informacionnoj bezopasnosti i material`no-texnicheskoe obespechenie OVD kak mery` obespecheniya informacionnoj bezopasnosti v OVD // Uspexi sovremennoj nauki. 2016. T. 2, № 10. S. 102–104.
6. Pashnin A. V. Informacionnoe obespechenie Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii: xarakteristika i osobennosti // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2021. № 3. S. 79–82.
7. Novikov A. N. Publichno-pravovoe regulirovanie sfery` dorozhnogo xozyajstva v Rossijskoj Federacii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 3(100). S. 100–108.
8. Semenov E. Yu. Regulirovanie obrabotki personal`ny`x danny`x v Rossii: yuridicheskie i texnicheskie aspekty` // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 3(96). S. 69–77.

Информация об авторе

Роман Александрович Белевский. Старший преподаватель кафедры информационных технологий в деятельности ОВД. Кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the author

Roman Al. Belevsky. Senior Lecturer, Department of Information Technologies in the Activities of the Department of Internal Affairs. Candidate of Law.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova st., 2.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted October 28, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 34

УПРАВЛЕНИЕ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ КОМПОНЕНТОВ БЕЗОПАСНОГО СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Гордеева Анастасия Дмитриевна
ФКУ «Научный центр БДД МВД России», Москва, Россия

agordeeva9@mvd.ru

Аннотация. В статье представлен зарубежный опыт учёта в национальных стратегических документах иностранных государств такого компонента безопасного системного подхода, как управление в области обеспечения безопасности дорожного движения. Представлены различные подходы к его формированию как на глобальном, так и на региональном и национальном уровнях. Сделаны выводы, что качество внедрения указанного компонента при проведении национальной политики в отношении повышения безопасности дорожного движения напрямую влияет на уровень дорожно-транспортной аварийности в регионе/стране.

Ключевые слова: безопасный системный подход, управление, дорожно-транспортный травматизм, безопасность дорожного движения

Для цитирования: Гордеева А. Д. Управление в области обеспечения безопасности дорожного движения как один из компонентов безопасного системного подхода // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 52–59.

ROAD SAFETY MANAGEMENT AS A COMPONENT OF A SAFE SYSTEMS APPROACH

Anastasiya D. Gordeeva
Federal public establishment «Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation», Moscow, Russia

agordeeva9@mvd.ru

Annotation. The article presents foreign experience of taking into account in the national strategic documents of foreign countries such a component of the safe system approach as management in the road safety. Different approaches to its formation both at global, regional and national levels are presented. The conclusions are drawn that the quality of taking into account this component in the implementation of national policies to improve road safety directly affects the level of road traffic accidents in the region/country.

Keywords: safe system approach, management, road traffic injuries, road safety

For citation: Gordeeva A. D. Road safety management as a component of a safe systems approach // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 52–59.

Подход «Безопасная система» (или безопасный системный подход) в настоящее время зарекомендовал себя как подход, лежащий в основе эффективной системы обеспечения безопасности дорожного движения. Он основан на предпосылке, что

никто не должен погибнуть или быть серьёзно травмированным в результате дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП).

В условиях быстро растущего и всё более многочисленного городского населения безопасный системный подход призывает к созданию безопасного, эффективного и устойчивого сочетания видов транспорта, включая массовый общественный транспорт, обеспечивая при этом безопасность пешеходов, велосипедистов и других уязвимых участников дорожного движения, на долю которых приходится половина всех смертельных случаев в результате ДТП.

Безопасный системный подход традиционно представлен пятью основными компонентами: управление в области обеспечения безопасности дорожного движения, безопасный участник дорожного движения, безопасное транспортное средство, безопасная инфраструктура и реагирование после ДТП.

По мнению Всемирной организации здравоохранения, воздействие на эти компоненты должно осуществляться в областях законодательства, правоприменения, образования и технологий. При этом такой компонент, как управление в области обеспечения безопасности дорожного движения, должен осуществлять вертикальную и горизонтальную координацию [1].

Анализ зарубежного опыта показывает различные подходы к определению того, какие составляющие должны лежать в основе такого компонента, как управление. Так, например, ВОЗ рекомендует странам самостоятельно определять структурную часть указанно компонента, при этом в своём первом Глобальном плане первого Десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения (2011–2020) (далее – первый Глобальный план) организацией перечислены основные меры, которые необходимо принять для реализации данного компонента [2].

В частности, рекомендовано:

1. Присоединиться к основным соглашениям и конвенциям Организации Объединенных Наций по безопасности дорожного движения.

2. Определить ведущее учреждение по безопасности дорожного движения.

3. Разработать национальную стратегию.

4. Установить реалистичные и долгосрочные целевые показатели безопасности дорожного движения.

5. Вести работу по обеспечению достаточного финансирования деятельности, подлежащей реализации.

6. Создать и поддерживать системы данных для текущего мониторинга и оценки.

В Глобальном плане второго Десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения на период 2021–2030 годов (далее – второй Глобальный план) ВОЗ такой компонент, как управление в области обеспечения безопасности дорожного движения, в качестве самостоятельного не выделен, вместо него указано планирование мультимодальных транспортных систем и землеустройства.

При этом перечисленные выше рекомендации первого Глобального плана в отношении управления так или иначе нашли своё отражение по тексту второго Глобального плана. Например, в документе обращено внимание на необходимость достаточного финансирования мероприятий, направленных на повышение безопасности дорожного движения, принятия и имплементации основных международных договоров ООН по безопасности дорожного движения, должной оценки прогресса в достижении поставленных целей и мониторинга реализации плана в странах.

Что касается рекомендаций по разработке и принятию национальных стратегий безопасности дорожного движения (что является неотъемлемым элементом управления), ВОЗ указывает, что национальные планы должны основываться на результатах оценки ситуации и разрабатываться с участием всех государственных

органов и других заинтересованных сторон. В них должно быть воплощено общее видение безопасности дорожного движения и должны быть сформулированы конкретные задачи, которые необходимо решить в процессе их реализации. Для этого в планах следует устанавливать краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные цели деятельности с учётом того, что невозможно сделать всё сразу [1].

Интерес представляют и добровольные глобальные целевые показатели в отношении факторов риска безопасности дорожного движения, разработанные ВОЗ и предусмотренные в виде приложения ко второму Глобальному плану, два из которых имеют прямое отношение к управлению:

1. К 2020 году все страны приняли комплексные многосекторальные национальные планы действий по дорожной безопасности с указанием сроков достижения целевых показателей.

2. К 2030 году все страны присоединились к одному или нескольким основным правовым документам ООН, касающимся безопасности дорожного движения [1].

На глобальном уровне существуют и иные подходы к содержанию компонента «управление в области обеспечения безопасности дорожного движения».

Например, Комитет по внутреннему транспорту (КВТ) Европейской экономической комиссии ООН в рамках разработанных Рекомендаций по укреплению национальных систем безопасности дорожного движения выделил следующие направления указанного компонента:

1. Установить целевые показатели безопасности дорожного движения (снижение смертности, снижение аварийности, снижение тяжёлых травм).

2. Обеспечить вертикальную и горизонтальную координацию действий, предпринимаемых уполномоченными органами по всем направлениям безопасности дорожного движения.

3. Обеспечить координацию с другими приоритетами и политикой страны, особенно с планированием землепользования и политикой мобильности.

4. Проводить обзор эффективности на основе мониторинга действий и вносить коррективы в промежуточные цели и национальные действия [3].

Отмечено, что указанная работа может выполняться ведущим агентством по безопасности дорожного движения или уполномоченным министерством. А разработка национального плана действий и его увязка с национальными целевыми показателями, привязанными к конкретным срокам, позволит странам достичь первой цели глобальных добровольных целевых показателей безопасности дорожного движения ВОЗ: к 2020 году все страны разработают всеобъемлющий многосекторальный национальный план действий по обеспечению безопасности дорожного движения [3].

Всемирный Банк выделяет, что безопасный системный подход включает в себя несколько основных компонентов, которые вместе отражают целостный взгляд на безопасность дорожного движения. В основе системы лежит совместная работа этих компонентов, направленная на снижение, а в конечном итоге и на полное исключение смертельных случаев и серьёзных травм. Основные компоненты системы включают и управление в области обеспечения безопасности дорожного движения, которое заключается в проведении следующих мероприятий:

1. Принятие подхода «Безопасная система».

2. Анализ эффективности действующей системы управления в области обеспечения безопасности дорожного движения.

3. Обеспечение сильного лидерства в области безопасности дорожного движения через ведущее агентство по безопасности дорожного движения.

4. Создание системы управления безопасностью дорожного движения с ключевыми показателями эффективности (KPI), включая требования к способам

сбора данных для эффективного планирования и мониторинга деятельности и результатов в области безопасности дорожного движения.

5. Разработка и принятие амбициозных стратегий в области безопасности дорожного движения с регулярной отчётностью о проделанной работе [4].

В целом отражённые подходы, сформированные на глобальном уровне, позволяют сделать достаточно логичный вывод о том, что необходимые элементы компонента управления во многом схожи. Они включают и необходимость разработки национальной стратегии безопасности дорожного движения, и создания ведущего агентства или наделения соответствующего министерства функциями по мониторингу и координации прогресса, и установления целевых показателей безопасности дорожного движения с последующей оценкой их эффективности.

Стоит отметить, что большинством стран мира разработаны стратегические документы в области обеспечения безопасности дорожного движения, в которых управление является краеугольным камнем построения эффективной системы, направленной на снижение дорожно-транспортного травматизма.

По информации ВОЗ, 117 стран разработали и приняли национальную стратегию безопасности дорожного движения, но только 16 из них полностью финансируются, 84 страны имеют специальное агентство по безопасности дорожного движения, около половины стран используют для финансирования мероприятий по обеспечению безопасности дорожного движения специальные налоги и штрафы за нарушение правил дорожного движения [5].

Некоторые страны закрепляют обеспечение безопасности дорожного движения на самом высоком законодательном уровне, при этом обеспечивая реализацию соответствующего положения построением национальной системы в этой области. Например, в 2020 году Конгресс Мексики единогласно одобрил конституционную поправку, устанавливающую безопасную мобильность и безопасность дорожного движения в качестве фундаментального права.

Общий закон о мобильности и безопасности дорожного движения, в котором закреплено новое конституционное право, признаёт необходимость защиты уязвимых участников дорожного движения и определяет круг субъектов, участвующих в обеспечении безопасности дорожного движения и устойчивой мобильности.

Отражая этот комплексный и совместный подход, в октябре 2022 года создана Национальная система обеспечения мобильности и безопасности дорожного движения для координации соответствующей деятельности Правительства и гражданского общества Мексики. А в октябре 2023 года Правительство опубликовало Национальную стратегию мобильности и безопасности дорожного движения на 2023–2042 годы, представляющую долгосрочное видение развития мобильности и безопасности дорожного движения, которое охватывает все ценности, закреплённые в законе, – от доступности до справедливости [5].

Выстроенная система управления в области обеспечения безопасности дорожного движения в Мексике наглядно демонстрирует пример комплексного подхода к проблеме дорожно-транспортного травматизма.

Аналогичным образом приведём в пример Бразилию, в которой стратегическое планирование и правовое регулирование деятельности в области обеспечения безопасности дорожного движения возведено в ранг национальной задачи государства.

В настоящее время в стране основным документом стратегического планирования является Национальный план по сокращению смертности и травматизма в дорожном движении, принятый в соответствии с законом № 13.614 от 11.01.2018, который дополнил статью 326-А Кодекса дорожного движения Бразилии и поставил новые задачи перед органами Национальной системы дорожного движения на период 2018–2028 годов.

Согласно ст. 5 Кодекса дорожного движения Бразилии, в стране сформирована Национальная система дорожного движения, которая представляет собой совокупность учреждений и организаций федерального уровня, уровня штатов, федерального округа и муниципалитетов, целью которых является осуществление деятельности по планированию и управлению в области обеспечения безопасности дорожного движения. Высшим исполнительным органом Национальной системы дорожного движения является Национальный секретариат дорожного движения, который входит в структуру Министерства транспорта Бразилии, отвечающего за государственную политику в области транспорта [6].

В Австралии Национальная стратегия безопасности дорожного движения на 2021–2030 годы предусматривает усовершенствованную систему управления в области обеспечения безопасности дорожного движения, предполагающую внедрение улучшенного мониторинга эффективности реализации Стратегии. Так, прогресс в достижении целей Стратегии строго отслеживается с помощью набора показателей эффективности безопасности, которые позволяют дать оценку эффективности проводимым мероприятиям. Независимая оценка и анализ проводятся различными способами, в том числе с помощью внешнего консультативного комитета [7].

Что касается примеров эффективно проводимой политики на региональном уровне, стоит обратить внимание на Европейский Союз. Особенностью выработки единой политики в Европейском Союзе является необходимость построения эффективной наднациональной системы управления государств-участников с учётом их национальных структур управления и особенностей законодательства [8].

Обеспечение эффективного развития отношений между государствами-членами ЕС в вопросах безопасности дорожного движения обуславливает необходимость выработки и проведения единой политики на территории ЕС, что достигается благодаря принятию документов стратегического планирования, гармонизации законодательства стран, а также созданной наднациональной системы нормативного правового регулирования отношений.

Общие ориентиры политики по обеспечению безопасности дорожного движения наднационального уровня разрабатываются основными институтами ЕС для последующей реализации на национальном уровне в странах ЕС. Такими институтами являются Европейский Совет, Европейская Комиссия, Совет и Европейский Парламент.

В рамках второго Десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения (2021–2030) основным документом стратегического планирования являются разработанные Европейской Комиссией Основы политики безопасности дорожного движения на период 2021–2030 годов [9]. Документ представлял собой план действий с набором рекомендаций и мер, которые обеспечили странам ЕС общие принципы управления в области безопасности дорожного движения при подготовке национальных стратегических документов.

Стоит отметить, что все страны Евросоюза разработали и приняли документы стратегического характера в области обеспечения безопасности дорожного движения, в которых в том или ином виде представлен такой компонент безопасного системного подхода, как управление, в рамках которого определены субъекты, ответственные за реализацию и мониторинг национальной стратегии. Так, в Бельгии предусмотрено, что деятельность по мониторингу Федерального плана обеспечения безопасности дорожного движения на 2021–2025 годы возложена на Федеральную комиссию по безопасности дорожного движения, в которой представлены все основные участники процесса обеспечения безопасности дорожного движения страны [10].

Стратегия безопасности дорожного движения до 2030 года Испании выделяет, что органом управления Стратегией является Национальная обсерватория безопасности дорожного движения, а консультативными органами по мониторингу Стратегии – Высший совет по дорожному движению, безопасности дорожного движения и устойчивой мобильности; Секторальная конференция по дорожному движению, безопасности дорожного движения и устойчивой мобильности; Парламентский комитет по безопасности дорожного движения [11].

Иные страны, в том числе имеющие общие границы с Российской Федерацией, также в своих стратегических документах определяют соответствующие компетентные органы. Например, в качестве ответственных за реализацию мер Национального плана действий по обеспечению безопасности дорожного движения на 2022–2025 годы Норвегии указан широкий круг субъектов. Ключевыми сторонами являются Норвежское управление государственных дорог, Норвежский совет по безопасности дорожного движения, полиция, Норвежский директорат здравоохранения, администрации округов и восемь крупных городских муниципалитетов. Кроме того, в план включены меры, принимаемые рядом других сторон на национальном уровне управления и различными заинтересованными организациями [12].

Реализация Концепции Республики Беларусь осуществляется Министерством транспорта и коммуникаций и Министерством внутренних дел совместно с заинтересованными республиканскими органами государственного управления, иными организациями, подчинёнными Правительству Республики Беларусь, облисполкомами и Минским горисполкомом. При этом координация действий по реализации Концепции осуществляется Постоянной комиссией по обеспечению безопасности дорожного движения при Совете Министров Республики Беларусь под председательством Заместителя Премьер-министра[1].

Опыт второго Десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения 2021–2030 гг. подчёркивает важность решения проблемы реализации и её сложности посредством эффективного управления безопасностью дорожного движения. Это выходит за рамки простого управления стратегиями и действиями по обеспечению безопасности дорожного движения: оно включает в себя координацию между секторами, а также здравоохранение, транспорт, городское планирование, правоохранительные органы, а также управление социальными и коммерческими факторами, влияющими на устойчивое развитие и другие общественные практики, которые в конечном итоге влияют на безопасность дорожного движения.

Выполняя функцию координатора иных компонентов безопасного системного подхода, построение эффективной системы управления в области обеспечения безопасности дорожного движения способно в значительной степени повлиять на уровень дорожно-транспортного травматизма страны.

Поскольку для достижения ключевой цели – минимизации смертельных исходов и дорожно-транспортного травматизма – применение бенчмаркинга является высокоэффективной и недорогой технологией по изучению лучшего опыта и его дальнейшей адаптации для повышения качества управленческих решений в сфере безопасности дорожного движения [13], анализ зарубежного опыта исследуемого вопроса, возможно, поспособствует формированию идей реализации указанного компонента в Российской Федерации, что особенно актуально с учётом завершения в текущем году Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы и формирования нового проекта Стратегии.

---

[1] О Концепции обеспечения безопасности дорожного движения в Республике Беларусь: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22 мая 2023 г. № 329 [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by. (дата обращения: 15.11.2024).

1. Global Plan for the Decade of Action for Road Safety 2021–2030. WHO.
2. Global Plan for the Decade of Action for Road Safety 2011–2020. WHO.
3. Draft Inland Transport Committee Recommendations for Enhancing National Road Safety Systems // ECE/ TRANS/2020/9
4. Turner B., Job S. and Mitra S. (2021). Guide for Road Safety Interventions: Evidence of What Works and What Does Not Work. Washington, DC., USA: World Bank.
5. Global status report on road safety 2023. Geneva: World Health Organization; 2023. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO.
6. Гордеева А. Д., Гусева А. А. Стратегическое планирование и правовое регулирование деятельности в области обеспечения безопасности дорожного движения Бразилии // Безопасность дорожного движения. 2024. № 2. С. 64–70.
7. Motorway Safety in Korea: Learning from International Best Practice for an Action Plan to 2030. International Transport Forum Policy Papers. No.98. OECD Publishing. Paris. ITF. 2021.
8. Гордеева А. Д. Основные направления политики Европейского союза в области обеспечения безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2023. № 3. С. 57–63.
9. Commission staff working document «EU Road Safety Policy Framework 2021-2030 - Next steps towards «Vision Zero». Brussels. 19.6.2019 SWD (2019) 283 final.
10. Plan Fédéral de Sécurité Routière 2021-2025
11. Estrategia de seguridad vial 2030 // NIPO [official publication identification number]: 128-22-019-8 Legal Deposit: M-15668-2022. Observatorio Nacional de Seguridad Vial.
12. National plan of action for road safety 2022–2025.
13. Майоров В. И., Дунаева О. Н. «Benchmarking» как технология повышения качества в сфере безопасности дорожного движения: опыт зарубежных стран и России // Безопасность дорожного движения. 2022. № 3. С. 13–18.

1. Global Plan for the Decade of Action for Road Safety 2021–2030. WHO.
2. Global Plan for the Decade of Action for Road Safety 2011–2020. WHO.
3. Draft Inland Transport Committee Recommendations for Enhancing National Road Safety Systems // ECE/ TRANS/2020/9
4. Turner B., Job S. and Mitra S. (2021). Guide for Road Safety Interventions: Evidence of What Works and What Does Not Work. Washington, DC., USA: World Bank.
5. Global status report on road safety 2023. Geneva: World Health Organization; 2023. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO.
6. Gordeeva A. D., Guseva A. A. Strategicheskoe planirovanie i pravovoe regulirovanie deyatel`nosti v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya Brazilii // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2024. № 2. S. 64–70.
7. Motorway Safety in Korea: Learning from International Best Practice for an Action Plan to 2030. International Transport Forum Policy Papers. No.98. OECD Publishing. Paris. ITF. 2021.
8. Gordeeva A. D. Osnovny`e napravleniya politiki Evropejskogo soyuza v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2023. № 3. S. 57–63.
9. Commission staff working document «EU Road Safety Policy Framework 2021-2030 - Next steps towards «Vision Zero». Brussels. 19.6.2019 SWD (2019) 283 final.
10. Plan Fédéral de Sécurité Routière 2021-2025
11. Estrategia de seguridad vial 2030 // NIPO [official publication identification number]: 128-22-019-8 Legal Deposit: M-15668-2022. Observatorio Nacional de Seguridad Vial.
12. National plan of action for road safety 2022-2025.

13. Maĭorov V. I., Dunaeva O. N. «Benchmarking» kak texnologiya povy`sheniya kachestva v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: opy`t zarubezhny`x stran i Rossii // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2022. № 3. S. 13–18.

Информация об авторе

Анастасия Дмитриевна Гордеева. Начальник отдела обеспечения научной и редакционно-издательской деятельности. Кандидат юридических наук.

Научный центр БДД МВД России.

121293, Россия, г. Москва, ул. Поклонная, 17.

Information about the author

Anastasiya D. Gordeeva. Head of the Department for Support of Scientific, Editorial and Publishing Activities. Candidate of Sciences in Jurisprudence.

Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

121293, Russia, Moscow, Poklonnaya st., 17.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted November 15, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 342.9

К ВОПРОСУ О ЧАСТИЧНОЙ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПОБОЕВ

Губенков Андрей Олегович
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

a.o.gubenkov@mail.ru

Аннотация. В данной статье приводится общая характеристика такого деяния, как побои. Рассматриваются предпосылки, правовые основания, содержание, а также последствия частичной декриминализации побоев, то есть перевода данного деяния, совершённого в отношении отдельных лиц, из разряда преступлений в административные правонарушения. На основании изучения мнений компетентных учёных и специалистов в соответствующей сфере автором формулируются положительные и отрицательные стороны такого законодательного решения.

Ключевые слова: административное правонарушение, законодательство, ответственность, побои, преступление, частичная декриминализация.

Для цитирования: Губенков А. О. К вопросу о частичной декриминализации побоев // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 60–67.

ON THE ISSUE OF PARTIAL DECRIMINALIZATION OF BEATINGS

Andrey Ol. Gubenkov
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

a.o.gubenkov@mail.ru

Annotation. This article provides a general description of such an act as beatings. The prerequisites, legal grounds, content, as well as the consequences of partial decriminalization of beatings, that is, the transfer of this act committed against individuals from the category of crimes to administrative offenses, are considered. Based on the study of the opinions of competent scientists and specialists in the relevant field, the author formulates the positive and negative sides of such a legislative decision.

Keywords: administrative offense, legislation, liability, beatings, crime, partial decriminalization.

For citation: Gubenkov A. O. On the issue of partial decriminalization of beatings // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 60–67.

Феномен декриминализации в отечественной правовой науке на протяжении нескольких десятилетий привлекает особое внимание учёных. Данная категория, означающая переход деяния из уголовного преступления в разряд административного правонарушения, в периоды появления применительно к тому или иному составу вызывала общественный резонанс [1], обусловленный рисками роста посягательств на охраняемые интересы личности, общества и государства, поскольку административные

санкции недостаточно строги по сравнению с уголовными и могут не оказать надлежащего превентивного действия.

Совершенно противоположные точки зрения высказывались не только в социуме и научном сообществе, но и на политических площадках достаточно высокого уровня. Например, исполнительный директор международной организации – Объединенной программы Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС) Винни Бьянима выступала с призывом декриминализации в целях спасения жизней от смертельных заболеваний, которые могут стать результатом пребывания в местах лишения свободы при том, что справедливым в части случаев было бы более мягкое наказание[1].

В Российской Федерации бурное обсуждение вызвала частичная декриминализация побоев. С одной стороны, высказывались опасения о риске роста посягательств на людей по причине чувства некой безнаказанности, а с другой стороны, такое решение одобрялось, потому что способствовало реализации общеправового принципа справедливости. Как показывают складывающиеся условия, институт декриминализации вряд ли канет в лету, поскольку может быть направлен на дальнейшее смягчение социальной напряжённости в обществе. В этой связи тема, связанная с декриминализацией в российском праве, вызывает особый научный интерес, поскольку её подробное исследование может помочь сделать выводы о положительных и отрицательных сторонах декриминализации. Для этого следует подробно изучить теоретические и правовые основы, а также обратиться к динамике состояния преступности, по которой можно судить о состоянии законности и правопорядка в обществе до и после принятия решений по конкретному составу наказуемых деяний. Рассмотрим это на примере побоев.

Как представляется, приведённая интерпретация рассматриваемого деяния, находящегося в плоскости уголовной ответственности, вместе с тем имеет весьма тонкую грань. С одной стороны, потерпевшему причиняется боль, что отражается на его состоянии и здоровье. С другой стороны, законодатель определил, что для квалификации деяния как побоев причинённый вред не должен подпадать под критерии, соответствие которым позволяет признать его лёгким вредом здоровью и тем более – средним и тяжким, за это установлена уголовная ответственность в самостоятельных нормах Особенной части УК РФ[2].

В целом можно сказать, что преступление, связанное с нанесением побоев, на протяжении ни одного десятилетия имеет дискуссионный характер в научном сообществе. Во многом это связано с процессом изменения его состава и пересмотра подходов к определению общественной опасности, что проявляется, в частности, в переводе состава уголовно наказуемого преступления в состав административного правонарушения. Изложенное вызывает научный интерес к рассматриваемой тематике и требует более детального исследования. В настоящее время в уголовном законодательстве не закреплено определение термина «физическая боль». Нужно понимать, что это весьма субъективная категория, обусловленная, в том числе особенностями организма потерпевшего, его состоянием здоровья, болевым порогом, который может быть как пониженным, так и повышенным, например в связи с заболеванием или регулярными физическими тренировками.

---

[1] В День борьбы с дискриминацией представители различных стран мира призывают к декриминализации ради спасения жизней [Электронный ресурс]. URL:https://www.unaids.org/ru/resources/presscentre/pressreleaseandstatementarchive/2023/february/010323_ZDD_statement. (дата обращения: 07.08.2024).

[2] Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. Закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В медицинской науке боль позиционируется как нарушение нормальных процессов функционирования организма, свидетельствует о них [2, с. 22]. Следовательно, боль может сопровождать вред здоровью либо предшествовать ему. Именно отсутствие факта причинения вреда здоровью, квалифицируемого таковым в соответствии с установленными медицинскими критериями, отграничивает побои от иных уголовно наказуемых деяний, связанных, соответственно, с причинением вреда здоровью лёгкой, средней или тяжкой степени.

Обратимся к нормативно закреплённым в приказе Минздрава России от 24.04.2008 № 194н[1] медицинским критериям определения степени тяжести вреда здоровью. В п. 9 данного нормативного правового акта упоминаются такие повреждения, как гематома, ссадина, ушиб. При условии, что перечисленные и схожие с ними повреждения не повлекли за собой кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности, они квалифицируются как повреждения, не причинившие вред здоровью человека.

Рассматривая в ретроспективе трансформацию нормы УК РФ[2], устанавливающей ответственность за общественно опасное деяние – побои, необходимо отметить, что в предшествующем данному нормативно-правовому акту Уголовном кодексе РСФСР 1960 года[3] (далее – УК РСФСР) отсутствовала аналогичная норма, устанавливающая уголовную ответственность за совершение побоев. В некотором роде современная интерпретация данного преступного посягательства находила отражение среди квалифицирующих признаков причинения лёгкого вреда здоровью (ст. 112 УК РСФСР). В первой редакции действующего в настоящее время УК РФ от 1996 года ст. 116 УК РФ охватывала общие действия, связанные с совершением действий, причинивших физическую боль, в том числе побоев потерпевшему лицу. В 2003 году рассматриваемая статья уголовного законодательства была расширена путём добавления в неё квалифицированного состава, когда такие действия были сопряжены с хулиганскими мотивами[4]. Позднее, в 2007 году, добавлен ещё один квалифицирующий признак, который в теории и практике получил название «экстремистский мотив»[5].

Таким образом, был определён важный квалифицирующий признак данного противоправного деяния, который закреплён на сегодняшний день в УК РФ. Согласно ст. 116 УК РФ, деяние признается побоями в уголовно-правовом значении, если совершено из хулиганских мотивов либо по мотивам ненависти или вражды, обусловленной, в том числе социальными, политическими, национальными, религиозными и идеологическими убеждениями.

В 2016 году норма УК РФ, определяющая ответственность за побои, снова была подвержена значительным изменениям. На этот раз она вновь стала состоять из одной части, поскольку ранее выделяемые в качестве квалифицирующих признаков мотивы:

---

[1] Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [Электронный ресурс]: приказ Министерства здравоохранения и социального развития Рос. Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. Закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: ВС РСФСР 27 октября 1960 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос. Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

хулиганский и экстремистский, вошли в основной состав данного преступления, а основной состав из данной нормы был исключён.

В Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях[1] (далее – КоАП РФ) была введена административная ответственность за побои (ст. 6.1.1.). Диспозиция данной статьи предусматривает ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлёкших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния. Таким образом, побои при отсутствии хулиганского или экстремистского мотивов либо совершённые не в отношении близких квалифицировались как административные правонарушения. Иными словами, произошла декриминализация указанного деяния.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, такая декриминализация представляет собой смягчение публично-правовой ответственности за совершение соответствующего правонарушения, проявляющееся во введении менее строгих санкций[2].

Необходимо также сказать, что, помимо данного изменения, состав преступления был дополнен новым квалифицирующим признаком, связанным с совершением преступления в отношении близких лиц[3]. При этом нормативно закреплённое определение термина «близкие лица» применительно к рассматриваемому составу преступления содержалось в примечании к данной статье. Однако, на наш взгляд, рассматривая данные изменения уголовного законодательства, необходимо вести речь всё же о частичной декриминализации, поскольку как таковой состав преступления, который ранее был представлен в квалифицирующих признаках, остался. В разряд административных правонарушений переведён основной (общий) состав. Такие изменения законодательства об уголовной ответственности вызвали множественные дискуссии среди учёных и практиков. Особое внимание сформировалось вокруг нововведения, касающегося близких лиц. Отмечалось, что неоднозначно в этом роде межотраслевое сопоставление терминов, имеющих аналогичное значение.

В данном случае рассматривались понятия, содержащиеся в семейном, уголовном, уголовно-процессуальном и иных отраслях российского законодательства: «близкие», «близкие родственники» и др. Также отмечалось, что принятая норма нарушала принцип справедливости, содержащийся в ст. 6 УК РФ и являющийся основополагающим началом уголовного законодательства, на котором должна строиться вся система уголовной ответственности и наказания. Данный принцип

---

[1] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 Кодекса Рос. Федерации об административных правонарушениях, пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос. Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос. Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос. Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в связи с жалобами граждан А.И. Заляутдинова, Н.Я. Исмагилова и О.В. Чередняк [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 14 июня 2018 г. № 23-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос. Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

гласит, что меры ответственности, применяемые к преступнику, должны быть справедливыми, что означает их соответствие степени угроз и опасности, которые он своим деянием создал охраняемым ценностям. Включение в ст. 116 УК РФ в качестве квалифицирующего признака потерпевшего близких лиц приводило к неоднозначному выделению данной категории граждан, которая к тому же может быть понята неоднозначно. Тем самым одни и те же действия в отношении близких лиц квалифицировались как уголовно наказуемое деяние, а в отношении посторонних лиц, незнакомых или не являющихся близкими, – как административное правонарушение. Подобная ситуация могла отразиться и на объективности оценки деяния лица, например, если не устанавливалась степень близости потерпевшего лицу, которому нанесены побои.

Изложенное стало причиной внесения ещё одних поправок в конструкцию рассматриваемой статьи УК РФ. С 2017 года квалифицирующий признак совершения побоев в отношении близких лиц был исключён из состава преступления[1]. Изменение нормы, устанавливающей ответственность за нанесение побоев, а также частичная декриминализация вызвали разногласия среди учёных. Поэтому сформировались две основные группы мнений относительно обоснованности и целесообразности такого законодательного решения. Например, согласно убеждению В. И. Торговченкова, обличение юридической ответственности в плоскость административного права, а именно законодательства об административных правонарушениях, является эффективной мерой, которая способствует реализации принципа неотвратимости наказания и непременно повлечёт положительный эффект для состояния правопорядка в целом. Это связано с тем, что в административном праве не предусмотрена возможность примирения с потерпевшим, которое фактически означает прекращение преследования лица, совершившего противоправное деяние [3, с. 80]. Поэтому будет достигаться положительный эффект административного наказания, а также его цель, которая в соответствии со ст. 3.1. КоАП РФ состоит в предупреждении совершения новых противоправных деяний самим нарушителем и другими лицами.

В некотором роде схожую с мнением В. И. Торговченкова позицию высказывали авторы М. В. Бавсун, И. Г. Бавсун и И. А. Тихон, которые, рассматривая во взаимосвязи сформировавшуюся в связи с нововведениями последовательную по сути своей систему юридической ответственности за нанесение побоев, признавали, что административная преюдиция в таком случае может выступить эффективным средством противодействия преступности [4, с. 8]. Речь идёт о тех случаях, когда лицо, привлечённое к административной ответственности за нанесение побоев, вновь совершает подобное деяние, за что предусмотрена уже уголовная ответственность, установленная в ст. 116.1. УК РФ.

Противоположная точка зрения сформировалась у П. А. Скобликова, который был убеждён, что перевод побоев в разряд административного правонарушения может привести к самосуду в целях восстановления справедливости со стороны потерпевшего либо его близких лиц [5, с. 37]. Предположение П. А. Скобликова позволяют опровергнуть статистические данные о состоянии преступности в России в период законодательных преобразований.

Вполне закономерно, что в 2017 году произошло снижение зарегистрированных преступлений, ответственность за которые установлена ст. 116 УК РФ, на 84 %, что связано с прекращением больше половины возбуждённых уголовных дел. Одновременно в 2017 году зарегистрировано 9 738 убийств и покушений на убийство,

[1] О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

что меньше на 6,8 % по сравнению с 2016 годом. В 2018 году зарегистрировано уже 8 574 таких преступлений, что меньше по сравнению с предыдущим годом на 12 %. Стоит отметить, что это существенное снижение за предшествующие 10 лет. В среднем до этого снижение составляло 6 %. Подобные закономерности отмечаются и в динамике зарегистрированных преступлений по ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» [6]. Количество данных преступлений в 2017 году уменьшилось на 10,5 %, что также стало самым максимальным снижением за несколько последних лет[1].

Таким образом, роста преступлений, которые могли быть проявлением восстановления социальной справедливости, удалось не допустить. Как мы видим, наоборот, происходило устойчивое снижение преступности. По нашему мнению, связывать такую динамику с декриминализацией побоев нельзя, их взаимосвязь маловероятна. Однако с уверенностью можно говорить, что снижение уровня преступности в России во многом стало результатом целенаправленной государственной политики, направленной на укрепление законности в стране, повышение общественной безопасности и правопорядка. Кроме того, нужно учитывать, что на преступность влияет множество криминогенных факторов, связанных с социально-демографической, экономической, социально-психологической, культурной и иными сферами общественной жизни. Поэтому те или иные тенденции не могут иметь однозначного объяснения и быть связанными только лишь с одной причиной.

При рассмотрении административно-правового аспекта квалификации побоев считаем важным обратить внимание на следующую особенность, которая может стать определённым риском в укреплении законности и реализации принципа справедливости. Дело в том, что в КоАП РФ предусмотрена малозначительность деяния, которая фактически является основанием для освобождения от административной ответственности. Как можно заметить, исходя из толкования ст. 2.9. КоАП РФ, малозначительность имеет субъективный характер. Уполномоченным на принятие решения лицом оцениваются обстоятельства совершения противозаконного деяния, его негативное влияние на общественные процессы и иные охраняемые интересы. Исходя из этого, принимается решение об освобождении от ответственности даже при формальном соответствии всех обстоятельств элементам состава правонарушения. Виновному лицу делается устное замечание. Формулировка ст. 2.9. КоАП РФ, с одной стороны, позволяет усмотреть малозначительность фактически в любом деянии, содержащем признаки состава административного правонарушения. С другой стороны, в практике уже выработаны определённые подходы, какие деяния таковыми признаваться не могут и, соответственно, лица, их совершившие, не подлежат освобождению от ответственности. Например, в соответствии с п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5[2] не могут быть признаны малозначительными правонарушения, ответственность за совершение которых установлена в ст. 12.8. КоАП РФ и ст. 12.26. КоАП РФ. Аналогичное разъяснение может быть дано и в отношении ст. 6.1.1. КоАП РФ, определяющей ответственность за побои. Это позволит избежать необоснованного освобождения от ответственности лиц, которые совершили противоправное посягательство, находящееся по своей общественной опасности на стыке административного и уголовного законодательства.

[1] Показатели преступности в России [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/ (дата обращения: 07.08.2024).

[2] О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 24 марта 2005 г. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Подводя итоги статьи, необходимо отметить, что на сегодняшний день в науке сформировались две противоположные точки зрения по поводу последствий декриминализации побоев. Приверженцы одной позиции считают эффективным перевод побоев в разряд административных правонарушений. Сторонники противоположной позиции усматривают риски подобного «послабления», которые могут привести к снижению законности. С учётом изученной нами статистики считаем, что опасения относительно рисков декриминализации побоев не подтвердились. Декриминализация побоев не принесла отрицательного эффекта. Поэтому считаем необходимым дополнительное регулирование некоторых аспектов, в частности направленное на исключение возможности признания побоев малозначительным деянием и освобождения виновного лица от установленной законом ответственности.

1. Баранчикова М. В. Основания криминализации действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе. Сборник трудов II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Кострома, 27-28 апреля 2023 г.). Кострома, 2023. С. 138–142.
2. Смирнов Р. Ю. Судебная медицина (судебно-медицинская оценка вреда здоровью): учебно-методическое пособие / Р. Ю. Смирнов; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 52 с.
3. Торговченков В. И. К вопросу о внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации, предложенных Верховным Судом России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1. С. 79–86.
4. Бавсун М. В., Бавсун И. Г., Тихон И. А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 6–9.
5. Скобликов П.А. Ближе к гуманности, дальше от справедливости. Судебное ведомство выступило с инициативой декриминализации мелких хищений и побоев // Юрист спешит на помощь. 2015. № 10. С. 37–40.
6. Сорокин А.И. Проблемы квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 1(82). С. 32–36.

1. Baranchikova M. V. Osnovaniya kriminalizacii dejstvij, ugrozhayushhix bezopasnoj e`kspluatacii transportny`x sredstv // Problemy` pravooxranitel`noj deyatel`nosti na sovremennom e`tape. Sbornik trudov II Vserossijskoj
(s mezhdunarodny`m uchastiem) nauchno-prakticheskoj konferencii (Kostroma, 27-28 aprelya 2023 g.). Kostroma, 2023. S. 138–142.
2. Smirnov R. Yu. Sudebnaya medicina (sudebno-medicinskaya ocenka vreda zdorov`yu): uchebno-metodicheskoe posobie / R. Yu. Smirnov; Yarosl. gos. un-t im. P. G. Demidova. Yaroslavl`: YarGU, 2018. 52 s.
3. Torgovchenkov V. I. K voprosu o vnesenii izmenenij v Ugolovny`j i Ugolovno-processual`ny`j kodeksy` Rossijskoj Federacii, predlozhenny`x Verxovny`m Sudom Rossii // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2016. № 1. S. 79–86.
4. Bavsun M. V., Bavsun I. G., Tixon I. A. Administrativnaya preyudiciya i perspektivy` ee primeneniya na sovremennom e`tape // Administrativnoe pravo i process. 2008. № 6. S. 6–9.
5. Skoblikov P.A. Blizhe k gumannosti, dal`she ot spravedlivosti. Sudebnoe vedomstvo vy`stupilo s iniciativoj dekriminalizacii melkix xishhenij i poboev // Yurist speshit na pomoshh`. 2015. № 10. S. 37–40.

6. Sorokin A.I. Problemy` kvalifikacii umy`shlennogo prichineniya tyazhkogo vreda zdorov`yu // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2020. № 1(82). S. 32–36.

Информация об авторе

Андрей Олегович Губенков. Начальник кафедры огневой подготовки и деятельности ОВД в особых условиях, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Andrey O. Gubenkov. Head of the Department of Firearms Training and IAB Activities under Special Conditions, Candidate of Legal Sciences.

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov.

302027, Russia, Orel, Ignatova st., 2.

Статья поступила в редакцию 18.10.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted October 18, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 34

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ АФРИКИ

Гусева Анастасия Андреевна
ФКУ «Научный центр БДД МВД России», Москва, Россия

aguseva50@mvd.ru

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены основные причины травматизма и смертности в странах Африки при совершении дорожно-транспортных происшествий. Проанализированы основные этапы формирования системы безопасности дорожного движения в помощь государствам-членам Африканского союза. Изучены направления и проблемы стратегического планирования в области обеспечения национальных стратегий безопасности дорожного движения с учётом национальных особенностей и рекомендаций Глобального плана на Десятилетие действий по обеспечению безопасности дорожного движения 2021–2030 годов.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, дорожно-транспортный травматизм, дорожно-транспортное происшествие, показатели аварийности, страны Африки.

Для цитирования: Гусева А. А. Обеспечение безопасности дорожного движения в странах Африки // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 68–75.

ROAD SAFETY IN AFRICAN COUNTRIES

Anastasia A. Guseva
Federal public establishment «Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation», Moscow, Russia

aguseva50@mvd.ru

Annotation. This article examines the main causes of road traffic injuries. The main causes of road traffic injuries and fatalities in Africa are reviewed. It analyses the main stages in the development of a road safety system to assist African Union Member States. The directions and challenges of strategic planning in the provision of national road safety strategies are reviewed, taking into account national circumstances and the recommendations of the Global Plan for the Decade of Action for Road Safety 2021–2030.

Keywords: road safety, road traffic injuries, road traffic accidents, accident rates, African countries

For citation: Guseva A. A. Road safety in African countries // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 68–75.

Ежегодно в результате дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) погибают около 1,19 млн человек по всему миру, а от 20 до 50 млн человек получают

серьёзные травмы[1], при этом на Африканский регион приходится 19 % от общего числа погибших в ДТП в мире (социальный риск – 19,4 на 100 000 человек) [1].

Девять из десяти смертей в результате ДТП приходится на страны с низким и средним уровнем дохода. Отмечается, что в странах с низким уровнем дохода по-прежнему подвергаются самому высокому риску смерти на душу населения [2]. Так, например, в Мозамбике ежегодно происходит 20 смертей в ДТП на 100 000 человек, в Кении – 28,2, Зимбабве – 29,9, Гане – 37,4, что является одними из худших показателей безопасности дорожного движения в Африке и мире. Согласно прогнозам, если в странах Африки не будут приняты меры, доля погибших в ДТП увеличится на 68 % к 2030 году, в связи с этим вопрос безопасности дорожного движения стал особенно актуальным [3]. Обеспечение безопасности дорожного движения (далее – БДД) в Африке – важная и сложная задача, учитывая разнообразие инфраструктуры, транспортных средств и культурных особенностей стран континента.

Системно вопросами обеспечения БДД на континенте уделяется почти 20 лет. До и во время реализации Десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения на 2010–2020 гг. в Африке проведены конференции и семинар, посвящённые проблематике БДД.

На первой конференции по безопасности дорожного движения в г. Аккре (Гана), состоявшейся в 2007 году, выделены основные направления работы и рекомендации по сокращению количества смертельных случаев в результате ДТП, управлению и пропаганде безопасности дорожного движения, созданию ответственных органов управления.

Важной вехой по решению проблемы аварийности в регионе стал Африканский региональный семинар по безопасности дорожного движения, который состоялся в Дар-эс-Саламе (Танзания). В ходе семинара разработаны и приняты целевые ориентиры для стран Африки – снизить количество погибших вдвое к 2015 году.

На Африканской конференции по безопасности дорожного движения, состоявшейся в 2009 году в Аддис-Абебе (Эфиопия), утверждён Африканский план действий по безопасности дорожного движения на 2011–2020 гг. План действий включает пять основных направлений Десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения на 2011–2020 годы, объявленного ООН, а именно: управление безопасностью дорожного движения, безопасные дороги, безопасные транспортные средства, безопасное поведение участников дорожного движения и реагирование после ДТП. 2015 год стал серединой реализации Африканского плана действий по безопасности дорожного движения. Обзор промежуточных результатов показал, что в различных странах по разным направлениям достигнут прогресс. Например, в ЮАР, Кении, Эфиопии начали реализовываться стратегии по улучшению безопасности дорожного движения, в рамках которых проведены общественные кампании по обучению водителей, улучшению дорожной инфраструктуры.

Для обеспечения реализации политических решений в области безопасности дорожного движения в 2016 году государствами-членами Африканского союза принята Африканская хартия безопасности дорожного движения[2]. Необходимо отметить, что Хартия является документом рекомендательного характера, способствующим разработке и внедрению политики по обеспечению безопасности дорожного движения с учётом уникальных условий региона. Кроме того, Африканским союзом задачи по обеспечению безопасности дорожного движения включены в «Повестку дня 2063:

---

[1] Статистики по дорожно-транспортным происшествиям [Электронный ресурс]. URL: https://www.who.int/health-topics/road-safety#tab=tab_1 (дата обращения: 10.10.2024)

[2] Африканский союз. (2016). Африканская хартия безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/37309-treaty-0052_-_road_safety_charter_e.pdf (дата обращения: 14.10.2024).

Африка, которую мы хотим», а именно создание инфраструктуры, необходимой для ускоренной интеграции, роста и развития Африки. Она будет включать в себя высокоскоростные железнодорожные сети, автомобильные дороги, морской и воздушный транспорт[1]. В 2019 году на конференции по безопасности дорожного движения, организованной Комиссией Африканского союза и Экономической комиссией ООН для Африки в Аддис-Абебе (Эфиопия), выявлен ряд проблем, препятствующих реализации Африканского плана действий по обеспечению безопасности дорожного движения на 2011–2020 гг. К ним относятся недостаточное политическое руководство, отсутствие регулярного мониторинга и оценки реализации Плана действий с использованием измеримых показателей, ограниченное участие частного сектора и гражданского общества, недостаточная эффективность Плана действий.

Несмотря на достигнутые успехи, общая цель по сокращению смертности в странах Африки в период 2010–2020 гг. не была достигнута. Признавая важность проблемы БДД, страны мира единогласно приняли резолюцию 74/299 Генеральной Ассамблеи ООН, в которой период 2021–2030 гг. провозглашён вторым Десятилетием действий по обеспечению безопасности дорожного движения[2] с целью с сокращения глобального показателя смертности в результате ДТП в мире на 50 % [3]. В связи с этим принят Африканский план действий по обеспечению безопасности дорожного движения на 2021–2030 гг. (далее – План). Основная цель Африканского плана действий по обеспечению безопасности дорожного движения на 2021–2030 гг. соотносится с глобальными планами ООН: сократить количество смертей и травм в результате дорожно-транспортных происшествий не менее чем на 50 % с 2021 по 2030 год [5].

План содержит общие руководящие принципы для решения проблем, которые препятствуют повышению безопасности дорожного движения на континенте.

Меры по снижению риска смертности и травматизма в Африканском регионе сосредоточены на пяти основных направлениях, имеющих решающее значение для комплексного подхода к обеспечению безопасности дорожного движения: управление безопасностью дорожного движения, безопасная дорожная инфраструктура, безопасность транспортных средств, безопасность участников дорожного движения, своевременное оказание помощи после ДТП.

1. Управление безопасностью дорожного движения

Ключевым центром преобразований является государственная политика [4]. В рамках первого направления к 2030 году странам Африки необходимо принять национальные стратегические документы в области безопасности дорожного движения с конкретными целевыми показателями и сроками их реализации. Национальные стратегии должны основываться на принципах подхода Безопасная система, который признаёт, что люди совершают ошибки и система должна учитывать их. Например, в Мозамбике разработан Национальный план безопасности дорожного движения на 2020–2024 годы. Стратегические документы приняты и в других странах Африки. В ЮАР действует Стратегия безопасности дорожного движения на период 2016–2030 гг., в Гамбии – Стратегия безопасности дорожного движения 2020–2030 гг. Транспортная система должна обеспечивать нулевое количество смертей или серьёзных травм, безопасность участников дорожного движения не должна подвергаться риску. Безопасность дорожного движения является общей ответственностью тех, кто проектирует и поддерживает дороги, производит транспортные средства и управляет программами безопасности, а также тех, кто использует дороги. Подход предполагает улучшение дорог и транспортных средств,

[1] «Повестку дня 2063: Африка, которую мы хотим» [Электронный ресурс]. URL: https://au.int/en/agenda2063/overview (дата обращения: 14.10.2024).

[2] Резолюция ГА ООН A/RES/74/299 от 2 сентября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/ga/documents/gares. shtml (дата обращения: 11.10.2024).

тем самым делая всю систему мобильности безопасной. Кроме того, странам необходимо разработать централизованные базы данных по безопасности дорожного движения, а также принять требования к отчётности по состоянию БДД.

В рамках реализации указанного направления в Камеруне проведена проверка системы управления данными о безопасности дорожного движения для выявления проблем и поиска их решений. Координированная работа с заинтересованными сторонами, включая Министерство транспорта, полицию, медицинские учреждения, позволила разработать базу данных и системы мониторинга показателей БДД, которая функционирует в 10 регионах Камеруна. Подобный обзор данных по безопасности дорожного движения был осуществлён и в Кении. В рамках мероприятий проведены консультации с Национальной полицейской службой, Национальным управлением по транспорту и безопасности, национальными дорожными управлениями и министерствами дорог и здравоохранения, выдвинуты предложения по улучшению формирования баз данных и укреплению координации между ключевыми учреждениями [6].

Поставленная цель – создать надёжный массив данных, который можно использовать для мониторинга показателей безопасности дорожного движения и принятия управленческих решений, – позволила в 2018 году создать Африканскую обсерваторию безопасности дорожного движения. Деятельность обсерватории направлена на обобщение и представление сведений о БДД во всех странах Африки[1].

2. Безопасная дорожная инфраструктура

Одной из основных причин дорожно-транспортных происшествий в Африке является недостаточно развитая инфраструктура. Многие дороги находятся в плохом состоянии, отсутствуют пешеходные переходы и велодорожки, что делает передвижение опасным как для водителей, так и для пешеходов. Более 50 % населения мира проживает в городах, а страны Африки к югу от Сахары считаются самым быстро урбанизирующимся регионом мира. Рост городского населения, увеличение числа индивидуальных ТС и недостаточная инфраструктура приводят к значительному росту ДТП и увеличению тяжести последствий.

Многие страны континента столкнулись с проблемой обеспечения жителей безопасными, доступными и устойчивыми видами транспорта. При планировании застройки городов и транспортных систем особое внимание уделяется пешеходам, так как, согласно отчёту Программы ООН по окружающей среде о пешеходном и велосипедном движении в Африке, 78 % населения передвигается пешком. В связи с этим государствам необходимо разработать систему мультимодального транспорта и дорожной инфраструктуры, обеспечивая равный доступ к мобильности всех участников дорожного движения. Указанное направление предполагает, что к 2030 году все новые дороги будут соответствовать техническим стандартам, а достижение трёхзвёздочного рейтинга безопасности на основных дорогах должно стать важнейшей частью любой стратегии безопасности дорожного движения. Так, например, дорога Бисау – Зигиншор – транспортный коридор, соединяющий Гвинею-Бисау с соседними государствами, который проходит через двенадцать стран Западной Африки. Несмотря на стратегическое значение, существующая дорога находится в плохом состоянии, значительная её часть проходит через болота и рисовые поля. Планируется восстановить участок протяжённостью 113 км для достижения рейтинга безопасности iRAP «Три звезды и выше» [8].

Более 75 % поездок по существующим автомобильным дорогам будет осуществляться в соответствии техническими стандартами, учитывающими безопасность дорожного движения. Для достижения поставленных задач странам

[1] Африканская обсерватория безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]. URL:https://www.ssatp.org/topics/african-road-safety-observatory (дата обращения: 11.10.2024).

Африки необходимо разработать функциональные классификации дорог и стандарты по БДД исходя из землепользования и необходимых транспортных развязок.

Необходимо пересмотреть и обновить законодательство и местные стандарты проектирования, учитывающих функции дорог и потребности всех участников дорожного движения. В рамках реализации указанного направления в 2023 году в Кении состоялся трёхдневный виртуальный тренинг, посвящённый безопасности дорожной инфраструктуры. Целью учебного мероприятия было развитие и укрепление потенциала страны в области оценки безопасности дорожной инфраструктуры, а также содействие и обучение местных заинтересованных сторон на основе проводимых в Кении и других африканских странах оценок «Звёздный рейтинг дорог». Проектирование дорожной инфраструктуры должно обеспечивать логическое и интуитивное соответствие установленной скорости движения (например, 30 км/ч в населённых пунктах, ≤ 80 км/ч вне населённых пунктах, 100 км/ч на скоростных автомагистралях).

3. Безопасность транспортных средств

Наибольшее повышение безопасности возможно благодаря безопасности транспортных средств, а также решительных регулирующих мер со стороны правительств африканских стран. Однако во многих государствах отсутствуют строгие стандарты безопасности для автомобилей. Это приводит к тому, что на дорогах значительная часть автомобилей устарела и не соответствует современным стандартам безопасности. Это связано с низким уровнем экономического развития и недостатком ресурсов для обновления автопарка. Многочисленные транспортные средства, особенно в сельских районах, могут не иметь необходимых средств безопасности, таких как подушки безопасности, ABS и другие системы. В связи с этим планируется, что к 2030 году новые и подержанные автомобили будут соответствовать высококачественным стандартам безопасности, таким как рекомендуемые приоритетные правила ООН.

В рамках данного направления необходимо разработать стандарты по применению ремней безопасности и креплений к ним для всех сидений, а также обеспечить их установку в автомобилях при производстве и сборке. Отдельное внимание необходимо уделить стандартам использования детских удерживающих устройств и защитных шлемов, а также систем помощи водителю. Для своевременного и оперативного оказания помощи новые транспортные средства необходимо оборудовать системой *eCall* или системой экстренного вызова при ДТП (*AECS*).

Необходимо внедрить системы обязательной сертификации, основанные на установленных требованиях безопасности в сочетании с плановыми проверками в пунктах въезда и выезда новых и подержанных автомобилей.

4. Безопасность участников дорожного движения

Безопасность участников дорожного движения в странах Африки является одной из наиболее актуальных проблем, требующих внимания как со стороны правительственных органов, так и со стороны общества. С каждым годом автомобилизация на континенте растёт, что приводит к увеличению числа транспортных средств на дорогах и, как следствие, к повышению дорожно-транспортного травматизма.

К 2030 году планируется сократить число травм и смертельных исходов в результате дорожно-транспортных происшествий, связанных с употреблением водителями алкоголя или наркотических веществ. В странах Африки необходимо установить предельную концентрацию алкоголя в крови (BAC) для предотвращения вождения в состоянии опьянения. В рамках данного направления предполагается вдвое сократить долю автомобилей, движущихся с превышением установленного

ограничения скорости, и снизить уровень травматизма и смертности, связанных с превышением скорости на дорогах.

Регулирование скорости – проверенный метод снижения смертности на дорогах, особенно среди уязвимых участников дорожного движения (пешеходы, велосипедисты и мотоциклисты). Ограничение скорости до 30 км/ч эффективно снижает смертность и тяжесть травм в результате дорожно-транспортных происшествий. В Камеруне, Кении и Руанде составлен каталог зон с ограничением скорости до 30 км/ч, позволяющий изучить возможные факторы, способствующие появлению таких зон на всём континенте [7]. Важнейшим инструментом для снижения количества ДТП, травм и смертей на дорогах, связанных с превышением скорости, является автоматизированная система контроля скорости. Руанда стала первой африканской страной с низким уровнем дохода, внедрившей комплексную национальную систему автоматической фиксации нарушений, включающую до 500 камер контроля скорости.

К 2030 году во всех странах будут приняты национальные законы, ограничивающие или запрещающие использование мобильных телефонов во время вождения. Для достижения указанного показателя предполагается введение и ужесточение законов, запрещающих использование мобильных телефонов во время вождения. Повышение осведомлённости о рисках и обучение водителей избегать отвлечения внимания должно быть обеспечено с помощью включения тем в курсы обучения водителей. Проведение общественных кампаний по повышению осведомлённости о правилах дорожного движения в Африке играет важную роль в формировании безопасного поведения на дорогах.

Многие кампании используют телевидение, радио, социальные сети и печатные материалы для распространения информации. Видеоролики с примерами безопасного поведения на дороге и предупреждениями о последствиях нарушений могут быть особенно эффективными. Необходимо увеличить число образовательных программ, посвящённых основам безопасного вождения и правилам дорожного движения в школах и университетах, где обучаются дети и подростки.

5. Своевременное оказание помощи после ДТП

В рамках последнего направления к 2030 году страны установят и достигнут целей по сведению к минимуму времени между дорожно-транспортным происшествием и оказанием квалифицированной медицинской помощи. В 2023 году в Мозамбике, Нигерии, Сенегале и Уганде проводилась оценка эффективности оказания помощи экстренными службами. В результате исследования было установлено, что всем странам необходимо разработать нормативно-правовую базу для эффективного оказания неотложной медицинской помощи. В крупных городах, таких как Найроби (Кения) или Лагос (Нигерия), службы экстренной помощи могут быть более организованными и быстрее реагировать на вызовы. Однако в удалённых или сельских районах доступ к медицинским услугам может быть ограничен, и время ожидания может значительно увеличиться. В связи с этим планируется создание координационных центров служб экстренной медицинской помощи вдоль основных автомагистралей, особенно в местах концентрации ДТП.

В большинстве стран континента система экстренной медицинской помощи ещё находится на стадии развития. Однако многие государства предпринимают шаги для улучшения ситуации. Одним из ключевых аспектов является обучение медицинского персонала и создание специализированных служб, которые могут быстро реагировать на вызовы. Международные организации, такие как Всемирная организация здравоохранения и Красный Крест, активно участвуют в проектах, направленных на оказание помощи пострадавшим в ДТП. Эти организации предоставляют ресурсы и обучают местные службы, что позволяет улучшить качество оказания первой помощи и медицинских услуг. В некоторых регионах внедряются программы по повышению

осведомлённости населения о правилах дорожного движения и безопасном поведении на дороге.

Не менее важную роль в обеспечении безопасности и быстром реагировании на чрезвычайные ситуации по всему миру играют единые и легко запоминающиеся номера служб экстренной помощи

Уровень смертности в результате дорожно-транспортных происшествий в странах Африки остаётся одним из самых высоких в мире. В то время как в ряде стран отмечаются положительные тенденции, большинству государств ещё предстоит добиться значительного прогресса, который будет зависеть от устранения пробелов в ключевых нормативно-правовых документах, от дорожной инфраструктуры, от стандартов, применяемых к транспортным средствам, от доступности необходимой помощи после ДТП.

1. Глобал статус репорт он роад сафету 2023. Генева: Ворлд Хеалтх Организатион; 2023. Лиценце: СС БУ-НС-СА 3.0 ИГО.
2. Goel R, Tiwari G, Varghese M, Bhalla K, Agrawal G, Saini G, et al. Effectiveness of road safety interventions: an evidence and gap map. Campbell Syst Rev. 2024. 20(1). P. 1–41.
3. Митрошин Д. В. Формирование международной нормативной правовой основы организации и осуществления дорожного движения (состояние, проблемы, перспективы) // Безопасность дорожного движения. 2023. № 2. С. 54–59.
4. Майоров В. И., Дунаева О. Н. «Benchmarking» как технология повышения качества в сфере безопасности дорожного движения: опыт зарубежных стран и России // Безопасность дорожного движения. 2022. № 3. С. 13–18.
5. Стратегис дирестионс фор тне Пост 2011-2020 Десаде оф Астион фор Роад Сафету & Африсан Роад Сафету Астион План фор тне Десаде 2021–2030.
6. Глобал Роад Сафету Фацилиту (2022). Глобал Роад Сафету Фацилиту Аннуал Репорт 2022. Вашингтон ДС: Глобал Роад Сафету Фацилиту, Ворлд Банк.
7. Глобал Роад Сафету Фацилиту (2023). Глобал Роад Сафету Фацилиту Аннуал Репорт 2023. Вашингтон ДС: Глобал Роад Сафету Фацилиту, Ворлд Банк.
8. Глобал Роад Сафету Фацилиту (2024). Глобал Роад Сафету Фацилиту Аннуал Репорт 2024. Вашингтон ДС: Глобал Роад Сафету Фацилиту, Ворлд Банк.

1. Global status report on road safety 2023. Geneva: World Health Organization; 2023. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO.
2. Goel R, Tiwari G, Varghese M, Bhalla K, Agrawal G, Saini G, et al. Effectiveness of road safety interventions: an evidence and gap map. Campbell Syst Rev. 2024. 20(1). P. 1–41.
3. Mitroshin D. V. Formirovanie mezhdunarodnoj normativnoj pravovoj osnovy` organizacii i osushhestvleniya dorozhnogo dvizheniya (sostoyanie, problemy`, perspektivy`) // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2023. № 2. S. 54–59.
4. Majorov V. I., Dunaeva O. N. «Benchmarking» kak texnologiya povy`sheniya kachestva v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: opy`t zarubezhny`x stran i Rossii // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2022. № 3. S. 13–18.Strategic directions for the Post 2011-2020 Decade of Action for Road Safety & African Road Safety Action Plan for the Decade 2021–2030.
5. Global Road Safety Facility (2022). Global Road Safety Facility Annual Report 2022. Washington DC: Global Road Safety Facility, World Bank.
6. Global Road Safety Facility (2023). Global Road Safety Facility Annual Report 2023. Washington DC: Global Road Safety Facility, World Bank.
7. Global Road Safety Facility (2024). Global Road Safety Facility Annual Report 2024. Washington DC: Global Road Safety Facility, World Bank.

Информация об авторе

Анастасия Андреевна Гусева. Научный сотрудник.
ФКУ «Научный центр БДД МВД России».
121293, Россия, г. Москва, ул. Поклонная, 17

Information about the author

Anastasia An. Guseva. Research Associate.
Federal public establishment «Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».
121293, Russia, Moscow, Poklonnaya st., 17.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted November 15, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 351.81

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Жбанова Светлана Александровна
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

svetlanasamotina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности применения мер обеспечения производства в отношении участников дорожного движения, механизм реализации правоприменительных действий инспектора ДПС в данной ситуации. Указанные меры рассматриваются в контексте ключевых средств, позволяющих реализовать принцип неотвратимости наказания виновных лиц, а также оказывать профилактическое воздействие на нарушителей административного законодательства, в том числе посредством ограничения прав и лишения возможности дальнейшего совершения неправомерных деяний.

Ключевые слова: производство, меры обеспечения, безопасность дорожного движения, наказание, правонарушение, административное законодательство.

Для цитирования: Жбанова С. А. Проблемы применения некоторых мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в сфере безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 76–85.

THE PROBLEMS OF APPLYING SOME MEASURES TO ENSURE THE PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF ROAD SAFETY

Svetlana Al. Zhbanova
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

svetlanasamotina@mail.ru

Annotation. The article considers the peculiarities of the application of measures to ensure proceedings against road users, the mechanism of implementation of law enforcement actions of traffic police inspector in case of the need to apply these measures. These measures are considered in the context of the key means to implement the principle of inevitability of punishment of guilty persons, as well as to have a preventive effect on violators of administrative legislation, including through the restriction of rights and deprivation of the possibility of further commission of unlawful acts.

Keywords: production, security measures, road safety, punishment, offense, administrative legislation.

For citation: Zhbanova S. A. Problems of application of some measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses in the field of road safety // Scientific Bulletin

of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 76–85.

Актуальность статьи обусловлена рядом факторов, к которым относится как специфика самого процесса передвижения по дорогам посредством использования транспортных средств как источников повышенной опасности, так и необходимость применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в отношении водителей, нарушающих требования безопасного движения по дорогам. Процесс обеспечения безопасности дорожного движения – деятельность сложная и многоступенчатая. В связи с этим регулируется большим объёмом нормативно-правовых актов [1, с. 47]. При рассмотрении данного вопроса следует обратить внимание на то, что не все перечисленные ранее меры обеспечения производства по делу применяются сотрудниками Госавтоинспекции в силу специфики служебной деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения.

Так, чаще всего сотрудники применяют к нарушителям правил дорожного движения и требований безопасности следующие меры процессуального обеспечения:

1. Доставление, которое представляет собой сопровождение гражданина, совершившего противоправное деяние, наказуемое административным законодательством, в соответствующее подразделение МВД России. Важным будет заметить, что для осуществления данного действия необходимо соблюсти условие, заключающееся в том, что по конкретному правонарушению необходимо составить соответствующий протокол, однако в условиях сложившейся обстановки это не представляется возможным на месте совершения правонарушения. Кроме того, для сотрудников Госавтоинспекции, а именно дорожно-патрульной службы (далее – ДПС), необходимо получить соответствующее разрешение от дежурного, поскольку сотрудники ДПС не вправе покидать место дислокации при несении службы[1].

Также необходимо отметить, что такое положение сотрудников становится проблемой, поскольку в соответствии с требованиями КоАП РФ[2] данная мера обеспечения производства по делам об административных происшествиях должна быть реализована в максимально короткое время. Такая расплывчатая законодательная формулировка сроков становится проблемой для сотрудников полиции, поскольку при несении службы на местах дислокации сотрудники ДПС часто сталкиваются с объективными причинами, по которым выполнение доставления в установленный срок просто невозможно осуществить.

Для решения указанной проблемы предлагается с учётом специфики деятельности сотрудников Госавтоинспекции, а также условий несения службы установить более чёткие сроки осуществления доставления гражданина в соответствующее подразделение МВД России. К примеру, учесть местонахождение патрульного экипажа, несущего службу в пределах федеральных автодорог, на участках дорог, находящихся на значительном удалении от населённых пунктов, в которых имеются подразделения ОВД. Кроме того, следует отметить, что в соответствии с требованиями приказа[3] для осуществления административного

[1] Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 2 мая 2023 г. № 264. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».

[2] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях: Федер. Закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ст. 3128.

[3] Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 2 мая 2023 г. № 264. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».

задержания лицо доставляется в дежурную часть территориального органа МВД России по месту задержания, на стационарный пост, при котором имеется специально отведённое помещение для задержанных лиц. Об административном задержании составляется соответствующий протокол.

2. Задержание, которое представляет собой меру процессуального обеспечения, заключающуюся во временном ограничении свободы лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении административного противоправного действия, с целью обеспечения расследования и предотвращения уклонения от участия в административном процессе и привлечения к ответственности. Эта мера может применяться в случаях, когда существует опасность уклонения лица от участия в деле или совершения повторного правонарушения [2, с. 59]. Задержание осуществляется, как правило, сразу после доставления лица в соответствующее подразделение ОВД. По общему правилу срок применения данной принудительной меры, обеспечивающей производство по делу, составляет 3 часа с момента, когда данное лицо было доставлено, однако данный срок допускается продлевать до 48 часов в случаях, если за допущенное правонарушение предусмотрено административное наказание в виде административного ареста.

3. Отстранение водителя от управления транспортным средством, представляющее собой специальную меру обеспечения административного производства, применяемую исключительно к водителям ТС, при наличии достаточных данных, указывающих на факт нахождения данного водителя в состоянии опьянения. Достаточными данными считаются внешние признаки, указывающие на возможное алкогольное опьянение водителя. Такие признаки прописаны в Постановлении Правительства Российской Федерации от 21.10.2022 № 1882[1]. Необходимо понимать, что вышеуказанные факторы являются только внешними и выявить их в транспортном потоке, когда нарушитель находится в транспортном средстве, крайне тяжело, а точнее – практически невозможно. Следует также отметить, что признаки, как правило, проявляются лишь при сильной концентрации употреблённых нарушителем алкогольных продуктов. Однако в случаях небольшого превышения минимально допустимого показателя содержания алкоголя законодателем в примечании к ст. 12.8 ФЗ от 30.12.2001 № 195[2] анализируемые критерии могут отсутствовать из-за незначительного промежутка времени, прошедшего после употребления алкоголесодержащих продуктов, либо в силу действий водителя, скрывающего установление исследуемого факта.

Зачастую лица, которые управляют транспортным средством, не всегда «пьянеют» от вышеуказанных веществ, иногда водители принимают лекарственные препараты, вызывающие исследуемое опасное явление. Такой вид опьянения именуется токсическим. Необходимо также заметить, что водители зачастую приводят себя в состояние опьянения не только употребляя отдельные типы веществ, но и сочетая их между собой. Подобное поведение вызывает так называемое сочетанное опьянение, то есть состояние, при котором проявляются признаки сразу нескольких типов исследуемого явления либо же признаки употребления нескольких различных веществ, влияющих на психическое и физическое здоровье водителя при осуществлении им движения на дорогах, что создаёт угрозу опасности жизни как

[1] О порядке освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения (вместе с "Правилами освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения") [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 21 октября 2022 г. № 1882. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».

[2] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях: Федер. Закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ст. 3128.

самого нарушающего субъекта, так и прочих лиц как принимающих участие в дорожном движении, так и других людей, не участвующих в нём [3, с. 64].

4. Освидетельствование на состояние алкогольного опьянения. Необходимо отметить, что следом за процедурой отстранения водителя от управления транспортным средством, завершающейся составлением соответствующего протокола, сотрудники Госавтоинспекции обязаны предложить водителю пройти освидетельствование на состояние алкогольного опьянения. В данном случае водитель правомочен отказаться от прохождения указанной процедуры, именно поэтому сотрудники полиции лишь предлагают осуществить её прохождение.

При выполнении сотрудниками Госавтоинспекции обязанностей и задач, возложенных на них ст. 13 ФЗ РФ от 07.02.2011 № 3[1], п. 11 Указа Президента РФ от 15.06.1998 № 711[2] и приказа МВД России от 02.05.2023 № 264[3], необходимо учитывать, что инспекторы правомочны на реализацию постулатов указанных выше правовых источников лишь при наличии обстоятельств, подтверждающих законность и обоснованность правоприменительной деятельности представителей государственной власти в сфере обеспечения безопасного дорожного движения. Такие требования законодателя связаны прежде всего с тем, что при реализации различных превентивных и пресекающих мер в отношении граждан нарушаются их конституционные права, в данном случае право на свободу передвижения водителей, подозреваемых в нарушении п. 2.7. ПДД РФ. Поэтому в связи с вышеуказанным законодатель предусмотрел и закрепил в постановлении Правительства РФ от 21.10.2022 № 1882 строго определённый порядок проведения процедуры освидетельствования лиц, а также возможность отказаться от её прохождения[4].

Данный нормативный правовой акт регламентирует, что в случае остановки транспортного средства, которым управляет потенциально пьяный водитель, инспекторы ДПС могут осуществить процедуру освидетельствования только при условии, что имеются достаточные данные, позволяющие полагать, что водитель находится в состоянии опьянения. Отдельно нужно отметить, что законодатель управомочил сотрудников Госавтоинспекции исключительно на установление факта нахождения субъекта, который управляет транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Кроме того, в данных правилах законодательно закреплено правомочие на осуществление указанной процедуры и в отношении субъекта, которому уже вынесено определение о возбуждении административного расследования. Однако освидетельствовать лицо, подозревающееся в управлении транспортным средством в состоянии опьянения, допускается только в присутствии двух понятых или же при условии применения сотрудниками Госавтоинспекции видеозаписи.

---

[1] О полиции: Федер. Закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

[2] О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения: Указ Президента Рос. Федерации от 15 июня 1998 г. № 711: вместе с Положением о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних делРоссийской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 25, ст. 2897; 2018. № 38, ст. 5835.

[3] Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Рос. Федерации о безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 2 мая 2023 г. № 264. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».

[4] О порядке освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения (вместе с "Правилами освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения") [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 21.10.2022 № 1882. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».

Освидетельствование лица, управлявшего транспортным средством предположительно в состоянии опьянения, реализуется посредством использования специальных измерительных приборов, тип которых утверждён законодателем, а именно анализирующих пары этанола в выдыхаемом воздухе. Данные специальные измеряющие средства должны быть поверены в регламентируемом законодателем порядке и использованы в строгом соответствии с инструкцией об их эксплуатации. Однако важно учитывать, что вышеуказанные технические приборы также должны обеспечивать возможность записи измеряемых результатов обязательно на носитель бумажного типа.

В целях обеспечения законного порядка проведения исследуемого действия в отношении нарушителя сотрудник Госавтоинспекции обязан до начала осуществления освидетельствования проинформировать лицо, в отношении которого будет реализовываться данная процедура, о последовательности её проведения с учётом использования алкотестера, а также о наличии данных о результатах поверки этого измеряющего прибора в Федеральном информационном фонде по обеспечению единства измерений. Процедура освидетельствования осуществляется сотрудником Госавтоинспекции путём отбора пробы выдыхаемого нарушителем воздуха в соответствии с инструкцией по использованию данного измеряющего технического средства. По результатам вышеуказанной проверки устанавливается факт наличия алкогольного опьянения при условии, если средство измерения установит, что концентрация абсолютного этилового спирта в выдыхаемом воздухе составляет 0,16 миллиграмма на один литр. Данное значение является законодательно установленным минимумом, при котором субъект, нарушивший закреплённый п. 2.7. ПП РФ от 23.10.1993 № 1090 запрет, подлежит привлечению в ответственности.

Итоги, полученные в ходе произведённых инспектором действий в отношении водителя, подлежат документированной фиксации в специально установленном акте, к которому прилагается носитель бумажного типа, содержащий запись о результатах измерений[1]. Субъекту данной процедуры, в отношении которого она производилась, вручается копия указанного акта. Акт не подлежит составлению в случаях, когда от субъекта, управляющего транспортным средством, поступил отказ в прохождении исследуемого действия процессуальной окраски.

Законодатель предусмотрел возможность установления других видов опьянения у водителей посредством закрепления положений об алгоритме направления указанных лиц на освидетельствование медицинского характера. Этими основаниями являются: отказ управляющего транспортным средством лица проходить процедуру по установлению анализируемого состояния; несогласие освидетельствуемого субъекта с результатами проведённой проверки; наличие данных, которых достаточно, чтобы полагать, что водитель находится в состоянии опьянения, даже в случае получения результатов, опровергающих факт наличия алкогольного опьянения.

Направление водителя-нарушителя на освидетельствование медицинской организацией допускается только в присутствии двух понятых или же при условии применения сотрудниками Госавтоинспекции видеозаписи. По данному факту сотрудники Госавтоинспекции обязаны составить протокол о направлении на медицинское освидетельствование. Также необходимо обратить внимание на то, что правомочные субъекты обязаны принять соответствующие меры, направленные на идентификацию лица, нарушившего п. 2.7. ПДД, а также отразить в вышеуказанном протоколе сведения о неналичии у лица документов и о принятых мерах, направленных

[1] Об утверждении форм акта освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и протокола о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 10 февраля 2023 г. № 51. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».

на установление его личности. Инспектор ДПС обязан доставить водителя на медицинское освидетельствование, кроме тех случаев, когда указанному лицу необходима медицинская помощь. Также необходимо отметить, что при реализации положений пункта приказа МВД России от 02.05.2023 № 264[1] сотрудники Госавтоинспекции отстраняют водителя от управления транспортным средством.

Следует обратить внимание на то, что в абз. 2 п. 13 приказа Минздрава России от 18.12.2015 № 933н регламентировано положение о выдаче инспектору, направившему лицо на прохождение медицинского освидетельствования, справки в произвольной форме, заверенной печатью медицинского учреждения и подписью врача, который проводил медицинское освидетельствование. В указанном документе содержатся сведения о результатах рассматриваемой процедуры об обнаружении либо необнаружении клинических признаков исследуемого состояния водителя. Освидетельствуемое лицо получает копию данной справки. За отказ от прохождения медицинского освидетельствования законодателем предусмотрена ответственность административного характера, квалифицируемая в соответствии со ст. 12.26. КоАП РФ.

Проблемой, на наш взгляд, является тот факт, что водители готовы быть привлечены в административной ответственности за употребление алкоголя после совершения ДТП, преследуя целью скрыть факт употребления спиртных напитков или наркотиков перед началом управления средством транспорта. Это касается случаев, когда водители совершают уже преступное деяние, предусмотренное ст. 264.1. УК РФ.

Водители, которые совершают правонарушение по ст. 12.8. КоАП РФ после истечения срока действия наказания или впервые, как правило, попросту отказываются от прохождения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, предлагаемого сотрудниками Госавтоинспекции, а затем, согласившись на прохождение медицинского освидетельствования, стараются как можно дольше тянуть время до момента прибытия в медицинское учреждение, преследуя цель избежать наступления юридической ответственности за допущенное нарушение. Это обусловлено тем, что санкции статей предусматривают наступление административной ответственности за совершение действий по управлению транспортным средством в состоянии опьянения или употребление алкоголя непосредственно после совершения ДТП, участником которого он является.

Кроме того, по мнению Ю. К. Смирновой и А. С. Мамина, ещё одним проблемным вопросом является медицинское освидетельствование на состояние алкогольного опьянения. Реализации данной меры препятствует ряд причин, следует выделить такие, как:

– достаточно большое время уходит на оформление соответствующих документов;

– места, предназначенные для медицинского освидетельствования, зачастую находятся далеко от места правонарушения;

– зачастую отсутствует возможность незамедлительного проведения медицинского освидетельствования с анализом биосреды правонарушителя [4, с. 159].

Для решения данной проблемы предлагается возможность выезда к месту происшествия или остановки потенциально опасного водителя, предположительно находящегося в состоянии опьянения, мобильной бригады медицинских работников, правомочных производить медицинское освидетельствование на состояние опьянения. Кроме того, необходимо обеспечить возможность проводить анализы и тесты образцов крови и мочи в мобильном режиме.

[1] Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Рос. Федерации о безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 2 мая 2023 г. № 264. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».

5. Досмотр транспортного средства. Указанное мероприятие осуществляется визуальным способом, исключая риски нарушения целостности конструктивных элементов транспорта, подверженного досмотру. Спецификой данной меры обеспечения выступает тот факт, что при производстве досмотра присутствует водитель транспортного средства, кроме случаев, не терпящих отлагательства. При досмотре ТС сотрудники полиции сталкиваются с проблемой взаимодействия с владельцем досматриваемого транспорта. Данная проблема может быть устранена только при повышении уровня знаний в области психологии общения с гражданами [5, с. 335].

В юридической науке не выработан единый подход к определению досмотра и осмотра транспортных средств. В нормативных правовых актах, регламентирующих проведение досмотра, используются неопределённые выражения, касающиеся оснований его проведения. В них предписано проведение досмотра «в случае необходимости», «при наличии достаточных оснований полагать», «при подозрении», «при обоснованном предположении», «при наличии данных», «при проведении специальных мероприятий» и т. п. Все эти термины имеют универсально-правовой характер и могут иметь расширительное или ограничительное толкование права, что составляет интерпретационную деятельность [6, с. 60].

6. Личный досмотр. Данная мера принуждения применяется довольно редко, лишь при наличии оснований у инспекторов ДПС полагать, что досматриваемое лицо может быть опасно для себя и окружающих либо подозревается в хранении или перевозке вещей и предметов, изъятых из свободного оборота.

Данная мера обеспечения охарактеризована спецификой субъекта, в отношении которого она применяется, так как при её реализации происходит физический контакт досматривающего с досматриваемым. Именно поэтому личный досмотр производится только лицом одного пола с гражданином, подвергнутым прохождению данной процедуры. Кроме того, законодатель устанавливает обязательное присутствие понятых такой же половой принадлежности, как и досматриваемый человек. Однако, по нашему мнению, данное требование может доставить лишний психологический стресс и дискомфорт лицу, который подвержен прохождению процедуры личного досмотра. Это обусловлено тем, что сотрудник полиции законодательно наделён полномочиями на производство указанных действий, а понятыми, как правило, выступают обычные граждане. Однако, с другой стороны, указанное требование законодателя призвано обеспечить защиту прав граждан, предотвратить неправомерные действия сотрудников полиции при производстве досмотра. Помимо указанного, следует обратить внимание на то, что граждане не всегда соглашаются принять участие в административном процессе в качестве понятых, и в связи с этим сотрудники полиции могут потратить огромное количество времени на производство досмотра, что идёт в разрез с принципами своевременности и оперативности производства процессуальных действий. Также нередки случаи, когда людей на улице попросту нет. Поэтому наиболее эффективным будет являться наличие видеозаписи производства данной процедуры. Кроме того, отмечается, что допустимо производство личного досмотра без присутствия понятых в случаях, когда есть основания предполагать, что у гражданина, подверженного досмотру, имеется оружие или боеприпасы [7, с. 502]. Ряд учёных склонен утверждать, что сами правонарушители являются объектами исполнительного производства, поскольку на них оказывается воздействие государственными органами для достижения цели административного наказания [8, с. 104].

Резюмируя все вышесказанное, можно отметить, что основной проблемой применения мер обеспечения при производстве дел об административных правонарушениях является ограниченность во времени, несовместимая с условиями

несения службы сотрудниками Госавтоинспекции, а особенно дорожно-патрульной службы. Вопросы обеспечения безопасности дорожного движения являются перманентно актуальными. Уровень безопасности дорожного движения напрямую влияет на экономическую, демографическую, миграционную ситуацию и представляет собой неотъемлемую составную часть национальной безопасности Российской Федерации [9, с. 59]. Также проблемным аспектом становится частое отсутствие возможности обеспечить присутствие понятых при применении мер обеспечения производства.

В ходе исследования были определены специфические особенности мер административного принуждения, обеспечивающие производство по административным делам, среди которых:

– принуждающий характер применения в отношении нарушителей;

– оперативность применения на месте совершения противоправного административного деяния;

– строгое целевое назначение в виде обеспечения правильности соблюдения принципов протекания процесса производства по административному делу;

– индивидуальная направленность – применение каждой конкретной меры определяется сотрудником полиции в зависимости от оперативной обстановки на месте правонарушения, обстоятельств его совершения, в отношении конкретного лица;

– ограничение прав и свобод человека при применении к нему мер, обеспечивающих производство по делу об административном правонарушении, допустимо только в исключительных случаях.

Таким образом, нами был проведён анализ особенностей и проблем, связанных с применением некоторых мер обеспечения при производстве административных дел, возбуждённых за нарушение законодательства в области безопасного дорожного движения.

Такими обеспечивающими мерами являются: доставление, задержание административного характера, отстранение от управления транспортным средством, личный досмотр, досмотровые мероприятия в отношении транспорта нарушителя, производство освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, а также направление на прохождение медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Кроме того, необходимо отметить, что каждая из рассмотренных мер своим результатом имеет составление соответствующего протокола.

Помимо указанного, были выявлены проблемные аспекты применения указанных процедур сотрудниками Госавтоинспекции, к которым относится наличие временных рамок, в пределах которых необходимо осуществить ту или иную меру обеспечения, к примеру доставление, реализовать которое невозможно в кратчайшие сроки при условии нахождения экипажа ДПС на месте дислокации, расположенном в удалении от населённых пунктов. При этом была определена проблема отсутствия сроков доставления лица в медицинскую организацию для осуществления медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

---

1. Жбанова С. А. Отдельные аспекты профилактики управления транспортным средством в состоянии опьянения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 47–58.
2. Миронов Ц. Ю. Меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении // Молодой ученый. 2024. № 5(504). С. 59–67.
3. Бурцев А. А. Обзор международного опыта объективизации признаков наркотического опьянения у водителей транспортных средств // Вопросы наркологии. 2021. № 2(197). С. 60–73.

4. Смирнова Ю. К., Мамин А. С. Проблемы применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в области безопасности дорожного движения и пути совершенствования деятельности в данной области // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 1-2. С. 158–161.
5. Панова И. В. Административно-процессуальное право России. 3-е изд., пересмотренное. М.: Норма: ИНФРА, 2019. 335 с
6. Братановский С. Н. Административное право: Учебник. Особенная часть. М.: Директ-Медиа, 2013. 502 с.
7. Бровко Н. В., Галустян А. Г., Зейналов Ф. Н. К проблеме проведения досмотра транспортных средств в практической деятельности сотрудников Госавтоинспекции / Н. В. Бровко, А. Г. Галустян, Ф. Н. Зейналов // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2 (109). С. 56–61.
8. Жбанова С. А., Шкеля О. В. Проблемы реализации института исполнения постановлений о наложении административных наказаний в области безопасности дорожного движения и пути их преодоления // Общество и право. 2022. № 2(80). С. 102–106.
9. Затолокин А. А. Современные вызовы безопасности дорожного движения и пути их преодоления // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 59–66.

1. Zhbanova S. A. Otdel`ny`e aspekty` profilaktiki upravleniya transportny`m sredstvom v sostoyanii op`yaneniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 2(95). S. 47–58.
2. Mironov Cz. Yu. Mery` obespecheniya proizvodstva po delu ob administrativnom pravonarushenii // Molodoj ucheny`j. 2024. № 5(504). S. 59–67.
3. Burcev A. A. Obzor mezhdunarodnogo opy`ta ob``ektivizacii priznakov narkoticheskogo op`yaneniya u voditelej transportny`x sredstv // Voprosy` narkologii. 2021. № 2(197). S. 60–73.
4. Smirnova Yu. K., Mamin A. S. Problemy` primeneniya mer obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya i puti sovershenstvovaniya deyatel`nosti v dannoj oblasti // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2022. № 1-2. S. 158–161.
5. Panova I. V. Administrativno-processual`noe pravo Rossii. 3-e izd., peresmotrennoe. M.: Norma: INFRA, 2019. 335 s
6. Bratanovskij S. N. Administrativnoe pravo: Uchebnik. Osobennaya chast`. M.: Direkt-Media, 2013. 502 s.
7. Brovko N. V., Galustyan A. G., Zejnalov F. N. K probleme provedeniya dosmotra transportny`x sredstv v prakticheskoj deyatel`nosti sotrudnikov Gosavtoinspekcii / N. V. Brovko, A. G. Galustyan, F. N. Zejnalov // Filosofiya prava: nauch.-teoretich. zhurn. Rostov-na-Donu. 2024. № 2 (109). S. 56–61.
8. Zhbanova S. A., Shkelya O. V. Problemy` realizacii instituta ispolneniya postanovlenij o nalozhenii administrativny`x nakazanij v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya i puti ix preodoleniya // Obshhestvo i pravo. 2022. № 2(80). S. 102–106.
9. Zatolokin A. A. Sovremenny`e vy`zovy` bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya i puti ix preodoleniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 2(95). S. 59–66.

Информация об авторе

Светлана Александровна Жбанова. Заместитель начальника кафедры организации деятельности Госавтоинспеции. Кандидат экономических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the author

Svetlana Al. Zhbanova. Deputy Head of the Department of Organisation of Activities of the State Automobile Inspection. Candidate of Economic Sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of Ministry of interior of Russia.

302027, Russia, Orel, Ignatov st., 2.

Статья поступила в редакцию 15.10.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted October 15, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 342.9

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Затолокин Александр Александрович
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

kiap_krdu@mvd.ru

Аннотация. Рассматривается существующий опыт взаимодействия органов внутренних деля с религиозными организациями. Обращается внимание на наличие проблемных моментов в рассматриваемых вопросах. Отмечается возможность стабилизации ситуации посредством применения новых форм и методов взаимодействия. Делается акцент на повышение количественного и качественного вовлечения в профилактическую деятельность членов общественных советов территориальных подразделений МВД России – представителей религиозных организаций. Вносится предложение о необходимости разработки нормативного акта «Типовой план работы общественного совета при территориальном подразделении МВД России».

Ключевые слова: религия, национальности, конфликты, превенция, общество, духовенство, взаимодействие.

Для цитирования: Затолокин А. А. Опыт и перспективы взаимодействия органов внутренних дел с религиозными организациями по профилактике межнациональных конфликтов // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 86–94.

EXPERIENCE AND PROSPECTS OF INTERACTION OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS WITH RELIGIOUS ORGANIZATIONS FOR THE PREVENTION OF INTER-NATIONAL CONFLICTS

Alexander A. Zatolokin
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia

kiap_krdu@mvd.ru

Annotation. The existing experience of interaction of internal affairs bodies with religious organizations is considered. Attention is drawn to the presence of problematic issues in the issues under consideration. The possibility of stabilizing the situation through the use of new forms and methods of interaction is noted. The emphasis is on increasing the quantitative and qualitative involvement in preventive activities of members of public councils of territorial divisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia: representatives of religious organizations. A proposal is made on the need to develop a normative act «A standard work plan of the public council under the territorial division of the Ministry of Internal Affairs of Russia».

Keywords: religion, nationalities, conflicts, prevention, society, clergy, interaction.

For citation: Zatolokin A. A. Experience and prospects of interaction of the department of internal affairs with religious organizations for the prevention of international

conflicts // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 86–94.

Государство в лице органов власти Российской Федерации реализует поступательную политику в сфере противодействия экстремизму. Общеизвестно, что экстремизм берёт своё начало в не получивших своевременного пресечения конфликтах на религиозной и национальной почве. Превентивные меры необходимо применять не только к деяниям, обладающим признаками соответствующих правовых деликтов, но и к межрелигиозным и межнациональным конфликтам, способным в дальнейшем принять более тяжёлые формы посягательств на общественный порядок и общественную безопасность.

Значительную роль в профилактике экстремизма, а также соответствующих межличностных, межнациональных и межконфессиональных конфликтов играют органы внутренних дел. Наиболее эффективно осуществлять подобную профилактику с опорой на общественность, в том числе и на представителей религиозных организаций. Как отмечают современные исследователи, «в учениях мировых религий – ислама, христианства и буддизма – сосредоточен мощный потенциал общечеловеческих ценностей, способствующих сближению различных групп населения, зовущих к миру, согласию, созиданию» [1, с. 61]. Данный потенциал может и должен работать в целях консолидации российского общества. Совсем по-иному воспринимаются профилактические меры, направленные на лиц, конфликтующих на религиозной почве, реализуемые сотрудником ОВД совместно с представителем религиозной организации, который в данных вопросах обладает, бесспорно, большей компетенцией и авторитетом.

Обращаясь к существующей практике взаимодействия ОВД с религиозными организациями по профилактике конфликтов на религиозной почве, необходимо отметить, что данная деятельность в настоящее время представляет собой совместную работу представителей различных служб органов внутренних дел и представителей институтов гражданского общества. Со стороны гражданского общества в совместной деятельности активное участие принимают члены общественных советов при территориальных органах внутренних дел. В состав большинства общественных советов входят представители традиционных религий Российской Федерации. Именно представители традиционных конфессий, входящие в состав общественных советов при территориальных органах МВД России, способны повлиять на купирование зарождающегося самого распространённого «религиозного экстремизма» [2, с. 31].

Приведём анализ существующей практики взаимодействия, который осуществлялся исходя из имеющейся информации, содержащейся в открытом доступе. С учётом максимальной репрезентативности исследования в качестве регионов были выбраны следующие: Республика Башкортостан, Республика Дагестан, Республика Крым, Республика Татарстан, Республика Саха (Якутия), Московская область, г. Санкт-Петербург, Ленинградская область, Ставропольский край, Краснодарский край. Выбор указанных субъектов обусловлен необходимостью анализа соответствующего опыта как в относительно неблагоприятных, так и, наоборот, в стабильно положительных регионах в сфере межконфессионального согласия. В тексте статьи результаты анализа опыта взаимодействия будут приведены следующим образом: в первую очередь будут рассмотрены республики, затем области и в завершение края. Рассмотрение принимаемых профилактических мер на региональном уровне в каждом из десяти субъектов будет осуществлено по единому принципу. В качестве временного периода, за который будет анализироваться соответствующий опыт, принимаем срок 6 месяцев (с января по июнь 2024 года).

Итак, Республика Башкортостан. В январе 2024 года в Республике состоялись несанкционированные митинги в поддержку так называемого «экоактивиста»

(осуждённого за возбуждение межнациональной ненависти и вражды)[1]. Ознакомление с размещённым в открытом доступе составом Общественного совета при МВД по Республике Башкортостан[2] позволяет обнаружить в качестве членов двух представителей религиозных организаций (Русская православная церковь и Духовное управление мусульман).

В рамках совместной деятельности по профилактике конфликтов на региональной почве проведены три мероприятия:

1. «Совместные с религиозными деятелями встречи со студентами по вопросам недопущения вовлечения их в экстремистскую деятельность»;

2. «Профилактические беседы с молодёжью».

3. «Выступление представителей духовенства перед трудовыми коллективами».

Обращает на себя внимание, что взаимодействие сотрудников ОВД с представителями религиозных организаций в Республике Башкортостан (причём не только в вопросах профилактики конфликтов на религиозной и национальной почве) направлено на граждан, исповедующих как православное христианство, так и ислам. Иными словами, если проводится совместное мероприятие с представителем Русской православной церкви, то в этот же день (или в ближайшее время) проводится подобное мероприятие с мусульманскими религиозными деятелями. Подобный опыт может служить примером для других субъектов Российской Федерации. Помимо информации о проведённых совместных мероприятиях, содержащейся в новостной ленте, рассматриваемое взаимодействие отражено в отчёте о деятельности общественного совета за 2023 год.

Республика Дагестан. В последнее время этот субъект получил печальную известность вследствие антисемитских беспорядков в аэропорту Махачкалы[3], нападения на синагоги, церкви и сотрудников полиции в городах Дербент и Махачкала[4]. Согласно информации, содержащейся на официальном сайте МВД по Республике Дагестан в разделе «Общественный совет» (вкладка «Состав общественного совета»[5]), в состав совета не входят представители религиозных организаций. Информация, размещённая на вышеуказанном сайте (раздел «Лента новостей»), за рассматриваемый период позволяет обнаружить лишь одно мероприятие, проведённое во взаимодействии с представителями религиозных организаций, которое лишь частично можно отнести к совместной деятельности: «Заместитель председателя Общественного совета при МВД по РД организовал коллективный ифтар (вечерний приём пищи у мусульман во время исламского месяца Рамадан) в Хасавюртовском районе». Анализ размещённой в открытом доступе информации официального сайта МВД по Республике Дагестан (раздел «Общественный совет») не выявил отчёта о деятельности совета за 2023 год, однако имеется План мероприятий Общественного совета при МВД по Республике Дагестан на 2024 год (запланировано лишь одно мероприятие профилактической направленности (в сфере превенции конфликтов на религиозной почве (п. 2.3.). Иными словами, несмотря на сложную ситуацию в сфере межрелигиозных отношений в Республике

---

[1] Глава Башкирии Радий Хабиров [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/radiyhabirov/6397 (дата обращения: 25.06.2024).

[2] Общественный совет при МВД по Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: https://02.мвд.рф (дата обращения: 25.06.2024).

[3] Глава Дагестана Меликов прокомментировал кадры поиска еврея в двигателе самолета[Электронный ресурс].URL:https://rg.ru/2023/11/02/reg-skfo/glava-dagestana-melikov-prokommentiroval-kadry-poiska-evreia-v-dvigatele-samoleta.html. (дата обращения: 25.06.2024).

[4] Безопасность детей - это наша главная задача, совместная работа и ответственность!!! [Электронный ресурс].URL: https://deti.gov.ru/Press-Centr/region-news/13562 (дата обращения: 25.06.2024).

[5] Общественный совет при МВД по Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: https://05.мвд.рф. (дата обращения: 25.06.2024).

Дагестан, вовлечение в профилактическую деятельность представителей традиционных для Российской Федерации религий со стороны ОВД не обеспечено.

Республика Крым. Рассматриваемый субъект, хотя и не получил негативного отражения в современной информационной повестке, однако в силу своей стратегической значимости и многонационального состава населения представляет не меньший интерес в исследовании различных аспектов совместной деятельности ОВД и религиозных организаций, общественных объединений в профилактике конфликтов на религиозной и национальной почве. В состав регионального общественного совета входят два представителя религиозных организаций (Русская православная церковь (РПЦ) и Духовное управление мусульман (ДУМ)[1].

Информация, размещённая на сайте МВД по Республике Крым (Главная/Новости/Новости Общественного совета), как и отчёт о деятельности общественного совета за 2023 год, не содержат сведений о проведённых в рамках совместной деятельности мероприятий по профилактике конфликтов на региональной и национальной почве. Иными словами, несмотря на включение в состав общественного совета Республики Крым представителей религиозных организаций, информации, свидетельствующей об осуществлении рассматриваемого взаимодействия, нет.

Республика Татарстан. Данный субъект отличается стабильностью в выстраивании отношений между народами. Согласно данным, размещённым в открытом доступе (Главная/МВД Татарстана/Общественный совет/Состав Общественного Совета)[2], в состав Общественного совета при МВД по Республике Татарстан входят два представителя религиозных организаций (РПЦ и ДУМ). Информация, размещённая на сайте МВД по Республике Татарстан (Главная/МВД Татарстана/Общественный совет/Новости Общественного совета), за рассматриваемый период не содержит сведений о проведённых в рамках совместной деятельности мероприятий по профилактике конфликтов на региональной и национальной почве. Отчёт о деятельности Общественного совета при МВД по Республике Татарстан за 2023 год (Главная/МВД Татарстана/Общественный совет/Отчеты) содержит информацию о четырёх проведённых за шесть месяцев мероприятиях. Таким образом, исходя из данных открытых источников, можно предположить, что представители религиозных организаций вовлечены в совместную профилактическую деятельность, но в новостной ленте регионального МВД проводимые мероприятия отражения не получают.

Республика Саха (Якутия). Регион получил освещение в информационном пространстве с негативной стороны как субъект, в котором присутствуют определённые проблемы в сфере межрелигиозных конфликтов. Наиболее значимыми событиями, произошедшими в Республике, являются события марта 2023 года (многотысячный митинг, по причине изнасилования местной жительницы «мигрантом из Центральной Азии»)[3] и события января 2024 года («несогласованный митинг по поводу убийства местного жителя уроженцем Республики Таджикистан). Согласно информации, содержащейся на официальном сайте МВД по Республике Саха (Якутия) в разделе «Общественный совет при МВД по Республике Саха (Якутия)»[4], в состав совета входит один священник Русской православной церкви, других представителей религиозных организаций в совете нет. Информация, размещённая на сайте

[1] Состав регионального общественного совета [Электронный ресурс]. URL: https://82.мвд.рф. (дата обращения: 25.06.2024).
[2] Состав общественного совета [Электронный ресурс]. URL: https://16.мвд.рф. (дата обращения: 25.06.2024).
[3] [Электронный ресурс]. URL: https://sledcom.ru/sk_russia/leaders/item/686. (дата обращения: 25.06.2024).
[4] Общественный совет при МВД по Республике Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. URL: https://14.мвд.рф. (дата обращения: 25.06.2024).

МВД по Республике Саха (Якутия) (раздел «Новости общественных советов»), за рассматриваемый период позволяет обнаружить два мероприятия[1], проведённые в рамках совместной деятельности по профилактике конфликтов на региональной и национальной почве. При этом анализ размещённого в открытом доступе Отчёта о деятельности Общественного совета при МВД по Республике Саха (Якутия) по итогам 2023 года не позволяет обнаружить сведений об осуществлённых представителями ОВД совместно с представителями религиозных организаций и общественных объединений мероприятий в рассматриваемой сфере. Несмотря на имеющуюся межнациональную и межрелигиозную напряжённость, в регионе не задействованы возможности представителя религиозной организации в профилактическом плане.

Московская область как субъект Российской Федерации в последнее время получила негативное отражение в СМИ в связи с событиями в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 года. Анализ официального сайта ГУ МВД России по Московской области (вкладка «Общественный совет», раздел «Состав созыва 2023–2026 гг.»)[2] позволяет выявить, что в действующий состав общественного совета входят два представителя религиозных организаций (ДУМ и РПЦ). Анализ информации, размещённой на вышеуказанном сайте (раздел «Новости Общественных советов»), за рассматриваемый период позволяет обнаружить три мероприятия, которые только отдалённо можно отнести к совместной деятельности по профилактике конфликтов на региональной и национальной почве:

– 2 апреля 2024 года «В Наро-Фоминске полицейские и общественник провели беседу по антитеррористической безопасности»;

– 2 апреля 2024 года «Общественник в г.о. Лотошино принял участие в мероприятии, направленном на обеспечение антитеррористической защищённости населения»;

– 11 марта 2024 года «Полицейские и общественник в Лотошино провели беседу в культурно-спортивном центре» (беседа антитеррористической направленности).

Обращает на себя внимание, что два из трёх проведённых совместных мероприятия соответствующей превентивной направленности были реализованы после трагических событий в «Крокус Сити Холле». Анализ размещённого в открытом доступе (сайт ГУ МВД России по Московской области/раздел «Общественный совет»/вкладка «Отчёты») отчёта о работе общественного совета при ГУ МВД России по Московской области за 2023 год не выявил упоминания в нём информации о результатах взаимодействия ОВД с религиозными организациями по профилактике конфликтов на религиозной почве (в том числе по профилактике экстремистской деятельности (экстремизма).

г. Санкт-Петербург и Ленинградская область. Регионы является относительно стабильными в плане межконфессионального взаимодействия и в информационной повестке за последнее время не отметились. В состав Общественного совета при ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, согласно размещённой на официальном сайте информации (Главная/ГУМВД/Общественный совет/О Совете/Организационная структура/Руководство и состав)[3], входят трое представляй различных религиозных организации (Русская православная церковь, Духовное управление мусульман, Иудейских религиозных общин). Информация, размещённая на сайте ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской

[1] Новости общественных советов [Электронный ресурс]. URL: https://14.мвд.рф. (дата обращения: 25.06.2024).
[2] Состав созыва 2023–2026 г. [Электронный ресурс]. URL: https://50.мвд.рф. (дата обращения: 25.06.2024).
[3] Общественного совета [Электронный ресурс]. URL: https://78.мвд.рф. (дата обращения: 25.06.2024).

области (Главная/ГУ МВД/Общественный совет/Новости), также как и отчёт за 2023 год не содержит сведений о проведённых в рамках совместной деятельности мероприятий по профилактике конфликтов на региональной почве. Иными словами, в составе совета обеспечено представительство сразу трёх традиционных конфессий, однако возможности их профилактического воздействия остаются нереализованными.

Ставропольский край. Рассматриваемый субъект, несмотря на многонациональный и поликонфессиональный состав населения, характеризуется довольно стабильной ситуацией в межнациональных отношениях. В информационной повестке с негативной стороны край не фигурировал. Согласно данным, размещённым в открытом доступе (Главная/ГУ МВД/Общественный совет/Состав и руководство Общественного совета/ Общественный совет), в состав Общественного совета при ГУ МВД России по Ставропольскому краю входят два представителя религиозных организаций (ДУМ и РПЦ). В рамках совместной деятельности по профилактике конфликтов на региональной и национальной почве в Ставропольском крае проведено семь совместных мероприятий соответствующей направленности (Главная/Новости/Новости Общественного совета). Отчёт о деятельности Общественного совета при ГУ МВД России по Ставропольскому краю за 2023 год (Главная/ГУ МВД/Общественный совет/Отчеты о работе Общественного совета при ГУ МВД России по Ставропольскому краю/Отчёт о деятельности общественных советов при ГУ МВД России по Ставропольскому краю за 2023 год) содержит информацию о проведённых совместных мероприятиях, направленных на профилактику конфликтов на религиозной почве.

Краснодарский край. Данный субъект является одним из наиболее стабильных в плане межрелигиозных, межнациональных отношений и не имеет значимых прецедентов для попадания в информационную повестку. Согласно официальному сайту ГУ МВД России по Краснодарскому краю (Главная/Общественный совет/Состав и руководство Общественного совета), в состав совета входит один представитель религиозной организации (РПЦ).

За шесть месяцев 2024 года проведено шесть мероприятий с участием представителей религиозных организаций, направленных на профилактику конфликтов на религиозной почве. Отчёт о деятельности Общественного совета при ГУ МВД России по Краснодарскому краю за 2023 год (Главная/Общественный совет/Отчёты о проделанной работе/Отчёт об итогах деятельности Общественного совета при ГУ МВД России по Краснодарскому краю за 2023 год) содержит информацию, относящуюся к сфере профилактики конфликтов на религиозной и национальной почве. В общественном совете при ГУ МВД России по Краснодарскому краю не только обеспечено представительство религиозной организации, но и данный представитель активно вовлечён в профилактику конфликтов на религиозной почве.

Таким образом, можно утверждать, что представительство в общественном совете при территориальном органе внутренних дел религиозной организации и активное задействование служителей культа в совместной с ОВД профилактической работе имеет прямую взаимосвязь с отсутствием серьёзных конфликтов в регионе на национальной и религиозной почве. Проведённый репрезентативный анализ исследуемого направления взаимодействия в десяти регионах демонстрирует, что в трёх регионах (Республика Татарстан, Ставропольский край, Краснодарский край), где религиозные организации представлены в общественном совете, религиозные деятели вовлечены в меры превентивного характера, отчётно-плановая документация содержит соответствующие пункты совместной деятельности, удаётся сохранять межконфессиональное согласие. Наоборот, в тех регионах, где отсутствует в общественном совете представительство религиозных организаций, не проводится совместная профилактическая работа, нет отражений необходимых направлений

взаимодействия в отчётно-плановой документации (Республика Дагестан) либо же проводится, но частично (Московская область, Ленинградская область, Республика Саха (Якутия), Республика Крым, г. Санкт-Петербург), имеются прецеденты конфликтов на религиозной и национальной почве.

Не может не обратить на себя внимания положительный опыт взаимодействия ОВД и представителей религиозных организаций в Республике Башкортостан, который, однако, не стал гарантией отсутствия межрелигиозных и межнациональных конфликтов на территории региона. Поэтому следует помнить, что противодействие экстремизму так же, как и профилактика межрелигиозных конфликтов, не должна ограничиваться лишь мерами убеждения, следует применять комплекс мер [8, с. 85], выбор которых должен учитывать характер и масштабы проблемы.

Исходя из вышесказанного, сформулируем следующие выводы:

– во-первых, межконфессиональный диалог является важнейшим фактором общественно-политической стабильности, задача органов государственной власти – не допустить перерастания меконфессиональных конфликтов в экстремистскую деятельность и массовые беспорядки;

– во-вторых, реалии современности таковы, что противодействие имеющимся межрелигиозным угрозам требует от ОВД вовлекать в профилактику различные органы и организации [3, с. 58], в том числе представителей религиозных организаций, имеющих авторитет в своей конфессии и являющихся членами Общественных советов при территориальных органах МВД Российской Федерации;

– в-третьих, совместная деятельность ОВД с представителями религиозных организаций должна носить плановый характер, но не ограничиваться имеющимися планами работы.

В этой связи предлагаем осуществить разработку и принятие единого документа «Типовой план работы общественного совета при территориальном органе МВД России», в котором в качестве одного из обязательных разделов содержался бы раздел с названием «Организация работы ОВД с религиозными организациями по профилактике конфликтов на религиозной и национальной почве». Раздел должен включать типовые мероприятия, запланированные к осуществлению во взаимодействии с представителями религиозных организаций, целью которых являлась бы профилактика правонарушений на межнациональной почве.

При этом любой разрабатываемый в субъекте Российской Федерации план работы Общественного совета при территориальном органе МВД мог бы ссылаться на единый федеральный документ [5, с. 76]. В качестве субъектов реализации пунктов указанного раздела следует обозначить подразделения ОВД и религиозные организации, национальные общественные объединения, национально-культурные автономии. Вовлечение указанных структур гражданского общества в совместную профилактическую деятельность позволит качественно повысить уровень защищённости всех членов общества и предотвратить возможные конфликты на религиозной почве, тем самым не допустить их перерастания в более серьёзные правонарушения, в том числе и в экстремистскую деятельность.

В завершение статьи необходимо указать, что любая профилактическая работа не имеет прямой взаимосвязи с наличием или отсутствием правонарушений. Здесь в качестве примера можно привести аналогичную деятельность полиции в сфере пропаганды безопасности дорожного движения, которая, в свою очередь, оказывает действенное влияние на снижение основных показателей аварийности на дорогах Российской Федерации [6, с. 166]. Совместная деятельность ОВД с неравнодушными к проблемам межрелигиозных отношений субъектами профилактики и религиозных организаций – это так называемая «работа вдолгую», которая способна изменить не настоящую ситуацию, а оказать положительное влияние на неё в перспективе.

1. Иванов В. В. Роль религии в современном межэтническом диалоге и урегулировании конфликтов // Наука, образование и культура. 2016. № 10(13). С. 77–80.
2. Беженцев А. А., Лебедев В. Р. Экстремизм: истоки проблемы (древний мир, средние века, новое время) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1(94). С. 20–25.
3. Зиборов О. В., Павлова Е. Н. Отдельные аспекты правового обеспечения деятельности органов государственной власти субъектовроссийской Федерации (на примере Орловской области) в сфере межнациональных отношений как фактор преодоления экстремистских проявлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 1(98). С. 57–64.
4. Затолокин А. А. Административно-правовые средства противодействия экстремизму. Краснодар: ФГКОУВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2015. С. 85–88.
5. Труфанов М. Е. Бланкетность норм административного права. Краснодар: ФГКОУВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2015. С. 19–22.
6. Зейналов Ф. Н. Положительный опыт Российской Федерации по проведению малозатратных мероприятий по повышению безопасности дорожного движения и перспективы их применения в городе Яунде Республики Камерун // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования: Сборник материалов XVIII ММНПК. В 2-х частях, Орёл, 25–26 апреля 2024 года. Орёл: Орловский юридический институт МВД РФ им. В.В. Лукьянова, 2024. С. 113–117.

1. Ivanov V. V. Rol` religii v sovremennom mezhe`tnicheskom dialoge i uregulirovanii konfliktov // Nauka, obrazovanie i kul`tura. 2016. № 10(13). S. 77–80.
2. Bezhencev A. A., Lebedev V. R. E`kstremizm: istoki problemy` (drevnij mir, srednie veka, novoe vremya)// Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 1(94). S. 20–25.
3. Ziborov O. V., Pavlova E. N. Otdel`ny`e aspekty` pravovogo obespecheniya deyatel`nosti organov gosudarstvennoj vlasti sub``ektovrossijskoj Federacii (na primere Orlovskoj oblasti) v sfere mezhnacional`ny`x otnoshenij kak faktor preodoleniya e`kstremistskix proyavlenij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 1(98). S. 57–64.
4. Zatolokin A. A. Administrativno-pravovy`e sredstva protivodejstviya e`kstremizmu / A. A. Zatolokin. Krasnodar: FGKOUVPO «Krasnodarskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii», 2015. S. 85–88.
5. Trufanov M. E. Blanketnost` norm administrativnogo prava. Krasnodar: FGKOUVPO «Krasnodarskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii», 2015. S. 19–22.
6. Zejnalov F. N. Polozhitel`ny`j opy`t Rossijskoj Federacii po provedeniyu malozatratny`x meropriyatij po povy`sheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya i perspektivy` ix primeneniya v gorode Yaunde Respubliki Kamerun // Upravlenie deyatel`nost`yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy`, puti sovershenstvovaniya: Sbornik materialov XVIII MMNPK. V 2-x chastyax, Oryol, 25–26 aprelya 2024 goda. Oryol: Orlovskij yuridicheskij institut MVD RF im. V.V. Luk`yanova, 2024. S. 113–117.

Информация об авторе

Александр Александрович Затолокин. Доцент кафедры конституционного и административного права. Кандидат юридических наук, доцент.
Краснодарский университет МВД России.
350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128.

Information about the author

Alexander A. Zatolokin.
Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law. Candidate of Legal Sciences, associate Professor.
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia.
350005, Russia, Krasnodar, Yaroslavskaya st., 128.

Статья поступила в редакцию 18.10.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted October 18, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК. 342.9

ПОДГОТОВКА ПОЛИЦЕЙСКИХ КАДРОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОПЫТ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Набока Алла Александровна[1], Кузнецова Кристина Александровна[2], Пестов Роман Аркадьевич[3]

[1]Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия

[2]Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова, Хабаровск, Россия

[3]Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

[1]Alla_naboka@mail.ru
[2]Kristina.a.kuznetsova@mail.ru
[3]79185927828@ya.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам подготовки полицейских кадров на современном этапе административной реформы, проводимой в органах внутренних дел Российской Федерации. Авторами рассмотрен положительный опыт подготовки специалистов для Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики, на основании которого делаются выводы о его применимости для подготовки кадров в органах внутренних дел Российской Федерации с учётом особенностей и специфики прохождения службы. Сформулированные авторами выводы дополняют комплекс имеющихся научных результатов и определяют направления получения новых знаний о подготовке специалистов и кадров для органов внутренних дел.

Ключевые слова: органы внутренних дел, полиция, Китайская Народная Республика, международный опыт, образование, обучение, образовательная программа, общественная безопасность, общественный порядок, искусственный интеллект, большие данные.

Для цитирования: Набока А. А., Кузнецова К. А., Пестов Р. А. Подготовка полицейских кадров на современном этапе: опыт Китайской Народной Республики // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 95–101.

TRAINING OF POLICE PERSONNEL AT THE PRESENT STAGE: EXPERIENCE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Alla Al. Naboka[1], Kristina Al. Kuznetsova[2], Roman A. Pestov[3]

[1]Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia

[2]Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov, Khabarovsk, Russia

[3]Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

[1]Alla_naboka@mail.ru
[2]Kristina.a.kuznetsova@mail.ru
[3]79185927828@ya.ru

Annotation. The scientific article is devoted to topical issues of training police personnel at the present stage of administrative reform carried out in the internal affairs bodies of the Russian Federation. The authors considered the positive experience of training specialists for the Ministry of Public Security of the People's Republic of China, on the basis of which conclusions are drawn about its applicability for training personnel in the internal affairs bodies of the Russian Federation, taking into account the specifics and specifics of the service. The conclusions formulated by the authors complement the set of available scientific results and determine the directions for obtaining new knowledge about the training of specialists and personnel for the internal affairs bodies.

Keywords: internal affairs, police, People's Republic of China, international experience, education, training, education program, public safety, public order, artificial intelligence, big data.

For citation: Naboka A. A., Kuznetsova K. A., Pestov R. A. Training of police personnel at the present stage: experience of the People's Republic of China // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2024. № 4(101). P. 95–101.

Современный этап развития деятельности полиции с использованием результатов достижений науки и техники, аутуальных технологий и информационных систем повлёк за собой необходимость совершенствования подходов к подготовке соответствующих кадров. Актуальность исследуемых вопросов обретает значимость на фоне растущей необходимости налаживания международного сотрудничества, а также повышения эффективности деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ) по противодействию «новой» или «высокотехнологичной», «интеллектуальной» преступности и нарушений общественного порядка, предотвращения угроз общественной безопасности на территории Российской Федерации.

Рост числа научных публикаций, проводимых исследований и количество научно-представительских мероприятий, касающихся вопросов образа «современного» полицейского, подготовки, навыков и профессиональных компетенций подчёркивают прикладной характер полученных результатов.

Вопросы подготовки полицейских кадров в новую эпоху волнуют не только Российскую Федерацию, но и другие развитые страны, чей опыт может стать положительным в развитии системы подготовки собственных полицейских кадров.

В разное время вопросы подготовки кадров Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики (далее – МОБ КНР) становились предметом обсуждения в работах таких учёных-административистов и специалистов, как О. Н. Дунаева, А. Г. Калугин, В. И. Майоров, А. Ю. Манцуров [1; 2; 3; 4].

Основную часть МОБ КНР составляет Народная полиция, которая имеет сложную структуру, включающую полицию общественной безопасности; криминальную полицию; полицию по контролю дорожного движения; железнодорожную полицию; речную и морскую полицию; воздушную полицию; полицию по охране лесов; тюремную полицию; таможенную полицию [1].

Подготовка полицейских кадров в КНР так же, как и в Российской Федерации, по-прежнему осуществляется на основе сочетания классической университетской модели высшего образования со специальной полицейской подготовкой. По мнению А. Г. Калугина, это позволяет выпускникам уже в период обучения приобрести прикладные умения и навыки, необходимые для полноценного выполнения служебных обязанностей в тех или иных службах и подразделениях органов общественной безопасности [3].

Образование в вузах системы МОБ КНР является престижным для молодого поколения в Китае, поскольку такое обучение может с высокой степенью вероятности гарантировать выпускнику высокооплачиваемую работу. Одним из отличий от образовательных организаций системы МВД России выступает платная основа обучения курсантов.

В настоящее время в Китае существующая система профессиональной подготовки сотрудников МОБ КНР подразделяется на подготовку офицерского состава, который готовится в профессиональных вузах МОБ и школах подготовки рядового состава [4; 5]. Например, Хэйлунцзянский институт профессиональной подготовки офицеров милиции общественной безопасности был основан в 1946 году и является единственным высшим профессиональным образовательным учреждением в провинции по подготовке специалистов милиции, а также базой переподготовки офицеров среднего звена.

С одобрения Министерства образования Китая в 2017 году институт возобновил приём на академическое обучение и в настоящее время в нём обучается 1 500 курсантов. В этом институе, выполняющем также функцию центра подготовки милиции, ежедневно проходят обучение более 8 000 сотрудников милиции разных уровней и категорий в провинции. Хэйлунцзянский институт профессиональной подготовки офицеров МОБ КНР по праву считается одной из авторитетных образовательных организаций страны в области подготовки профессиональных кадров.

В Китае начиная с 1984 года совершенствование системы государственной службы неразрывно связано с процессом информатизации как «управленческого» образования, так и собственно государственного управления [6].

В институтах МОБ КНР создаются факультеты управления обеспечением общественного порядка, криминалистических технологий, тактической подготовки полицейских, управления дорожным движением, обеспечения сетевой безопасности и применения информационных технологий в служебной деятельности по соответствующим направлениям подготовки.

Для реализации образовательного процесса по подготовке кадров в институтах МОБ КНР основное внимание в образовательной деятельности уделяется использованию современных образовательных технологий в формате интерактивных обучающих программ и практической направленности обучения, в частности подготовки специалистов для обеспечения информационной безопасности. На базе факультетов обеспечения кибербезопасности создаются лаборатории и современные учебно-тренировочные полигоны для отработки навыков противодействия противоправным посягательствам. Профессиональная подготовка сотрудников обеспечивается непрерывной системой практической подготовки с использованием современных аппаратно-программных комплексов и средств.

В качестве положительного опыта подготовки «современных» полицейских кадров целесообразно привести пример уникальной разработки – системы управления и охраны безопасности, созданной на базе институтов при поддержке МОБ КНР, одновременно являющейся учебным полигоном для подготовки курсантов «Центр оперативного управления». На основе технологий облачных вычислений и обработки больших данных была создана информационная платформа управления, которая включает в себя функции по управлению безопасностью института, а также автоматизации образовательного процесса. Информационная архитектура платформы создана с помощью применения съёмок беспилотных летательных аппаратов с наклонной осью камеры для трёхмерного панорамного моделирования территории и зданий института.

В целях обеспечения безопасности института использование указанной информационной платформы позволяет сотрудникам института осуществлять отслеживание и построение маршрутов лиц и автомобилей, управление нарядами,

заступающими на службу. В целях реализации образовательного процесса и преодоления нехватки профессорско-преподавательского состава платформа применяется для проведения лекционных и других видов учебных занятий, при котором преподаватель находится в одной аудитории, а лекционное занятие могут фиксировать обучающиеся из других аудиторий, иных точек.

По нашему мнению, указанная модель может быть разработана и внедрена в образовательный процесс образовательных организаций системы МВД России, реализующих основные профессиональные образовательные программы по направлениям подготовки, связанным с обеспечением законности и правопорядка, а также направленностью образовательной программы в области административной деятельности полиции.

Полиция в Российской Федерации в своей деятельности использует достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру. При этом с 2023 года в соответствии с ч. 3 ст. 11 Федерального закона Российской Федерации от 27.02.2011 «О полиции»[1] использование беспилотных воздушных и иных автоматизированных беспилотных комплексов, технических средств, средств видеофиксации осуществляется при документировании обстоятельств совершения преступлений, административных правонарушений, обстоятельств происшествий, в том числе в общественных местах, а также для фиксирования действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности.

Отдельные элементы искусственного интеллекта (далее – ИИ) уже созданы и используются в деятельности МВД России, такие как аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» и другие. Разработка же указанной выше платформы требует внедрения дополнительных модулей аналитической обработки видеоданных, основанных на технологии машинного обучения. Подобные технологии в комплексном виде в практической деятельности и образовательном процессе образовательных организаций системы МВД России в настоящее время не применяются.

Идея подготовки полицейских кадров в области ИИ в России активно развивается в процессе реализации научной деятельности образовательных организаций системы МВД России, например в рамках проведения конкурса проектов «Хакатон». Данный конкурс направлен на создание конкурсантами программных решений с применением технологий ИИ для автоматизации процессов технической эксплуатации и поддержки пользователей сервисов МВД России[2]. В рамках проведения научно-представительских мероприятий обсуждаются подходы к решению задач по внедрению систем ИИ и методов машинного обучения в процессы выявления, предупреждения и раскрытия преступлений[3].

На примере описанного опыта КНР потенциал ИИ должен быть использован и в процессе реализации образовательной деятельности обучающихся, в том числе при получении знаний, умений и навыков обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка в общественных местах.

Одновременно специалисты по подготовке полицейских кадров в КНР считают, что на фоне высокого уровня государственного финансирования разработки и создания новейших аппаратно-программных комплексов для осуществления

---

[1] О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерацииот 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Торжественное закрытие конкурса Хакатон-2024 – «Искусственный интеллект для анализа больших данных» [Электронный ресурс]. URL: https://xn--l1aeji.xn--b1aew.xn--p1ai/Press-sluzhba/Novosti/item/55007599 (дата обращения: 12.11.2024).

[3] В МВД России обсудили вопросы внедрения искусственного интеллекта в работу полиции [Электронный ресурс]. URL: https://xn--80a.xn--b1aew.xn--p1ai/Universitet/Novosti/item/24412070 (дата обращения: 12.11.2024).

высокоинтеллектуальной или узкопрофильной деятельности полиции подготовка высококвалифицированных полицейских кадров не получает соответствующей политической поддержки. Так, по мнению специалистов, в Китае отсутствует грамотная политика, поощряющая подготовку и целенаправленное трудоустройство в МОБ КНР высококвалифицированных полицейских кадров, что приводит к их нехватке[1].

В настоящее время в образовательных организациях общественной безопасности Китая не хватает профессорско-преподавательского состава, которые обладали бы знаниями не только в области общественной безопасности, но и в сфере информационных технологий и иными профессиональными навыками. Также не ведётся разработка образовательных программ и междисциплинарных курсов, при реализации которых возможно было подготовить нехватающие высококвалифицированные кадры общественной безопасности. Таким образом, существует значительный разрыв между уровнем подготовки действующих сотрудников и уровнем применения указанных технологий в их практической деятельности. У рядового состава отсутствует должная мотивация к обучению и совершенствованию своих навыков по изучению и применению «новейших» методов охраны порядка и обеспечения общественной безопасности [7].

Те негативные тенденции, с которыми сталкиваются образовательные организации МОБ КНР, через несколько лет, возможно, будет испытывать на себе и российская система подготовки полицейских кадров. В связи с этим на современном этапе развития и нормативного закрепления использования ИИ в практической деятельности ОВД РФ требуется параллельное внедрение указанных форм и методов в процесс обучения курсантов и слушателей, в подготовку профессорско-преподавательского состава, а также создания «современной» материально-технический базы. Представленный опыт демонстрирует, что КНР заинтересована и активно вовлечена в подготовку высококвалифицированных полицейских, способных применять в практической деятельности новейшие технологии [8].

В трудах В. И. Майорова, О. Н. Дунаеваа, А. М. Пряникова отражается, с чем мы не можем не согласиться, что в настоящее время полиция КНР считается одной из самых высокоэффективных, а уровень преступности в стране, учитывая количество народонаселения, очень низкий. Государство и общество заинтересованы в повышении безопасности социальной среды. Формы, методы и средства, используемые полицией Китая в целях обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, постоянно совершенствуются [2]. В работе М. Н. Таршевой и О. Д. Вастьяновой уже приводятся показательные примеры применения высоких технологий и ИИ в целях борьбы с коррупцией правоохранительными органами КНР [9].

По нашему мнению, опыт КНР может быть использован как при модернизации образовательного процесса в целом, так и при проведении научных исследований. Создание и развитие современной учебно-материальной базы в образовательных организациях системы МВД России позволит использовать активные методы обучения в образовательном процессе, а также реализовывать весь спектр задач по подготовке квалифицированных специалистов для практических подразделений органов внутренних дел Российской Федерации.

---

1. Майоров В. И., Дунаева О. Н. Правовые основы деятельности полиции по обеспечению безопасности участников дорожного движения в Китайской Народной Республике // Сибирское юридическое обозрение. 2018. № 4. С. 480–486.

[1] При подготовке статьи было проведено интервьюирование 6 специалистов – сотрудников Хэйлунцзянского института профессиональной подготовки офицеров МОБ КНР.

2. Майоров В. И., Дунаева О. Н., Пряников А. М. Опыт Китайской Народной Республики по организациям взаимодействия полиции и общества в охране общественного порядка // Вестник ННГУ. 2021. № 3. С. 107–113.
3. Калугин А. Г. Организация подготовки полицейских кадров в Китае // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2013. № 2 (13). С. 93–97.
4. Манцуров А. Ю. Система образовательных учреждений Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики // Административное и муниципальное право. 2009. № 9. С. 49–51.
5. Кулин А. М. Китай – большие маневры (особенности современной системы образования в КНР) // Аккредитация в образовании. 2013. № 5. С. 24–26.
6. Захаров М.Ю. Подготовка кадров для государственного управления КНР: традиция и цифровое будущее // Вестник университета. 2021. № 3. С. 38–44.
7. Ли Ан Исследование методов подготовки интеллектуальных полицейских кадров в новую эпоху // Борьба с преступностью, подготовка полицейских кадров в новую эпоху: сборник научных трудов II китайско-российской научно-практической конференции (июнь 2024 г.) Харбин: Хэйлунцзянский институт профессиональной подготовки офицеров милиции общественной безопасности, 2024. С. 87–91.
8. Фэн Хуэй. Слагаемые «китайского чуда» Аккредитация в образовании. 2013. № 5. С. 22–23.
9. Таршева М. Н., Васьянова О. Д. Искусственный интеллект в борьбе с преступностью: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 3(100). С. 266–275.

1. Majorov V. I., Dunaeva O. N. Pravovy`e osnovy` deyatel`nosti policii po obespecheniyu bezopasnosti uchastnikov dorozhnogo dvizheniya v Kitajskoj Narodnoj Respublike // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2018. № 4. S. 480–486.
2. Majorov V. I., Dunaeva O. N., Pryanikov A. M. Opy`t Kitajskoj Narodnoj Respubliki po organizaciyam vzaimodejstviya policii i obshhestva v oxrane obshhestvennogo poryadka // Vestnik NNGU. 2021. №3. S. 107–113.
3. Kalugin A. G. Organizaciya podgotovki policejskix kadrov v Kitae // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2013. № 2 (13). S. 93–97.
4. Manczurov A. Yu. Sistema obrazovatel`ny`x uchrezhdenij Ministerstva obshhestvennoj bezopasnosti Kitajskoj Narodnoj Respubliki // Administrativnoe i municipal`noe pravo. 2009. № 9. S. 49–51.
5. Kulin A. M. Kitaj – bol`shie manevry` (osobennosti sovremennoj sistemy` obrazovaniya v KNR) // Akkreditaciya v obrazovanii. 2013. № 5. S. 24–26.
6. Zaxarov M.Yu. Podgotovka kadrov dlya gosudarstvennogo upravleniya KNR: tradiciya i cifrovoe budushhee // Vestnik universiteta. 2021. № 3. S. 38–44.
7. Li An Issledovanie metodov podgotovki intellektual`ny`x policejskix kadrov v novuyu e`poxu // Bor`ba s prestupnost`yu, podgotovka policejskix kadrov v novuyu e`poxu: sbornik nauchny`x trudov II kitajsko-rossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (iyun` 2024 g.) Xarbin: Xe`jlunczzyanskij institut professional`noj podgotovki oficerov milicii obshhestvennoj bezopasnosti, 2024. S. 87–91.
8. Fe`n Xue`j. Slagaemy`e «kitajskogo chuda» Akkreditaciya v obrazovanii. 2013. № 5. S. 22–23.
9. Tarsheva M. N., Vast`yanova O. D. Iskusstvenny`j intellekt v bor`be s prestupnost`yu: ugolovno-processual`ny`j i kriminalisticheskij aspekty` // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2024. № 3(100). S. 266–275.

Информация об авторах

Алла Александровна Набока. Старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел. Кандидат психологических наук.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.

308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

Кристина Александровна Кузнецова. Доцент кафедры административного права и административно-служебной деятельности ОВД. Кандидат юридических наук, доцент.

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова.

680020, Россия, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15.

Роман Аркадьевич Пестов. Доцент кафедры административного права. Кандидат юридических наук, доцент.

Ростовский юридический институт МВД России.

344015, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83.

Information about the authors

Alla A. Naboka. Senior Lecturer at the Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies. Candidate of Psychological Sciences.

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia.

308024, Russia, Belgorod, Gorky st., 71.

Kristina A. Kuznetsova. Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative and Service Activities of the Department of Internal Affairs. Candidate of Law, Associate Professor.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov.

680020, Russia Khabarovsk, Barracks lane., 15.

Roman A. Pestov. Associate Professor, Department of Administrative Law. Candidate of Law, Associate Professor.

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

344015, Russia, Rostov-on-Don, Eremenko st., 83.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 24.10.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted October 24, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 656.1

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО ПОДХОДА К ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Сальников Евгений Вячеславович[1], Сальникова Инна Николаевна[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел, Россия

[1]esalnikov2005@yandex.ru
[2]inna-salnikova@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется понятие научности применительно к вопросам обеспечения безопасности дорожного движения. Авторы показывают, что исходно научный подход к вопросам безопасности дорожного движения складывается как производная составляющая экономической деятельности. Научность вопросов организации безопасности дорожного движения определялась научностью экономики. Помимо экономической науки, инженерное дело, трансформировавшееся от ремесла и искусства к научной отрасли, также оказало своё влияние. Реализация высокотехнологичных и научно обоснованных проектов «*Autostrada dei Laghi*», «*HaFraBa*» и сети европейских автобанов предопределила необходимость научного подхода к системе организации дорожного движения в целом.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, автомобильные дороги, транспорт и экономика.

Для цитирования: Сальников Е. В., Сальникова И. Н. Формирование научного подхода к обеспечению безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 102–109.

FORMATION OF A SCIENTIFIC APPROACH TO ROAD SAFETY

Evgenii W. Salnikov[1], Inna N. Salnikova[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel, Russia

[1]esalnikov2005@yandex.ru
[2]inna-salnikova@yandex.ru

Annotation. The article analyzes the concept of scientificity in relation to issues of ensuring road safety. The author shows that the scientific approach to road safety issues initially developed as a derivative component of economic activity. The scientific nature of issues of organizing road safety was determined by the scientific nature of economics. In addition to economic science, engineering, which transformed from a craft and art to a scientific branch, also had its influence. The implementation of high-tech and scientifically based projects «Autostrada dei Laghi», «HaFraBa» and the network of European highways predetermined the need for a scientific approach to the system of organizing road traffic as a whole.

Keywords: road safety, highways, transport and economics.
For citation: Salnikov E. W., Salnikova I. N. Formation of a scientific approach to road safety // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 102–109.

Дальнейшее развитие системы обеспечения безопасности дорожного движения как в России, так и в мировом сообществе в целом представляется невозможным без обращения к осмыслению фундаментальных принципов, основополагающих понятий, которые ранее казались «само собой разумеющимися» и, безусловно, определёнными. Так, в ситуации разработки беспилотных транспортных средств своего переосмысления требуют базовые понятия «автомобиль» и «водитель». Развитие средств индивидуальной мобильности ставит вопрос о сущностных характеристиках велосипеда и так далее. В том числе актуальным представляется и осмысление научного подхода к безопасности дорожного движения, его принципиальных оснований.

В этом отношении продуктивной представляется идея парадигм обеспечения безопасности дорожного движения, которую выдающийся отечественный исследователь данного вопроса М. Я. Блинкин связывает с кругом неких англо-американских исследователей 1970–1980-х годов. В рамках этой трактовки парадигма безопасности дорожного движения – это «система взглядов, подходов, практик в сфере обеспечения БДД, которая имеет место в определённые периоды приспособления общества к мирному сосуществованию с растущим количеством автомобилей» [1, с. 51]. Согласно данному опредлению парадигма безопасности дорожного движения требует своей особой научности, что позволяет нам опираться в методологическом отношении на построения М. Я. Блинкина и, отталкиваясь от парадигмального подхода, подвергнуть рассмотрению специфику формирования научного подхода к вопросу обеспечения безопасности дорожного движения.

Истоки научного подхода к вопросу о безопасности дорожного движения, как нам представляется, лежат задолго до «нулевой парадигмы» в терминологии М. Я. Блинкина [1, с. 51] в событиях первого мирового капиталистического кризиса 1840-х годов, который привёл к качественному переосмыслению роли движения транспорта в целом. Морские и сухопутные транспортные пути, использовавшиеся в торговых целях, существовали с древнейших времён. Однако столь же древним являлось основанное на здравом смысле убеждение о необходимости ограничений на перемещение товаров и услуг с целью поддержания местного производителя. Человечество исходило из простой и понятной идеи о том, что в регионах с рисковым земледелием себестоимость производства сельскохозяйственных культур выше, чем в более благоприятных регионах, однако поставки в эти регионы сельскохозяйственной продукции без каких-либо ограничений привели бы к разрушению сложившихся там обществ. Традиционные общества жили производством сельскохозяйственной продукции, и поставка более дешёвых сельскохозяйственных продуктов на этот рынок либо была нерентабельна в свете неразвитости торговых отношений и отсутствия свободной денежной массы, либо приводила бы к массовому разорению местных производителей. Иначе говоря, крупные поставки продовольствия в традиционном обществе за пределами крупных городов были невозможны по причине того, что некому было оплачивать покупку этих товаров. Натуральное хозяйство предполагало, что крестьянская община обеспечивала с той или иной степенью эффективности собственные потребности, но не имела свободных денежных средств для закупки чужой, пусть даже более качественной и дешёвой продукции. В отсутствие промышленности торговые города были потребителями сельскохозяйственных излишков, однако в транспортном отношении эти объёмы всё-таки не носили глобального характера.

При этом и местные феодальные властители понимали, что неконтролируемый доступ товаров на внутренний рынок приведёт к их собственному разорению и обнищанию, а потому всемерно препятствовали таковым попыткам, инициируя введение различного рода ограничений и запретов. Ганзейский союз, средиземноморские и малоазиатские торговые связи осуществляли обмен товаров, однако транспорт и дорожное (сухопутное или водное) сообщение не воспринимались в качестве необходимого условия существования государства. Господствовала здравая мысль о том, что гибель от неурожая менее вероятна, чем гарантированное разорение сельскохозяйственных производителей в отсутствие заградительных торговых норм.

Ситуация в корне меняется с появлением индустриального общества модерна, когда прежний взгляд на транспортное сообщение и поставки сельскохозяйственных товаров извне становятся крайне опасными. Именно эти поставки являются подлинно крупнотоннажными, и в условиях раннего индустриального общества с незначительным удельным весом промышленных товаров именно они и могли составить серьёзную конкуренцию для значимого объёма грузовых перевозок, а значит изменить роль транспорта и дорожной системы. Иначе говоря, в период Средневековья за пределами крупных торговых городов, прежде всего Средиземноморья (Генуя, Венеция, Константинополь), велась очень ограниченная торговля оружием, рабами, предметами роскоши. Роль дорог и транспорта здесь мала. Только в случае движения сельскохозяйственных товаров поставки становятся действительно объёмными, а роль транспорта и дорожного сообщения возрастает.

Складывание внутреннего рынка национальных государств в эпоху Нового времени подтверждает сказанное. Рост объёмов движения товаров в XVII–XVIII веках, возникновение национальных ярмарок тесно связаны с развитием путей сообщения, прежде всего водных, а позднее и сухопутных. В этом отношении показательно возникновение в XVIII веке во Франции (Национальная школа мостов и шоссе) и Шотландии (школа Д. Макадама) специальных систем подготовки специалистов по обустройству дорог.

Однако всё же окончательная точка переворота в отношении к транспортным системам была поставлена распространением в Европе фитофторы, вызвавшей гибель картофеля, а также ряда других культур и повлекшей за собой сильнейший голод, усугубившийся эпидемией холеры, что в совокупности привело к значительным жертвам среди людей, особенно в Ирландии, население которой к 1849 году сократилось на 25 % к уровню 1840 года.

Г. Джеймс, автор работы «Семь крушений: экономические кризисы, которые создали глобализацию» [2, с. 62], указывает на то, что в основе этого кризиса лежало старое видение мира, где права местных аграриев и лендлордов нужно было защищать заградительным мерами и пошлинами, а саму административную деятельность осуществлять на основе здравого смысла. Р. Пиль относился к экономической науке с большим пренебрежением, но именно отказ от такого восприятия и переход на научное обоснование экономики, реализация принципов построения либерального глобального мира, где транспортное сообщение играет важнейшую роль, позволило преодолеть кризис. С этого момента на смену здравому смыслу, утверждавшему, что производить сельскохозяйственную и промышленную продукцию нужно на месте, в своей стране, приходит научно обоснованная идея (равным образом доступная к выведению из А. Смита, как и из маржиналистов и К. Менгера) транспортных связей различных регионов мира, в рамках которой осуществляется хозяйственное обеспечение потребностей каждого региона и страны в целом.

Такой переворот и привёл к обоснованию необходимости транспортных путей и дорожного движения в рамках мира как взаимосвязанного комплекса. Роль транспорта поменялась, торговля стала кровью экономики, а вместе с этим

трансформировалось значение дорожной сети, как следствие, возник вопрос об организации дорожного движения.

Вторая половина XIX века – время железнодорожного бума – период начала массового строительства железных дорог в развитых странах мира (США, Великобритания, Россия, Германия, Франция и др.). Одновременно с этим это эпоха развития водного транспорта как морского, так и речного (вспомним пароходные компании на российских реках, ставшие «героями» многочисленных художественных произведений, – от «Бесприданницы» А. Н. Островского до «Бронепароходов» А. В. Иванова). Рубеж XX века – заря автомобилестроения. Всё это требовало своего вписания в мировую экономику, где транспорт и торговля играли значительную роль. И поскольку экономика опиралась на научное обоснование, то и дорожное движение должно было иметь научный фундамент. Однако произошло это не сразу.

11 октября 1909 года в Париже рядом европейских стран была заключена Международная конвенция относительно передвижения автомобилей, в которых рассматривались отдельные вопросы конструкции автомобилей, их допущения к международному движению, а также сигналов и знаков. Предложенный текст конвенции разрабатывался Международной ассоциацией автомобильных клубов (AIACR) и Международной лигой туристических ассоциаций (LIAT) и был ориентирован прежде всего на достижение консенсуса в сфере того, каким образом может быть осуществлено движение между странами [3, с. 14]. Ни о какой науке речь там не шла.

Впервые о научном подходе к вопросам организации дорожного движения заговорили после Первой мировой войны. Организация дорожного движения стала предметом специального рассмотрения сразу в нескольких аспектах, при этом в каждом случае заявлялся научный подход.

Прежде всего, научная основа подхода к вопросу организации дорожного движения заявлялась в рамках деятельности Лиги Наций, в составе которой в 1919 году была создана Секция по коммуникации и транспорту, в 1931 году преобразованная в Консультативный и технический комитет по коммуникации и транспорту. С 1919 по 1931 год директором данной секции с небольшими перерывами был лорд Д. Салтер, являвшийся одним из экономических и финансовых руководителей Лиги Наций. Важно отметить, что Д. Салтер приобрёл известность не только как политик, но и как учёный-экономист и теоретик политического устройства. Он был одним из разработчиков концепции единого экономического устройства, в рамках которого, наряду с формированием единой финансовой системы, он уделял и важное внимание вопросам транспорта.

Для рассматриваемой здесь темы оказалось важным то, что сам Салтер был сыном владельца богатой английской пароходной компании, а в годы Первой мировой войны служил по линии морского судоходства. В результате его внимание привлекли прежде всего вопросы морского и речного транспорта. При этом практически одновременно в 1921 году он публикует свои теоретические политические и экономические взгляды в фундаментальной монографии «Союзнический контроль над судоходством. Эксперимент в области международного управления» [4] и выступает одним из организаторов международной конференции в Барселоне, в рамках которой была разработана Барселонская конвенция, включавшая статут о свободе транзита. Конвенция гарантировала свободу навигации на водных путях, которые имеют международное значение. В ходе Барселонской конференции были приняты также резолюции, касающиеся международного режима портов и международного режима железных дорог.

По своей сути в основе барселонских соглашений лежала идея единых правил и норм судоходства – речного и морского транспорта. По мысли Д. Салтера, единые правила деятельности транспортной системы являются обязательным элементом

функционирования мировой экономической и политической системы. Важно, что унификацию правил он рассматривал не в контексте создания системы безопасности дорожного движения, но в ракурсе достижения экономических и политических целей.

В свете именно таких целей Д. Салтер и в целом возглавляемая им секция обратились к вопросам дорожного движения, и в 1926 году в Париже состоялась конференция, итогом которой стало заключение новой Парижской конвенции 1926 года об автомобильном движении. Её основу составляли теоретические идеи Д. Салтера, А. Лавдэя [5] (руководитель секции, ставшей к тому моменту Организацией коммуникации и транспорта Лиги Наций, с 1939 по 1946 год) и других экономистов, основоположников идеи единого мирового экономического пространства, что отчётливо проявилось во введении международных водительских прав, существенно облегчавших трансграничные перевозки. При этом в остальных вопросах, связанных с безопасностью дорожного движения, например: унификация дорожных знаков, разработка требований к транспортных средствам – значительных изменений Конвенция не привнесла, добавив всего четыре знака. И здесь опять же не будем забывать, что и сам Салтер, и многие основоположники Лиги Наций были представителями Великобритании с её левосторонним движением и рядом других отличий, что порождало у них скрытое убеждение в невозможности полной унификации дорожного движения. Более того, отсутствовал даже сам термин «дорожное движение», вместо которого использовалось понятие «автомобильное движение».

Последнее не означало, что участники конференции совершенно не отдавали себя отчёта в значении единых правил для развития дорожного транспорта. Тот же Д. Салтер, вернувшись в Великобританию после окончания работы в Лиге Наций, выступил в 1932 году руководителем национальной конференции по вопросам организации дорожного и железнодорожного транспорта. Итоговый отчёт по результатам конференции (названный Отчёт Салтера) содержал ряд важных положений по организации дорожного и железнодорожного движения Великобритании, которые были во многом восприняты правительством.

На европейском континенте в 1931 году в Женеве была проведена конференция по дорожному движению, результатом которой стало заключение конвенции об унификации дорожной сигнализации и расширение до двадцати четырёх числа дорожных знаков. Однако в остальных вопросах работа женевской конференции продемонстрировала ряд проблем, основной из которых стала утрата единства позиций в силу отказа от некоей научности, лежащей в основе прежних соглашений. Экономические воззрения Салтера и других теоретиков единого мирового экономического пространства, воплощённого в мироустройстве Лиги Наций, предлагали общий научный базис. Женевская конференция предстала собранием национальных интересов вне какой-либо научности. В результате по целому ряду вопросов к единому мнению прийти не удалось, международные водительские удостоверения были отменены. Вместо них было предложено взаимно признавать национальные водительские удостоверения – решение, которое «аукнется» позже во время Берлинского кризиса. Иначе говоря, в Женеве снова вернулись к позиции 1909 года, когда стояла одна задача – прийти к консенсусу, просто договориться. В условиях сильного размежевания европейских стран достичь этой цели становилось всё сложнее. Здесь примечательно и то, что количество стран, принявших участие в работе Женевской конференции, было значительно меньше, чем на Парижской конференции 1926 года.

В целом же обращение к вопросам организации дорожного движения в рамках деятельности Лиги наций, с одной стороны, действительно осуществлялось на научном фундаменте, образуемом учёными-экономистами, обосновывавшими формирование

единого мирового транспортного пространства, что влекло за собой унификацию правил международного транспорта. Во главу угла здесь ставилась не безопасность, а экономическая целесообразность, при этом целостный взгляд на вопрос организации дорожного движения отсутствовал. Речь шла о теоретико-экономическом обосновании автомобильного движения, при этом такие компоненты, как дорога, человек, автомобиль, из исследовательского поля выпадали. В центре находились нормы международного движения и экономический эффект от их унификации. Спустя несколько десятилетий выдающийся учёный и практик В. В. Лукьянов, к которому мы перейдём чуть позже, сформулировал концепцию четырёх компонентов – слагаемых системы безопасности дорожного движения: «человек – автомобиль – дорога – среда». В целом научный подход, предложенный в рамках Лиги Наций и представленный Д. Салтером и его сподвижниками, рассматривал среду. Был предложен научный подход к созданию среды, в рамках которой происходит дорожное движение, включающий в себя, прежде всего, вопросы соотношения движения с суверенитетом государства, что регулирует само государство (национальные нормы и правила), а что урегулировано на международном уровне, так, чтобы среда дорожного движения не мешала.

Второй сферой, в которой утверждается научный подход, оказалась сфера дорожного строительства. Если в первом случае центральным компонентом квартета элементов системы безопасности была среда, то здесь в центре научного понимания оказалась дорога. В конце XIX века большинство дорог между населённым пунктами в США было, по образному народному выражению, приводимому И. Свифтом в своей книге «Большие дороги», «совершенно неопределимой, прочти непроходимой и едва доступной проезду на ослах, особенно весной и осенью, когда дожди превращали грязный просёлок в тяжёлое болото, больше клей, чем земля» [6, с. 32]. Немногим лучшей была ситуация в Европе, где оставались ещё следы римских дорог и паломнических путей, однако же в целом картина была вполне сопоставимой. И самое главное – никто даже не представлял себе, что дорога может стать предметом научных изысканий и местом приложения теоретически разработанной инженерной мысли.

Выше мы упоминали о том, что ещё с 1747 года во Франции действовала Национальная школа мостов и шоссе, имевшая своей целью подготовку инженеров дорожного строительства, видным представителем которой был инженер П. Трегезе. В XVIII веке ряд технологических подходов Трегезе был развит шотландсдким инженером Д. Макадамом. Однако в обоих случаях речь о какой бы то ни было научности не шла.

Только после Первой мировой войны, которая продемонстрировала высокую эффективность автомобильного транспорта в деле перевозки людей и грузов, ситуация стала серьёзно меняться. При этом следует понимать, что Первая мировая война продемонстрировала также высокий потенциал науки в целом в деле формирования национальной мощи, что привело к возникновению в целом ряде европейских стран специальных научно-технических институтов, призванных объединить науку и технику. Так, в Италии в 1919 году был создан национальный научно-технический комитет по развитию и росту итальянской промышленности с задачей установления более тесных связей между наукой и её приложениями, а в 1919 году было принято решение о создании Национального исследовательского совета. Одним из деятельных членов этого совета становится молодой инженер и исследователь П. Пуричелли *(Piero Puricelli).*

В 1922 году Пуричелли предлагает проект *«Autostrada dei Laghi»* – дороги, предназначенной для движения только автомобильного транспорта. Им было предложено, с одной стороны, новое технологическое решение – использование бетона в строительстве дорог – материала, опыт работы с которым Пуричелли приобрёл

в США. Однако, с другой стороны, в основе предложенного проекта лежала сформированная Пуричелли научная концепция автомобильной дороги как специального пространства. За счёт исключения фактора нахождения на дороге иных участников движения, обхода населённых пунктов и специального покрытия Пуричелли предлагал достичь высокой скорости движения транспортных средств. Дорога впервые стала предметом не только специальных инженерных исследований, технических решений, но и предметом концептуального осмысления того, какой должна быть сеть автомобильных дорог. По сути, именно в этот момент и появляется осознание отдельной от путей и тропинок автомобильной дороги. Позднее в 1935 году Пуричелли публикует проект международной сети автострад.

Нельзя сказать, что Пуричелли был единственным исследователем, обратившимся к изучению и проектированию автомобильных дорог. В Германии ещё в 1921 году был реализован проект *Avus* – замкнутой автомобильной дороги, предназначенной, однако, не для транспортного сообщения, а для подготовки водителей к автогонкам. Проект был порождён на базе теоретических идей, разрабатываемых несколькими немецкими инженерами, самым известным из которых стал Роберт Отцен. Имея богатую практику инспектирования железнодорожной сети и строительных проектов, Р. Отцен с 1907 года теоретически осмысляет накопленные факты, создавая теоретическое обоснование дорожного строительства в техническом институте Ганновера, где он впоследствии становится ректором. В 1926 году Р. Отцен становится президентом проекта строительства первой международной автомобильной дороге – *HaFraBa* от Гамбурга через Франкфурт-на-Майне до Базеля. При этом примечательно, что Р. Отцен не только воплощает в своём проекте идею, аналогичную П. Пуричелли, – специальной дороги для автомобилей, но предлагает разведение полос и максимальное исключение перекрёстков. Более того, именно ему принадлежит честь введения самого термина – автобан, то есть шоссе, предназначенное только для автомобилей и имеющее контролируемый въезд. В рамках проекта *HaFraBa* значимой фигурой становится также Курт Кафтан, который с 1928 года был редактором газеты «*HaFraBa*» (позднее «*Die Autobahn*»), а также автором работ «Автомобильные улицы Европы» и «Европе нужны автобаны», в которых предлагал и теоретически обосновывал специально предназначенные для автомобилей дороги, позволяющие достичь высокой скорости и имеющие специальные инженерные решения.

Таким образом, в единстве этих двух подходов – экономического и инженерного – формируется то, что сегодня мы можем назвать научным подходом к обеспечению безопасности дорожного движения.

---

1. Блинкин М. Я., Решетова Е. М. Безопасность дорожного движения: история вопроса, международный опыт, базовые институции [Текст] / М. Я. Блинкин, Е. М. Решетова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 240 с.
2. James H. Seven Crashes: the Economic Crises That Shaped Globalization. Yale University Press, 2023.
3. Гордеева А. Д., Ясникова В. А. Становление и развитие международно-правовых отношений в области обеспечения безопасности дорожного движения: информационный обзор. М.: ФКУ «Научный центр БДД МВД России», 2023. 76 с.
4. Salter J. A. Allied shipping control. An experiment in international administration. London, New York, 1921.
5. Loveday A. Britain and World Trade, Quo Vadimus and other essays. London, 1931
6. Swift E. The Big Roads: the Untold Story of the Engineers, Visionaries, and Trailblazers Who created American Superhighways. Djpton, Houghton Mifflin Harcourt. 2011. P. 11–12.

1. Blinkin M. Ya., Reshetova E. M. Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya: istoriya voprosa, mezhdunarodny`j opy`t, bazovy`e institucii [Tekst] / M. Ya. Blinkin, E. M. Reshetova; Nacz. issled. un-t «Vy`sshaya shkola e`konomiki». M.: Izd. dom Vy`sshej shkoly` e`konomiki, 2013. 240 s.
2. James H. Seven Crashes: the Economic Crises That Shaped Globalization. Yale University Press, 2023.
3. Gordeeva A. D., Yasnikova V. A. Stanovlenie i razvitie mezhdunarodno-pravovy`x otnoshenij v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: informacionny`j obzor. M.: FKU «Nauchny`j centr BDD MVD Rossii», 2023. 76 s.
4. Salter J.A. Allied shipping control. An experiment in international administration. London, New York, 1921.
5. Loveday A. Britain and World Trade, Quo Vadimus and other essays. London, 1931
6. Swift E. The Big Roads: the Untold Story of the Engineers, Visionaries, and Trailblazers Who created American Superhighways. – Djpton, Houghton Mifflin Harcourt. 2011. R. 11–12.

Информация об авторах

Евгений Вячеславович Сальников. Начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин. Доктор философских наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Инна Николаевна Сальникова. Старший преподаватель кафедры сервиса.
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева.
302026, Россия, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95.

Information about the authors

Evgenii W. Salnikov. Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines. Doctor of Philosophy, Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova st., 2.

Inna N. Salnikova. Senior lecturer at the Department of Service.
Orel State University named after I.S. Turgenev.
302026, Russia, Orel, Komsomolskaya st., 95.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 18.10.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted October 18, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 342.9

КОМПЕТЕНЦИЯ В ДЕЙСТВИИ: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ

Смирнов Иван Александрович
ФКУ «Научный центр БДД МВД России», Москва, Россия

ismirnov115@mvd.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию актуальных проблем, возникающих в сфере реализации должностными лицами своих полномочий в контексте административного расследования. Автор, тщательно анализируя действующее административное законодательство, раскрывает важные особенности, которые связаны с осуществлением процессуальных действий лицами, проводящими административное расследование. В процессе исследования автор не только выделяет ключевые аспекты, требующие внимания, но и предлагает конструктивные рекомендации для решения рассмотренных проблем, что может способствовать улучшению практики административного правоприменения и повышению эффективности работы органов, осуществляющих такие расследования.

Ключевые слова: административное расследование, компетенция должностных лиц, органы внутренних дел, административные правонарушения, административное законодательство, процессуальные действия.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России доктора юридических наук, доцента Калюжного Ю. Н.

Для цитирования: Смирнов И. А. Компетенция в действии: ключевые аспекты административных расследований // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. 4(101). С. 110–116.

COMPETENCE IN ACTION: KEY ASPECTS OF ADMINISTRATIVE INVESTIGATIONS

Ivan A. Smirnov
Federal public establishment "Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation", Moscow, Russia

ismirnov115@mvd.ru

Annotation. The article is devoted to a deep study of current problems arising in the sphere of implementation of officials' powers in the context of administrative investigation. The author, carefully analyzing the current administrative legislation, reveals important features that are associated with the implementation of procedural actions by persons conducting an administrative investigation. In the course of the study, the author not only highlights key aspects that require attention, but also offers constructive recommendations for solving the problems considered, which can contribute to improving the practice of administrative law enforcement and increasing the efficiency of the bodies conducting such investigations.

Keywords: administrative investigation, the competence of officials, internal affairs agencies, administrative offenses, administrative legislation, procedural actions.

Gratitude: the work was carried out with the support of the scientific supervisor – professor of the department of management of the activities of units for ensuring the protection of public order of the center of command and staff exercises of the Academy of Management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate professor Kalyuzhny Y. N.

For citation: Smirnov I. A. Competence in Action: Key Aspects of Administrative Investigations // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. № 4(101). P. 110–116.

В современном обществе, где правопорядок и юридическая стабильность приобретают всё большую значимость, административное расследование (далее – АР) выступает важнейшим инструментом для обеспечения соблюдения законодательства и защиты прав граждан. АР, проводимые в рамках системы государственного управления, представляют собой комплекс мероприятий, направленных на выявление, предотвращение и пресечение правонарушений в сфере административного права. Однако, несмотря на ключевую роль этих расследований в поддержании правового порядка, они сталкиваются с целым рядом проблемных аспектов, которые требуют глубокого научного осмысления и практического решения.

Ключевыми проблемами, связанными с АР, являются недостаточная эффективность применения административных норм, неопределённость в правоприменительной практике, а также вопросы, касающиеся прав и законных интересов граждан. Во-первых, существует множество примеров, когда АР не достигают своих целей из-за недостатка чётких критериев и процедур, что может привести к произвольности решений и нарушению принципа законности. Во-вторых, неполнота или неоднозначность законодательных норм нередко оставляют лазейки для злоупотреблений со стороны должностных лиц, что ставит под сомнение объективность и беспристрастность самого расследования. В-третьих, важно отметить, что с развитием технологий и общества меняются как сами правонарушения, так и методы их исследования, что вызывает необходимость внесения изменений в существующие подходы к АР.

Важно подчеркнуть, что анализ проблемных аспектов АР не только способствует улучшению качества правоприменительной практики, но и служит основой для формирования научных рекомендаций, направленных на оптимизацию действующей системы. В данной статье ставится задача выявить и систематизировать ключевые проблемные аспекты АР, а также предложить возможные пути их решения. Рассмотрение данного вопроса является актуальным не только с точки зрения теории административного права, но и с точки зрения практического применения, что в конечном итоге направлено на укрепление правового государства и защиту прав граждан [1, с. 428].

АР является важнейшим инструментом, проводимым с целью выявления и пресечения административных правонарушений, а также для обеспечения строгого соблюдения законодательства в сфере государственного управления. В условиях динамично меняющегося современного мира проблема эффективности и качества работы должностных лиц, осуществляющих административное расследование, становится всё более актуальной и требует особого внимания. Это связано, во-первых, с постоянным ростом числа административных правонарушений, во-вторых, с усложнением их структуры и, в-третьих, с необходимостью применения новых методов и подходов расследования. Целями, которые преследовал автор при написании данной статьи, являются тщательный анализ и комплексная оценка компетенции

должностных лиц, осуществляющих административное расследование, выявление основных проблем в данной сфере и разработка предложений по их решению.

Институт АР непосредственно связан с правовым механизмом компетенции должностных лиц органов внутренних дел (далее – ОВД). На наш взгляд, институт компетенции указанных органов является одним из ключевых условий в успешном осуществлении задач административного законодательства, направленных на защиту объектов, указанных в ст. 1.2. Кодекса об административных правонарушений Российской Федерации[1] (далее – Закон). Понятие «компетенция» в нашем случае касается ОВД, проводящих АР, однако в административном законодательстве оно не имеет чёткого закрепления. В Законе указаны виды составов административных проступков, подлежащих рассмотрению ОВД (ст. 23.3. и ч. 2 ст. 28.7. Закона), а также полномочия должностных лиц, наделённых правом составлять протокол об административном правонарушении и проводить АР (ч. 2 ст. 28.7. Закона). Причём толкование ч. 1, п. 1 ч. 2 ст. 28.3. Закона говорит о более полном перечне должностных лиц ОВД, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях [2, с. 10]. Приведённые нормы Закона дают возможность говорить о двух видах компетенций сотрудников ОВД: первый вид – это компетенция по проведению АР и рассмотрению административных дел; второй вид – это полномочия по составлению административных протоколов. Следует отметить, что наделение административным законодательством должностных лиц правом составлять протоколы об административном правонарушении не означает автоматического наличия у них полномочия на проведение АР. Сотрудник ОВД вправе проводить АР, если в соответствии со ст. 23.3. Закона сотрудник ОВД уполномочен рассматривать дело об административном правонарушении.

Институт «компетенция по проведению АР» является важнейшей составной частью функционирования ОВД, и его реализация подразумевает не только наличие определённых профессиональных знаний, но и обладание специфическими умениями и навыками, которые необходимы должностным лицам для успешного проведения процессуальных действий. Эти действия не просто формальность, они являются критически важными для достижения задач, определённых административным законодательством, и выступают своего рода связующим звеном между теоретическими знаниями и практическими навыками, необходимыми для эффективного выполнения служебных обязанностей.

Представленный институт компетенции ОВД по проведению АР можно рассматривать как многоаспектный и многогранный комплекс, включающий в себя не только процессуальные права, но и обязанности уполномоченных должностных лиц. Каждый из этих элементов играет свою уникальную роль в процессе, обеспечивая основу для всестороннего и обоснованного подхода к установлению и административному преследованию правонарушений. Данный комплекс должен создавать возможности для эффективного и адекватного установления юридически значимых обстоятельств, что, в свою очередь, будет способствовать их юридической квалификации и процессуальному закреплению. Это требует от должностных лиц не только досконального знания действующего законодательства, но и способности быстро адаптироваться к изменяющимся условиям, что является ключом к успешному изменению сложной и разнообразной практики административных правонарушений.

Кроме того, данная концепция подразумевает наличие системного подхода к организации работы ОВД и их взаимодействия с другими государственными институтами, что позволяет обеспечить наиболее эффективное и своевременное рассмотрение административных дел. Всё вышесказанное подчёркивает, что успех АР

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Рос. газ. 2001. 30 дек. № 256.

напрямую зависит от уровня профессиональной подготовки и высокой компетенции сотрудников правоохранительных органов, которые не только обладают необходимыми знаниями, но и умеют применить их на практике с целью обеспечения защиты прав и законных интересов граждан. В этом контексте институт компетенции становится не просто теоретической основой, а живым и динамичным элементом, который требует постоянного совершенствования и адаптации в условиях меняющегося правового и социального ландшафта [3, с. 67–74].

Должностные лица ОВД в рамках собственной компетенции по проведению АР и в рамках своих полномочий согласно ст. 28.7. Закона совершают процессуальные действия, которые состоят из выяснения обстоятельств административного правонарушения, фиксирования их, юридической квалификации данных обстоятельств и процессуального оформления полученной информации. Следует отметить, что действующее административное законодательство и ведомственные акты органов полиции не содержат чётко сформулированного перечня процессуальных действий, которые необходимо осуществить должностному лицу в процессе АР. Мы усматриваем, что данный перечень, по нашему мнению, необходимо закрепить в Постановлении Пленума ВС РФ и в ведомственных актах ОВД, чтобы, во-первых, были достигнуты цель и задачи АР, во-вторых, при анализе заявленного требования в жалобе лица о том, что «по делу фактически не проводилось АР», у суда должны быть соответствующие ориентиры для определения объёма необходимых процессуальных действий должностного лица, проводившего АР, которые помогут суду сделать вывод о целесообразности и достаточном объёме проведенного АР и принять соответствующие решения относительно жалобы участника административного производства [4, с. 28].

Например, для установления фактических обстоятельств по ст. 6.1.1. Закона сотрудник полиции, в полномочие которого входит проведение АР, вправе совершить следующие процессуальные действия:

– установить данные о заявителе, о его физическом и психическом состоянии;

– зафиксировать обстоятельства административного правонарушения (объективные – время, место совершения, данные о правонарушителе, участников конфликта, имеются ли свидетели и др.);

– для установления тяжести телесных повреждений потерпевшего направить его для прохождения судебно-медицинской экспертизы (ст. 26.4. Закона);

– направить на медицинское освидетельствование в соответствии с ч. 1 ст. 27.12.1. Закона лицо, в отношении которого проводится АР, так как орган, накладывающий ответственность при рассмотрении дела, учитывает отягчающие обстоятельства – совершение лицом административного правонарушения в состоянии алкогольного опьянения (ст. 4.3. Закона).

Направление лица на медицинское освидетельствование происходит только при условии наличия «достаточных оснований полагать», что это лицо находится в состоянии опьянения. Под «Достаточными основаниями» мы подразумеваем, что лицо отказывается от прохождения освидетельствования на месте, проводимого сотрудниками полиции; с результатами освидетельствования лицо не согласно; несмотря на отрицательный результат освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, лицо находится в алкогольном опьянении [5, с. 42].

Стоит заострить внимание, что часть 3 ст. 27.12.1. Закона предусматривает процессуальное оформление в форме протокола действий сотрудника ОВД о направлении лица на медицинское освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, при этом копия протокола вручается направляемую лицу. Однако следует подчеркнуть, что в действующем Законе не содержатся нормы, предусматривающие

административную ответственность, если в рамках проводимо АР направляемое лицо отказалось от прохождения медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения. Только в ст. 12.26. Закона устанавливается административная ответственность для водителя автотранспортного средства за невыполнение требования о прохождении медицинского освидетельствования. Полагаем, что данный пробел в административном законодательстве следует устранить путём внесения в ч. 1 ст. 28.7. Закона норму следующего содержания: «В целях целесообразности осуществления процессуальных действий, способствующих установлению фактических обстоятельств административного правонарушения, проводится административное расследование, рамках которого должностные лица вправе совершать процессуальные действия, предусмотренные настоящим Кодексом»:

– проверить информацию о лице, совершившем административной проступок, с использованием информационных баз для установления наличия или отсутствия данных о применении к нему юридической ответственности;

– процессуально оформить факты административного правонарушения;

– направить материалы об административном правонарушении для рассмотрения в суд (ст. 28.8. Закона);

– обеспечить привод лица в суд в связи с тем, что санкция ст. 6.1.1. Закона предусматривает наказание в виде административного ареста, поэтому явка лица в судебное заседание является обязательной (п. 9 ч. 1 ст. 27.1. Закона) [6, с. 79].

Нормы, регулирующие процессуальное действие должностного лица ОВД по обеспечению привода правонарушителя в суд, не регулируют часто возникающую ситуацию, когда потерпевший и правонарушитель примирились. В данном случае должностное лицо ОВД не имеет оснований о вынесении постановления о прекращении административного производства. Материалы дела передаются на рассмотрение в суд, который и примет соответствующие решение. Если правонарушитель отказывается явиться в суд, сотрудник полиции обязан применить к нему административную меру принуждения – административный привод в суд. В юридической литературе указывается, что правонарушителем, привлекаемым по ст. 6.1.1. Закона, часто является лицо, ранее не совершавшее правонарушения, и данный факт вместе с примирением участников административного производства можно рассматривать как обстоятельства, способствующие прекращению производства по делу [7, с. 42]. Предлагаем положение, которое, на наш взгляд, должно способствовать достижению принципа справедливости, защите прав и свобод лиц, участвующих в административном производстве, повышению качества работы сотрудников полиции, т. к. сотрудник не будет загружен дополнительной работой по обеспечению не только привода правонарушителя в суд, но и подготовкой материалов по административному делу: в п. 2 ч. 1 ст. 24.5. Закона внести п. 2.1. следующего содержания: «Заявление потерпевшего о примирении с правонарушителем по составу правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1. настоящего Кодекса».

Таким образом, предложенные нами дополнения к нормам Закона представляют собой важный шаг на пути к более эффективному осуществлению правоприменительной практики в области АР. Эти изменения способны существенно повысить уровень профессионализма и квалификации сотрудников полиции, предоставляя им более чёткие и структурированные рекомендации по проведению процессуальных действий. С учётом множества факторов, влияющих на ход расследования, такие дополнения будут способствовать детальному учёту и своевременному закреплению всех фактических обстоятельств, имеющих значение для квалификации административного проступка.

Неоспоримо, что каждый этап АР – от его начала до окончательного решения – важен для формирования полноценной картины событий. Поэтому, обогащая нормы

Закона новыми аспектами, мы не только создаём новые возможности для их практического применения, но и закладываем основы для повышения надёжности и последовательности действий правоохранительных органов. В конечном счете это может привести к более глубокому пониманию выявляемых правонарушений и обеспечению более качественного подхода к их раскрытию [8, с. 82].

Кроме того, корректировка действующих норм может стать залогом усиления доверия со стороны граждан к системе административного правосудия. Прозрачность и предсказуемость процесса привлечения к ответственности за административные правонарушения будет способствовать формированию правосознания у населения и, следовательно, содействовать укреплению правопорядка. Более того, внедрение предложенных нами изменений позволит оперативно реагировать на возникающие вызовы и новые тренды в сфере правонарушений, что крайне актуально в условиях динамично меняющегося общества.

В заключение, подытоживая все вышесказанное, мы можем утверждать, что внесение указанных дополнений в закон не только окажет непосредственное влияние на эффективность раскрытия административных правонарушений, но и создаст прочный фундамент для дальнейших реформ в области административного законодательства, открывая новые горизонты для развития правоприменительной практики и укрепления правовой системы в целом.

1. Арзуманян А. А. Административное расследование в механизме производства по делу об административном правонарушении // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 427–429.
2. Калюжный Ю. Н. О некоторых вопросах правового регулирования делегирования государственных полномочий отдельным субъектам в области безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2024. № 1. С. 10–13.
3. Зиборов О. В., Павлова Е. В. Отдельные аспекты обеспечения административно-правового статуса лица, привлекаемого к административной ответственности, в том числе совершении правовых деликтов в области дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 67–74.
4. Дорохин В. В. Производство по делам об административных правонарушениях, осуществляемое органами внутренних дел ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 28 с.
5. Куракин А. В., Шихнабиев Р. А. Меры административно-процессуального обеспечения, применяемые полицией при противодействии административным правонарушениям, посягающим на здоровье граждан // Российская юстиция. 2020. № 7. С. 42–45.
6. Маслов И. А. Административное расследование по делу об административном правонарушении // Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. 2021. № 6. С. 77–83.
7. Новичкова Е. Е. Административное расследование: проблемы, вопросы, перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4. С. 40–45.
8. Денисова А.Ю. Административное расследование в системе производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2019. № 1. С. 80–84.

1. Arzumanyan A. A. Administrativnoe rassledovanie v mexanizme proizvodstva po delu ob administrativnom pravonarushenii // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2008. № 2. C. 427–429.

2. Kalyuzhny`j Yu. N. O nekotory`x voprosax pravovogo regulirovaniya delegirovaniya gosudarstvenny`x polnomochij otdel`ny`m sub``ektam v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2024. № 1. S. 10–13.
3. Ziborov O. V., Pavlova E. V. Otdel`ny`e aspekty` obespecheniya administrativno-pravovogo statusa licza, privlekaemogo k administrativnoj otvetstvennosti, v tom chisle sovershenii pravovy`x deliktov v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 2(95). S. 67–74.
4. Doroxin V. V. Proizvodstvo po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax, osushhestvlyaemoe organami vnutrennix del otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006. 28 s.
5. Kurakin A. V., Shixnabiev R. A. Mery` administrativno-processual`nogo obespecheniya, primenyaemy`e policiej pri protivodejstvii administrativny`m pravonarusheniyam, posyagayushhim na zdorov`e grazhdan // Rossijskaya yusticiya. 2020. № 7. S. 42–45.
6. Maslov I. A. Administrativnoe rassledovanie po delu ob administrativnom pravonarushenii // Oboronno-promy`shlenny`j kompleks: upravlenie, e`konomika i finansy`, pravo. 2021. № 6. S. 77–83.
7. Novichkova E. E. Administrativnoe rassledovanie: problemy`, voprosy`, perspektivy` // Yuridicheskaya nauka i pravooxranitel`naya praktika. 2016. № 4. S. 40–45.
8. Denisova A.Yu. Administrativnoe rassledovanie v sisteme proizvodstva po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. 2019. № 1. S. 80–84.

Информация об авторе

Иван Александрович Смирнов. Научный сотрудник отдела изучения проблем нормативного правового и аналитического обеспечения.
ФКУ «Научный центр БДД МВД России».
121293, Россия, г. Москва, ул. Поклонная, д. 17.

Information about the author

Ivan A. Smirnov. Researcher, Department of Study of Problems of Regulatory Legal and Analytical Support.
Federal public establishment "Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation".
121293, Russia, Moscow, Poklonnaya st., 17.

Статья поступила в редакцию 05.11.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted November 5, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 342

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Стручков Юрий Николаевич
Академия управления МВД России, Москва, Россия

okudgava32@rambler.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена административно-правовому принуждению как одной из правовых форм реализации органами внутренних дел контрольно-надзорной деятельности. Анализируется место административно-правового принуждения в системе правовых явлений, исследуется его понятие и сущность. Автор раскрывает отдельные аспекты механизма правового регулирования. Отдельное внимание уделено необходимости кодификации мер принуждения. В статье подробно рассматривается административно-правовое принуждение как правовое явление. Исследуются различные точки зрения о содержании и разграничении данного правового явления. Данная статья может быть полезна для исследователей и практиков в области права.

Ключевые слова: государственный контроль (надзор), контрольно-надзорная деятельность, предписание контрольно-надзорного органа (полиции), меры административно-правового принуждения, законное требование полиции.

Благодарность: работа выполнена при поддержке научного руководителя – заместителя начальника кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, кандидата юридических наук, доцента Шевцова А. В.

Для цитирования: Стручков Ю.Н. Особенности административно-правового принуждения в контрольно-надзорной деятельности органов внутренних дел // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 117–123.

FEATURES OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL COERCION IN THE CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS

Yuri N. Struchkov
Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia

okudgava32@rambler.ru

Annotation. This article is devoted to administrative and legal coercion as one of the legal forms of implementation of ATS control and supervisory activities. The place of administrative and legal coercion in the system of legal phenomena is analyzed, its concept and essence are investigated. The author reveals some aspects of the mechanism of legal regulation. Special attention is paid to the need to codify coercive measures. The article deals in detail with administrative and legal coercion as a legal phenomenon. Various points of

view on the content and differentiation of this legal phenomenon are investigated. This article may be useful for researchers and practitioners in the field of law.

Keywords: state control (supervision), control and supervisory activities, an order from a control and supervisory authority (police); measures of administrative and legal coercion; a legal requirement of the police.

Gratitude: the work was carried out with the support of the scientific supervisor – Deputy Head of the Department of Management of the activity of public order protection units of the centre of command and staff exercises of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Shevtsov A. V.

For citation: Struchkov Yu. N. Features of administrative and legal coercion in the control and supervisory activities of the Department of internal affairs // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 117–123.

В начале XXI века административно-правовое принуждение как системное правовое явление приобретает большую значимость для обеспечения законности и общественного порядка. Так, реформирование системы государственного контроля (надзора) затронуло существующее в науке понимание правовой природы административно-правового принуждения. Однако указанный механизм стал неотъемлемым элементом для защиты конституционных прав и свобод граждан, обеспечения законных интересов физических и юридических лиц, а также необходимой формой государственного управления и обеспечения государственного контроля (надзора), которая реализуется органами внутренних дел (далее – ОВД).

С момента распада СССР в России уже более трёх десятков лет предпринимаются попытки реформирования системы государственного контроля (надзора) и кодификации мер административно-правового принуждения. Принято считать, что государственный контроль (надзор) – это важное звено в системе государственного управления, которое реализуется посредством применения правовых норм принудительного характера. В первую очередь необходимо чётко определить, в чём именно должна заключаться соразмерность такого государственного воздействия в результате осуществления контрольно-надзорной деятельности. В своё время В. И. Ленин конкретно определил эффективность функционирования государственного управления, «во-первых, надзором за исполнением законов; во-вторых, наказанием за неисполнение закона» [т. 2, с. 293].

Исходя из специфики выполняемых государством функций, его органы и учреждения должны ясно представлять себе наиболее эффективные правовые способы воздействия на объекты управления, действия и поведение людей, тем самым воздействуя на явления и процессы социальной действительности. Государственное управление, реализуемое ОВД в форме государственного контроля (надзора), обеспечивает дисциплину и правопорядок с помощью активных правовых форм административно-правового принуждения. Развивая этот взгляд, стоит отметить позицию Л. Л. Попова, что в современных условиях такими правовыми формами выступают два универсальных метода: убеждение и принуждение [1, с. 58–59].

Следует подчеркнуть ещё один важный момент. Органы государственного управления нуждаются в государственном контроле (надзоре), так как это является каналом обратной связи, по которому они получают информацию о поведении объектов управления. Но в данном случае информация, которая собирается в результате контроля, не имеет основной цели выявить правонарушения, в том числе административные правонарушения.

Рассматривая административно-правовое принуждение с точки зрения общей теории административного права, следует отметить позицию Д. Н. Бахраха, который отмечал, что субъектами применения являются только государственные органы [3, с. 25]. По сути, когда мы говорим об административно-правовом принуждении, ключевой характеристикой выступает реализуемая органом исполнительной власти функция. Следовательно, в рамках реализуемого ОВД государственного контроля (надзора) основной правовой формой выступает административно-правовое принуждение. Исходя из этих постулатов, можно прийти к выводу, что административно-правовое принуждение выступает механизмом государственного управления обществом, в результате которого уполномоченные должностные лица ОВД целенаправленно воздействуют на подконтрольных (поднадзорных) лиц. Следует признать, что в определённых проявлениях государственный контроль (надзор), реализуемый ОВД, можно представить в виде системы «субъект контроля (надзора) – взаимодействие – объект контроля (надзора)». Как бы ни была сложная система функционирования государственного управления, она формируется и действует по модели, заданной человеком и для человека [4, с. 40].

На протяжении многих лет административная теория формировала устойчивое представление о мерах административно-правового принуждения, применяемых органами публичной власти, в том числе ОВД. Так, анализируя виды административно-правового принуждения, А. И. Стахов выделяет следующие меры: а) контрольно-предупредительные; б) контрольно-пресекательные; в) контрольно-обеспечительные; г) контрольно-восстановительные [5, с. 4].

В определении административно-правового принуждения как правовой формы государственного контроля (надзора), реализуемого ОВД, необходимо обратить внимание на особенности правового регулирования контрольно-надзорной деятельности ОВД. Так, в случае неисполнения в установленный срок законного требования сотрудника ОВД наступает принудительное исполнение закона. Например, полиция имеет право выдавать должностным или юридическим лицам обязательные для исполнения предписания об устранении выявленных нарушений, в том числе нарушений требований нормативных правовых актов в области обеспечения безопасности дорожного движения при строительстве, реконструкции, ремонте и содержании дорог (п. 21 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции»[1]) [5, с. 6].

Предметный, действительный характер воли государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения подчёркивается многими учёными. Так, Ю. Н. Калюжный писал, что повышение эффективности реализации государственной функции в области безопасности дорожного движения необходимо проводить с учётом риск-ориентированного подхода, который предполагает оценку причинения возможных рисков, охраняемых законом, общественным интересам. На данном этапе практика показывает, что теория административного права активно обсуждает внедрение системы управления рисками [6, с. 67].

Однако в реальной жизни нередки случаи, когда правовая норма и фактическая ситуация находятся в противоречии между собой. Из сказанного налицо объективная правоохранительная потребность. Следует лишь отметить составные элементы данной деятельности: а) контрольно-надзорная; б) правообеспечительная (деятельность по исполнению норм права); в) деятельность по реализации административно-правового принуждения.

Благодаря тому, что каждый из перечисленных видов правоохранительной деятельности ОВД решает свою государственную задачу, но, в отличие от юрисдикции, прерогатива контрольно-надворной деятельности включает в себя: а) проверку

[1] О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

соблюдения законодательства и нормативно-правовых актов: б) выдачу разрешений, лицензий и иных документов, подтверждающих соответствие объекта контроля (надзора) требованиям законодательства; в) применение мер административно-правого принуждения в случае выявления нарушений. Следует согласиться с А. П. Шергиным, по мнению которого, «надзорно-контрольную деятельность не следует отожествлять с юрисдикционной, так как юрисдикционная существует для разрешения возникающих правовых конфликтов» [7, с. 33].

Вместе с тем следует заметить, что Федеральный закон Российской Федерации от 31.07.2020 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[1] (далее – ФЗ № 248) ввёл «легальное» понятие государственный контроль (надзор), под которым «понимается деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, осуществляемая в пределах полномочий указанных органов посредством профилактики нарушений обязательных требований, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению выявленных нарушений обязательных требований, устранению их последствий и (или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений» (ч. 1 ст. 1 ФЗ № 248).

Таким образом, в содержании понятия усматриваются отдельные меры принуждения, а именно: предупреждение, пресечение и правовосстановление, что указывает на принудительный характер контрольно-надзорной деятельности ОВД.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение понятий «административно-правовое принуждение» и «контрольно-надзорная деятельность», о содержании которых высказаны и другие мнения, отметим, что принуждение лишь одна из правовых форм контрольно-надзорной деятельности. В юридической литературе и на практике происходит объединение двух понятий в одно, но при этом авторы исходят из того, что все компетентные органы, которые участвуют в предупреждении правонарушений и рассмотрении дел по существу, выполняют общую государственную задачу по борьбе с административными правонарушениями [8, с. 82].

Итак, контрольно-надзорная деятельность как самостоятельный вид государственной, подзаконной, правоохранительной или правоприменительной деятельности имеет своё назначение, формы и методы осуществления. Так, данная деятельность ОВД характеризуется названными выше признаками (элементами), именно поэтому реализуется как самостоятельный вид.

Принуждение в контрольно-надзорной деятельности ОВД не является самоцелью, а лишь средством обеспечения соблюдения обязательных требований. С учётом достигнутого уровня кодификации появляется необходимость в разграничении административно-принудительных мер:

1) комплекс мер, которые контрольно-надзорные органы применяют в целях предотвращения и пресечения правонарушений, совершаемых юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями;

2) комплекс мер, направленных на проведение проверок деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [9, с. 53].

В настоящее время особенно остро стоит проблема нарушения правил дорожного движения, в связи с этим возникает большое воспитательное значение реализуемого в рамках государственного контроля (надзора) административно-правового принуждения. Воспитательная функция данной деятельности теснейшим

[1] О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

образом связана с принципами морали, которая требует чёткой организации формирования нравственных идеалов. Этот фактор связан с созданием особых государственных структур и наделения их необходимыми средствами принуждения [10, с. 192]. В ходе исследования было установлено, что при реализации государственного контроля (надзора) ОВД в качестве основных признаков административно-правового принуждения можно определить следующие:

1) меры административно-правового принуждения применяются во внесудебном порядке должностными лицами в рамках соответствующих контрольно-надзорных правоотношений;

2) осуществляются в рамках особых охранительных правоотношений, складывающихся в сфере государственного управления между компетентными органами и физическими или юридическими лицами;

3) основания и порядок применения мер административно-правового принуждения закреплены нормами административно-процессуального права;

4) тесная связь административно-правового принуждения с формами государственного контроля (надзора);

5) применение мер административного принуждения не влечёт судимости.

Исследуя государственный контроль (надзор), осуществляемый ОВД, как управленческую систему, необходимо отметить эффективность такого метода государственного управления, как административно-правовое принуждение, по своей сути выступающее выражением связи между субъектом и объектом государственного управления в форме практической реализации контрольно-надзорной функции ОВД.

В совокупности контрольно-надзорная деятельность ОВД представляет собой содержание управленческого процесса, где основная роль отведена контролю, а надзорная деятельность следует за ним и обусловлена им. Подобное построение контрольно-надзорной деятельности объясняется целями государственного контроля (надзора). Для того чтобы достичь их, следует придерживаться именно такой логической последовательности в организации управленческого процесса. Проведённый анализ законодательства о государственном контроле (надзоре) показал, что в системе правового регулирования множество недочётов, в частности: отсутствует согласованность субъектов относительно объектов контроля, а также присутствует избыточная регламентация отдельных процедур контрольно-надзорной деятельности.

Подводя итог, можно сказать, что наиболее приемлемой формой осуществления административно-правового принуждения в рамках реализуемого ОВД государственного контроля (надзора) является «регуляторная модель», поскольку она позволяет своевременно выявлять и пресекать нарушения обязательных требований, а также восстанавливать общественный порядок. Тем не менее эффективность данной модели функционирования контрольно-надзорной деятельности зависит от механизма применения мер административно-правового принуждения.

Сказанное выше позволяет определить государственный контроль (надзор) ОВД как самостоятельный вид государственной, подзаконной, правоохранительной или правоприменительной деятельности органов государственного контроля (надзора) и его должностных лиц, направленный на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований физическими и юридическими лицами, осуществляемый в установленном законом порядке, и принятие правовосстановительных мер по устранению их последствий.

---

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1958–1965. 706 с.
2. Попов Л. Л. Ренессанс государственного управления в России: избранное, М.: Норма: Инфра-М, 2015. 366 с.

3. Бахрах Д. Н. Административное принуждение в СССР, его виды и основные тенденции развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Пермь: Пермский гос. ун-т им. А.М. Горького, 1971. С. 85.
4. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: курс лекций. 2-е изд., доп. М.: Омега-Л, 2004. 584 с;
5. Стахов А. И. О классификации и кодификации административно принудительных мер, применяемых в сфере государственного контроля и надзора за деятельностью юридических лиц и индивидуальных предпринимателей // Административное право и процесс. 2016. № 4. С. 4–8.
6. Калюжный Ю. Н., Ноговицина Е. Н. Формирование профессиональных качеств сотрудников подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 1(98). С. 65–74.
7. Шергин А. П. Административная юрисдикция. М.: Юрид// лит., 1979. 144 с.
8. Каплунов А. И. О понятии и содержании производства по применению отдельных мер административного предупреждения и мер административного пресечения // Проблемы противодействия административной деликтности: материалы научно-практической конференции, посвящённой 75-летию заслуженного деятеля науки РФ доктора юридических наук профессора А. П. Шергина (г. Москва, 23 июня 2010 г.). М.: ВНИИ МВД России. 2010. С. 82–87.
9. Шевцов А. В. Некоторые юридические особенности возбуждения дела об административном правонарушении, выражающемся в несоблюдении обязательных требований, оценка соблюдения которых является предметом государственного контроля (надзора) // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 2(66). С. 52–59.
10. Стручков Ю. Н. Участие сотрудников ГИБДД в обеспечении общественной безопасности при проведении массовых мероприятий // Вестник Московского Университета МВД России им. В. Я. Кикотя 2023. № 3. С. 191–194.

1. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij / In-t marksizma-leninizma pri CzK KPSS. 5-e izd. M.: Gospolitizdat, 1958–1965. 706 s.
2. Popov L. L. Renessans gosudarstvennogo upravleniya v Rossii: izbrannoe / M.: Horma : Infra-M, 2015. 366 s.
3. Baxrax D. N. Administrativnoe prinuzhdenie v SSSR, ego vidy` i osnovny`e tendencii razvitiya: dis. ... d-ra yurid. nauk. Perm`: Permskij gos. un-t im. A.M. Gor`kogo, 1971. S. 85.
4. Atamanchuk G. V. Teoriya gosudarstvennogo upravleniya: kurs lekcij. 2-e izd., dop. M.: Omega-L, 2004. 584 s;
5. Staxov A. I. O klassifikacii i kodifikacii administrativno prinuditel`ny`x mer, primenyaemy`x v sfere gosudarstvennogo kontrolya i nadzora za deyatel`nost`yu yuridicheskix licz i individual`ny`x predprinimatelej // Administrativnoe pravo i process. 2016. № 4. S. 4–8.
6. Kalyuzhny`j Yu. N., Nogovicina E. N. Formirovanie professional`ny`x kachestv sotrudnikov podrazdelenij po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2024. № 1(98). S. 65–74.
7. Shergin A. P. Administrativnaya yurisdikciya. M.: Yurid// lit., 1979. 144 s.
8. Kaplunov A. I. O ponyatii i soderzhanii proizvodstva po primeneniyu otdel`ny`x mer administrativnogo preduprezhdeniya i mer administrativnogo presecheniya // Problemy` protivodejstviya administrativnoj deliktnosti: materialy` nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhyonnoj 75-letiyu zasluzhennogo deyatelya nauki RF doktora yuridicheskix nauk professora A.P. Shergina (g. Moskva, 23 iyunya 2010 g.). M.: VNII MVD Rossii. 2010. S. 82–87.

9. Shevczov A. V. Nekotory`e yuridicheskie osobennosti vozbuzhdeniya dela ob administrativnom pravonarushenii, vy`razhayushhemsya v nesoblyudenii obyazatel`ny`x trebovanij, ocenka soblyudeniya kotory`x yavlyaetsya predmetom gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2023. № 2(66). S. 52–59.
10. Struchkov Yu. N. Uchastie sotrudnikov GIBDD v obespechenii obshhestvennoj bezopasnosti pri provedenii massovy`x meropriyatij // Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii im. V. Ya. Kikotya 2023. № 3. C. 191–194.

Информация об авторе

Юрий Николаевич Стручков. Адъюнкт.
Академии управления МВД России.
125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Information about the author

Yuri N. Struchkov. Adjunct.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125171, Russia, Moscow, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh st., 8.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted October 14, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 342.9

ПРОЦЕДУРА ПОЛУЧЕНИЯ ПАСПОРТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шалимова Ольга Николаевна
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

oly7788@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются положения, касающиеся получения паспорта в Российской Федерации гражданами, достигшими 14 лет. Внимание уделяется процессу подачи заявления и выдачи документа, удостоверяющего личность. Указываются возможные ошибки, которые могут быть допущены при оформлении, и даются рекомендации для их исключения. Рассказывается о Всероссийском проекте «Я гражданин России», в рамках которого проходит торжественная церемония вручения паспорта, а также приводятся инструкции по оформлению популяризирующей культурные мероприятия «Пушкинской карты».

Ключевые слова: паспорт, несовершеннолетние, документ, гражданин, федеральные законы, нормативные правовые акты, «Пушкинская карта».

Для цитирования: Шалимова О. Н. Получение паспорта несовершеннолетними в Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 124–130.

THE PROCEDURE OF OBTAINING A PASSPORT BY MINORS IN THE RUSSIAN FEDERATION REVISITED

Olga N. Shalimova
Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia

oly7788@yandex.ru

Annotation. All citizens of the Russian Federation, without exception, are required to obtain a passport when they reach a certain age. Citizens interact with the help of a passport with the state and civil society. The article, based on federal laws and other regulatory legal acts, examines the provisions regarding obtaining a passport and other documents in the Russian Federation by citizens who have reached the age of 14. Attention is paid to the process of submitting a package of documents and issuing an identity document, possible mistakes that may be made during registration are indicated and recommendations are given to exclude them, it tells about the All-Russian project "I am a citizen of Russia", within which a solemn ceremony of handing over a passport is held, and also provides recommendations on the design of the "Pushkin Card" popularizing cultural events".

Keywords: passport, minors, document, citizen, federal laws, regulatory legal acts, Pushkin card.

For citation: Shalimova O. N. Obtaining a passport by minors in the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 124–130.

Все без исключения граждане Российской Федерации обязаны получить паспорт при достижении ими возраста 14 лет[1]. Паспорт является самым необходимым документом для гражданина, и родителям следует проконтролировать процесс сбора пакета документов [1, с. 1173] и их подачи, сопроводить или отправить ребёнка самостоятельно с обращением в подразделение органов внутренних дел в любой срок или ближайший многофункциональный центр (далее – МФЦ), но не позднее, чем через 90 дней после исполнения 14 лет. Подача документов обычно длится не более часа, а паспорт выдаётся в течение пяти дней, изменения в сроках могут быть лишь в случае возникновения ошибок при заполнении заявления либо в случае выбора вручения паспорта в торжественной обстановке.

Для того чтобы подать заявление, у подростка есть 90 дней, в сам день рождения подать нельзя, в услуге откажут. Если сроки не будут соблюдены, то родителям в городе Орле и Орловской области придётся заплатить штраф в размере 2 000–5 000 рублей[2]. Штраф не является препятствием к получению документа, удостоверяющего личность [2, с. 163], оформить всё равно удастся, отразится это только на родительском бюджете. Кроме того, штраф или предупреждение также предусмотрены в случае умышленной порчи, или уничтожения документа, или его утраты по небрежности. Размер штрафа варьируется от ста до трёхсот рублей. Если утрата паспорта произошла по причине кражи документа, следует незамедлительно сообщить о происшествии в отделение полиции, и в случае подтверждения информации владелец украденного документа освобождается от административной ответственности за небрежное хранение документа.

Итак, получая паспорт [3, с. 165] впервые, следует придерживаться установленного алгоритма действий, который позволит сделать процесс подачи документов быстрым и позволит сэкономить время силы.

Пакет документов включает в себя:

– свидетельство о рождении с отметкой, удостоверяющей гражданство Российской Федерации[3], необходимо проверить наличие отметки на тыльной стороне свидетельства о рождении (см. рисунок 1); если её нет, можно поставить в управлении по вопросам миграции, услуга бесплатная; либо свидетельство о приобретении гражданства Российской Федерации по рождению, нужен именно оригинал документа, заверенная копия не подойдёт; если по какой-то причине нет свидетельства о рождении, необходимо позаботиться о его повторной выдаче в МФЦ. Свидетельство о рождении заберут на время оформления документов;

Рис. 1. Отметка, удостоверяющая гражданство Российской Федерации

[1] Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Рос. Федерации на территории Российской [Электронный ресурс]: указ Президента Рос. Федерации от 13 марта 1997 г. № 232. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Рос. Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче, замене паспортов гражданина Рос. Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Рос. Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 16 ноября 2020 г. № 773. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О гражданстве Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 28 апреля 2023 г. № 138. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– свидетельство о регистрации по месту жительства выдаётся в МФЦ, как правило, уже имеется в наличии к 14 годам (на портале федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее – Госуслуги) написано, что данный документ не обязателен, но тогда в паспорте не будет регистрации и нужно будет заниматься этим отдельно и самостоятельно. Свидетельство о регистрации по месту жительства заберут на время оформления документов;

– две фотографии 3,5×4,5 см (цветные или чёрно-белые), одна для заявления, вторая пойдёт в паспорт. Фото можно сделать заранее, либо воспользоваться фотокабинкой в МФЦ (средняя цена в г. Орле 250–350 рублей);

– заявление, которое заполняется непосредственно на месте;

– квитанция об оплате госпошлины (госпошлина в 2024 году составляет 300 рублей), квитанцию выдают на приёме, можно оплатить в терминале МФЦ либо оплатить по реквизитам на сайте главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел России. Требуется предоставить бумажную квитанцию.

Если заявление подаётся через МФЦ, то можно заранее записаться на сайте на приём в ближайшее отделение. Однако, если нет такой возможности, нестрашно, МФЦ работает ежедневно, приём ведут сразу несколько сотрудников, ждать долго не придётся. Через Госуслуги в 14 лет подать документы нельзя, такая услуга доступна только при замене паспорта в более поздний срок (в 20, 45 лет). В 14 лет заявление подаётся только лично. Когда заявление написано, а документы поданы, на руки выдадут расписку о приёме документов.

Возможно оформление временного удостоверения личности [4, с. 39] на тот период, пока у ребёнка не будет свидетельства о рождении, если это будет необходимо в личных целях. Присутствие родителей по закону не требуется. Обычно выдача паспорта занимает около 5 дней. Отказать могут только, если не соответствует пакет документов или если фото не соответствует возрасту ребёнка. Паспорт ребёнок получает лично, в порядке очереди, родителям не отдадут. В городе Орле имеется бесплатная услуга «Вручение паспорта 14-летним в торжественной обстановке», в МФЦ спросят: «Как вы хотите получать паспорт?». И если пожелаете, то церемония вручения паспорта может быть торжественной. Сотрудник МФЦ запишет на ближайшую дату, и позднее свяжется и сообщит о точной дате и месте проведения.

Вручение паспорта – волнующее мероприятие для каждого молодого человека, которое может быть приурочено к ближайшему государственному празднику или проходить в рамках всероссийской акции «Я – гражданин России», что помогает обозначить взросление и задуматься о месте в жизни и применении знаний во благо Родине. В проведении мероприятия в городе Орле принимают участие сотрудники Управления по вопросам миграции УМВД России по Орловской области и представители общероссийского общественно-государственного движения детей и молодёжи «Движение первых», а также руководители органов власти, местного самоуправления, патриотических общественных организаций, ветеранов органов внутренних дел. Дети произносят торжественные слова, обещая быть достойными гражданами своей России. Торжественное вручение паспортов способствует повышению патриотического потенциала молодого поколения. Если организаторы проведут его без задержек и не формально, то цели по формированию общей культуры будут достигнуты. Подросткам могут быть вручены небольшие памятные подарки и сувениры. Церемония вручения паспортов сопровождается различными музыкальными номерами. Творческие коллективы Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова демонстрируют свои уникальные способности и таланты, участвуя с различными номерами в церемонии поздравления.

Личную подпись [5, с. 24] в паспорте необходимо будет поставить до начала церемонии. Придумать подпись нужно заранее и потренироваться. Личная подпись играет огромную роль в процедуре идентификации, поэтому стоит придумать такую, которая не будет похожа на каракули. Подпись можно даже попробовать сгенерировать онлайн, однако так она лишается индивидуальности, ведь являясь средством самовыражения, она многое может рассказать о её авторе. Особенно важно иметь красивую личную подпись творческим людям.

Не стоит переживать, если ваша первая подпись впоследствии перестанет нравиться, её можно будет изменить с помощью выделения отдельных букв, подчёркивания, нестандартного шрифта (совсем необязательно использовать стандартный шрифт), подписи можно добавить размашистости (данный приём сильно усложнит возможность подделки подписи), подпись может включать числа и символы.

Если решили сгенерировать подпись, это можно сделать на:

– https://podpis-online.ru/;

– https://signature-generator.com/ru/draw-signature/;

– https://yandex.ru/games/app/283111;

– https://awebanalysis.com/ru/draw-signature-online/?ysclid=lxirbm6pec380444325;

– https://www.photoroom.com/ru/instrumenty/sozdatel-podpisi и др.

Многие задаются вопросом, должна ли личная подпись полностью соответствовать подписи в паспорте. Однозначного ответа нет, так как в «Положении о паспорте гражданина Российской Федерации», утверждённом постановлением правительства от 08.07.1987 № 828, так же, как и в иных законодательных актах, таких требований нет. Кроме того, нет каких-либо ограничений и правил относительно того, как должна выглядеть личная подпись.

Если требуется поменять подпись, это возможно, но следует делать это разумно и уместно, принимая во внимание серьёзность вопроса, содержащегося в подписываемом образце, во избежание возможных сюрпризов при сличении документов.

При необходимости личную подпись можно заверить у нотариуса, например при оформлении различного вида сделок, а в случае выявления подлинности обратиться к специалистам, которые по повторяющимся петлям, штрихам, наклонам, нажиму и скорости написания смогут определить, принадлежит ли подпись конкретному человеку или нет, сравнивая с имеющимися в различных документах образцами.

Желание поменять подпись не является основанием для замены документа, хотя поменять подпись при последующей замене паспорта можно.

В случае замены потребуются следующие документы:

– документ, подлежащий замене;

– свидетельство о рождении;

– свидетельства о браке, разводе, перемене имени (при изменении личных данных), о рождении детей до 14 лет;

– военный билет;

– фотографии 3,5×4,5 соответствующего образца – на белом фоне, в анфас, без затемнённых и бликующих очков;

– бланк оплаченной госпошлины, заполняется аккуратно, при порче, необходимо будет доплатить, цена бланка на Госуслугах с учётом скидки – 300 рублей.

Пункт 22 Положения № 2267 указывает, что паспорт подлежит замене, если имеются следующие основания (см. рисунок 2).[1]

[1] Об утверждении Положения о паспорте гражданина Рос. Федерации, образца и описания бланка паспорта гражданина Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 23 декабря 2023 г. № 2267. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

а) достижение гражданином Российской Федерации 20-летнего возраста;
б) достижение гражданином Российской Федерации 45-летнего возраста;
в) изменение гражданином Российской Федерации фамилии, имени, отчества, сведений о дате (число, месяц, год) и (или) месте рождения, внесение изменений в запись акта гражданского состояния на основании медицинского заключения врачебной комиссии медицинской организации, подведомственной федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, о соответствии половых признаков признакам определенного пола, выданного в соответствии с частью 2 статьи 451 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации";
г) существенное изменение внешности в связи с перенесенным заболеванием либо медицинским вмешательством;
д) невозможность проставления на страницах паспорта отметок, предусмотренных пунктами 5 и 6 настоящего Положения, а также невозможность изменения сведений о детях, не достигших 14-летнего возраста, отметки о которых ранее были внесены в паспорта родителей;
е) обнаружение неточности или ошибочности произведенных в паспорте записей;
ж) непригодность паспорта для дальнейшего использования вследствие нарушения элементов защиты бланка паспорта, в результате которого невозможно установить подлинность такого бланка или обеспечить защиту от изменения содержащихся на нем записей, изображений, реквизитов, либо вследствие повреждения, нарушающего целостность бланка паспорта (отсутствие страницы или ее части, предназначенной для внесения отметок и (или) записей), и (или) износа (повреждения), при котором невозможно однозначно визуально определить реквизиты паспорта, наличие в паспорте тех или иных сведений либо их содержание;
з) наличие в паспорте сведений, отметок и записей, не предусмотренных настоящим Положением;
и) утрата (хищение) ранее выданного паспорта;
к) признание паспорта органами предварительного расследования вещественным доказательством по уголовному делу.

Рис. 2. Пункт 22 Положения № 2267

Получив паспорт, стоит задуматься о необходимости получения загранпаспорта, а также об оформлении популяризирующей культурные мероприятия «Пушкинской карте», чтобы иметь возможность ходить в театры, музеи, на концерты и в кино за счёт госбюджета.

Карта разработана специально для молодёжи от 14 лет. Она рассчитана на номинал 5 000 рублей. Для получения необходимо зарегистрироваться на госуслугах, подтвердив учётную запись с помощью онлайн-банка или в центрах обслуживания, после получения паспорта. Необходимо будет скачать приложение «Госуслуги Культура». Карту можно получить в виртуальном виде [6, с. 36] или в виде пластиковой карты «Мир». Использовать её просто, можно выбирать в афише через приложение или на портале Культура.РФ[1]. Провести оплату мероприятия можно онлайн, в кассах или на сайте организации, участвующей в программе «Пушкинская карта». При предъявлении билета придётся показать паспорт [7, с. 114] или свой профиль в приложении, так как билеты именные. Билеты подлежат возврату при необходимости, средства возвращаются, оплатить получится только один билет, оплатить билет другу нельзя, приобретать билеты можно и на будущий год.

[1] Культура.РФ [Электронный ресурс]. URL:https://www.culture.ru/afisha/moskva/pushkinskaya-karta (дата обращения: 28.10.2024).

Благодаря уникальной программе «Пушкинская карта» юные граждане Российской Федерации смогут посетить Мариинский театр, театр имени Вахтангова, Государственную Третьяковскую галерею, Государственный исторический музей, Государственный Эрмитаж, Музей-усадьбу Л. Н. Толстова «Ясная поляна», Тульский государственный музей оружия, Музей Победы и многие другие культурно-просветительские площадки России (более 29 734). Студенты и школьники (до 17 лет) в России имеют право на бесплатное посещение музеев федерального подчинения – положение закреплено в приказе Министерства культуры[1]. Следует искать информацию о днях бесплатного посещения на официальных сайтах музеев. Для обучающихся по основным профессиональным образовательным программам предусмотрена возможность посещения государственных и муниципальных музеев не реже одного раза в месяц,[2] но на основании локальных актов количество дней для посещения может быть увеличено (необходимо предъявить студенческий билет).

Приведённая выше информация позволяет сделать вывод о том, что паспорт не только самый главный первый документ, он является своего рода трапом во взрослую жизнь, идентификатором личности, а следовательно, и поддержка взрослых по мере подготовки документов, и последующие процедуры при оформлении, и особенно возможность получения паспорта в торжественной обстановке являются подспорьем в формировании [8, с. 34] гражданственности и самостоятельности. Паспорт и заменяющие его документы относятся к числу важнейших, имеющих значительную историю, которые меняли не только свой внешний облик, содержание, объёмность, но и позволяли населению решать комплекс личных вопросов – начиная от рождения и заканчивая смертью [9, с. 47]. С помощью паспорта осуществляется взаимодействие гражданина с государством и гражданским обществом.

1. Арбузова Т. Е. Безопасность личных данных человека // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты: Сборник научных статей XVI международной научной конференции обучающихся образовательных организаций высшего образования, проводимой в рамках III Санкт-Петербургского международного молодежного научного форума «Северная Пальмира: территория возможностей», СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 1171–1176.
2. Грудо С. К., Коренькова А. А. Электронная идентификация как фактор преодоления рисков фальсификации документов // Труды БГТУ. Серия 4: Принт и медиатехнологии. 2023. № 1(267). С. 31–37.
3. Гура Г. М. Особенности паспортной системы Российской Федерации // Территория науки. 2013. № 5. С. 161–167.
4. Лунева С. В. Причины и перспективы введения электронного паспорта // Научное измерение – 2023: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Петрозаводск. 2023. С. 35–39.
5. Егорова М. А. Проблема цифровой идентификации личности в Российской Федерации и Европейском союзе // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 1(89). С. 17–29.
6. Муленко Н. В. Электронный паспорт в России сегодня: от идеи к реализации / Н.В. Муленко // Проблемы правоохранительной деятельности. 2023. № 4(54). С. 34–40.
7. Фатихов Д. Р. История правового регулирования Российской паспортной системы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3(25). С. 114–122.

[1] Об утверждении Порядка бесплатного посещения музеев лицами, не достигшими восемнадцати лет, а также обучающимися по основным профессиональным образовательным программам [Электронный ресурс]: приказ Министерства культуры Рос. Федерации от 17 декабря 2015г. № 3119. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменения в статью 12 Закона Рос. Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 5 мая 2014 г. № 102-ФЗ

8. Шалимова О. Н. Дидактические особенности формирования вербальных средств общения // Образование и общество. 2024. № 2(145). С. 33–39.
9. Шурухнов Н. Г., Шурухнова Д. Н. Паспорт для русских подданных и иностранцев в Российской империи. Некоторые виды ответственности за нарушение «Устава о паспортахъ» // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 45–51.

1. Arbuzova T. E. Bezopasnost` lichny`x danny`x cheloveka // Bezopasnost` lichnosti, obshhestva i gosudarstva: teoretiko-pravovy`e aspekty`: Sbornik nauchny`x statej XVI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii obuchayushhixsya obrazovatel`ny`x organizacij vy`sshego obrazovaniya, provodimoj v ramkax III Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «Severnaya Pal`mira: territoriya vozmozhnostej», SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2023. S. 1171–1176.
2. Grudo S. K., Koren`kova A. A. E`lektronnaya identifikaciya kak faktor preodoleniya riskov fal`sifikacii dokumentov // Trudy` BGTU. Seriya 4: Print i mediatexnologii. 2023. № 1 (267). S. 31–37.
3. Gura G. M. Osobennosti pasportnoj sistemy` Rossijskoj Federacii // Territoriya nauki. 2013. № 5. S. 161–167.
4. Luneva S. V. Prichiny` i perspektivy` vvedeniya e`lektronnogo pasporta // Nauchnoe izmerenie – 2023: Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Petrozavodsk. 2023. S. 35–39.
5. Egorova M. A. Problema cifrovoj identifikacii lichnosti v Rossijskoj Federacii i Evropejskom soyuze // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2022. № 1(89). S. 17–29.
6. Mulenko N. V. E`lektronny`j pasport v Rossii segodnya: ot idei k realizacii / N.V. Mulenko // Problemy` pravooxranitel`noj deyatel`nosti. 2023. № 4(54). S. 34–40.
7. Fatixov D. R. Istoriya pravovogo regulirovaniya Rossijskoj pasportnoj sistemy` // Yuridicheskaya nauka i pravooxranitel`naya praktika. 2013. № 3(25). S. 114–122.
8. Shalimova O. N. Didakticheskie osobennosti formirovaniya verbal`ny`x sredstv obshheniya // Obrazovanie i obshhestvo. 2024. №2 (145). S. 33-39.
9. Shuruxnov N. G., Shuruxnova D. N. Pasport dlya russkix poddanny`x i inostrancev v Rossijskoj imperii. Nekotory`e vidy` otvetstvennosti za narushenie «Ustava o pasportax``» // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2024. № 2(99). S. 45–51.

Информация об авторе

Ольга Николаевна Шалимова. Доцент кафедры иностранных и русского языков. Кандидат педагогических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the author

Olga N. Shalimova. Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages. Candidate of Pedagogical Sciences.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova st., 2.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted October 28, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 34

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА СНИЖЕНИЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ТРАВМАТИЗМА НА ДОРОГАХ ВНЕ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ

Ясникова Вера Андреевна
ФКУ «Научный центр БДД МВД России», Москва, Россия

viasnikova@mvd.ru

Аннотация. В статье анализируется зарубежный опыт снижения показателей смертности в результате дорожно-транспортных происшествий на дорогах вне населённых пунктов в странах Европейского союза. Особое внимание уделяется мерам, направленным на снижение количества дорожно-транспортных происшествий: безопасная дорожная инфраструктура, ограничение скоростного режима, безопасность участников дорожного движения, безопасные транспортные средства. Приводятся статистические данные дорожно-транспортной аварийности в ЕС.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, дорожно-транспортный травматизм, дороги вне населенных пунктов, Европейский Союз.

Для цитирования: Ясникова В. А. Зарубежный опыт мер, направленных на снижение дорожно-транспортного травматизма на дорогах вне населенных пунктов // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 131–138.

FOREIGN EXPERIENCE OF MEASURES AIMED AT REDUCING ROAD TRAFFIC INJURIES ON ROADS OUTSIDE POPULATED AREAS

Vera A. Iasnikova
Federal public establishment «Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation», Moscow, Russia

viasnikova@mvd.ru

Annotation. The article analyses foreign experience in reducing mortality rates as a result of road traffic accidents on roads outside populated areas in the countries of the European Union. Special attention is paid to the measures aimed at reducing the number of road accidents: safe road infrastructure, speed limits, safety of road users, safe vehicles. Statistical data on road traffic accidents in the EU are given.

Keywords: road traffic accident, road traffic injuries, roads outside populated areas, European Union.

For citation: Iasnikova V. A. Foreign experience of measures aimed at reducing road traffic injuries on roads outside populated areas // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 131–138.

Обеспечение безопасности участников дорожного движения является одним из основных компонентов безопасного системного подхода [1, с. 13]. За последнее десятилетие уровень дорожно-транспортной аварийности на дорогах вне населённых пунктов в Европейском союзе снизился на 25 %, с 14 162 в 2012 году до 10 644 в 2022

году. Бельгия и Эстония достигли наибольшего среднегодового сокращения на 6 %, Греция, Латвия и Португалия – на 5 %. Но при этом количество погибших увеличивалось на 1 % в Нидерландах [2, с. 7]. В Российской Федерации уровень дорожно-транспортной аварийности на дорогах вне населённых пунктов снизился на 38 %, с 203 597 дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) в 2012 году до 126 705 в 2022 году [3, с. 25]. Для достижения цели сокращения количества погибших в ДТП на дорогах вне населённых пунктов необходимы комплексные меры, направленные на улучшение инфраструктуры, ограничение скоростного режима, безопасность участников дорожного движения и повышение безопасности транспортных средств. Рассмотрим меры, которые применяются в странах с высоким уровнем безопасности дорожного движения, к которым в полной мере относятся страны Европейского союза [4, с. 57–63].

1. Безопасная дорожная инфраструктура

Директива 2019/1936 Европейского парламента и Совета [5] направлена на улучшение безопасности дорожного движения в странах Европейского Союза. Государствам-членам необходимо анализировать потенциальные риски и внедрять безопасные проектные решения на этапе планирования и проектирования новых дорог и реконструкции существующих. Установлены требования к регулярному мониторингу состояния дорожной инфраструктуры для выявления и устранения потенциальных опасных участков дорог, недостаточного освещения или отсутствия разметки [6, с. 54–59]. После пересмотра Директивы Европейского союза введена концепция «*self-explaining and self-enforcing roads*». Данный термин не имеет аналогов в русском языке, что обусловлено отсутствием таких дорог на территории Российской Федерации. Дословный перевод данной концепции предполагает использование выражений «самообъясняющиеся» и «самопринуждающие дороги». В рамках настоящего исследования будет применяться более подходящее понятие «нерегулируемые дороги вне населённых пунктов», что позволит более точно отразить суть рассматриваемых объектов и их функциональные характеристики в контексте дорожной инфраструктуры. Концепция нерегулируемых дорог вне населённых пунктов основывается на функциональной классификации элементов дорожной сети и чёткой дифференциации характеристик инфраструктуры, применяемых к каждой категории дорог. Цель проектирования таких дорог заключается в том, что различные классы дорог должны отличаться друг от друга по дизайну и функциям, а в пределах каждого класса такие характеристики, как ширина проезжей части, дорожная разметка, знаки и использование уличного освещения, должны быть одинаковыми на протяжении всего маршрута. Концепция заложена в конструкции самого высокого и безопасного класса дорог – автомагистралей. Планировка нерегулируемых дорог вне населённых пунктов ориентирована на предотвращение движения участников дорожного движения с несоблюдением скоростного режима и осуществления небезопасных манёвров. На таких дорогах применяются различные инженерные меры: разметка, шлюзы, сужение проезжей части, шиканы и дорожные горбы (рис. 1).

Рис. 1. Использование шлюзов и шиканов на дорогах

В Чехии проведено исследование различий между дизайном горизонтальной дорожной разметки на поворотах на региональных дорогах. Исследование показало, что большее число водителей транспортных средств не выезжает на встречную полосу при наличии осевой линии между полосами, чем при наличии только краевых линий. На правосторонних поворотах (по направлению движения) наблюдалось значительное снижение водителями скоростного режима (рис. 2).

Рис. 2. Нанесение разметки на дорогах вне населенных пунктов в Чехии

В Испании зафиксировано увеличение количества ДТП с участием диких животных. Министерство транспорта Испании разработало процедуру, которая применяется к национальной сети дорог для выявления участков дорог с повышенным числом ДТП с участием животных. На этих участках применяются соответствующие меры, такие как специальные предупреждающие знаки для водителей, переходы для диких животных, установлены ограждения. На сегодняшний день выявлено 136 участков, большинство из которых находится на дорогах вне населённых пунктов [7].

Учитывая, что количество ДТП на горизонтальных поворотах превышает количество аварий на прямых участках двухполосных дорог вне населённых пунктов, а частота ДТП возрастает пропорционально углу наклона поворота, в регионе Тироль (Австрия) проведено исследование, в рамках которого нанесена специальная дорожная разметка на поворотах с целью оценки её влияния на траекторию движения и частоту ДТП. Специальная разметка, включающая эллиптические формы и полосы, применена на восьми выбранных участках для воздействия на выбор линии движения мотоциклистами при прохождении поворотов (рис. 3) [8].

Рис. 3. Специальная дорожная разметка на дорогах Австрии

Также выявлено значительное смещение линии движения мотоциклистов на повороте с внутренней на внешнюю сторону полосы после введения специальной разметки. Аналогичные результаты были получены и в Шотландии, где на двадцати двух участках нанесена дорожная разметка «шлюз» и соответствующие информационные знаки, позволяющие мотоциклистам адаптироваться при приближении к повороту. За три года реализации проекта зафиксировано снижение скоростного режима мотоциклистами. Кроме того, с начала проекта ни в одном из ранее выявленных мест, где была нанесена разметка, не произошло ни одного ДТП с участием мотоциклистов [2].

С 1998 года Швеция приступила к реализации программы по преобразованию однополосных дорог вне населённых пунктов шириной 13 м в так называемые «дороги 2+1» (рис. 4).

Рис. 4. Шведская дорога 2+1

Дорога 2+1 состоит из двух полос в одном направлении движения и одной полосы в противоположном направлении. В каждом направлении двухполосный участок, обеспечивающий безопасную зону обгона, чередуется с однополосным участком с интервалом примерно в 2 км. Транспортные средства, движущиеся в противоположных направлениях, разделены тросовой системой, которая препятствует манёврам обгона на однополосном участке [9].

В Швеции насчитывается около 5 000 км дорог с раздельным движением, что составляет около 45 % транспортного потока на национальных дорогах вне населённых пунктов. 2 700 км из них – это дороги 2+1. Исследование, проведённое в 2009 году, показало, что после перехода на дороги 2+1 уровень дорожно-транспортной аварийности снизился на 76 % [2, с. 14]. Одновременно отметим, что в Российской Федерации в 2021 году в каждом третьем ДТП сопутствующей причиной являлись недостатки улично-дорожной сети [10, с. 47].

2. Ограничение скоростного режима

Для достижения прогресса в области безопасности дорожного движения в качестве ключевых подходов применяются концепции, пропагандируемые большинством стран мира, одна из которых – Безопасная система. Согласно данному подходу безопасные ограничения скорости на дорогах вне населённых пунктов без срединного барьера не должна превышать 70 км/ч и не должна превышать 100 км/ч на дорогах со срединным и боковыми барьерами. Стандартные ограничения скорости на дорогах вне населённых пунктов варьируются в разных странах-членах ЕС. В большинстве стран, где уровень дорожно-транспортной аварийности значительно ниже, чем в среднем по ЕС (46 погибших на миллион жителей), действуют стандартные ограничения скорости 70 км/ч или 80 км/ч. К таким странам относятся Швеция, Дания, Финляндия. Во Франции стандартное ограничение скорости на 400 000 км неразделённых дорог вне населённых пунктов с одной проезжей частью было снижено

с 90 км/ч до 80 км/ч, что позволило предотвратить 349 ДТП с июля 2018 года по февраль 2020 года на дорогах с новым ограничением, в то время как на остальных участках сети погибло на 48 человек больше (по сравнению с контрольным периодом 2013–2017 годов) [2, с. 15]. Каждый год в Финляндии с ноября по март на большей части дорог вне населённых пунктов вводится снижение скоростного режима на 20 км/ч (со 100 до 80 км/ч), что позволяет снизить уровень дорожно-транспортной аварийности и травматизма [2, с. 17].

Результаты исследования, проведённого в 2022 году в Швеции, свидетельствуют о значительном влиянии камер контроля скорости на соблюдение скоростного режима и снижение смертности на дорогах. В частности, соблюдение скоростного режима в непосредственной близости от установленных камер увеличилось на 22–56 % в зависимости от установленного ограничения скорости, тогда как между камерами наблюдалось увеличение на 11–15 %. На участках дорог с камерами контроля скорости, где ограничение составляло 80 или 90 км/ч, уровень соблюдения скоростного режима вблизи камер достигал примерно 95 %, а между камерами – около 60 %. В целом средняя скорость транспортных средств снизилась на 3,5 км/ч, при этом наиболее значительное снижение было зафиксировано на участках с ограничением скорости 80 км/ч. Анализ данных за период с 2003 по 2018 год показал снижение уровня дорожно-транспортной аварийности на участках дорог с установленными камерами контроля скорости на уровне 39 % [11, с. 34].

3. Безопасность участников дорожного движения

Следует учитывать влияние роста использования электровелосипедов на безопасность дорожного движения на дорогах вне населённых пунктов, поскольку велосипедисты на электровелосипедах, как правило, преодолевают большие расстояния и движутся с большей скоростью по сравнению с традиционными велосипедистами. В странах с высоким уровнем распространения велоспорта за последнее десятилетие наблюдается значительный рост использования велосипедов с электроприводом. Например, в Нидерландах в 2019 году электровелосипеды составили около 18 % всех велосипедных поездок и более четверти (26 %) общего расстояния, пройденного на велосипеде. В 2013 году эти показатели составляли 8 % и 12 % соответственно. Проект ЕС «Велосипед» представляет собой инициативу, финансируемую Европейским союзом, нацеленную на сбор и обмен передовым опытом в разработке проектов, касающихся велоспорта. В качестве примеров можно выделить проекты, реализованные в Польше и Италии.

В 2015 году в Польше (регион Западная Померания) разработана сеть велодорожек значительной протяжённости. Основной целью данного проекта являлось развитие велосипедного туризма в регионе. За пятилетний период была сформирована основа региональной велосипедной сети, включающая 800 км высококачественных веломаршрутов, из которых 350 км представляют собой новые велодорожки, находящиеся на стадии открытия или строительства. Большая часть сети (64 %) проходит по уже существующей инфраструктуре, включая велодорожки (22 %), дороги общего пользования с низким трафиком (35 %) и асфальтированные лесные дороги необщего пользования (7 %). Оставшиеся 410 км (36 %) требуют строительства [2, с. 15].

В Италии (Апулия) велодорожка «Акведук» является первой велодорожкой, расположенной вдали от автомобильного движения и в естественной среде. Данный маршрут характеризуется экологичностью, поскольку его покрытие выполнено из стабилизированной гранулированной смеси без использования асфальта или других видов заполнителей. Велодорожка активно используется как местными жителями, так и туристами для пеших прогулок и велосипедных поездок [2, с. 20].

Проект «Сеть безопасных веломаршрутов», реализуемый Главным управлением дорожного движения Испании, направлен на безопасное передвижение велосипедистов путём реализации ряда мер на тех участках дорог, которые наиболее часто посещаемы.

На участках применяются маршрутные указатели, временное снижение ограничения скорости в зависимости от типа дорог, усиление контроля за соблюдением правил дорожного движения (нарушения, связанные с дистанцией обгона, несоответствующей скоростью и незаконными манёврами как водителей, так и велосипедистов). В настоящее время более 4 600 км дорог обозначено как маршруты безопасного движения для велосипедистов[1].

В Испании принимаются меры по повышению безопасности уязвимых участников дорожного движения на дорогах вне населенных пунктов. Главное управление дорожного движения Испании разработало рекомендации по повышению безопасности на пешеходных переходах на дорогах вне населённых пунктов и на участках дорог, пересекающих города [2, с. 22].

Согласно данным рекомендациям при пересечении дороги с тротуаром или велосипедной дорожкой необходимо устанавливать центральные навесы, отделённые от проезжей части бордюром, сужать проезжую часть или устанавливать светофоры, которые автоматически активируются при обнаружении пешехода или велосипедиста либо вручную с помощью кнопки. Адаптация данной инфраструктуры для пешеходов применяется в муниципалитете Олейрос, провинция А-Корунья, где установлены тротуары и защитные ограждения для пешеходов на участке дороги с высокой интенсивностью движения как со стороны пешеходов, так и автотранспорта [2]. Информирование учащихся о безопасных маршрутах в школу и разработка плана школьной мобильности также представляют собой меры, которые образовательные учреждения могут принять для повышения безопасности поездок в школу, включая районы вне населённых пунктов.

В Австрии Совет по безопасности дорожного движения (*KFV*) и Австрийский совет по выплате компенсаций работникам (*AUVA*) разработали «карты безопасных маршрутов в школу»[2]. В Германии Федеральный научно-исследовательский институт автомобильных дорог (*BAST*) разработал руководство «Безопасные пути в школу», которое включает оценку эффективности предложенных решений[3].

4. Безопасные транспортные средства

Интеллектуальные транспортные системы, такие как *eCall*, играют важную роль в повышении безопасности дорожного движения на дорогах вне населённых пунктов. Система *eCall*, представляющая собой автоматизированный механизм экстренного вызова, который уведомляет службы спасения о ДТП, стала обязательной для всех новых моделей автомобилей в ЕС с 2018 года[4]. В рамках финансируемого Европейским союзом проекта «*I_HeERO*» установлено, что система *eCall* для двух- и трёхколесных транспортных средств должна значительно отличаться от аналогичной системы, применяемой в легковых автомобилях, что обусловлено различиями в динамике ДТП и характере травм. Проект также определил минимальные требования к системе *eCall* для мотоциклов, интегрированной в конструкцию транспортного средства[5]. Также принят второй проект, финансируемый *ЕС* – «*sAFE*», который предоставил производителям возможность провести испытания устройств *eCall* для мотоциклов в пунктах приёма экстренных вызовов. Целью испытаний является усовершенствование концепции *eCall* для двухколесных транспортных средств, разработанной в рамках проекта *I_HeERO.*

---

[1] Проект «Сеть безопасных веломаршрутов» Испании. [Электронный ресурс]. URL:http://tinyurl.com/df3bd57m (дата обращения: 16.10.2024).

[2] Политика дорожного движения. Карты безопасных маршрутов в школу [Электронный ресурс]. URL:https://bit.ly/3BIU8Vf (дата обращения: 16.10.2024).

[3] Руководство «Безопасные пути в школу» [Электронный ресурс]. URL:https://bit.ly/3P1w6bf (дата обращения: 16.10.2024).

[4] Система eCall. [Электронный ресурс]. http://tinyurl.com/33wbhhh2 (дата обращения: 16.10.2024).

[5] Проект «I_HeERO». [Электронный ресурс]. URL:http://tinyurl.com/33wbhhh2 (дата обращения: 16.10.2024).

Внедрение безопасных перекрёстков, включая круговые развязки, пешеходные подземные переходы, представляет собой важный шаг к повышению безопасности дорожного движения. Разделение движения в противоположных направлениях с использованием барьеров на срединной полосе, а также установка боковых барьеров при необходимости способствует снижению вероятности ДТП и увеличивает защиту участников дорожного движения. Создание безопасных зон для обгона на двухполосных дорогах, следуя концепции 2+1, как это реализовано в Швеции и других странах, может значительно уменьшить количество ДТП, связанных с обгоном.

Замена опасных перекрестков круговыми развязками позволяет оптимизировать движение и снизить риск столкновений, обеспечивая защиту транспортных средств, поворачивающих на пути встречного движения. Дополнительно усиление контроля за соблюдением ПДД, особенно в отношении превышения скоростного режима и управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения на дорогах с высокой интенсивностью движения, станет необходимым условием для повышения общей безопасности. Включение в правила системы *eCall* большего количества категорий транспортных средств, таких как мотоциклы, особенно актуально для сельских районов, где вероятность одиночных ДТП значительно выше.

Таким образом, комплексный подход к проектированию дорожной инфраструктуры и строгий контроль за соблюдением правил дорожного движения могут существенно снизить количество ДТП и повысить уровень безопасности на дорогах.

---

1. Майоров В. И., Дунаева О. Н. «Benchmarking» как технология повышения качества в сфере безопасности дорожного движения: опыт зарубежных стран и России // Безопасность дорожного движения. 2022. № 3. С. 13–18.
2. ETSC. Reducing road deaths on rural roads. PIN Flash Report 46. 2024.
3. Основные показатели безопасности дорожного движения в Российской Федерации (2004–2023): Статистический сборник. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России» 2024. 159 с.
4. Гордеева А. Д. Основные направления политики Европейского союза в области обеспечения безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2023. № 3. С. 57–63.
5. Директива (ЕС) 2019/1936 Европейского парламента и Совета о внесении изменений в Директиву 2008/96/ЕС об управлении безопасностью дорожной инфраструктуры. 2019.
6. Митрошин Д.В. Формирование международной нормативной правовой основы организации и осуществления дорожного движения (состояние, проблемы, перспективы) // Безопасность дорожного движения. 2023. № 2. С. 54–59.
7. Report on road safety activities. 2023. 89 с.
8. C. Goldenbeld, G.Schermers. European Road Safety Decision Support System, developed by the project SafetyCube. 2017.
9. J. Breen. An independent review of road safety in Sweden. 2008.
10. Баканов К. С., Антонов С. Н., Исаев М. М. Реформа законодательства о контроле (надзоре) в области безопасности дорожного движения в части дорожного надзора // Безопасность дорожного движения. 2023. № 1(28). С. 40–51.
11. A. Vadeby, C. Howard. Speed Cameras in Sweden. Effects on Speed and Traffic Safety.

1. Mayorov V. I., Dunaeva O. N. «Benchmarking» kak tekhnologiya povysheniya kachestva v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: opyt zarubezhnykh stran i Rossii // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. 2022. № 3. S. 13–18.
2. ETSC. Reducing road deaths on rural roads. PIN Flash Report 46. 2024.
3. Osnovnye pokazateli bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossiyskoy Federatsii (2004–2023): Statisticheskiy sbornik. M.: FKU «NTs BDD MVD Rossii» 2024. 159 s.

4. Gordeeva A. D. Osnovnye napravleniya politiki Evropeyskogo soyuza v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. 2023. № 3. S. 57–63.
5. Direktiva (ES) 2019/1936 Evropeyskogo parlamenta i Soveta o vnesenii izmeneniy v Direktivu 2008/96/EC ob upravlenii bezopasnost'yu dorozhnoy infrastruktury. 2019.
6. Mitroshin D.V. Formirovanie mezhdunarodnoy normativnoy pravovoy osnovy organizatsii i osushchestvleniya dorozhnogo dvizheniya (sostoyanie, problemy, perspektivy) // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. 2023. № 2. S. 54–59.
7. Report on road safety activities. 2023. 89 s.
8. C. Goldenbeld, G.Schermers. European Road Safety Decision Support System, developed by the project SafetyCube. 2017.
9. J. Breen. An independent review of road safety in Sweden. 2008.
10. Bakanov K. S., Antonov S. N., Isaev M. M. Reforma zakonodatel'stva o kontrole (nadzore) v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v chasti dorozhnogo nadzora // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. 2023. № 1(28). S. 40–51.
11. A. Vadeby, C. Howard. Speed Cameras in Sweden. Effects on Speed and Traffic Safety.

Информация об авторе

Вера Андреевна Ясникова. Научный сотрудник.
ФКУ «Научный центр БДД МВД России».
121293, Россия, г. Москва, ул. Поклонная, д. 17.

Information about the author

Vera An. Iasnikova. Research Associate.
Federal public establishment «Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».
121293, Russia, Moscow, Poklonnaya st., 17.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted November 15, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Уголовно-правовые науки

Научная статья
УДК 343.13

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДОПРОСА ПО ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

Балашова Анна Александровна
Академия управления МВД России, Москва, Россия

Annbalashova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемных вопросов, связанных с проведением следственного действия – допроса, проводимого по видео-конференц-связи[1] в контексте с принятой ФЗ от 30.12.2021 № 501 – ФЗ ст. 189.1. В связи с тем, что допрос является одним из основных следственных действий, которому подвержены все участники уголовного дела, полученная информация является доказательством. От того, какую тактику применит следователь, дознаватель при его проведении, как спланирует и насколько грамотно найдет подход к допрашиваемому лицу, зависит достоверность и полнота полученных показаний. Анализируются мнения ученых–процессуалистов, высказывающих различные доводы по поводу проведения данного следственного действия с использованием ВКС. С учетом изложенного автор приходит к выводу, что введенная в УПК РФ ст. 189.1 требует внесения изменений в части указания конкретных ситуаций, при которых допустимо проведение следственного действия – допроса по ВКС.

Ключевые слова: допрос, собирание доказательств, подозреваемый, обвиняемый, несовершеннолетний, потерпевший, психологические особенности, электронные носители информации.

Для цитирования: Балашова А. А. Проблемные вопросы, возникающие при проведении допроса по видео-конференц-связи // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 139–146.

PROBLEMATIC ISSUES ARISING DURING INTERROGATION VIA VIDEOCONFERENCE

Anna A. Balashova
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Annbalashova@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the consideration of problematic issues related to the conduct of investigative action - interrogation conducted via video-conference in the context of the Federal Law of 30.12.2021 № 501 - FZ Art. 189.1. Due to the fact that the interrogation is one of the main investigative actions, to which all participants of the criminal case are exposed, the obtained information is evidence. The reliability and completeness of the obtained testimony depends on what tactics the investigator, inquirer will apply during its

[1] Далее – ВКС

conduct, how he will plan and how competently he will find an approach to the questioned person. The opinions of scientists-processualists, expressing various arguments about the conduct of this investigative action with the use of VCS are analysed. In view of the above, the author concludes that the article 189.1 introduced in the CPC of the RF requires amendments in terms of specifying specific situations in which it is permissible to conduct an investigative action - interrogation via VCS.

Keywords: interrogation, evidence gathering, suspect, accused, minor, victim, psychological peculiarities, electronic media.

For citation: Balashova A. A. Problematic issues arising during interrogation via videoconference // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 139–146.

Целью расследования любого уголовного дела является отыскание лиц, совершивших преступление, и доказательство их вины. Собирание доказательств – это важная составляющая или даже основа всего расследования. Пристальное внимание к данному процессу неслучайно: все прекрасно понимают, что доказательства, собранные в соответствии с нормами закона, никогда не будут признаны недопустимыми. Кроме того, расследование должно быть качественным, что также полностью созвучно с доказыванием.

Согласно нормам действующего законодательства, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности[1]. В свете принятия Федеральным законом Российской Федерации от 30.12.2021 № 501-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации[2] (далее – УПК РФ) изменений появилась статья 189.1. УПК РФ, в которой говорится об особенностях проведения допроса, очной ставки, опознания путём использования систем видео-конференц-связи (далее – ВСК), законодатель предоставил возможность при проведении предварительного расследования собирать доказательства новым способом.

Ранее такая возможность появилась у судей, которые при производстве судебного следствия могли провести по ВКС допрос свидетеля, а в 2022 году вступила в силу введённая Федеральным законом Российской Федерации от 29.12.2022 № 610-ФЗ ст. 241.1. «Участие в судебном заседании путём использования систем ВКС»[3].

Считается, что появление понятия видео-конференц-связи в уголовном процессе связано с принятием Федерального закона Российской Федерации от 29.12.2010 № 433-ФЗ[4] и Федерального закона Российской Федерации от 20.03.2011 № 39-ФЗ[5].

Научно-технический прогресс и возможность использования его достижений в уголовном судопроизводстве является одним из факторов внедрения информационных технологий при производстве расследования. Нормативное

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон Рос. Федерации от 29 декабря 2021 г. № 501-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[3] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[4] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[5] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

регулирование было выстроено таким образом, что в первую очередь был сделан акцент на усовершенствование судебного следствия с применением электронных носителей информации. Применение ВКС при проведении судебного разбирательства стало первым изменением для обеспечения связи между осуждёнными и судом в случае, когда они располагаются на значительном расстоянии друг от друга.

Как показывает практика, использование ВКС в суде складывается весьма положительно, особенно это ощущалось в период эпидемии *COVID-19*. Именно этот факт также стал одним из толчков к дальнейшему внедрению электронных носителей информации в уголовный процесс, а точнее в процесс предварительного расследования. Однако определённое количество авторов [1, с. 105] ссылается на то, что в первую очередь экономия времени следователей, сокращение сроков предварительного расследования стало первопричиной появления в действующем УПК РФ ст. 189.1., и усматривает среди несовершенств данной статьи, только техническую сторону вопроса, но мы считаем это неверным. На самом же деле практическое применение данной нормы вызвало огромное количество споров, что говорит о её несовершенстве и об обязательном внесении изменений, дополнений и разъяснений её применения на практике. К слову сказать, критика и недовольство высказываются и со стороны адвокатов. Абсолютно справедливо указывают Ю. А Бондаренко и Т. С. Балугина в своей статье на то, что в связи с принятием рассматриваемой статьи на сегодняшний день «складывается противоречие между принципами экономии процессуальных и организационных средств расследования, с одной стороны, и объективности и всесторонности производства предварительного расследования – с другой» [2, с. 201–202]. Удалённое общение, которое вынужденно возникает при производстве допроса по ВКС, уже выступает фактором, уменьшающим уровень эмпатии между незнакомыми людьми – следователем и допрашиваемым. Кроме того, допрашиваемый зачастую не готов и при личном контакте к общению, а если этот мотив нежелания общения последнего со следователем сохраняется на протяжении всего расследования, то тогда установление психологического контакта значительно затрудняется. Насколько тогда снизится уровень правдивости, искренности, открытости показаний при проведении следственного действия по ВКС? Что уж говорить о наличии посторонних лиц во время допроса и подготовки к нему, всё это усложняет комплекс складывающихся отношений, в том числе проявляющихся через невербальные каналы восприятия.

Л. Ю. Аксенова и А. Т. Анешева в своей работе рассматривают проблемы тактики производства допроса с использованием систем ВКС с учётом сложности установления психологического контакта, а также значительного ограничения приёмов тактико-психологического воздействия на допрашиваемого [3, с. 82]. К сожалению, на сегодняшний день следственная практика применения данной нормы при расследовании уголовных дел минимальна, сложно найти и судебную – в части оценки судом доказательств, полученных в результате следственных действий, проведённых по ВКС.

Анализируя первую часть рассматриваемой статьи, в которой говорится о том, что «следователь, дознаватель вправе провести допрос, очную ставку, опознание путём использования систем видео-конференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, при наличии технической возможности по правилам ст. 164 и гл. 26 УПК РФ с учётом особенностей, установленных настоящей статьей», мы понимаем, что следователь, дознаватель может провести указанные следственные действия с любым участником по уголовному делу: подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем, специалистом, экспертом, несовершеннолетними участниками процесса (статус которых также может быть разным). Принимая во внимание данное нововведение на предварительном следствии, чуть подробнее рассмотрим одно из сложных и неотъемлемых при производстве

расследования следственных действий – допрос. В этой связи совершенно справедливо подмечено учёными, что «проведение важного следственного действия – допроса – без подготовки приводит к нежелательным последствиям: не обеспечивает возможности получения от свидетелей и потерпевших полной и достоверной информации» [4, с. 150]. И тут хочется подправить данную мысль и сказать, что ещё и от показаний подозреваемых и обвиняемых напрямую зависит результат кропотливого расследования любого уголовного дела. Исходя из статуса каждого участника, учитывая категорию расследуемого преступления, тактику проведения следственного действия, в данном случае допроса, необходимо тщательно продумать и подготовится к нему. Следователь, дознаватель, преследуя цель раскрыть преступление и привлечь виновного к уголовной ответственности либо доказать невиновность лица, должен приложить все усилия к достижению результата, ведь речь идёт о человеческих жизнях и судьбах, поэтому любое расследование должно быть полным, качественным и только в рамках действующего законодательства. И показания участника уголовного дела, полученные в ходе допроса, должны содержать в себе максимально нужную и правдивую информацию. При этом необходимо помнить, что допрос осложняется не только тем, что следователям и дознавателям приходится иметь дело с людьми, не желающими говорить правду (и это касается не только подозреваемых и обвиняемых), но и тем, что полученная информация может быть неправдивой, искажённой, неполной, а лицу, производящему расследование, важно не упустить такой информации в уголовном деле.

Например, по мнению некоторых учёных, допрос потерпевшего отличается от других видов допроса «повышенной сложностью в связи с тем, что следователю приходится работать с лицом, которое пребывает в сильном эмоциональном потрясении» [5, с. 181]. Каждый человек – личность. Как отреагирует организм (мозг, сознание, на совершение преступления, неизвестно, да и преступления все разные. Но в любом случае в отношении лица было совершено противоправное деяние, а соответственно, человеку причинён ущерб (моральный, материальный, физический). Учитывая все факты (пол, возраст, состав преступления, причинённый ущерб), следователь, дознаватель обязан в рамках своих должностных обязанностей, приложить все усилия, для того чтобы максимально защитить пострадавшего от преступления, помочь ему в возмещении вреда и построить расследование таким образом, чтобы преступник понёс справедливое наказание. На лицо, ведущее расследование, возложена задача грамотного использования таких приёмов, которые бы «способствовали достоверному установлению обстоятельств события преступления, личности преступника, способа совершения преступления, источников иных идеальных, материальных или виртуальных следов преступления» [6, с. 79]. Потерпевшие – это как раз та категория участников уголовного процесса, которые обычно долго сохраняют в своей памяти те чувства, которые они пережили во время совершения преступных действий: страх, ужас, стрессовое перенапряжение. Из-за этого, как отмечает Г. А. Пантюхина, «в зависимости от типа психической деятельности у одних потерпевших, особенно подвергшихся физическому насилию, возможно наступление реактивных состояний, душевного расстройства, у других событие преступления влечёт состояние охранительной заторможенности» [7, с. 141]. Для того чтобы полномерно раскрыть индивидуальные детали совершённого преступления, которые в дальнейшем могут стать ключевыми в расследовании, необходимо установить контакт с потерпевшим, расположить его к даче показаний и убедить его в сотрудничестве со следствием. Кроме того, правовая регламентация новой нормы указывает на то, что дистанционное участие потерпевшего представляется неоптимальным ввиду недостаточного обеспечения гарантий прав и законных интересов данного субъекта. Наряду с этим, по мнению П. А. Самсонова, «требует решения вопрос

о необходимости дистанционного участия потерпевшего в иных процессуальных действиях на стадии предварительного расследования» [8, с. 134].

Допрос подозреваемого, особенно первый или сразу после совершения лицом преступления, может длиться не один и не два часа. Преступник чаще не преследует своей целью содействовать следствию и честно отвечать на поставленные следователем, дознавателем вопросы, а, чувствуя защиту со стороны адвоката, подозреваемые могут вообще вести себя вольно или пытаться «надавить» на органы предварительного расследования, обвиняя в незаконном подозрении или задержании. Поэтому существует определённая специфика при работе с данной категорией участников уголовного дела, и следователь должен уметь использовать психологические приёмы воздействия на них.

Как верно подметил Е. А. Игнатенко, «особый процессуальный статус (это основные и обязательные участники со стороны защиты), наличие большого объёма процессуальных прав, позволяющих оказывать законное противодействие следователю, в психологической установке на необходимость минимизации вреда личным интересам, то есть в неизбежности производства допроса, в условиях противостояния допрашивающего и допрашиваемого – отличительные черты при подготовке к проведению следственных действий и в частности к допросу подозреваемого, обвиняемого» [9, с. 59].

Совершенно верно описывает эту проблему С. М. Трашкова и Л. Ю. Айснер, которые отмечают, что «значительное количество преступлений остаётся нераскрытым, а вина преступников недоказанной лишь по той причине, что лицу, уполномоченному вести допрос, не удалось установить психологический контакт с допрашиваемым» [10, с. 62]. Те же самые элементы допроса применяются и при получении информации от обвиняемого. Следует подчеркнуть, что при проведении допроса с любым участником уголовного дела следователь прежде должен:

1. Подготовиться к его проведению;

2. Изучить личность допрашиваемого (составить его психологический портрет, узнать об особенностях этого человека, о его отклонениях или привычках, то есть обладать максимальной информацией о допрашиваемом и т. д.);

3. Создать психологический контакт.

А если речь идёт о несовершеннолетнем участнике процесса, который может быть как потерпевшим и свидетелем, так и подозреваемым, то здесь, как подчёркивает В. Л. Васильев, необходимо «хорошо знать психологические особенности личности несовершеннолетних и учитывать их при выборе тактических приёмов проведения с ними того или иного следственного действия» [11, с. 413]. Учитывая тот факт, что ребёнок или подросток, обладая психофизиологическими особенностями, может быть напуган, замкнуться в себе или специально обманывать следствие, ошибочно полагая, что его хотят привлечь к ответственности, следователю, дознавателю важно подготовить несовершеннолетнего к следственному действию, поговорить на посторонние темы, создать благоприятную атмосферу, расположить ребенка к допросу.

Кроме того, одним из необходимых элементов успешной подготовки к допросу, а впоследствии и его результату, является создание подходящей обстановки. Нельзя не согласится с мнением о том, что для комфортного состояния несовершеннолетнего «важно обеспечить ему внешние условия, которые способствовали бы налаживанию взаимоотношений между следователем и допрашиваемым» [12, с. 260]. Установить контакт с несовершеннолетним становится возможным путём обращения к положительным качествам личности. Очень интересная, на наш взгляд, практика сложилась в Главном следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу. Коллеги при допросе несовершеннолетних потерпевших (свидетелей) активно используют специально оборудованные игровые комнаты с различными игрушками, письменными принадлежностями и блокнотами

[13, с. 365]. Допрос проводится в неформальной обстановке, что способствует предотвращению оказания регрессивного воздействия, а соответственно, уверенность в получении полных и достоверных показаний возрастает в разы. Такого эффекта и результата не достичь при проведении допроса несовершеннолетнего по ВКС, и это очевидно. Кроме того, существуют определённые тактические приёмы, которые целесообразно применять следователями, дознавателями при допросе несовершеннолетнего, на них нередко обращают внимание учёные-процессуалисты в своих работах. К ним относятся: смежность, наглядность, контрастность, сходность [14, с. 50].

При минимуме приведённых выше важных составляющих производства допроса вопрос о получении качественных, полных и правдивых показаний по ВКС остаётся без ответа. О какой ценности доказательственной информации может идти речь, когда нет прямого контакта с допрашиваемым лицом? Теряется весь смысл следственного действия, так как можно поставить под сомнение достоверность полученной информации.

Учитывая особенности рассмотренного нами следственного действия, считаем, что целесообразно конкретизировать ч. 1 ст. 189.1. УПК РФ[1] в части участников, с которыми будет проведён допрос по ВКС, а также указать именно крайние случаи, при которых допустимо проведение следственного действия без «ущерба» для расследования. Имеется в виду что информация, полученная по ВКС в ходе допроса, не будет уступать по достоверности полученной информации, если бы участник уголовного дела был бы допрошен вживую, непосредственно следователем, который ведёт расследование по уголовному делу. По нашему мнению, проведение допроса по ВКС – это крайний случай проведения данного следственного действия, злоупотреблять данной нормой ни в коем случае нельзя, теряется весь смысл расследования, о качественных доказательствах можно забыть, а уж допрос подозреваемых на расстоянии, по нашему мнению, вообще не допустим.

1. Гапонова В. Н., Казанцева К. А. «К вопросу об использовании систем видео-конференц-связи при производстве допроса» // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXVII международной научно-практической конференции. Иркутск, 2022. С. 104–106.
2. Бондаренко Ю. А., Балугина Т. С. Эффективность тактических приемов эмоционального воздействия и установления психологического контакта при допросе с использованием систем видео-конференц-связи в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2023. № 8. С. 200–206
3. Аксенова Л. Ю., Анешева А. Т. Тактические приемы производства допроса // Вестник Омской юридической академии. 2019. Т. 16, № 1. С. 80–85
4. Использование психологических знаний в расследовании преступлений: учебное пособие / С. И. Грицаев, Д. А. Влезько, Д. В. Шевель; М-во сел. хоз-ва Рос. Федерации, Кубан. гос. аграр. ун-т. Краснодар: КубГАУ, 2013. 200 с.
5. Гафаров У. И., Егорышева Е. А. «Психологические основы допроса потерпевших» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, № 4-2 (67), 2022, С. 180–182.
6. Билык В. И., Кузьменко Д. В. Некоторые особенности тактики производства допроса потерпевшего при расследовании мошенничеств, совершенных в отношении социально незащищенных категорий граждан // Научный портал МВД России, 2020. № 2. С. 78–84.

[1]Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Пантюхина Г. А. Тактико-психологические особенности производства допроса на стадии предварительного расследования // Историческая и социально-образовательная мысль. том 10 № 1, 2018, С. 138–145.
8. Самсонов П. А. Дистанционное участие потерпевшего в процессуальных действиях на стадии предварительного расследования // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 5(150) , С. 132–141.
9. Игнатенко Е. А. Критерии психологического воздействия на допрашиваемого в ходе производства допроса подозреваемого (обвиняемого) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2012. № 5(19): в 2-х ч. Ч. II. С. 59–61
10. Трашкова С. М., Айснер Л. Ю. Некоторые психологические особенности проведения допроса // Общество: политика, экономика, право, №3, 2017, С. 62–65.
11. Васильев В. Л. Юридическая психология: учеб, для вузов. 6-е изд. СПб. 2009. 602 с.
12. Долженко Н. И., Купряшина Е. А. Особенности допроса несовершеннолетних лиц в уголовном судопроизводстве. Вестник Воронежского государственного университета. 2022. № 1. С. 257–266.
13. Матвиенко С. В., Абрамович Ю. В. Об особенностях производства допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в условиях цифровизации общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства // Вопросы Российской юстиции, № 23, 2023 г., С. 363–369.
14. Муравьев К. В., Соколов А. Б., Козловский П. В., Алексеева А. П. Тактико-криминалистическое обеспечение допроса несовершеннолетнего // Научный вестник Омской академии МВД России, № 4 (75), 2019. С. 47–52.

1. Gaponova V. N., Kazanceva K. A. «K voprosu ob ispol`zovanii sistem video-konferencz-svyazi pri proizvodstve doprosa» // Deyatel`nost` pravooxranitel`ny`x organov v sovremenny`x usloviyax. Sbornik materialov XXVII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Irkutsk, 2022. S. 104–106.
2. Bondarenko Yu. A., Balugina T. S. E`ffektivnost` takticheskix priemov e`mocional`nogo vozdejstviya i ustanovleniya psixologicheskogo kontakta pri doprose s ispol`zovaniem sistem video-konferencz-svyazi v Rossijskoj Federacii // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2023. № 8. S. 200–206
3. Aksenova L. Yu., Anesheva A. T. Takticheskie priemy` proizvodstva doprosa // Vestnik Omskoj yuridicheskoj akademii. 2019. T. 16, № 1. S. 80–85
4. Ispol`zovanie psixologicheskix znanij v rassledovanii prestuplenij: uchebnoe posobie / S. I. Griczaev, D. A. Vlez`ko, D. V. Shevel`; M-vo sel. xoz-va Ros. Federacii, Kuban. gos. agrar. un-t. Krasnodar: KubGAU, 2013. 200 s.
5. Gafarov U. I., Egory`sheva E. A. «Psixologicheskie osnovy` doprosa poterpevshix» // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk, № 4-2 (67), 2022, S. 180–182.
6. Bily`k V. I., Kuz`menko D. V. Nekotory`e osobennosti taktiki proizvodstva doprosa poterpevshego pri rassledovanii moshennichestv, sovershenny`x v otnoshenii social`no nezashhishhenny`x kategorij grazhdan // Nauchny`j portal MVD Rossii, 2020. № 2. S. 78–84.
7. Pantyuxina G. A. Taktiko-psixologicheskie osobennosti proizvodstva doprosa na stadii predvaritel`nogo rassledovaniya // Istoricheskaya i social`no-obrazovatel`naya my`sl`. tom 10 № 1, 2018, S. 138–145.
8. Samsonov P. A. Distancionnoe uchastie poterpevshego v processual`ny`x dejstviyax na stadii predvaritel`nogo rassledovaniya // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2023. T. 18. № 5(150), S. 132–141.
9. Ignatenko E. A. Kriterii psixologicheskogo vozdejstviya na doprashivaemogo v xode proizvodstva doprosa podozrevaemogo (obvinyaemogo) // Istoricheskie, filosofskie,

politicheskie i yuridicheskie nauki, kul`turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki, 2012. № 5(19): v 2-x ch. Ch. II. C. 59–61
10. Trashkova S. M., Ajsner L. Yu. Nekotory`e psixologicheskie osobennosti provedeniya doprosa // Obshhestvo: politika, e`konomika, pravo, №3, 2017, S. 62 -65.
11. Vasil`ev V. L. Yuridicheskaya psixologiya: ucheb, dlya vuzov. 6-e izd. SPb. 2009. 602 s.
12. Dolzhenko N. I., Kupryashina E. A. Osobennosti doprosa nesovershennoletnix licz v ugolovnom sudoproizvodstve. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 1. S. 257–266.
13. Matvienko S. V., Abramovich Yu. V. Ob osobennostyax proizvodstva doprosa nesovershennoletnix poterpevshix i svidetelej v usloviyax cifrovizacii obshhestvenny`x otnoshenij v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva // Voprosy` Rossijskoj yusticii, № 23, 2023 g., S. 363–369.
14. Murav`ev K. V., Sokolov A. B, Kozlovskij P. V., Alekseeva A. P. Taktiko-kriminalisticheskoe obespechenie doprosa nesovershennoletnego // Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii, № 4 (75), 2019. S. 47–52.

Информация об авторе

Анна Александровна Балашова. Старший научный сотрудник НИЦ. Кандидат юридических наук.
Академия управления МВД России.
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Information about the author

Anna A. Balashova. Senior Researcher of SIC, Candidate of Law Sciences.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125993, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh st., 8.

Статья поступила в редакцию 04.10.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted October 04, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 343.359.2

АНАЛИЗ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАЛОГОМ НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ, В ПРАКТИКЕ НАЛОГОВЫХ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Бондарь Елена Александровна[1], Волчкова Анна Александровна[2]
[1]Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия
[2]Приволжский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», Нижний Новгород, Россия

[1]elena_bondar@bk.ru
[2]anna-volchkova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы юридического состава налога на добавленную стоимость в свете проблем противодействия использованию схем уклонения от уплаты налогов. На основе действующего законодательства и ведомственных нормативно-правовых актов МВД России и ФНС Минфин РФ анализируются способы совершения преступлений, связанных с незаконным возмещением налога на добавленную стоимость из бюджета, такие как агентская схема, фиктивное дробление бизнеса, лжеэкспорт и др. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия налоговых и правоохранительных органов в данной сфере, основной задачей которых признаётся выявление и пресечение преступлений, совершённых организациями и физическими лицами, которые уклоняются от уплаты налога или разрабатывают схемы незаконного возмещения налога на добавленную стоимость из федерального бюджета Российской Федерации.

Ключевые слова: хищение, налоговое преступление, налог на добавленную стоимость, схемы уклонения от уплаты налогов, взаимодействие правоохранительных и налоговых органов.

Для цитирования: Бондарь Е. А., Волчкова А. А. Анализ способов совершения преступлений, связанных с налогом на добавленную стоимость, в практике налоговых и правоохранительных органов // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 147–156.

ANALYSIS OF THE WAYS OF COMMITTING CRIMES RELATED TO VALUE ADDED TAX IN THE PRACTICE OF TAX AND LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Elena A. Bondar'[1], Anna A.Volchkova[2]
[1]The Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
[2]The Volga Region branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «The Russian State University of Justice» (the city of Nizhniy Novgorod), Nizhny Novgorod, Russia

[1]elena_bondar@bk.ru
[2]anna-volchkova@yandex.ru

Annotation. The article considers some issues of the legal composition of value added tax in the light of the problems of countering the use of tax evasion schemes. On the basis of current legislation and departmental normative legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Tax Service of the Ministry of Finance of the Russian Federation analyses ways of committing crimes related to with illegal refund of value added tax from the budget such as: agency scheme, fictitious splitting of business, false export, etc., are analysed. Particular attention is paid to the issues of interaction between tax and law enforcement agencies in this area. In this area, the main task of which is to detect and suppress crimes committed by organisations and individuals who evade tax payment or develop schemes for illegal reimbursement of value added tax from the federal budget of the Russian Federation.

Keywords: value added tax, tax evasion schemes, interaction between law enforcement and tax authorities.

For citation: Bondar E. A., Volchkova A. A. Analysis of the ways of committing crimes related to value added tax in the practice of tax and law enforcement agencies // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 147–156.

Начиная с момента возникновения государства налоги являются неотъемлемой и важной частью экономических отношений, поскольку они были и остаются основной формой доходов государства. Однако всё чаще появляются схемы незаконного возмещения налога на добавленную стоимость (далее – НДС), что является серьёзной проблемой, с которой сталкиваются налоговые органы и сотрудники правоохранительных органов. Попытки незаконного возмещения налога злоумышленниками обусловлены тем, что такие преступления приводят к значительным потерям бюджета государства. Так, для борьбы с данным видом преступления правоохранительные и налоговые органы принимают различные меры противодействия.

Говоря о ближайших перспективах, на которых необходимо сосредоточиться, заместитель министра финансов России Алексей Валерьевич Сазанов призвал продолжить повышение качества налогового администрирования и обратить внимание на применение схем в интернет-торговле: «Через схемы налоговой оптимизации, которые существуют сейчас при работе через интернет-площадки, с точки зрения справедливости налогообложения необходимо эти схемы устранять и выравнивать условия торговли через все каналы как традиционной розницы, так и той, что идёт через эти площадки»[1].

Что касается межведомственной работы, то, как отметил в своём выступлении замглавы Росфинмониторинга Герман Негляд, материалы Федеральной налоговой службы Российской Федерации (далее – ФНС) помогли предотвратить хищения на сумму более 28 млрд рублей. Благодаря этим сведениям возбуждено более 800 уголовных дел. Врио руководителя Федеральной таможенной службы Российской Федерации (далее – ФТС) Руслан Давыдов отметил, что по итогам прошлого года на 35 % выросли взыскания в результате совместных контрольных мероприятий: «Стоит поаплодировать не просто цифровизации, но и тем реальным темпам внедрения продуктов, которые приносят практическую реальную пользу, от которых есть реальная добавленная стоимость нашей работы. Поэтому нам надо больше проявить инициативу в интеграции наших тем и использования новых продуктов ФНС и ФТС»[2].

[1] Схемы налоговой оптимизации в интернет-торговле и в части обложения НДФЛ необходимо устранять, заявил замглавы ведомства Алексей Сазанов, выступая на коллегии ФНС [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20240319/ndfl-1934245990.html (дата обращения 12.11.2024).

[2] Даниил Егоров оценил рост налоговых поступлений в 2024 году. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/14667742/ (дата обращения: 10.09.2024).

На сегодняшний день существует проблема использования как «серых» схем уклонения от уплаты НДС, так и откровенно противоправных действий, в связи с чем могут совершаться различные преступления или правонарушения, в частности незаконное возмещение налога на добавленную стоимость. Такая проблема может быть связана с «лазейками» в законодательной базе, с пробелами налогового законодательства. Исходя из этого, мы можем говорить об актуальности выбранной нами темы, поскольку НДС занимает важное место в формировании бюджета, и для недопущения совершения преступлений необходимо знать, как противодействовать незаконному возмещению НДС.

Одним из инструментов, при помощи которого можно влиять на формирование секторов экономики, а также сокращать неконтролируемые рыночные процессы, является налоговая политика и построение в целом налоговой системы конкретного государства. Значительная роль в финансовой сфере любой современной страны и в структуре налоговой системы отводится НДС, который является наиболее сложным как для для администраторов, так и для налогоплательщиков.

НДС – это федеральный косвенный налог на потребление, который взимается с потребителя на каждом этапе реализации или распределения товаров, работ и услуг практически во всех странах. НДС представляет собой процент от установленной в законе добавленной стоимости товара, работы или услуги, и прибавляется к их цене, и включает в себя прибыль, расходы на заработную плату сотрудников, отчисления на социальные нужды и акцизы (для подакцизных товаров). Так экономика страны производит какие-либо блага, а потребитель, чтобы получить эти блага, платит определённую надбавку за приобретённый товар. Организации, реализующие товары, оказывающие услуги, выполняющие работы, в данном случае выступают в роли налогового агента потребителей и в последующем перечисляют налог в государственный бюджет. Эти денежные средства позволяют государству получать доходы для финансирования различных программ, например, таких как образование, здравоохранение или социальная сфера, оборона и безопасность.

В Российской Федерации НДС является одним из основных налоговых платежей для юридических лиц и регламентируется главой 21 Налогового Кодекса РФ[1] (далее – НК РФ). Так, НДС взимается от продажи товаров, работ и услуг путём добавления определённого процента к установленной цене продукта. При этом отметим, что организации, которые занимаются предпринимательской деятельностью и используют приобретённые товары в своей деятельности для дальнейшего производства, имеют право на возмещение уплаченного НДС посредством применения налоговых вычетов, установленных законодательством.

Стоит сказать, что налогоплательщиками НДС не являются такие организации и индивидуальные предприниматели, которые используют специальные налоговые режимы, а именно: упрощённая налоговая система; патентная система. А также те, кто участвовал в проекте «Сколково», что отражено в ст. 145.1. НК РФ (стоит отметить и тех, кто освобождён от обязанности уплаты НДС в соответствии со ст. 145 НК РФ). Несмотря на данные основания, имеются исключения – лица, указанные выше, обязаны уплатить НДС, если они выставляют покупателю счёт-фактуру с выделенной суммой НДС.

Налоговая база НДС определяется следующими из наиболее ранних дат: на день оплаты или частичной оплаты в счёт выполнения работ, оказания услуг или же в день передачи товаров.

В системе НДС налогоплательщиков можно разделить на две группы: «ввозного» НДС, который они платят, когда ввозят товары на территорию Российской Федерации; и «внутреннего» НДС, который нужно уплатить при реализации товаров,

[1] Налоговый кодекс Рос. Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

работ и услуг на территории нашей страны. Также стоит сказать, что в налоговом законодательстве выделяют следующие ставки НДС: ставка в размере 0 %, применяемая, например, в случае реализации товаров, которые были вывезены в таможенной процедуре экспорта, помещённых под таможенную процедуру свободной таможенной зоны или реэкспорта, транзита, в области космической деятельности; ставка 10 %, используемая при реализации некоторых продовольственных товаров, медицинских товаров, детских товаров, книжной продукции и услуг по внутренним воздушным перевозкам; ставка 20 %, которая применяется во всех остальных случаях.

К суммам НДС, которые подлежат вычетам, относят:

- НДС, который был уплачен при приобретении товаров и услуг;
- НДС, который был уплачен при внутренних расходах, связанных с осуществлением налоговых операций, которые подлежат налоговому вычету;
- НДС, который был уплачен при приобретении товаров и услуг, предназначенных для использования в производстве предприятий;
- уплаченные суммы при ввозе товаров на территорию РФ;
- суммы, уплаченные при ввозе товаров на территорию РФ с территории государств – членов Таможенного союза;
- НДС, который был уплачен на покупку товаров для перепродажи;
- НДС по расходам на рекламу и маркетинг;
- суммы, местом реализации которых территория РФ не признаётся.

Обращаясь к своему опыту общения с сотрудниками налоговых и правоохранительных органов в рамках занятий по повышению квалификации в Нижегородской академии МВД России и Приволжском институте повышения квалификации ФНС России, отметим, что налогоплательщики нередко придумывают различные способы и схемы по незаконному возмещению НДС, пытаясь при этом обмануть систему и налоговые органы, чтобы получить сумму возврата налога, по которому, по сути, у этой организации нет права для его возмещения. Можно столкнуться с различными схемами уклонения от уплаты налогов и незаконного возмещения НДС из бюджета РФ. Рассмотрим наиболее распространённые из них:

- уменьшение НДС при помощи формального приобретения товаров у фирм-однодневок для получения и использования неправомерных налоговых вычетов или создания формальных затрат; а также использование фирм-однодневок для увеличения добавленной стоимости приобретённого товара (более подробно с обзором способов ведения финансовой деятельности с высоким налоговым риском можно ознакомится на сайте ФНС России [1]).

В данном случае организации используют фирму-однодневку для того, чтобы не платить налоги. Так, фирма, которая поставляет ягоды, по документам передаёт товар фирме-однодневке и получает за это деньги. Но на самом деле поставки нет, этот товар напрямую идёт в организацию, которая производит джем из этих ягод, только в документах данная поставка не отражается. Также и организация по производству джема передаёт фиктивный товар и получает за него деньги. После того как она получила товар напрямую от организации, которая ей поставляет ягоды, она продаёт этот товар магазину, где все операции отражаются в документах. Таким образом, мы понимаем, что происходит фиктивная сделка между двумя организациями, где в последующем они обналичивают деньги и делят между собой;

- «агентская» схема, суть которой заключается в том, что банк заключает с заёмщиками фиктивный договор займа драгоценного металла, но стоит отметить, что такой металл не облагается НДС, поскольку была оформлена операция договором займа, который выбывает из хранилища банка. Так, возврат данного займа происходит зачётом встречных обязательств заёмщика без последующего фактического возврата

металла в хранилище банковской организации. Сумма же неуплаченного НДС выводится за рубеж или же обналичивается[1];

- фиктивное дробление бизнеса.

Среди признаков таких неправомерных действий можно выделить, такие как использование новой организацией того же адреса регистрации, что и ранее созданной; новое юридическое лицо создано непосредственно перед увеличением оборота действующей организации. В 2020 году одна из нижегородских компаний получила предписание о доначислении налогов на крупную сумму, потому что инспекция зафиксировала увеличение оборотных средств и прибыли сразу после разделения бизнеса. Организация попыталась обжаловать решение в суде, аргументируя дробление созданием новых компаний в целях расширения номенклатуры выпускаемой продукции и привлечением новых инвестиций. Суд в обжаловании отказал и оставил решение в силе[2]. Также дробление возможно когда компании выполняют обязательства друг друга или создание новой организации происходит в связи с приближением существующей компании к пороговым значениям, ограничивающим применение льготного налогового режима; часть сотрудников давно существующей организации трудоустраивается во вновь созданную компанию; источник дохода новой организации – идентичный сайт, офис, торговая площадь уже существующего юридического лица; новое юридическое лицо использует ту же вывеску и (или) товарный знак и др. [2];

- незаконное возмещение НДС с использованием банковских гарантий (в данной схеме мы говорим о том, что злоумышленники создают фиктивные компании или же используют уже существующие для того, чтобы предоставлять недостоверную отчётность по налогам в целях получения незаконного возмещения НДС от государства. Они также могут использовать поддельные суммы платежей или завышать их, чтобы в последующем через банковские гарантии организовать незаконное возмещение НДС из государственного бюджета);
- полная неуплата НДС (данная схема подразумевает под собой, что поставщик и покупатель, заранее находясь в сговоре, выстраивают некие фиктивные цепочки поставок и ведут необходимый документооборот, в результате чего уплата НДС возникает только у одной стороны, которая была выбрана заранее на роль брошенной компании) [3];
- включение фиктивных сведений в налоговую отчётность. Например, когда у организации сумма «входящего» НДС больше, чем «исходящего»;
- занижение суммы налога путём сокрытия объектов налогообложения.

Данные схемы можно объединить тем, что недобросовестные налогоплательщики проводят те или иные операции путём длинных цепочек, которые запутывают налоговые органы и вызывают множество вопросов, которые могут приводить в тупик.

Также в практике можно столкнуться с такими схемами мошенничества, которые связаны с возмещением НДС, например:

- лжеэкспорт. Такая схема подразумевает под собой то, что тот товар, который подлежит экспорту, фактически не вывозится с территории России, а на самом деле реализуется оплатой за наличные средства на внутреннем рынке, и чтобы скрыть данную схему мошеннических действий, злоумышленники создают пакет фиктивных документов по якобы заключённой сделке;
- создание фиктивных компаний;

---

[1] Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок [Электронный ресурс]: приказ ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Арбитражного суда Нижегородской области суда от 25 марта 2022 г. по делу № А43-3135/2021 [Электронный ресурс]: Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

- создание фиктивных документов с целью получения возмещения НДС, который фактически не был уплачен или удержан;
- использование схем двойного начисления НДС;
- использование перекрёстного возмещения НДС между компаниями;
- вывоз товара с территории РФ, который сопровождается недостоверным декларированием;
- искусственное завышение затрат при приобретении товаров, работ или услуг путём придания ложным хозяйственным операциям документальной обоснованности;
- заключение фирмой с самой собой договора аренды.

В связи с тем что такие схемы существуют и продолжают совершаться, одной из задач по данным преступлениям сотрудников органов внутренних дел является выявление, раскрытие и оказание противодействия незаконному возмещению НДС, а также пресечение преступлений, связанных с неуплатой налогов.

Незаконное возмещение НДС может нести за собой серьёзные последствия для организаций и юридических лиц в целом, и данное деяние рассматривается как преступление, и оно может повлечь за собой штрафы, уголовную ответственность, а также в некоторых случаях лишение свободы лиц, совершивших данное преступление.

Уголовным Кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) за данные преступления предусмотрена ответственность. Статьёй 199 УК РФ закреплена норма об уклонении от уплаты налогов, сборов, которые подлежат уплате организацией, или страховых взносов, подлежащих уплате организацией-плательщиком страховых взносов[1]. Данной статьёй предусмотрена санкция, в которой прописано, что за неуплату налога в крупном размере может грозить лишение свободы сроком до двух лет. Также, говоря о мошенничестве, мы обращаемся к ст. 159 УК РФ, которая рассматривается в случае, если фирма требует возместить НДС из бюджета, по данной статье санкцией предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до 10 лет.

Сложность данных процессов обуславливается причинами, которые проявляются в определённых неясностях налогового законодательства при проведении налогового контроля. Также, рассматривая материалы судебной практики, можно увидеть примеры раскрытия преступлений, связанных с незаконным возмещением НДС из федерального бюджета государства.

Так, например, в отношении Ш. было возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159, п. «б» ч. 4 ст. 174[1] УК РФ. Данный гражданин похитил чужое имущество совместно группой лиц по предварительному сговору, а также он совершил финансовые операции с денежными средствами. Данное преступление было совершено при следующих обстоятельствах: лица, у которых были корыстные мотивы обогащения за счёт имущества государства, направленные на хищение денежных средств из бюджета РФ, путём незаконного возмещения НДС. Данными лицами была разработана преступная схема, которая использовалась с помощью подставных лиц и подконтрольных коммерческих предприятий, являющихся налогоплательщиками НДС и находящихся на общей системе налогообложения. Данные лица были зарегистрированы на номинальных руководителей, от имени которых они планировали осуществлять хозяйственные операции, предоставляющие им возможность незаконного применения налоговых вычетов путём обмана налогового органа, а также получение незаконного права на возмещение НДС из бюджета РФ без уплаты его продавцу. Реализуя преступный умысел, они приступили к реализации преступных схем и ввели в неё

[1] Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

несколько организаций. Имея необходимые сведения организаций, они изготовили документы о финансово-хозяйственных правоотношениях данных организаций. Документы содержали ложные сведения о приобретении организацией № 1 пряжи на сумму 154 283 744 руб., НДС 18 % – 23 534 812 руб. После чего была составлена декларация о возмещении НДС из бюджета РФ, сумма которой была равна 23 234 112 руб. МИ ФНС России была рассмотрена данная декларация и принято решение о возмещении полной суммы НДС в размере 23 234 112 руб. После чего была проведена камеральная проверка, которой были выявлены нарушения, заключающиеся в необоснованном получении налоговой выгоды. С вышеуказанными лицами вступил в сговор гражданин Ш., роль которого заключалась в том, что он будет получать учредительные документы организации с целью последующего обращения о возмещении НДС[1].

Рассмотрев данный пример, мы видим, что существующие схемы незаконного возмещения денежных средств вводят в заблуждение налоговые органы и в последующем раскрываются совместно с сотрудниками правоохранительных органов. Такие преступления совершаются с целью получения денежных средств незаконным путём в крупных размерах, и это может быть совершено различными способами, например: манипуляции с финансовой отчётностью, фиктивные документы, использование компаний для прикрытия мошеннических действий. Во избежание таких преступлений стоит тщательно проверять все документы, которые подтверждают право на возмещение НДС, чтобы не допустить возможных случаев подделки или использования фальшивых документов, также следует вводить контроль и мониторинг за деятельностью организации.

Выявление и предупреждение таких общественно опасных деяний вызывают некую сложность, в связи с чем был выработан механизм противодействия преступлениям данной направленности.

Так, одним из указанных механизмов, которому уделяется особое внимание, является взаимодействие сотрудников подразделений ЭБиПК с налоговыми органами. Данное взаимодействие осуществляется на основе соглашения о взаимодействии между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Федеральной налоговой службой» (утв. приказом МВД РФ № 1/8656, ФНС РФ № ММВ-27-4/11 13.10.2010), определяющего принципы, методы, формы взаимодействия, а также приказом МВД России № 495, ФНС России № ММ-7-2-347 от 30.06.2009 «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений».

Основным элементом такого взаимодействия признаётся выявление и пресечение преступлений, совершённых организациями и физическими лицами, которые уклоняются от уплаты налога или разрабатывают схемы незаконного возмещения НДС из федерального бюджета РФ.

При взаимодействии сотрудников подразделений ЭБиПК с налоговыми органами осуществляется:

- постоянный обмен информацией, а также знаниями для повышения профессионализма;
- проведение совместных мероприятий, которые направлены на выявление, а также пресечение таких преступлений;
- взаимный обмен сведениями, которые представляют интерес для каждой из сторон.

[1] Приговор Элистинского городского суда Республики Калмыкия [Электронный ресурс]: от 27 июля 2020 г. по делу № 1-348/2020**.** Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Стоит отметить, что сотрудники подразделений ЭБиПК играют ключевую и значимую роль по противодействию незаконному возмещению НДС. Эта роль заключается в выявлении, предупреждении и раскрытии таких преступлений. И для наиболее эффективного противодействия упомянутым ранее преступлениям оперативные сотрудники ЭБиПК должны отслеживать все доступные финансовые потоки, также анализировать и проверять документы всех сделок и выявлять несоответствия в данной документации. И как говорилось выше, они должны взаимодействовать с налоговыми органами для взаимообмена необходимой информацией, а также должны иметь представление о налоговом законодательстве. Так, используя свои знания по налоговому законодательству и эффективно взаимодействуя с налоговыми органами, сотрудники подразделений ЭБиПК смогут выявлять, раскрывать случаи нарушения налогового законодательства и оказывать эффективное противодействие незаконному возмещению НДС. В современной литературе проблемам взаимодействия налоговых и правоохранительных органов посвящен ряд публикаций современных учёных [4, с. 154], [5, с. 21], [6, с. 118].

Кроме того, что сотрудники подразделений ЭБиПК, используя современные технологии, могут проводить точные анализы финансовых данных, поскольку это существенно увеличивает возможности сотрудников данного подразделения в обнаружении схем по незаконному возмещению НДС и уклонению от уплаты налогов [7]. Осуществление контроля за деятельностью индивидуальных предпринимателей, организаций и различных компаний по вопросам налогообложения поможет выявить случаи подделки документов незаконного возмещения НДС.

Регулярная проверка налоговыми органами и аудиторами может также помочь при выявлении нарушений законодательства по возмещению НДС, а также ошибок в налоговой отчётности, которые могут привести к негативным последствиям для организации. Также важными методами противодействия незаконному возмещению НДС являются меры по разработке строгих правил и процедур запросов о возмещении НДС, чтобы в последующем предотвратить злоупотребление таким правом и не допустить совершения преступления.

Таким образом, мы выяснили, что существует ряд схем уклонения от уплаты налога и незаконного возмещения НДС, которые являются достаточно популярными. В вопросах противодействия незаконным действиям налогоплательщиков немаловажную роль играют сотрудники подразделений ЭБиПК, поскольку они обеспечивают финансовую безопасность, выявляют и раскрывают данные преступления. Однако отметим, что в основном данные правонарушения выявляются налоговыми органами в ходе правоприменительной практики. Далее информация в рамках межведомственного взаимодействия направляется в правоохранительные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. При взаимодействии подразделения ЭБиПК получают необходимую, оперативно значимую информацию, с которой они в последующем работают. В целом противодействие незаконному возмещению НДС требует комплексного подхода и тесного взаимодействия оперативных сотрудников с ФНС, а также качественного обмена информацией, что в последующем помогает эффективно противодействовать данному виду преступления и защищать финансовые интересы как государства, так и юридических лиц.

---

1. Способы ведения финансово-хозяйственной деятельности с высоким налоговым риском [Электронный ресурс]. URL: https://data.nalog.ru/html/docs/6_p.doc?ysclid=m4b2y1ifhr665959423 (дата обращения: 05.12.2024).

2. Эргашева З. 11 признаков незаконного дробления бизнеса [Электронный ресурс]. URL: https: // www.garant.ru/ia/opinion/author/ergasheva/ 1614771/?ysclid=m4b3eah397672738502 (дата обращения: 05.12.2024).
3. Основные схемы уклонения от уплаты НДС [Электронный ресурс]. URL: https://remnabor.net/osnovnyie-shemyi-ukloneniya-ot-uplatyi nds?ysclid=lpsdibslza248929538 (дата обращения: 05.12.2024).
4. Лисицын А. Г. Некоторые аспекты организации оперативно-разыскной деятельности по выявлению преступлений экономической направленности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 1(98). С. 153–158.
5. Анищенко Е. В., Советов Д. И. Направления взаимодействия правоохранительных, экспертных и контролирующих органов при проведении мероприятий налогового контроля в отечественной практике // Налоги. 2023. №1. С. 20–23.
6. Левченко И. А. Риск уголовного преследования в бизнесе как вид предпринимательского риска // Современное право. 2024. № 4. С. 116–119.
7. Власова Е. Л. Налоговые преступления: исторический и социальный аспекты // ГлаголЪ правосудия. 2022. № 4 (30). С. 5–10.
8. Алимпиев Д. О. Организация взаимодействия органов предварительного следствия с оперативными подразделениями на стадии возбуждения уголовного дела о преступлениях экономической направленности // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений): сб. материалов международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Ч. 1. М.: Академия управления МВД России, 2015. С. 23–28.
9. Буторов А. Н., Голубятников С. П., Леханова Е. С. Использование информации о финансово-хозяйственной деятельности организации при выявлении и раскрытии налоговых преступлений: учебно-практическое пособие. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. 93 с.

1. Sposoby` vedeniya finansovo-xozyajstvennoj deyatel`nosti s vy`sokim nalogovy`m riskom [E`lektronny`j resurs]. URL: https://data.nalog.ru/html/docs/6_p.doc?ysclid=m4b2y1ifhr665959423 (data obrashheniya: 05.12.2024).
2. E`rgasheva Z. 11 priznakov nezakonnogo drobleniya biznesa [E`lektronny`j resurs]. URL: https: // www.garant.ru/ia/opinion/author/ergasheva/ 1614771/?ysclid=m4b3eah397672738502 (data obrashheniya: 05.12.2024).
3. Osnovny`e sxemy` ukloneniya ot uplaty` NDS [E`lektronny`j resurs]. URL: https://remnabor.net/osnovnyie-shemyi-ukloneniya-ot-uplatyi nds?ysclid=lpsdibslza248929538 (data obrashheniya: 05.12.2024).
4. Lisicyn A. G. Nekotory`e aspekty` organizacii operativno-razy`sknoj deyatel`nosti po vy`yavleniyu prestuplenij e`konomicheskoj napravlennosti // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 1(98). S. 153–158.
5. Anishhenko E. V., Sovetov D. I. Napravleniya vzaimodejstviya pravooxranitel`ny`x, e`kspertny`x i kontroliruyushhix organov pri provedenii meropriyatij nalogovogo kontrolya v otechestvennoj praktike // Nalogi. 2023. №1. S. 20–23.
6. Levchenko I. A. Risk ugolovnogo presledovaniya v biznese kak vid predprinimatel`skogo riska // Sovremennoe pravo. 2024. № 4. S. 116–119.
7. Vlasova E. L. Nalogovy`e prestupleniya: istoricheskij i social`ny`j aspekty` // Glagol`` pravosudiya. 2022. № 4 (30). S. 5–10.
8. Alimpiev D. O. Organizaciya vzaimodeĭstviya organov predvaritel`nogo sledstviya s operativny`mi podrazdeleniyami na stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela

o prestupleniyax e`konomicheskoĭ napravlennosti // Organizaciya deyatel`nosti organov rassledovaniya prestupleniĭ: upravlencheskie, pravovy`e i kriminalisticheskie aspekty` (k 60-letiyu kafedry` upravleniya organami rassledovaniya prestupleniĭ):
sb. materialov mezhdunarodnoĭ nauchno-prakticheskoĭ konferencii: v 2-x chastyax. Ch. 1. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2015. S. 23–28.
9. Butorov A. N., Golubyatnikov S. P., Lexanova E. S. Ispol`zovanie informacii o finansovo-xozyaĭstvennoĭ deyatel`nosti organizacii pri vy`yavlenii i raskry`tii nalogovy`x prestupleniĭ: uchebno-prakticheskoe posobie. N. Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2013. 93 s.

Информация об авторах

Елена Александровна Бондарь. Доцент кафедры административного права и процесса. Кандидат юридических наук, доцент
Нижегородская академия МВД России.
603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3.

Анна Александровна Волчкова. Доцент кафедры уголовного права. Кандидат юридических наук, доцент
Приволжский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия».
603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 17А.

Information about the authors

Elena A. Bondar. Associate Professor of the Department of Administrative Law and Procedure, Candidate of Law, Associate Professor.
Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia.
603950, Russia, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe sh., 3.

Anna A.Volchkova. Assistant professor of the chair of Criminal Law, Candidate of Law, Associate Professor.
The Volga Region branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «The Russian State University of Justice».
603022, Russia, Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., 17A.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 15.10.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted October 15, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 343.10

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КАК ФУНКЦИЯ ПРОКУРОРА В СТАДИИ ПОДГОТОВКИ ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ

Джалилов Фаридун Музафарович
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

jalilov.f.m@bk.ru

Аннотация. Автором по нормам УПК Российской Федерации и УПК Республики Таджикистан анализируется такое направление деятельности прокурора как функция уголовного преследования в стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Исследуя нормативное регулирование, статус и акты прокурора на этом этапе процесса, позиции доктрины и практики, автор приходит к выводу, что суть деятельности прокурора на этой стадии заключается в поддержании законности и обоснованности государственного обвинения, сформированного и внесённого им как уголовный иск-притязание на разрешение суда первой инстанции. Именно в контексте этого телеологического направления деятельности прокурора автор обосновывает актуальные предложения по изменению действующего уголовно-процессуального законодательства; формирует итоговые выводы и предложения по предмету исследования.

Ключевые слова: обвинение, уголовное преследование, прокурор, стадия подготовки дела к судебному разбирательству, итоговые решения суда.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России доктора юридических наук, профессора Ковтуна Н. Н.

Для цитирования: Джалилов Ф. М. Уголовное преследование как функция прокурора в стадии подготовки дела к судебному разбирательству // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 157–164.

CRIMINAL PROSECUTION AS A FUNCTION OF THE PROSECUTOR AT THE STAGE OF PREPARING THE CASE FOR TRIAL

Faridun M. Jalilov
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

jalilov.f.m@bk.ru

Annotation. The author, according to the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Republic of Tajikistan, analyzes such an area of activity of the prosecutor as maintaining the function of “criminal prosecution” in the stage of preparing the case for trial. Examining the normative regulation, status and acts of the prosecutor at this stage of the process, the positions of doctrine and practice, the author concludes that the essence of the prosecutor’s activity at this stage is to maintain the legality and validity of the state prosecution, formed and brought by him as a criminal claim - a claim for permission from the court of the first authorities. It is in the context of this teleological direction of the prosecutor’s activity that the author substantiates

current proposals for changing the current criminal procedural legislation; forms final conclusions and proposals on the subject of research.

***Keywords**:* prosecution, criminal prosecution, prosecutor, stage of preparation of the case for trial, final court decisions.

Cratitude: the work was carried out with the support of the scientific supervisor – Professor of the Department of Criminal Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor Kovtun N. N.

For citation: Jalilov F. M. Criminal prosecution as a prosecutor's function at the stage of preparing a case for trial // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 157–164.

Доктрине и практике российского уголовно-процессуального права известен тезис о том, что в суде первой инстанции уголовное преследование (как функция) осуществляется в принципиально иных условиях и в иных процессуальных формах, чем на досудебном этапе. И прежде всего в силу того, что в обстановке гласного, устного, состязательного судебного процесса все выводы и притязания прокурора, сформированные им на основе итоговых материалов предварительного расследования, будут объективно и независимо проверены (оценены) не только стороной-оппонентом, но и подлинно независимым, беспристрастным, компетентным судом [1, с. 138–139, 145; 2, с. 76–86].

Как по нормам УПК Российской Федерации, так и по нормам УПК Республики Таджикистан (далее – УПК РФ и УПК РТ) под производством в суде первой инстанции понимаются две самостоятельные стадии национального уголовного процесса, а именно: стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству (назначения судебного разбирательства, предания суду). Этот этап, соответственно, регламентируется нормами главы 33–34 УПК РФ и главы 31 УПК РТ; и стадия судебного разбирательства (разрешения) дела по существу; нормативная регламентация, соответственно, нормы главы 36–39 УПК РФ и главы 33–37 УПК РТ.

Сравнительно-правовой анализ функции уголовного преследования и реальной оптимальности процессуального статуса прокурора (государственного обвинителя) в её осуществлении, естественно, должен быть начат с порядка подготовки дела к судебному разбирательству. Как следствие, для целей исследования мы кратко определимся в основных свойствах (признаках) указанной стадии.

Несмотря на практически полное умолчание российского законодателя в этих моментах, доктрина российского уголовно-процессуального права практически однозначно определилась в вопросе о том, что непосредственной задачей указанной стадии (и производства) являются проверка и оценка судом (по материалам уголовного дела):

– насколько на досудебном этапе уголовного судопроизводства обеспечены (соблюдены) процессуальные права и законные интересы основных участников процесса (обвиняемых, потерпевших…);

– нет ли иных препятствий для внесения уголовного дела на рассмотрение суда первой инстанции для целей его разрешения по существу [3, с. 745–767].

При положительном ответе на эти вопросы российский судья, никак не предрешая вопросов о доказанности обвинения или достаточности обвинительных доказательств для рассмотрения дела судом, обязан вынести решение о постановке поступившего дела на рассмотрение суда первой инстанции (ст. 231, 236 УПК РФ), и, соответственно, решить иные процедурные вопросы, связанные с его рассмотрением. При отрицательном ответе на любой из вышепоставленных вопросов, напротив, либо возвратить дело из суда прокурору (ст. 237 УПК РФ), либо принять решение о полном

прекращении производства по делу (ст. 238 УПК РФ) или о временном приостановлении в процессуальном его производстве (ст. 239 УПК РФ).

По сути, из аналогичных процессуальных задач и решений (в указанной стадии) исходит таджикский законодатель. На это указывают как нормы ч. 1 ст. 261 УПК РТ, связанные с видами возможных итоговых решений суда на этом этапе[1], так и с толковательными положения пленума Верховного Суда Республики Таджикистан[2], а также с позициями таджикской уголовно-процессуальной доктрины [4, с. 444–446]. В то же время средства решения этих телеологически единых процессуальных задач в указанных правовых национальных системах принципиально различны. Нормами УПК РФ предусмотрены две самостоятельные процессуальные формы для реализации задач указанной стадии: единоличный порядок изучения дела и решения всех вопросов судьёй, связанных с задачами исследуемой стадии (гл. 33 УПК РФ), и предварительные слушания – форма реализации указанных задач с участием сторон и по правилам судебного заседания (гл. 34 УПК РФ). Основания для реализации предварительных слушаний установлены непосредственно уголовно-процессуальным законом и носят характер императива для суда в указанной стадии (ч. 2 ст. 229 УПК РФ). Отдельно акцентируем внимание на том обстоятельстве, что участие прокурора в судебном заседании, реализуемом по правилам предварительных слушаний, по нормам УПК РФ является обязательным. Закономерен вопрос о роли и функции прокурора как в рамках указанных заседаний (предварительных слушаний), так и в контексте их процессуальных итогов.

Интерес вызван известным тезисом М. С. Строговича, по сути которого прокурор, как утверждал данный исследователь, в этой стадии процесса функции уголовного преследования в форме поддержания государственного обвинения в принципе не осуществляет [1, с. 148]. Не согласимся с указанным. И, прежде всего, в силу сути тех принципиальных вопросов, которые объективированы как непосредственный предмет предварительных слушаний. Напомним, по нормам ч. 2 ст. 229 УПК РФ обязательность их реализации вызвана:

1) наличием ходатайства стороны об исключении доказательств по делу, заявленного в соответствии с ч. 3 ст. 229 УПК РФ. Речь идёт об исключении (по требованию заинтересованной стороны) из материалов уголовного дела и, соответственно, обвинительного заключения (обвинительного акта) тех или иных сформированных доказательств. В итоге вне зависимости от того, какой именно стороной заявлено такое ходатайство, законный интерес прокурора в этих моментах более чем очевиден. Если речь идёт об исключении доказательства стороны обвинения – это «подрыв» обвинительного тезиса прокурора, официально утверждённого как государственное обвинение (иск-притязание), адресованное к суду. Как следствие, прокурор просто обязан отстоять свои позиции по основным моментам утверждённого им государственного обвинения-иска [5, с. 123–137]. Если речь о ходатайстве самого прокурора, он не менее заинтересован в том, чтобы суд своевременно и правильно определился в вопросе о допустимости оглашения и исследования в судебном заседании (гл. 36–39 УПК РФ) априори недопустимых сведений стороны защиты; тем более, по обстоятельствам отстаиваемого им обвинения. В итоге связь как первого, так

[1] Практически в том же однозначном контексте изложены нормативные предписания, регламентирующие: предмет проверки и оценки суда на этом этапе (ч. 1 ст. 262, ч. 1 ст. 263 УПК РТ); нормы части 4 статьи 263, статьи 270 УПК РТ – указывающие на объективное наличие процессуальных сторон на этом этапе; нормы статьи 264 УПК РТ – раскрывающие характер указаний суда при возвращении дела на дополнительное расследование.

[2] О практике применения судьями законодательства при назначении судебного разбирательства и подготовки к ней: постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан от 23 декабря 2011 г. № 9 // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан (2002–2019 гг.) Душанбе, 2019.

и второго вида исследуемых ходатайств с категорией «изобличение» как определяющего элемента функции уголовного преследования, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Поэтому прокурор на этом этапе и в указанных слушаниях объективирован именно как властный носитель (субъект), с имманентно присущей ему функцией обвинения (уголовного преследования);

2) наличием оснований для возвращения уголовного дела прокурору в случаях, предусмотренных ст. 237 УПК РФ. В этой ситуации речь по факту о несостоятельности обвинения, внесённого в суд как иск-притязание обвинительной власти; о существенных нарушениях закона, которые делают невозможным процесс отправления законного и обоснованного правосудия, так как эти нарушения искажают (исказят) и факт правосудия, и его итоговый акт. В итоге и здесь интерес и реальный статус прокурора, как представляется, вполне очевидны; в том числе, в контексте отстаивания им позиций об исходной законности и обоснованности обвинения, внесённого в суд;

3) наличием основания для приостановления или прекращения уголовного дела (уголовного преследования). Как первое, так и второе решение либо существенно ограничивают во временных пределах, либо полностью пресекают внесение дела (обвинения) на рассмотрение и разрешение суда первой инстанции. Соответственно, роль и назначение прокурора на этом этапе – отстоять (обосновать) единственно законное и обоснованное решение по факту объективации и реальной значимости указанных оснований. И это, безусловно, содержательный элемент функции уголовного преследования;

4) наличием ходатайства стороны о проведении судебного разбирательства в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ. В указанном случае правосудие, как известно, осуществляется в заочном процессуальном порядке для целей обеспечения общественной безопасности и справедливости. В итоге и по этому основанию предварительных слушаний прокурор осуществляет свои полномочия строго в пределах его определяющей функции – поддержания законности и обоснованности государственного обвинения перед судом как единственно управомоченной стороны обвинения в судебном процессе;

5) необходимостью решения вопроса о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Вряд ли подобное ходатайство (в силу достаточно известных причин) может иметь место непосредственно от прокурора. Тем не менее и в этой ситуации он просто обязан высказать и отстоять свои подходы к законности и обоснованности именно подобного порядка судебного рассмотрения и разрешения государственного притязания-иска (обвинения!), внесённого им на разрешение суда первой инстанции;

6) наличием не вступившего в законную силу приговора, предусматривающего условное осуждение лица, в отношении которого в суд поступило уголовное дело за ранее совершённое им преступление. В этой ситуации речь, напомним, идёт о правилах рассмотрения и разрешения дела с особыми материальными правилами назначения наказания по совокупности приговоров или совокупности наказаний. Соответственно, выступая в прениях сторон, определяясь в виде материальных притязаний к суду, прокурор просто обязан принять (не принять) во внимание приговор, ранее постановленный в отношении подсудимого. Как следствие, и в этой ситуации прокурор – суть властный носитель всё той же государственной обвинительной функции, которая должна быть реализована законно и обоснованно, а не исходя из сиюминутных и субъективных запросов о «скорейшем» разрешении дела;

7) наличием основания для выделения уголовного дела в отдельное производство. Возможное решение суда о выделении уголовного дела в отдельное производство, как известно, неразрывно связанно с сутью и содержанием (объёмом)

обвинения, внесённого в суд как иск-притязание обвинительной власти. Соответственно, и здесь интерес прокурора всецело опосредован предметом и пределами обвинения, сформированного и внесённого им на разрешение (по существу) в суд первой инстанции;

8) наличием ходатайства стороны о соединении уголовных дел в случаях, предусмотренных УПК РФ. Как и в предыдущем моменте, ходатайство о соединении нескольких уголовных дел в одно производство неразрывно связано с сутью и объёмом обвинения, внесённого на рассмотрение и разрешение суда, ибо каждое новое дело (новый иск-притязание к суду, сформированный как государственное обвинение) качественно и количественно изменяет в целом объём обвинения. В итоге законность, обоснованность, оптимальность процедуры рассмотрения последнего в силу единства и централизации организации обвинительной власти должны быть обоснованы перед судом именно прокурором, поддерживающим государственное обвинение в суде, вне зависимости от того, что иные притязания-иски сформированы иным прокурором [6, с. 36–42].

Таким образом, по нормам УПК РФ прокурор в стадии подготовки дела к судебному разбирательству не просто участник (с возможными ходатайствами и обращениями к суду), он сторона; представитель обвинительной власти государства, призванный и к осуществлению функции уголовного преследования, и к надзору за законностью и обоснованностью рассмотрения обвинения, внесённого на разрешение суда. Утверждать в этой связи, что прокурор в исследуемой стадии вообще не выполняет функции поддержания государственного обвинения, на наш взгляд, не только неправильно, но и пагубно. Причём как для понимания истинной роли и назначения этого субъекта в уголовном процессе, так и для понимания сути и назначения самой функции (категории) «уголовное преследование» [7; 8].

Закономерен вопрос: справедлив ли указанный вывод применительно к роли и назначению прокурора на этом этапе в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан, где нет ни предварительных слушаний, ни особых вопросов, решаемых исключительно в коллегиальном (судебном) порядке, по правилам судебного заседания. Полагаем, что да.

На это, во-первых, объективно указывает характер итоговых решений суда (судьи), принимаемых на этом этапе (ч. 1 ст. 261 УПК РТ): о назначении судебного заседания (по существу); возвращении дела для дополнительного расследования; приостановлении производства по делу; направлении дела по подсудности; прекращении дела. Практически каждое из этих решений суда так или иначе связано как с дальнейшим движением уголовного дела (процесса в целом) к очередному этапу, так и с сутью и содержанием функции уголовного преследования, которая на этом этапе объективирована в форме государственного обвинения, поддерживаемого прокурором.

Поэтому и в таджикском уголовном процессе прокурор «кровно» заинтересован в законности, обоснованности, мотивированности каждого из указанных процессуальных решений, так как одни из них полностью пресекают дальнейшее осуществление процесса и функции уголовного преследования; другие создают серьёзные трудности как для первого, так и для второго. Прокурор не может (не должен!) безучастно и незаинтересованно «созерцать» факты вынесения и реализации указанных процессуальных решений судом. При очевидном несогласии с ними при оценке их как незаконных, необоснованных прокурор просто обязан принять меры к их обжалованию, проверке, оперативной отмене в кассационном порядке. Косвенно это процессуальное средство поддержания (отстаивания!) государственного обвинения, носителем и субъектом которого является управомоченный прокурор – обязательный и управомоченный участник процесса на этом этапе.

В итоге прокурор как минимум должен быть не просто извещён о факте вынесения указанных выше решений, но и в обязательном порядке быть субъектом незамедлительного получения их копии для целей изучения и оценки последних, в том числе в контексте принятия решения о (возможном) кассационном протесте. Однако по нормам ч. 2 ст. 264 УПК РТ, ч. 3 ст. 265 УПК РТ, ч. 1 ст. 268 УПК РТ прокурор лишь узнаёт о свершившемся факте решений судьи: о возвращении дела на дополнительное расследование; о приостановлении производства по делу; о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Когда дело по факту уже возвращено ему из суда; фактически – для императивного исполнения вынесенных судебных решений. Более того, при возможном решении суда о направлении дела по подсудности уведомление прокурора или незамедлительное направление ему соответствующей копии судебного решения нормами УПК РТ в принципе не предусмотрено.

Полагаем, указанное никак не оправдано, не соответствует как роли и назначению прокурора в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан, так и общему строю (форме) процесса. Считаем в этой связи рациональным и практически востребованным предложить изменения в нормы ч. 1 ст. 261 УПК РТ, добавив в её содержание (после абзаца «о прекращении дела») норму следующего содержания: «Копия решения судьи по каждому из оснований, указанных в части первой данной статьи, должна быть незамедлительно направлена управомоченному прокурору».

В контексте анализа оптимальности средств прокурорского реагирования на данном этапе сложно согласиться и с императивом, закреплённым в ч. 3 ст. 263 УПК РТ. Поясним: по нормам ч. 2 ст. 263 УПК РТ заинтересованные лица и стороны вправе заявить на этом процессуальном этапе определённые ходатайства к суду, в том числе призванные к обеспечению их интересов и прав или интересов законного и обоснованного отправления правосудия. Дискутировать о правомерности и актуальности этой процессуальной гарантии, полагаем, бессмысленно; это реально гарантия и личности, и правосудия. Однако заложенная в ней продуктивность несколько нивелируется нормами ч. 3 ст. 263 УПК РТ. Согласно последним, лицо или организация, заявившие ходатайство к суду, лишь уведомляются о результатах его рассмотрения судом (судьёй). При этом отказ в заявленном ходатайстве обжалованию не подлежит и максимум, что возможно, это вновь внести подобное ходатайство на разрешение суда уже в ходе самого судебного разбирательства дела по существу.

Между тем для сути и назначения определённых ходатайств подобное «дозволение», во-первых, может оказаться уже в принципе неактуальным; для ряда ситуаций процессуальные права восстановить невозможно. Кроме того, среди подобных (никак «не обжалуемых») отказов судьи могут оказаться решения, полностью пресекающие доступ заинтересованных лиц к эффективной судебной защите, к правосудию. Полагаем, законодатель обязан более точно определиться в этих принципиальных моментах. К примеру, как это имеет место в российском уголовно-процессуальном законе, где в целом известен (нормативно определён) перечень решений суда, принимаемых на данном этапе, по сути которых их обжалование и проверка вышестоящим судом реализуются незамедлительно как императив для процесса.

Не соответствующей роли и назначению правосудия в правовом государстве и состязательном уголовном процессе считаем и норму ч. 2 ст. 264 УПК РТ. Суд, возвращая уголовное дело прокурору по мотиву необходимости реализации дополнительного расследования, одновременно вправе указать в постановлении не только мотив возвращения, но и какие именно следственные действия необходимо реализовать при дополнительном расследовании. Тем самым суд, как представляется, однозначно вмешивается в процесс предварительного расследования, императивно определяет его направления, нивелирует процессуальную

самостоятельность следователя, предрешает ход и результаты предварительного расследования по делу. В состязательном уголовном процессе в правовом государстве подобное недопустимо. Поэтому это нормативное предписание, на наш взгляд, должно быть исключено из ч. 2 ст. 264 УПК РТ. В силу чего указанная норма, к примеру, должна быть изложена в следующей нормативной редакции: «2. Дело направляется для дополнительного расследования прокурору. При этом судья обязан указать в своем постановлении, по какому именно основанию возвращается дело». Что касается перечня и видов необходимых следственных и процессуальных действий, следствие и прокурор определятся в этом самостоятельно.

Не до конца определился законодатель и в вопросе о том, какой именно орган должен принять решение о возобновлении производства по делу в той правовой ситуации, когда дело возвращено из суда прокурору для организации розыска обвиняемого (ч. 3 ст. 265 УПК РТ). Поясним: решение о приостановлении производства по делу принято судом; дело возвращено прокурору (далее – направлено в управомоченный следственный орган). Закономерен вопрос: вправе ли этот следственный орган фактически отменить решение органа судебной власти и самостоятельно возобновить производство по делу, если основания для приостановления производства по делу будут устранены. Проблема в том, что в законе упущен момент: дело в этой ситуации продолжает «числиться» за судом или оно вновь принято к производству соответствующим следователем, дознавателем. В первой ситуации следственный орган, на наш взгляд, связан решением суда, и для отмены последнего должен обращаться к суду, вынесшему решение. Во второй – следственный орган, напротив, вправе вынести постановление о возобновлении производства по делу; решить вопрос о сроках последнего (в том числе в части его законного установления); согласовать с прокурором вопрос о дальнейшем движении дела. Оговоримся, мы конвенционально отказываемся от актуальных новаций и возможных предложений *de lege ferenda* в этих моментах, полагая, что ясность и определённость по этим вопросам должна быть сформирована либо непосредственно национальным законодателем, либо как минимум соответствующим постановлением пленума. Волю последних мы предрешать однозначно не вправе.

Столь же конвенционально откажемся от обсуждения «плюсов» и «минусов» в нормативной регламентации и эффективности практической составляющей таких институтов российского уголовно-процессуального права, как «предварительные слушания» (ч. 2 ст. 229, ст. 234–236 УПК РФ) или, например, «институт возвращения уголовного дела прокурору» по нормам ст. 327 УПК РФ. Причины указанного, во-первых, в том, что подобные процессуальные формы пока в принципе не известны системе таджикского уголовно-процессуального права; нет также официальной информации о том, насколько они вообще актуальны, как в плане законодательной работы, так и в качестве предмета обсуждения уголовно-процессуальной доктрины Республики Таджикистан. Как следствие, у нас нет оснований как для надуманных домыслов, так и для построения актуальных теоретических конструкций по этим моментам. Во-вторых, сущность, содержание и назначение названных институтов – предмет и направление самостоятельного, комплексного исследования, причём на самом высоком монографическом уровне, а не крайне лапидарных суждений в рамках иного предмета исследования. Поэтому подводим итоги: как по нормам УПК РФ, так и УПК РТ прокурор в стадии подготовки дела к судебному разбирательству суть субъект (носитель) функции уголовного преследования. Соответственно, формы и акты его деятельности так или иначе (пусть и в особых процессуальных формах) связаны с поддержанием законности и обоснованности основного элемента указанной функции на этом этапе – государственного обвинения, внесённого на рассмотрение и разрешение суда первой инстанции.

1. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951.
2. Даев В. Г. К понятию обвинения в советском уголовном процессе // Правоведение. 1970. № 1. С. 76–86.
3. Ковтун Н. Н. Генезис института «предания суду» в российском уголовном процессе // В кн.: Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н. А. Колоколова. М.: Издательство Юрайт, 2011. 1038 с.
4. Рахмаджонзода Р. Р. Учение об уголовном преследовании в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан: дис. ... д-ра юрид. наук. Душанбе. 2022. 984 с.
5. Ковтун Н. Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123–137.
6. Ковтун Н. Н. Стадия подготовки дела к судебному разбирательству: все еще требует оптимизации процессуальной формы // Уголовное судопроизводство. 2005. № 1. С. 36–42.
7. Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. М.: Наука, 1971. 342 с.
8. Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и судебный приговор. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965. 531 с.

1. Strogovich M. S. Ugolovnoe presledovanie v sovetskom ugolovnom processe. M., 1951.
2. Daev V. G. K ponyatiyu obvineniya v sovetskom ugolovnom processe // Pravovedenie. 1970. № 1. S. 76-86.
3. Kovtun N. N. Genezis instituta «predaniya sudu» v rossijskom ugolovnom processe // V kn.: Ugolovnoe sudoproizvodstvo: teoriya i praktika / pod red. N.A. Kolokolova. M.: Izdatel`stvo Yurajt, 2011. 1038 s.
4. Raxmadzhonzoda R. R. Uchenie ob ugolovnom presledovanii v ugolovnom sudoproizvodstve Respubliki Tadzhikistan: dis. ...d-ra yurid. nauk. Dushanbe. 2022. 984 s.
5. Kovtun N. N. Formirovanie gosudarstvennogo obvineniya kak samostoyatel`naya stadiya ugolovnogo sudoproizvodstva Rossii // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 9. S. 123–137.
6. Kovtun N. N. Stadiya podgotovki dela k sudebnomu razbiratel`stvu: vse eshhe trebuet optimizacii processual`noj formy` // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2005. № 1. S. 36–42.
7. Saviczkij V. M. Gosudarstvennoe obvinenie v sude. M.: Nauka, 1971. 342 s.
8. Fatkullin F.N. Obvinenie i sudebny`j prigovor. Kazan`: Izd-vo Kazan. un-ta, 1965. 531 s.

Информация об авторе

Фаридун Музафарович Джалилов. Адъюнкт.
Нижегородская академия МВД России.
603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3.

Information about the author

Faridun M. Jalilov. Adjunct.
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
603950, Russia, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe highway, 3.

Статья поступила в редакцию 06.08.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted August 6, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 343.102

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ГАРАНТИЯ ПРАВ И СВОБОД УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Капустина Людмила Станиславовна[1], Семенов Владимир Ремович[2]
[1]Луганский филиал Воронежского института МВД России, Луганская Народная Республика, Луганск
[2]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Россия, Орел

[1]luda.mila7@yandex.ru
[2]wladirom@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье освещаются отдельные аспекты обеспечения законности при проведении следственных действий. Авторы обращают внимание на трансформацию норм законодательства, определяющих критерии законности. Учитывая это, утверждается, что деятельность по данному направлению будет эффективной только тогда, когда будет проверяться не только законность, но и обоснованность проведения следственного действия. Делается вывод о необходимости определения условий законности при проведении следственных действий.

Ключевые слова: законность, верховенство права, следственные действия, правовой режим, закон.

Для цитирования: Капустина Л. С., Семенов В. Р. Обеспечение законности проведения следственных действий как гарантия прав и свобод участников уголовного судопроизводства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 165–172.

ENSURING THE LEGALITY OF INVESTIGATIVE ACTIONS AS A GUARANTEE OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Lyudmila S. Kapustina[1], Vladimir R. Semenov[2]
[1]Lugansk branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Lugansk People's Republic, Lugansk
[2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]luda.mila7@yandex.ru
[2]wladirom@yandex.ru

Annotation. This article highlights certain aspects of ensuring legality in the conduct of investigative actions. The author draws attention to the transformation of legislative norms defining the criteria of legality. Given this, it is argued that the activity in this area will be effective only when not only the legality, but also the validity of the investigative action will be checked. It is concluded that it is necessary to determine the conditions of legality in the conduct of investigative actions.

Keywords: legality, rule of law, investigative actions, legal regime, law.

For citation: Kapustina L. S., Semenov V. R. Ensuring the legality of investigative actions as a guarantee of the rights and freedoms of participants in criminal proceedings // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 165–172.

Согласно п. 2 ст. 49 Конституции РФ, «обвинение не может основываться на доказательствах, полученных незаконным путём, а также на предположениях». Это правило заложено и в положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)[1], который направлен на введение уголовного судопроизводства на основе приоритетности прав и свобод человека, обеспечения принципов состязательности и равенства сторон обвинения и защиты, оптимизации отдельных процессуальных процедур и решения проблемы оперативности процессуальной деятельности судебных и правоохранительных органов, что в полной мере предусмотрено его задачами, определёнными ст. 6 УПК РФ. Поскольку основными средствами формирования доказательственной базы в уголовном судопроизводстве являются следственные (разыскные) действия, то, как с теоретической, так и с практической точек зрения актуальны следующие вопросы: при каких условиях их можно признать правомерными и каким образом их правомерность может быть обеспечена.

Особое внимание следует обратить на то, что при характеристике следственных действий в литературе традиционно речь идёт не об их правомерности, а об их законности. Понятие «законность» толкуется в разных значениях, в частности: как объединение полномочий государственных органов, принятие решений на основе закона, деятельность в соответствии с конституционной защитой прав и свобод человека; реальная возможность реализации предоставленных им прав, возможность требовать защиты своих прав и наличие эффективных юридических инструментов выполнения обязательств; в качестве принципа создания стандартной системы поведения, чёткой иерархии и соответствия законодательству. Как отмечает М. П. Поляков, законность – это требование соблюдения свободы поведения, установленного высшими органами государственной власти [1, с. 473].

Всё же чаще законность определяется как правовой режим в государстве, который заключается в требовании строгого и неукоснительного соблюдения законов всеми органами, организациями, должностными лицами и гражданами. Законность следственных действий, согласно научным взглядам А. Д. Стрючковой, означает, что данные действия должны быть предусмотрены в УПК РФ и осуществлены в соответствии с установленными законом процессуальными формами. Только уполномоченный состав субъектов может проводить их. При проведении следственных мероприятий должны соблюдаться требования процессуального законодательства [2, с. 419].

Закрепляемое, с одной стороны, в ст. 2 Конституции РФ положение о том, что человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются высшей ценностью, а с другой – принцип верховенства права (ст. 15), даёт основание полагать, что понятие «правомерность» в первую очередь связывается с волей, интересами и правами конкретного лица и таким образом выходит за пределы законности, поскольку ориентирует на верховенство права, концепция которого в самом широком его понимании заключается в «признании необходимости подчинения «позитивного» (установленного или санкционированного государством) права «естественному» (естественные права человека, потребности человеческой природы, требования ума, мораль и т. д.).

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Закономерно и то, что принцип верховенства права, помимо Конституции РФ, закреплён и в гл. 2 УПК РФ. Верховенство права по существу означает верховенство прав человека и прежде его естественных прав, которые в законе могут быть и не отражены, а при наличии неправового закона – могут им официально и возражать, то с учётом этого оказывается, что принцип правомерности в сравнении с принципом законности ориентирует не только на соблюдение установленных законов государством, но и на признание и обеспечение прав человека и таким образом является критерием оценки не только действий органов и должностных лиц публичной власти и других юридических лиц и физических лиц, но и конституционности самих правовых актов, которыми урегулированы публичные отношения. Неслучайно в современном законодательстве, которым регламентируется судопроизводство и деятельность правоохранительных органов, наряду с принципом законности, провозглашается и принцип верховенства права. В частности, действенными механизмами защиты конституционных прав и свобод третьих лиц при проведении следственных действий в отношении подозреваемого (обвиняемого) считается отсутствие риска разглашения сведений о личной и семейной жизни близких родственников, членов семьи.

Вопросу законности следственных действий учёными уделено недостаточно внимания, а их выводы по этому поводу также сводятся к тому, что правомерное проведение следственных (разыскных) действий возможно лишь при соблюдении тех правил, которые устанавливаются положениями уголовно-процессуального законодательства. Среди этих правил следовало бы выделить, такие как возможность проведения большей части следственных действий только после возбуждения уголовного дела, их проведение допускается лишь следователем, в производстве которого находится соответствующее уголовное дело и к их проведению не допускаются лица, подлежащие отводу. Очевидно, что указанные правила фактически выступают отдельными условиями законности расследования в целом, а не ориентирующимися на условия законности отдельных следственных действий. Кроме того, если проведение следственных (разыскных) действий «допускается», это противоречит императивным требованиям закона, и прежде всего предусмотренном ст. 144 УПК РФ положению, которое отображает принцип публичности. Согласно этому принципу обязаны в пределах своей компетенции начать досудебное расследование дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа при каждом случае поступления заявления (уведомления) о совершённом преступлении или после непосредственного выявления его признаков, а также принять все предусмотренные законом меры, направленные на установление события преступления и лица, которое его совершило».

Следовательно, может ли быть проведён неотложный осмотр места происшествия, когда таковым является жильё или другое владение личности? Однозначного ответа ни УПК РФ, ни судебная практика не дают. Иногда обязательно проведение отдельных следственных действий, непосредственно предусмотренное законом, примером чего являются случаи обязательного проведения экспертизы (ст. 196 УПК РФ). Не во всех случаях проведение следственных (разыскных) действий проводится лично следователем, а возможный отвод следователя и других участников следственного действия является ситуативным действием, и ходатайство об отводе и вовсе может быть не подано.

Приведённое выше свидетельствует о несовершенстве предлагаемых критериев законности следственных действий. В связи с тем, что по этому поводу чётких установок нет ни в законодательстве, ни в специальной литературе, то ответ на эти вопросы можно получить только путём использования общих положений теории права и системного анализа как норм УПК РФ, так и других правовых актов, которые регламентируют отношения в этой сфере, а также взглядов, высказанных по этому

поводу учёными. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что традиционно понятие «законность» толкуется как соответствие деяния (действия или бездействия) отдельных граждан или должностных лиц, а также актов (приказов, распоряжений, решений и т. п.), изданных государственными учреждениями или предприятиями, или общественными или кооперативными организациями, требованиям норм права.

В то же время основания для размышлений по поводу истинности такого подхода даёт уже хотя бы то, что, как известно, при определённых обстоятельствах законным может быть деяние, которое внешне выглядит преступлением – примером является возможность применения силы при наличии необходимой обороны. Действие считается законным также при причинении вреда интересам другого лица, если лицо, его причиняющее, осуществляет своё право в пределах, установленных законом. Право на проведение того или иного следственного действия уполномоченным лицом как одно из определяющих условий законности предполагает также наличие надлежащих правовых оснований его проведения, предусмотренных уголовным процессуальным законом условий. Хотя очевидно и то, что только наличие правовых оснований проведения следственных (разыскных) действий, хотя и является важным средством обеспечения их законности, не исчерпывает всей их полноты [3, с. 256].

Но ещё более проблемным этот вопрос выглядит с учётом официального определения этих оснований и условий. Ведь согласно ст. 164 УПК РФ, «основанием для проведения следственного действия является наличие достаточных сведений, указывающих на возможность достижения его цели». Именно это обстоятельство обязывает обратить внимание на то, что при оценке качества правовой регламентации любых правоотношений, а следовательно и действий их участников, необходимо получить ответ на следующие важнейшие вопросы: а) чёткость определения содержания этих правоотношений, и в частности прав и обязанностей их участников; б) чёткость процессуальной процедуры реализации прав и законных интересов их участников; в) наличие и возможность реального использования определённых законом мер, направленных на предотвращение и пресечение нарушений законных прав и интересов их участников и защиты их нарушенных прав, и прежде всего обжалования неправомерных действий; г) возможность восстановления нарушенных прав.

Восстановление нарушенного права лица является одним из важнейших требований, а его непосредственным механизмом реализации выступает устранение наступивших негативных последствий, обусловленных преступлением, которое, как отмечает П. Р. Загородняя, может быть осуществлено путём: а) предъявления, рассмотрения и разрешения гражданского иска, поданного по уголовному делу в целях возмещения причинённого преступлением имущественного вред; б) проявления инициативы по возмещению вреда со стороны суда; в) уголовно-правовой реституции, а именно восстановления нарушенной имущественной сферы прав потерпевших от преступления с возвращением им тех объектов (предметов), которые стали объектами преступного посягательства и выступают вещественными доказательствами по делу; г) устранения негативных имущественных последствий от преступления возложением на осуждённого уголовно-правового долга [4, с. 68].

При анализе этих проблем следует принимать во внимание то, что, хотя и является общепризнанным, что следственные действия совершаются в пределах правоотношений, а эти отношения урегулированы процессуальным законодательством, в пределах которого и следует искать ответ на вопрос об их соответствии его нормам, всё же нужно исходить из того, что, с одной стороны, законодательство представляет собой систему норм, а процессуальное законодательство (тем более уголовное процессуальное) является только одним из элементов этой системы, а с другой – правоотношения должны осуществляться с учётом норм других социальных регуляторов общественных отношений, то же системный учёт требований

как процессуального законодательства, так и других социальных регуляторов и будет давать основания для решения вопроса о законности того или иного процессуального действия.

Учитывая это, традиционное требование соблюдения при проведении следственных действий только уголовного процессуального законодательства ориентирует на ошибочный вывод о том, что требования других правовых актов, как и других социальных регуляторов общественных отношений, могут не учитываться. Особую актуальность эти вопросы приобретают при оценке законности действий органов досудебного расследования. Они наделены властными полномочиями по ограничению конституционных прав и свобод.

Согласно ст. 38 УПК РФ, понятием «следователь» охватывается уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ, должностное лицо. Должностные лица указанных органов, уполномоченные внутри компетенции, предусмотренной Кодексом, осуществлять досудебное расследование. Но, как уже отмечалось, они ни к одной из ветвей власти не принадлежат и, как следствие, из формально-логического обоснования остаются «вне действия» Конституции. Однако конституционно-правовые проблемы определения законности действий органов досудебного расследования противоречивостью положений Конституции не исчерпываются, поскольку, согласно её ст. 118, «правосудие осуществляют исключительно суды». Не допускаются случаи возможного делегирования, а также присвоения функций судов какими-либо другими органами или должностными лицами. Но при этом на все правоотношения, возникающие в государстве, распространяется юрисдикция судов [5, с. 88].

В уголовном производстве правосудие, следуя положениям ст. 8 УПК РФ, осуществляется согласно правилам, предусмотренным настоящим Кодексом только судом. Поскольку следственные (разыскные) действия осуществляются в пределах правоотношений, которые урегулированы, прежде всего уголовным процессуальным законодательством, а именно в нём и должны быть закреплены непосредственные требования по их законности. Но, как уже отмечалось, и регламентация этих аспектов слишком несовершенна. Что касается традиционного требования по законности следственных (разыскных) действий, согласно которой они признаются правомерными при соблюдении при их проведении правил, установленных уголовным процессуальным законом, то, согласно УПК 1960 года, здесь можно было воспользоваться положениями п. 3 ст. 367, согласно которому основанием для отмены, или изменения приговора, или постановления является «существенное нарушение уголовно-процессуального закона».

Так, следуя норме положений ст. 398.17 УПК РФ, существенные нарушения, которые должны были касаться и организации, и проведения следственных действий, представляют собой такие нарушения требований настоящего Кодекса, которые помешали или могли помешать принять законное и обоснованное судебное решение суду. Закономерным будет то, что любое судебное решение подлежит отмене при наличии факта наступления следующих нарушений: 1) имеются основания для прекращения производства по уголовному делу судом, но по неизвестным причинам оно не было прекращено; 2) неправомочный состав суда; 3) производство по уголовному делу в судебном порядке осуществлено при отсутствии защитника при условии его обязательного участия; 4) неуведомление потерпевшего о дате, времени и месте судебного заседания, и, как следствие, судебное разбирательство произведено без его участия; 5) нарушение правил подсудности дела. В случае установления нарушений правил подсудности суд должен руководствоваться требованиями УПК РФ, которыми предусмотрено, что в случае установления очевидной недопустимости доказательства во время судебного разбирательства суд признаёт это доказательство недопустимым, что влечёт за собой невозможность исследования такого доказательства

или прекращение его исследования в судебном заседании, если такое исследование было начато; 6) отсутствие в материалах производства журнала судебного заседания или иного технического носителя информации, с помощью которого было зафиксировано судебное разбирательство в суде первой инстанции. Однако в этих положениях речь идёт о нарушении отдельных общих правил судебного производства, а также не упоминается о законности следственных (разыскных) действий.

Обращает на себя внимание и то, что среди перечисленных оснований отмены судебного решения не упоминается, что оно могло быть постановлено на ненадлежащих или на недопустимых доказательствах. В частности, положениями ст. 88 УПК РФ установлены общие правила допустимости доказательств, согласно которым, во-первых, доказательство признаётся допустимым, если оно получено в порядке, установленном Кодексом, а во-вторых, недопустимое доказательство не может быть использовано при принятии процессуальных решений, а также на него не может ссылаться суд при принятии судебного решения [6, с. 480].

Доказательства должны быть получены только уполномоченными на это лицами (органами); способами и средствами, предназначенными для получения определённых доказательств; в процессе получения доказательств должны соблюдаться требования закона, что определяют порядок проведения конкретных действий, их последовательность, состав участников; доказательства должны быть закреплены должным образом [7, с. 462]. Несоблюдение указанных требований влечёт признание доказательств недопустимыми, они не могут быть использованы во время принятия процессуальных решений, на них не может сослаться суд при принятии судебного решения [8, с. 67].

Согласно УПК, доказательства могут быть признаны допустимыми, если:

1) имеется согласие сторон о том, чтобы эти доказательства были признаны допустимыми;

2) они представляются для доказывания того, что подозреваемый, обвиняемый действовал с определённым умыслом и мотивом или имел возможность, подготовку, осведомлённость, необходимые для совершения им соответствующего уголовного преступления, и не мог ошибиться в отношении обстоятельств, при которых он совершил соответствующее уголовное правонарушение;

3) их предоставляет сам подозреваемый, обвиняемый;

4) подобные доказательства подозреваемый, обвиняемый использовал для дискредитации свидетеля.

Следовательно, законность следственных действий вытекает из принципа верховенства права и означает их соответствие как общепризнанным правам, свободам и законным интересам их участников, так и действующему процессуальному законодательству.

С учётом изложенного следственные действия могут быть признаны законными только в условиях: 1) наличия надлежащих правовых оснований для их проведения; 2) проведения их только уполномоченным на это лицом (лицами) и с участием других лиц, не подлежащие отводу; 3) проведения их гласно, в определённой законом форме с использованием при этом определённых законом средств и с соблюдением определённой законом процедуры; 4) проведения их с соблюдением общепризнанных прав, свобод и интересов их участников, а также с соблюдением действующего законодательства и других общепризнанных социальных регуляторов публичных отношений; 5) создания условий каждому их участнику для свободного выражения собственного мнения о ходе и результатах следственного (разыскного) действия, а также для их обжалования.

1. Поляков М. П. Корректируемая законность как принцип уголовного процесса // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 473–476.
2. Стрючкова А. Д. Обеспечение соблюдения сотрудниками органов внутренних дел служебной дисциплины и законности: проблемы и пути решения // Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 06.12.2023 г. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 419–422.
3. Ильин А. В. Возобновление предварительного расследования как одно из условий обеспечения законности в уголовном судопроизводстве // Аграрное и земельное право. 2023. № 12(228). С. 256–257.
4. Загородняя П. Р. Законность в правовом регулировании общественных отношений // Национальный вестник Республики Крым. 2024. № 7. С. 68–71.
5. Сайфутдинова Э. Р. Актуальные вопросы обеспечения законности и обоснованности судебных решений // Модели и методы повышения эффективности инновационных исследований : Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Самара, 28 января 2024 года. Уфа: ООО «Аэтерна», 2024. С. 88–94.
6. Стуликова Н. В. Принцип законности: понятие и содержание // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2023. № 2-2. 480 с.
7. Власова Е. Л. Проверка судом законности и обоснованности производства следственных действий // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6(234). С. 461–464.
8. Савинова К. В. Законность использования в доказывании результатов следственных действий, осуществляемых иными участниками уголовного судопроизводства // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105-8. С. 66–68.

1. Polyakov M. P. Korrektiruemaya zakonnost` kak princip ugolovnogo processa // Yuridicheskaya texnika. 2023. № 17. S. 473–476.
2. Stryuchkova A. D. Obespechenie soblyudeniya sotrudnikami organov vnutrennix del sluzhebnoj discipliny` i zakonnosti: problemy` i puti resheniya // Moral`no-psixologicheskoe obespechenie deyatel`nosti organov vnutrennix del: sovremenny`e podxody` i perspektivy` razvitiya : Materialy` vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 06.12.2023 g. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2023. S. 419–422.
3. Il`in A. V. Vozobnovlenie predvaritel`nogo rassledovaniya kak odno iz uslovij obespecheniya zakonnosti v ugolovnom sudoproizvodstve // Agrarnoe i zemel`noe pravo. 2023. № 12(228). S. 256–257.
4. Zagorodnyaya P. R. Zakonnost` v pravovom regulirovanii obshhestvenny`x otnoshenij // Nacional`ny`j vestnik Respubliki Kry`m. 2024. № 7. S. 68–71.
5. Sajfutdinova E`. R. Aktual`ny`e voprosy` obespecheniya zakonnosti i obosnovannosti sudebny`x reshenij // Modeli i metody` povy`sheniya e`ffektivnosti innovacionny`x issledovanij: Sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem, Samara, 28 yanvarya 2024 goda. Ufa: OOO «Ae`terna», 2024. S. 88–94.
6. Stulikova N. V. Princip zakonnosti: ponyatie i soderzhanie // Nauka XXI veka: aktual`ny`e napravleniya razvitiya. 2023. № 2-2. 480 s.
7. Vlasova E. L. Proverka sudom zakonnosti i obosnovannosti proizvodstva sledstvenny`x dejstvij // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 6(234). S. 461–464.
8. Savinova K. V. Zakonnost` ispol`zovaniya v dokazy`vanii rezul`tatov sledstvenny`x dejstvij, osushhestvlyaemy`x iny`mi uchastnikami ugolovnogo sudoproizvodstva // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2024. № 105-8. S. 66–68.

Информация об авторах

Людмила Станиславовна Капустина. Старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел.
Луганский филиал Воронежского института МВД России.
291047, Россия, ЛНР, г. Луганск, ул. Краснодонская, д. 6.

Владимир Ремович Семенов. Старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the authors

Lyudmila S. Kapustina. Senior Lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies.
Lugansk branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
291047, Russia, LPR, Lugansk, Krasnodonskaya st., 6.

Vladimir. R. Semenov. Senior teacher of the chair of Criminal Law and Criminology. Candidate in Law.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatov st., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted October16, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 343.915

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Кузнецов Дмитрий Юрьевич
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

demetrio.k@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной для современной уголовно-правовой и криминологической доктрины проблеме формирования и развития отечественной государственно-правовой политики в области противодействия преступности несовершеннолетних. Автор обобщает высказанные видными учёными-юристами прошлого взгляды относительно криминальных проблем в детской и подростковой среде, а также анализирует социальные аспекты развития российского государства, делая попытку определить начальный период, к которому следует отнести появление рассматриваемого направления уголовной политики.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, уголовная политика, уголовная ответственность.

Для цитирования: Кузнецов Д. Ю. Концептуальные основы формирования уголовной политики России по борьбе с преступностью несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 173–180.

CONCEPTUAL FOUNDATIONS FOR THE FORMATION OF RUSSIA'S CRIMINAL POLICY TO COMBAT JUVENILE DELINQUENCY

Dmitry Y. Kuznetsov
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

demetrio.k@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the problem of formation and development of the national state legal policy in the field of combating juvenile delinquency, which is relevant for modern criminal law and criminological doctrine. The author summarizes the views expressed by prominent legal scholars of the past regarding criminal problems in children and adolescents, and also analyzes the social aspects of the development of the Russian state, making an attempt to determine the initial period to which the emergence of the considered area of criminal policy should be attributed.

Keywords: juvenile delinquency, criminal policy, criminal responsibility.

For citation: Kuznetsov D. Y. Conceptual foundations for the formation of Russia's criminal policy to combat juvenile delinquency // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 173–180.

Вопросы, связанные с уголовной ответственностью, наказанием несовершеннолетних преступников, а также с предупреждением негативных социальных явлений в детской и подростковой среде, традиционно характеризуются высокой степенью актуальности для юридических наук. С этой точки зрения законодатель с учётом потребностей практики, а также проведённых учёными-юристами научных изысканий перманентно оптимизирует механизм противодействия преступности несовершеннолетних, реализуя уголовную политику. При этом следует признать, что значительные успехи на этом поприще обеспечены избранным ранее системным подходом, который, в свою очередь, обеспечивает возможность реализации комплекса мер по борьбе с подростковой преступностью, начиная с качественного правового обеспечения данной деятельности и заканчивая применением эффективных средств ресоциализации лиц, подвергнутых уголовному преследованию.

Именно социально-правовые формы институционализации деятельности государства по борьбе с преступностью несовершеннолетних становятся предметом изучения в рамках юридической доктрины, поскольку эпизодические меры воздействия на детей и подростков могут относиться как к педагогике, так и к ювенальной психологии. Подлинный научный интерес в рамках доктрины уголовного права, криминологии, а также теории права рассматриваемая проблема приобретает, когда феномен подростковой преступности рассматривается в качестве специального направления государственно-правовой, и в частности уголовной политики.

В связи с изложенными обстоятельствами думается, что особый научный интерес представляют вопросы, связанные с генезисом и эволюцией государственной политики России по борьбе с преступностью несовершеннолетних. Иными словами, для исследователя должно быть важным определить отправную точку анализа – период появления отмеченного направления уголовной политики в отечественном государстве. Именно ретроспективный, историко-правовой анализ обозначенной темы способен полноценно раскрыть проблему, показать причины и условия, по которым российский законодатель обратил внимание на процессы криминализации в детской и подростковой среде, а также учесть прошлые успехи и недостатки при современном уголовно-правовом реформировании.

Известный исследователь и признанный специалист по вопросам уголовной ответственности и преступности несовершеннолетних Э. Б. Мельникова обращает внимание на то обстоятельство, что российская правовая система исторически очень долго игнорировала подростков как особую уголовно-правовую и процессуальную категорию, привлекая данных лиц к ответственности наряду и зачастую наравне с взрослыми лицами. При этом единственной особенностью в этом аспекте долгое время оставался лишь возраст, с которого становилось возможным применять к правонарушителю меры принудительного воздействия [1, с. 27]. Соглашаясь с подходом, предложенным именитым исследователем, считаем, что говорить о возникновении государственно-правовой политики по борьбе с преступностью несовершеннолетних как о самостоятельном направлении уголовной политики возможно только тогда, когда указанная категория лиц обретает специальный правовой и процессуальный статус, связанный с ограничением и дифференциацией применяемых к ним мер государственного принуждения, прежде всего наказаний, а также специализацией соответствующих государственных органов.

Ранее в историко-правовых публикациях по рассматриваемой проблеме отмечалось, что до середины XIX века проблема противодействия преступности несовершеннолетних мало волновала отечественного законодателя и правоприменителя, а действовавшие в стране законодательные акты не содержали каких-либо мер дифференциации и специализации несовершеннолетних в уголовно-

правовом и уголовно-процессуальном аспекте [2, с. 46–47]. Подобный подход следует рассматривать не иначе, как архаичный.

В дальнейшем в российском обществе стали происходить процессы, обнажившие проблему подростковой преступности, которые приковали к себе пристальное внимание со стороны видных представителей российской дореволюционной правовой доктрины, а также давшие импульс к государственно-правовому реформированию [3, с. 51–52], о чем, безусловно, следует сказать подробнее.

Запущенные императором Александром II так называемые «Великие реформы» затронули значительную часть населения, поскольку через отмену крепостного права касались подавляющего большинства населения. В этой связи известный исследователь Б. Н. Миронов в своём труде по социальной истории России отмечал начавшиеся с середины шестидесятых годов XIX века закономерные процессы роста городов и урбанизации [4, с. 346–347].

Безусловно, увеличение городского населения Российской империи было связано, прежде всего, со значительным потоком бывших крепостных, которые вместе со своими семьями хлынули в города в поисках заработка. Подобные резкие изменения в социальной структуре неизбежно приводили к негативным последствиям. Упомянутый Б. Н. Миронов в этой связи использовал весьма точный для описания рассматриваемых процессов термин – «окрестьянивание» городов [4, с. 347]. К сожалению, расширение необеспеченного рабочего класса в совокупности с общей технологической отсталостью, как правило, вызывает маргинализацию формирующегося нового слоя населения и, как следствие, рост преступности.

Анализируя научную литературу второй половины XIX века, можно сделать вывод о том, что в указанный период, возможно, впервые в отечественной истории российский правопорядок по-настоящему сталкивается с проблемой роста преступности несовершеннолетних. Так, профессор А. Ф. Кистяковский пишет о значительной бедности нового городского населения, а также беспризорности и стремительном абрютировании оставшихся без должного надзора детей и подростков [5, с. 4]. Обобщая имевшиеся в распоряжении исследователей только формирующиеся в то время данные официальной статистики, знаменитый Н. С. Таганцев также заявляет об обострении проблемы детской беспризорности и преступности несовершеннолетних, что требует немедленной реакции со стороны законодателя [6, с. 33].

Сегодня для исследователя, ориентирующегося прежде всего на историко-правовой аспект рассматриваемой проблематики, представляется очевидным, что отмеченные социальные явления и процессы в середине XIX века едва ли могли пойти иначе. Так, радикальная, хотя и давно назревшая, отмена крепостного права «сверху» не повлекла фактического раскрепощения крестьян. Современные для рассматриваемого периода отечественной истории капиталистические отношения внедрялись поверх феодальных на фоне общей технологической отсталости и неразвитости экономической системы. Такая специфика состояния российского общества и государства в пореформенный период свидетельствует о том, что новый тип общественных отношений в России складывался в условиях сохранения значительного количества пережитков и социальных стереотипов «старого» социума. Попытка изменения общественных укладов путём проведения реформ, когда прежние социально-экономические отношения ещё не изжили себя, зачастую ставит общество в промежуточное положение между старой и новой формами существования. Именно в таких условиях происходит своего рода высвобождение негативных и асоциальных процессов, прежде сдерживаемых обыкновениями, массой обычных и безопасных объективных потребностей общественной жизни.

Учитывая то обстоятельство, что многие из жителей страны, попавших в городскую среду, оказались в неудовлетворительном материальном положении,

а также приводимые мнения и статистические данные, существенное значение имеет уточнение действительного влияния бедности на возможность криминализации. Иными словами, весьма важным с теоретических и историко-правовых позиций является вопрос о причинно-следственной связи скудного благосостояния членов социума и протекающих в нём криминогенных процессов.

Учёные-юристы рассматриваемого периода однозначно ставили имевшие место бедность и обнищание значительной части населения Российской империи в прямую зависимость с ростом преступности несовершеннолетних, в частности отмечавшимся существенным повышением числа имущественных преступлений [7, с. 10–11]. Именно с этих позиций в научной литературе второй половины XIX века формулировались основные идеи по реформированию законодательства и правовой системы в целом в целях борьбы с преступностью несовершеннолетних.

Известный дореволюционный профессор юриспруденции А. М. Богдановский в своих исследованиях обратил внимание на необходимость дифференциации применяемых к несовершеннолетним преступникам мер государственно-правового воздействия, невозможную без значительного реформирования законодательства. В частности, автор указывал, что любой человек в своём развитии проходит некие периоды взросления, такие как детство (0–7 лет); отрочество (7–14); юность (14–21) [7, с. 11]. Именно в рамках и с учётом данных периодов человеческой жизни, по замыслу автора, к ребёнку и подростку должны применяться соответствующие меры государственного правового воздействия. Так, до семи лет, очевидно, невозможно применение к ребёнку каких-либо мер. При этом в последующем государство должно приобретать возможность воспитательно-исправительного воздействия на подростка и юношу, однако со значительными ограничениями и в строгой дифференциации с взрослыми лицами.

Н. С. Таганцев, ссылаясь на традицию римского права, также отмечает поэтапность взросления человека, что требует значительных законодательных изменений для обеспечения специального правового статуса детей и подростков в рамках государственной правовой системы. В частности, римскому праву была известна категория «infantes», подразумевавшая «несовершеннолетнюю невменяемость». Следует сразу сделать оговорку, что как римские юристы, так и отечественные учёные-правоведы XIX века весьма часто использовали понятие «невменяемость», когда вели речь о недопустимости привлечения к ответственности лиц, не достигших определённого возраста. Однако трактовка невменяемости, разумеется, была совсем иной по сравнению с современной уголовно-правовой дефиницией этого понятия. Подобный архаичный подход не имел никакого отношения к различным психическим расстройствам, а подразумевал лишь сугубо возрастные причины, в силу которых к лицам соответствующего возраста применение наказаний нецелесообразно и несправедливо. Так вот, помимо «неприкасаемых» малолетних, римлянами выделялась также категория *«impuberes»*, которая, в свою очередь, делилась на *«pubertati proximi»* и *«infantiae proximi»*. Сюда относились лица в возрасте от 7 до 14 лет, для которых вопрос о возможности привлечения к ответственности решался в каждом отдельном случае. Кроме того, в римском праве была обширная по своему составу категория *«minores»*, в которую входили лица до 18 лет, а иногда и до 25. Для них, по крайней мере, за некоторые преступления наказания смягчались [6, с. 15].

Обобщая сказанное, следует отметить, что в отечественной правовой доктрине второй половины XIX века господствовал подход, в соответствии с которым криминализованные подростки чаще всего представлялись в некотором смысле жертвами неблагоприятных социальных условий. Во всяком случае идеи дифференциации уголовной ответственности, а также специализации учреждений и органов государства, вовлечённых в процесс противодействия преступности

несовершеннолетних, для рассматриваемого исторического периода, безусловно, должны быть признаны прогрессивными и гуманистическими. Представляется, что мнения о том, что несовершеннолетние преступники не должны рассматриваться и восприниматься в качестве некоей «аморфной» массы, а также, что значительная роль в противлодействии подростковой преступности должна отводиться не столько наказаниям как воспитательным мерам, являлись в значительной степени верными и вполне соответствующими общему духу рассматриваемой эпохи.

При этом российский законодатель воспринял высказанные представителями правовой доктрины взгляды, что привело к важным мерам уголовно-правового и уголовно-процессуального реформирования в конце XIX века. Так, 2 июня 1897 года было высочайше утверждено и повелено исполнить мнение, выраженное в общем собрании Государственного совета Российской империи об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказуемости [8, с. 3]. Анализ указанного законодательного акта показывает, что отечественный правопорядок в указанный период российской истории претерпел значительные изменения. В частности, можно было сказать о том, что несовершеннолетние, наконец, обрели специальный статус в рамках уголовного судопроизводства, а также применения к ним соответствующих мер наказания и иного принуждения, по крайней мере формально отделившись от взрослых преступников.

Рассматривая реализованные указанным законодательным актом новеллы, следует выделить в особенности, что новая система судопроизводства по делам о преступлениях несовершеннолетних предусматривала обязательное участие законных представителей (родителей или лиц, на попечении которых находились несовершеннолетние обвиняемые) в судебном разбирательстве, применявшиеся в зависимости от усмотрения суда, чего, разумеется, не было ранее. Кроме того, законодательно была дана общая регламентация новых мер пресечения, таких как ответственный надзор, заключение в отделение при исправительных колониях и т. п. В уголовно-процессуальном аспекте в особое производство были выделены дела о соучастии несовершеннолетних, в том числе в случаях совершения несовершеннолетним преступления совместно с взрослыми лицами. Новый закон 1897 года также гарантировал несовершеннолетнему обязательную профессиональную защиту в уголовном судопроизводстве.

Фактически сказанное означает, что Закон 1897 года существенно изменил ход и направленность уголовного процесса в отношении несовершеннолетних. Всё это позволяет говорить о том, что несовершеннолетние преступники впервые в истории российского государства приобрели особый уголовно-правовой и процессуальный статус, были законодательно принципиально отделены от взрослых преступников, что являлось важным достоинством и успехом государственно-правового реформирования в Российской империи.

На основании изложенного представляется, что к концу XIX века после накопления значительного объёма исследований по проблемам уголовной ответственности и преступности несовершеннолетних в отечественной правовой доктрине, а также последовавших за этим реформ правовой системы уголовная политика по борьбе с преступностью несовершеннолетних окончательно сформировалась как специальное направление государственно-правовой политики России.

Важной особенностью генезиса рассматриваемого направления уголовной политики является наличие «диалога» между законодателем и представителями юридической доктрины. Высказанные и апробированные идеи противодействия преступности несовершеннолетних стали концептуальной основой государственно-правового реформирования и, как следствие, уголовной политики российского

государства, обеспечив её прогрессивный характер, связанный с практическим применением достижений правовой науки.

Реализуемый в рамках уголовной политики России конца XIX века подход предполагал, прежде всего, отказ от карательной направленности уголовного процесса в отношении несовершеннолетних в пользу воспитательного. Это достигалось за счёт установления определённых процессуальных гарантий, декларирования нежелательности либо невозможности содержания в местах лишения свободы несовершеннолетних совместно с взрослыми, а также использования для исполнения наказаний учреждений явного воспитательно-исправительного профиля.

В результате к изменениям рубежа XIX–XX веков и последующим законодательным реформам российская правовая система и российское государство в целом подошли, имея значительную нормативно-правовую, а также теоретико-методологическую базу. Дальнейшее становление и развитие государственно-правовой политики в области противодействия преступности несовершеннолетних в России продолжало принятый законодателем курс и последовательно реализовывало идею специализации судебных органов, учреждений для содержания осуждённых детей и подростков и т. д.

Проведённый анализ положений указанных нормативных актов показывает, что в конце XIX века отечественный законодатель был серьёзно озабочен проблемой реформирования уголовной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной сфер законодательства в отношении несовершеннолетних, принимая ряд либеральных и гуманных новелл. Учитывая последовательность и теоретическую обусловленность таких мер, очевидно, что рассматриваемый Закон создал своего рода правовую почву для более радикальных изменений государственной политики в области определения статуса несовершеннолетних преступников и порядка отправления правосудия в отношении данной категории лиц.

При этом думается, что отмеченная гуманистическая направленность реализуемых в рамках уголовной политики Российской империи по противодействию преступности несовершеннолетних мер в конце XIX века была оправдана и обусловлена тем, что большинство совершаемых подростками в тот период преступлений, как было сказано, относилось к имущественным и не характеризовалось высокой степенью общественной опасности. Релевантность данного подхода была в полной мере обоснована на теоретическом уровне в рамках современной концепции социальной обусловленности уголовно-правовых норм и мер уголовной политики [9, с. 85].

Сформировавшаяся к концу XIX века в российском государстве уголовная политика, направленная на борьбу с преступностью несовершеннолетних, в качестве специального направления государственно-правовой политики не раз подвергалась радикальным изменениям в дальнейшем. Как известно, с крушением всей правовой системы Российской империи в 1917 году и в связи с построением социалистического государства существенно изменились и методические подходы по снижению интенсивности криминальных процессов в детской и подростковой среде. Менялась государственно-правовая политика и после распада Советского Союза. Подобные изменения также представляют значительный научный интерес как для историка, так и для юриста.

В этой связи настоящую статью следует рассматривать как приглашение к научной дискуссии по вопросам выработки и реализации эффективного механизма реализации государственной политики по борьбе с преступностью несовершеннолетних.

---

1. Мельникова Э. Б. Правосудие по делам несовершеннолетних: история и современность. М.: Наука, 1990. 120 с.

2. Кузнецов Д. Ю. История развития государственно-правовой политики по противодействию подростковой преступности в дореволюционной России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 2(79). С. 46–49.
3. Кузнецов Д. Ю. Опыт реализации специальных мер по предупреждению преступлений несовершеннолетних в России во второй половине XIX века // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 2(87). С. 50–57.
4. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб, 2000. 547 с.
5. Кистяковский А. Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления, с обозрением русских учреждений. Киев: Тип. Завадского. 1878. 231 с.
6. Таганцев Н. С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1871. 144 с.
7. Богдановский А. М. Молодые преступники. Вопросы уголовного права и уголовной политики. СПб.: Тип. Моригеровского, 1871. 371 с.
8. Закон Российской империи от 2 июля 1897 «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказуемости» // Новый закон о малолетних и несовершеннолетних преступниках. М., Издание Юридического книжного магазина А.Ф. Скорова, 1897.
9. Сорокин А. И. Особенности квалификации хищений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 1(74). С. 83–87.

1. Mel`nikova E`. B. Pravosudie po delam nesovershennoletnix: istoriya i sovremennost`. M.: Nauka, 1990. 120 s.
2. Kuzneczov D. Yu. Istoriya razvitiya gosudarstvenno-pravovoj politiki po protivodejstviyu podrostkovoj prestupnosti v dorevolyucionnoj Rossii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2019. № 2(79). S. 46–49.
3. Kuzneczov D.Yu. Opy`t realizacii special`ny`x mer po preduprezhdeniyu prestuplenij nesovershennoletnix v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2021. № 2(87). S. 50–57.
4. Mironov B. N. Social`naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). T. 1. SPb, 2000. 547 s.
5. Kistyakovskij A. F. Molody`e prestupniki i uchrezhdeniya dlya ix ispravleniya, s obozreniem russkix uchrezhdenij. Kiev: Tip. Zavadskogo. 1878. 231 s.
6. Tagancev N. S. Issledovaniya ob otvetstvennosti maloletnix prestupnikov po russkomu pravu. SPb.: Tip. A.M. Kotomina, 1871. 144 s.
7. Bogdanovskij A. M. Molody`e prestupniki. Voprosy` ugolovnogo prava i ugolovnoj politiki. SPb.: Tip. Morigerovskogo – 1871. 371 s.
8. Zakon Rossijskoj imperii ot 2 iyulya 1897 «Ob izmenenii form i obryadov sudoproizvodstva po delam o prestupny`x deyaniyax maloletnix i nesovershennoletnix, a takzhe zakonopolozhenij ob ix nakazuemosti» // Novy`j zakon o maloletnix i nesovershennoletnix prestupnikax. M., Izdanie Yuridicheskogo knizhnogo magazina A.F. Skorova, 1897.
9. Sorokin A. I. Osobennosti kvalifikacii xishhenij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2018. № 1(74). S. 83–87.

Информация об авторе

Дмитрий Юрьевич Кузнецов. Старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the author

Dmitry Y. Kuznetsov. Senior teacher of the chair of Criminal Law and Criminology. PhD in law.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova st., 2.

Статья поступила в редакцию 30.09.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted September 30, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 343.192

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ПРЕИМУЩЕСТВА, ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Кутуев Эльдар Кяримович[1], Исмагилов Ринат Альбертович[2]
[1]Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, Санкт-Петербург
[2]Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказания, Россия, Санкт-Петербург

[1] kutuev@inbox.ru
[2] rinatismagilov@mail.ru

Аннотация. В представленной статье авторами проведено исследование нормативно-правового регулирования производства судом первой инстанции допроса и иных судебных действий путём использования систем видео-конференц-связи при рассмотрении уголовного дела. Отмечены положительные аспекты применения судами видео-конференц-связи, а также указаны проблемы правового регулирования и организации дистанционного допроса и иных судебных действий. Акцентировано внимание на вопросах обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, в отношении которых приняты меры государственной защиты при производстве допроса и иных судебных действий в суде первой инстанции. Авторами изучен зарубежный опыт, мнения учёных-процессуалистов по затронутой проблеме, сформированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: видео-конференц-связь, суд первой инстанции, дистанционный допрос, иные судебные действия, уголовное дело, меры безопасности.

Для цитирования: Кутуев Э. К., Исмагилов Р. А. Использование видео-конференц-связи при производстве судебных действий по уголовному делу: преимущества, процессуальные проблемы, пути совершенствования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 181–187.

THE USE OF VIDEOCONFERENCING IN CRIMINAL COURT PROCEEDINGS: ADVANTAGES, PROCEDURAL PROBLEMS, WAYS OF IMPROVEMENT

Eldar K. Kutuev[1], Rinat Al. Ismagilov[2]
[1]Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Saint-Petersburg State Economic University», Russia, St. Petersburg
[2]Federal Public Educational Institution of Higher Education «Saint-Petersburg University of the Federal Penitentiary Service», Russia, St. Petersburg

[1] kutuev@inbox.ru
[2] rinatismagilov@mail.ru

Annotation. In the presented article, the authors conducted a study of the regulatory regulation of the court of first instance of interrogation and other judicial actions through the use of video conferencing systems during the consideration of a criminal case.

The positive aspects of the use of video conferencing by courts were noted, as well as the problems of legal regulation and organization of remote interrogation and other judicial actions were pointed out. Attention is focused on the issues of ensuring the safety of participants in criminal proceedings, in respect of whom state protection measures have been taken, during interrogation and other judicial actions in the court of first instance. The authors studied foreign experience, opinions of procedural scientists on the problem raised, and formed proposals for improving the criminal procedure legislation of the Russian Federation.

Keywords: video conferencing, court of first instance, remote interrogation, other judicial actions, criminal case, security measures.

For citation: Kutuev E. K., Ismagilov R. A. The use of videoconferencing in criminal court proceedings: advantages, procedural problems, ways of improvement // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 181–187.

Федеральным законом Российской Федерации от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ[1] были внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), а именно: была введена новая форма производства допроса участников уголовного судопроизводства в судебном заседании по уголовным делам – допрос путём использования систем видео-конференц-связи (ч. 4 ст. 240, ст. 278.1 УПК РФ[2]). Указанные нормы УПК РФ в последующем редактировались и совершенствовались. Таким образом, законодатель в уголовное судопроизводство ввёл процедуру, предусматривающую возможность допроса и иных судебных действий с использованием современных автоматизированных технологий в судебных инстанциях. Как отмечают Н. Н. Федосеева и М. А. Чайковская, одним из главных достижений совместной работы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и Комиссии Совета судей Российской Федерации по информатизации и автоматизации судов является активное использование судами современных технологий при осуществлении своей повседневной деятельности [1, с. 7].

Федеральным законом Российской Федерацииот 30.12.2021 № 501-ФЗ[3] УПК РФ была дополнена ст. 189.1. «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путём использования систем видео-конференц-связи». Органам предварительного расследования с момента вступления в законную силу указанного Федерального закона также открылась возможность проводить следственные действия с использованием видео-конференц-связи.

Федеральным законом Российской Федерации от 29.12.2022 № 610-ФЗ[4] УПК РФ дополнена ст. 241.1. «Участие в судебном заседании путём использования систем видео-конференц-связи». В соответствии с ч. 2 ст. 241.1. УПК РФ, в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства при наличии технической возможности суд вправе при рассмотрении уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях по ходатайству любой из сторон принять решение об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путём использования систем видео-конференц-связи.

---

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ // Рос. газ. 2011. 25 марта.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Рос. газ. 2001. 22 дек.

[3] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 30.12.2021 № 501-ФЗ // Рос. газ. 2022. 11 янв.

[4] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29.12.2022 № 610-ФЗ // Рос. газ. 2023. 10 янв.

В соответствии с ч. 8 ст. 241.1. УПК РФ, судья, либо по его поручению помощник судьи, или секретарь судебного заседания по месту нахождения лица, участвующего в судебном заседании путём использования систем видео-конференц-связи, по поручению председательствующего в судебном заседании суда, рассматривающего уголовное дело, удостоверяет личность этого лица. Если лицо находится под стражей, отбывает наказание в виде лишения свободы, его личность удостоверяется администрацией места содержания под стражей, администрацией учреждения или органа, исполняющих наказание. Подписка лица, участвующего в судебном заседании путём использования систем видео-конференц-связи, о разъяснении ему прав, обязанностей и ответственности, и иные документы направляются судом по месту нахождения этого лица администрацией места содержания под стражей, администрацией учреждения или органа, исполняющих наказание, председательствующему в судебном заседании суда, рассматривающего уголовное дело.

Система видео-конференц-связи также используется для обеспечения участия осуждённых, содержащихся под стражей, при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, а также при пересмотре судебных решений по уголовным делам (ч.ч. 2, 2.1. ст. 399, ч. 2 ст. 389.12., ч. 2 ст. 401.13. УПК РФ[1]). Отметим, что введение дистанционного допроса и иных судебных действий в уголовном судопроизводстве имеет множество положительных аспектов, таких как снижение затрат на судопроизводство, соблюдение сроков, обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства и т. д. Однако, как говорил Сократ: «Нет предела совершенству». Проанализировав нормы права, регламентирующие дистанционный допрос и производство иных судебных действий по уголовному делу в суде первой инстанции, по мнению авторов, имеются следующие проблемные аспекты (пробелы) в правовом регулировании исследуемой темы.

Оговорив общие правила производства дистанционного допроса и иных судебных действий, законодатель детально механизм его проведения не прописал, что вызывает ряд вопросов.

Во-первых, чётко не определена форма и содержание решения о проведении допроса и иных судебных действий путём использования систем видео-конференц-связи, принимаемого судом, рассматривающим уголовное дело. Вывод о форме данного решения можно сделать исходя из анализа общих норм уголовно-процессуального права. Согласно п. 23 и п. 25 ст. 5 УПК РФ, это может быть либо постановление, если дело рассматривается судьёй единолично, либо определение, когда дело слушается судом коллегиально. Д. В. Коростелев и Н. А. Носов придерживаются такого же мнения и отмечают, что, исходя из анализа норм УПК РФ (п. 23 и п. 25 ст. 5), формой данного решения является постановление при единоличном рассмотрении либо определение при коллегиальном [2, с. 116]. Хотя в научной литературе имеется на этот счёт и другое мнение: А. П. Рыжаков утверждает, что решение о проведении допроса свидетеля (потерпевшего) путём использования систем видео-конференц-связи должно быть оформлено исключительно определением [3], что не согласуется, в частности, с предписаниями п. 25 ст. 5 УПК РФ, в котором прямо указано, что любое решение, за исключением приговора, вынесенное судьей единолично, именуется постановлением. Запрета же проводить видеодопрос при рассмотрении уголовного дела судьёй единолично закон не содержит.

Авторам представляется, что такое постановление (определение) судьи (суда), помимо, собственно, решения о проведении допроса путём использования систем видео-конференц-связи, в обязательном порядке должно содержать:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Рос. газ. 2001. 22 дек.

1) наименование и состав суда, рассматривающего уголовное дело;

2) суть рассматриваемого уголовного дела;

3) обоснование необходимости проведения допроса путём использования систем видео-конференц-связи;

4) наименование суда, которому адресовано поручение по организации видеодопроса свидетеля (потерпевшего);

5) данные свидетеля (потерпевшего) и адрес его места жительства (пребывания);

6) конкретное время и дату видеодопроса;

7) указание на предлагаемый канал связи.

Во-вторых, закон говорит о возможности направления судьёй поручения помощнику судьи или секретарю судебного заседания, администрации места содержания под стражей, администрации учреждения или органа, исполняющих наказание по месту нахождения лица, участвующего в судебном заседании об организации допроса и иных судебных действий путём использования систем видео-конференц-связи (ст. 241.1. УПК РФ), но механизм его выполнения не раскрывает.

Помимо собственно юридических, имеются и определённые общеорганизационные проблемы производства видеодопроса и иных судебных действий. В частности, существенным препятствием проведения допроса и иных судебных действий посредством видео-конференц-связи в некоторых случаях может служить разница во времени, обусловленная нахождением сторон в регионах, принадлежащих к разным часовым зонам. Например, дело рассматривается в Калининграде, а свидетель находится в Магадане. Разница во времени 9 часов. В Калининграде рабочий день начинается, а в Магадане он уже закончен, но видео-конференц-связь осуществляется «в режиме реального времени между участниками территориально распределённой группы» [4, с. 37]. Возникают несогласованность с трудовым законодательством, а также опасения с точки зрения доказательственного права.

Следующим спорным вопросом считаем надлежащее обеспечение права подсудимого (осуждённого) на защиту в случае дистанционного участия в судебном заседании. Как правило, защитник подсудимого (осуждённого) находится в зале судебного заседания, а не находится вместе с подзащитным в следственном изоляторе либо в исправительной колонии. Среди учёных-процессуалистов по данному вопросу единого мнения не сложилось. И. А. Бурлачук считает, что нет никаких серьёзных препятствий для общения подсудимого и защитника с использованием систем видео-конференц-связи, соответственно, не следует говорить и о нарушении права на защиту [5, с. 95]. М. А. Юркевич в своем диссертационном исследовании занимает иную позицию, полагая, что при организации видео-конференц-связи в судебном заседании нарушается право подсудимого на защиту, так как невозможно обеспечить конфиденциальность общения защитника с подсудимым [6, с. 151]. По нашему мнению, защитник (адвокат) должен находиться вместе со своим подзащитным для надлежащего оказания юридической помощи подсудимому (осуждённому).

Как и на стадии предварительного расследования, так и в судебном производстве возникают проблемы обеспечения безопасности участников уголовного процесса. В соответствии со ст. 6 Федерального закона Российской Федерации от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»[1], в отношении защищаемого лица могут применяться одновременно несколько либо одна из следующих мер безопасности:

1) личная охрана, охрана жилища и имущества;

2) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения

[1] О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федер. закон Рос. Федерации № 119-ФЗ // Рос. газ. 2004. 25 авг.

об опасности;

3) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице;

4) переселение на другое место жительства;

5) замена документов;

6) изменение внешности;

7) изменение места работы (службы) или учёбы;

8) временное помещение в безопасное место;

9) применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое.

При дистанционном допросе и иных судебных действий судом первой инстанции могут быть нарушены (раскрыты) принятые меры безопасности как обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице, переселение на другое место жительства, замена документов, изменение внешности, изменение места работы (службы) или учёбы, временное помещение в безопасное место.

Считаем, что ч. 8 ст. 241.1. УПК РФ необходимо дополнить «органами, осуществляющими меры безопасности» для того, чтобы органы государственной защиты сами удостоверяли личность допрашиваемого или участвовавшего в судебном действии лица, в отношении которого применяются меры безопасности.

Также одним из спорных моментов среди учёных-процессуалистов является ч. 6 ст. 278 УПК РФ, согласно которому в случае заявления сторонами обоснованного ходатайства о раскрытии подлинных сведений о лице, дающем показания, в связи с необходимостью осуществления защиты подсудимого либо установления каких-либо существенных для рассмотрения уголовного дела обстоятельств суд вправе предоставить сторонам возможность ознакомлениями с указанными сведениями.

С нашей точки зрения, раскрытие подлинных сведений о защищаемом лице может свести на нет обеспечиваемую ранее на досудебном производстве безопасность участников уголовного процесса, так как под необходимость осуществления защиты подсудимого либо установления каких-либо существенных для рассмотрения обстоятельств можно подвести любые обстоятельства.

Для сравнения обратимся к зарубежному опыту обеспечения защиты участников уголовного процесса.

Для защиты свидетелей за рубежом применяются следующие меры:

– оглашение показаний свидетелей без явки в суд, без обнародования их имён;
– изменение фамилий, внешности;
– выезд для жительства за пределы страны;
– усиленный режим охраны в период следствия и судебного разбирательства, вплоть до сокрытия в специальных охраняемых бункерах [7, с. 21].

В Колумбии применяется практика рассмотрения дел организованной преступности «судьёй без лица», который ведёт процесс с помощью телевизионных устройств так, что его никто из подсудимых не видит. Имя судьи в этом случае известно только Президенту Колумбии [8, с. 10]. Положительный зарубежный опыт считаем возможным использовать при совершенствовании уголовно-процессуального закона Российской Федерации.

Изучая зарубежный опыт, также считаем необходимым коснуться вопроса участия в судебном заседании лиц, находящихся за пределами Российской Федерации посредством видео-конференц-связи. В соответствии с действующим УПК РФ, такая возможность не предусмотрена. Реализация права на видео-конференц-связь может быть осуществлена судом лишь на территории Российской Федерации по месту нахождения участника уголовного судопроизводства либо в учреждении ФСИН России. Ю. С. Тютерева предполагает, что в будущем следует рассмотреть вопрос

о распространении возможности применения видео-конференц-связи в судебном заседании в отношении лиц, находящихся за пределами РФ, что будет способствовать получению доказательств, доступ к которым затруднён [9, с. 155]. С данным предложением авторы статьи полностью согласны.

Подводя итог исследованию, отметим, что производство дистанционного допроса и иных судебных действий в судебных инстанциях повышает результативность и качество производства по уголовным делам, соблюдения процессуальных сроков, обеспечения безопасности участников уголовного процесса при неукоснительном соблюдении их конституционных прав и свобод. Однако считаем, что перечисленные положительные аспекты применения видео-конференц-связи судом не освобождают законодателя устранить противоречия и недостатки в нормах УПК РФ. Надеемся, что данная научная статья станет основой для дальнейшего совершенствования правового регулирования допроса и иных судебных действий судами с использованием видео-конференц-связи.

---

1. Федосеева Н. Н., Чайковская М. А. Понятие и сущность концепции электронного государства // Рос. юстиция. 2015. № 11. С. 6–10.
2. Коростелев Д. В., Носов Н. А. Производство допроса с использованием систем видео-конференц-связи в уголовном процессе // Права человека: история, теория, практика. Шестая Всероссийская научно-практическая конференция. Сборник научных статей. Курск, 2017. 116 с.
3. Рыжаков А. П. Допрос свидетеля (потерпевшего) с помощью систем видеоконференц-связи: Научно-практический комментарий к Федеральному закону Российской Федерации от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http:// justicemaker.ru/. (дата обращения: 23.11.2024).
4. Исмагилов Р. А. Государственная защита лиц, способствующих выявлению (раскрытию) коррупционных преступлений в социально значимых сферах: учебное пособие. Уфа, 2017. 50 с.
5. Бурлачук И. А. Роль защитника при использовании видеоконференцсвязи в уголовном процессе // Вестник Омского юридического института. 2011. № 1(14). С. 94–97.
6. Юркевич М. А. Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве: дис…канд. юрид. наук. М., 2021. 259 с.
7. Исмагилов Р. А., Исаева Р. М. Использование современных технологий в доказывании по уголовным делам (отечественный и зарубежный опыт): учебное пособие. Уфа, 2021. 88 с.
8. Колумбия: между мафией и герильей // Эхо планеты. 1991. № 37. С. 3–11.
9. Тютерова Ю. С. Дистанционный порядок производства по уголовному делу: дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. 263 с.

1 1. Fedoseeva N. N., Chajkovskaya M. A. Ponyatie i sushhnost` koncepcii e`lektronnogo gosudarstva // Ros. yusticiya. 2015. № 11. S. 6–10.
2. Korostelev D. V., Nosov N. A. Proizvodstvo doprosa s ispol`zovaniem sistem video-konferencz-svyazi v ugolovnom processe // Prava cheloveka: istoriya, teoriya, praktika. Shestaya Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Sbornik nauchny`x statej. Kursk, 2017. 116 s.
3. Ry`zhakov A. P. Dopros svidetelya (poterpevshego) s pomoshh`yu sistem videokonferencz-svyazi: Nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal`nomu zakonuRossijskoj Federacii ot 20 marta 2011 g. № 39-FZ. [E`lektronny`j resurs]. URL: http:// justicemaker.ru/. (data obrashheniya: 23.11.2024).

4. Ismagilov R. A. Gosudarstvennaya zashhita licz, sposobstvuyushhix vy`yavleniyu (raskry`tiyu) korrupcionny`x prestuplenij v social`no znachimy`x sferax: uchebnoe posobie. Ufa, 2017. 50 s.
5. Burlachuk I. A. Rol` zashhitnika pri ispol`zovanii videokonferenczsvyazi v ugolovnom processe // Vestnik Omskogo yuridicheskogo instituta. 2011. № 1(14). S. 94–97.
6. Yurkevich M. A. Primenenie sudom videotexnologij v ugolovnom sudoproizvodstve: dis…kand. yurid. nauk. M., 2021. 259 s.
7. Ismagilov R. A., Isaeva R. M. Ispol`zovanie sovremenny`x texnologij v dokazy`vanii po ugolovny`m delam (otechestvenny`j i zarubezhny`j opy`t): uchebnoe posobie. Ufa, 2021. 88 s.
8. Kolumbiya: mezhdu mafiej i geril`ej // E`xo planety`. 1991. № 37. S. 3–11.
9. Tyuterova Yu.S. Distancionny`j poryadok proizvodstva po ugolovnomu delu: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2024. 263 s.

Информация об авторах

Эльдар Кяримович Кутуев. И.о. заведующего кафедрой уголовного права и уголовного процесса. Доктор юридических наук, профессор. Почетный работник сферы образования Российской Федерации.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

191023, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.

Ринат Альбертович Исмагилов. Заместитель начальника кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества. Кандидат юридических наук, доцент.

Санкт-Петербургский университет ФСИН России.

196602, Россия, г. Пушкин, ул. Саперная, д. 34, лит. А.

Information about the authors

Eldar K. Kutuev. Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure. Doctor of Law, Professor. Honorary worker in the field of education of the Russian Federation.

St. Petersburg State University of Economics.

191023, Russia, St. Petersburg, nab. Griboyedov Canal, 30-32, lit. A.

Rinat Al. Ismagilov. Deputy Head of the Department of Criminal Law Disciplines and Organization of the execution of punishments not related to the isolation of convicts from society. Candidate of Law, Associate Professor.

St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia.

196602, Russia, Pushkin, Sapernaya st., 34, lit. A.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 15.10.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted October 15, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 343.1

ИНСТИТУТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО – РУДИМЕНТ ОБВИНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Малахова Ангелина Евгеньевна
Академия управления МВД России, Москва, Россия

classisant@bk.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию значения правового института привлечения лица в качестве обвиняемого для обвинительной деятельности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Автором обоснована необходимость реорганизации исследуемого института, а также изложены доводы несостоятельности распространённых в отечественной уголовно-процессуальной науке аргументов в пользу сохранения процедуры привлечения лица в качестве обвиняемого в действующем варианте в структуре обвинительной деятельности.

Ключевые слова: обвинительная деятельность, привлечение лица в качестве обвиняемого, уголовное преследование, объективное подозрение, формы предварительного расследования, подозреваемый, обвиняемый.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, заслуженного юриста Российской Федерации, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Гаврилова Б. Я.

Для цитирования: Малахова А. Е. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого – рудимент обвинительной деятельности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 188–195.

BRINGING A PERSON AS AN ACCUSED PERSON – A VESTIGE OF ACCUSATORY ACTIVITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS RUSSIAN FEDERATION

Angelina Ev. Malakhova
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

classisant@bk.ru

Annotation. The present article is devoted to the study of the significance of the legal institute of bringing a person as an accused for prosecutorial activity in criminal proceedings of the Russian Federation. The author substantiates the necessity of reorganisation of the institution under study, and also outlines the arguments for the invalidity of the arguments common in the domestic science of criminal procedure in favour of preserving the procedure of bringing a person as an accused in the current version in the structure of prosecutorial activity.

Keywords: prosecutorial activity, bringing a person as an accused, criminal prosecution, objective suspicion, forms of preliminary investigation, suspect, accused.

Gratitude: the work was carried out with the support of the supervisor – Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Gavrilova B. Y.

For citation: Malakhova A. E. Bringing a person as an accused – a vestige of accusatory activity in criminal proceedings of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 188–195.

Ключевым этапом обвинительной деятельности уполномоченных субъектов в ходе досудебного производства по уголовному делу является привлечение лица в качестве обвиняемого. Нормы УПК РФ, регулирующие порядок вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, непосредственно предъявления обвинения, допроса обвиняемого, а также изменения и дополнения обвинения и частичного прекращения уголовного преследования, в российской уголовно-процессуальной доктрине традиционно объединяются в институт привлечения лица в качестве обвиняемого.

К основным аргументам, характеризующим значение акта привлечения лица в качестве обвиняемого и вытекающих из него правовых последствий для обвинительной деятельности как ключевой, относятся следующие: именно на данном этапе объективно заподозренное в совершении преступления лицо впервые знакомится с содержанием имеющегося в его отношении формального обвинения, наделяется в данной связи соответствующими правами, а кроме того, в соответствии со ст. 252 УПК РФ, именно предъявленным обвинением определяются пределы судебного разбирательства по уголовному делу. К тому же, очевидно, что предъявленным обвинением предопределены подсудность и подследственность уголовного дела, а значит, – содержание обвинительной деятельности прокурора в суде первой инстанции.

На первый взгляд может показаться, что вышеперечисленных аргументов достаточно для демонстрации значимости исследуемого института. За более чем 150-летнюю историю его существования в уголовном процессе Российского государства как в научном пространстве, так и в среде практиков-правоприменителей выработался стереотип о незаменимости и неотъемлемости исследуемого института.

Тем не менее в отечественной уголовно-процессуальной науке достаточно широко распространено мнение о том, что институт привлечения лица в качестве обвиняемого утратил былую значимость и актуальность не только для обвинительной деятельности, но и для всего уголовного судопроизводства. Например, профессора Б. Я. Гаврилов (с позиций учёного и правоприменителя), С. Е. Егоров и другие процессуалисты, в частности А. В. Красильников, исследуемый институт характеризуют как «правовой анахронизм», «рудимент» российского уголовного процесса [1, с. 11; 2, с. 53]. М. Ю. Колбеева считает, что произошедшие изменения уголовно-процессуального законодательства требуют пересмотра норм, составляющих институт привлечения лица в качестве обвиняемого, также выступая за его дальнейшую реорганизацию [3, с. 141].

Автор настоящей статьи разделяет точку зрения вышеперечисленных учёных, уточняя, что привлечение лица в качестве обвиняемого (в нынешнем его виде и правовом содержании) является рудиментом конкретно обвинительной деятельности.

Аргументируя высказанную позицию, автор считает необходимым прокомментировать в первую очередь уже изложенные факторы, используемые для демонстрации значимости исследуемого института.

Так, одним из наиболее распространённых доводов в пользу необходимости сохранения института привлечения лица в качестве обвиняемого служит то обстоятельство, что в процессе предъявления обвинения лицо, объективно заподозренное в совершении преступления, впервые знакомится с формальным обвинительным тезисом, непосредственно обвинением, выдвинутым в его отношении от имени государства.

Указанный аргумент представляется не вполне убедительным. Можно ли однозначно сказать, что в процессе предъявления подозреваемый впервые знакомится с обвинением? Де-юро впервые, однако де-факто, как показал анализ 180 уголовных дел, проведённый автором настоящей статьи, «основа» обвинительного тезиса, то есть квалификация деяния обвиняемого, в 94 % уголовных дел, расследованных в форме предварительного следствия, идентична в протоколе задержания лица, в постановлении о возбуждении в отношении него уголовного дела, в описательно-мотивировочной части постановлений о производстве следственных действий, в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, а также в обвинительном заключении. Считаем, что данное обстоятельство в определённой степени демонстрирует заформализованность обвинительной деятельности. К тому же, как известно, полное и окончательное (не считая случаев дополнения и изменения) содержание обвинения (на момент окончания досудебного производства по уголовному делу) с обосновывающими его доказательствами изложено в обвинительном заключении, а не в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Учитывая, что предъявленное обвинение не является окончательным обвинительным приговором, а по существу концентрирует в себе обоснованное и доказанное в установленном законом порядке подозрение, возникает вполне резонный вопрос: принципиально ли сопряжение актов ознакомления и предъявления обвинения? По мнению автора статьи, совершенно непринципиально.

Так, постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого вполне может быть заменено на процессуальный документ, аналогичный уведомлению о подозрении, выносимый в процессе предварительного расследования в форме дознания. Представляется, что уведомление о подозрении, которое могло бы заменить постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого при расследовании уголовного дела в форме предварительного следствия, гораздо объективнее отражало бы сущность возникающих на данном этапе уголовно-процессуальных взаимоотношений между государством в лице уполномоченных органов и подозреваемым (обвиняемым). Е. В. Саюшкина и В. М. Калюжина, высказываясь о такой замене, подчёркивают, что постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого обладает большей процессуальной значимостью, нежели уведомление, а также акцентируют внимание на том, что основанием вынесения постановления служит достаточность доказательств, тогда как основание для уведомления – достаточность данных (которые могут иметь как процессуальный характер, будучи доказательствами, так и непроцессуальный), обосновывающих подозрение [4, с. 158–159]. Также авторами отмечается и то обстоятельство, что уведомление, в отличие от постановления, не содержит характеристики виновности лица в совершении преступления. Таким образом, указанными авторами делается вывод о несостоятельности предложений о замене постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого на уведомление о подозрении. Некоторые процессуалисты, в частности М. Ю. Колбеева, в данной норме видят скорее преимущество, чем недостаток, поскольку она позволила бы субъектам обвинительной деятельности наделить лицо соответствующим статусом подозреваемого как можно раньше (при получении достаточных данных, обосновывающих подозрение) [5, с. 67].

По мнению М. Ю. Колбеевой, данная норма в рамках реорганизации института привлечения лица в качестве обвиняемого предоставит подозреваемому на более раннем этапе расследования в полной мере защищаться от подозрения, что, на наш взгляд, существенно расширяет правообеспечительный аспект обвинительной деятельности.

В данной связи хотелось бы отметить, что автор отдаёт себе отчёт в том, что замена постановления в случае реорганизации всего института привлечения лица в качестве обвиняемого на уведомление требует детальной регламентации его содержания и условий вынесения с учётом имеющихся уголовно-процессуальных норм о постановлении.

Е. В. Саюшкина и В. М. Калюжная также делают вполне обоснованный вывод о том, что требуется единый порядок привлечения лица в качестве обвиняемого как для предварительного следствия, так и для дознания (исключение могут составлять только сокращённые формы производств по уголовным делам), с чем автор настоящей статьи соглашается, в частности, и потому, что это позволит унифицировать обвинительную деятельность для обеих форм предварительного расследования.

В пользу реорганизации исследуемого института по аналогии с дознанием приводят весьма значительный аргумент Б. Я. Гаврилов и А. В. Красильников. Так, процессуалистами отмечается, что практика расследования 5 миллионов уголовных дел в форме дознания, оконченных без предъявления обвинения и направленных в суд, при отсутствии жалоб осуждённых на нарушение их права на защиту от обвинения демонстрирует успешного самого подхода и также служит предпосылкой для реорганизации института привлечения лица в качестве обвиняемого при производстве по уголовному делу в форме предварительного следствия [6, с. 92].

Следует уточнить, что автор настоящей статьи считает необходимой реорганизацию действующего института привлечения лица в качестве обвиняемого, а не его полную ликвидацию. Вышесказанное раскрывает только частный вопрос реорганизации – процессуальное оформление. Требуется не просто замена постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого на уведомление, а самого акта привлечения на иной процессуальный акт, потенциально, – уведомление. По мнению автора, такие нововведения позволят перенести акт привлечения на момент вынесения обвинительного заключения (по аналогии с дознанием, когда лицо фактически становится обвиняемым в момент вынесения обвинительного акта или обвинительного постановления), что представляется более целесообразным.

Отметим, что по результатам социологического исследования, проведённого автором в июне-августе 2023 года, 91 % респондентов, а именно 410 опрошенных из 450 (в число которых вошли следователи – 150 человек из 67 регионов Российской Федерации, дознаватели – 150 человек из 67 регионов, руководители следственных органов – 80 человек из 52 регионов, начальники подразделений дознания – 70 человек из 52 регионов), согласились с целесообразностью замены акта привлечения лица в качестве обвиняемого на акт уведомления о подозрении. Ранжирование причин опрошенными продемонстрировало следующие результаты: 85 % опрошенных считают, что уведомление о подозрении позволило бы сэкономить время следователей; 71 % подчёркивает, что, кроме всего прочего, замена привлечения уведомлением уменьшает финансовую затратность производства по уголовному делу; 100 % (из согласившихся с целесообразностью замены) считают, что замена привлечения на уведомление никаким образом не ограничивает права подозреваемого (обвиняемого); а 85 % респондентов убеждены, что при качественной нормативной регламентации уведомления замена не ограничит имеющиеся возможности следователя, связанные с получением подозреваемым нового процессуального статуса.

Предлагаемые автором изменения могут быть проиллюстрированы и соответствующим положительным опытом стран постсоветского пространства, в которых уже произошла реорганизация исследуемого института. Так, А. Н. Ахпанов и А. Л. Хан констатируют, что в результате реформирования уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан был ликвидирован институт привлечения лица в качестве обвиняемого, что позволило вести речь о фактическом привлечении лица в качестве подозреваемого [7, с. 53]. Привлечение лица в качестве подозреваемого рассматривается автором настоящей статьи как потенциальная альтернатива действующему в российском уголовном процессе привлечению лица в качестве обвиняемого.

Согласно ст. 65 УПК Республики Казахстан, обвиняемым признаётся лицо, в отношении которого прокурором: составлен обвинительный акт; утверждены постановление о применении приказного производства, протокол об уголовном проступке, протокол ускоренного досудебного расследования, протокол обвинения и принято решение о направлении уголовного дела в суд, а также лицо, досудебное расследование, в отношении которого окончено заключением процессуального соглашения[1]. Перечисленные процессуальные документы составляются (утверждаются) прокурором по результатам изучения материалов уголовного дела, направленного ему с отчётом о завершении досудебного расследования лица, его производившим. Данные изменения были неоднозначно восприняты в научном пространстве Республики Казахстан, и тем не менее необходимо отметить, что реорганизация исследуемого института в определённой степени ускорила процесс расследования, позволила оптимизировать непосредственно обвинительную деятельность, а кроме того, подготовила систему казахстанского уголовного судопроизводства к переходу на успешно функционирующую трёхзвенную модель расследования [9, с. 52].

В научной литературе описан положительный опыт реорганизации ликвидации института привлечения лица в качестве обвиняемого и в иных государствах, представляющих разные правовые семьи. Отдельно следует прокомментировать аргумент противников реорганизации и исключения действующего института привлечения, состоящий в том, что процессуальный статус обвиняемого гораздо объёмнее и предоставляет больше прав лицу, в отношении которого осуществляется обвинительная деятельность, а кроме того, внутренне расширяет его право на защиту. Сравнительно-правовой анализ процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого позволяет обнаружить, что существенных различий между ними не имеется, о чём также неоднократно высказывались процессуалисты Б. Я. Гаврилов, А. В. Красильников, М. Ю. Колбеева [3, с. 92–93; 7, с. 155–157]. Сравнение положений ст. 46 и 47 УПК РФ позволило заключить, что, хотя на первый взгляд у обвиняемого прав больше (количество пунктов), их анализ показывает, что часть из них представляет собой детальную конкретизацию отдельных прав, предоставленных всем лицам, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность, а другая часть может быть реализована только на тех этапах и стадиях процесса, в которых подозреваемый попросту не принимает участия.

Проведённое автором социологическое исследование в части, касающейся описанной проблемы, показало следующие результаты: 88 % респондентов указали, что не обнаруживают существенных различий между процессуальными статусами подозреваемого и обвиняемого; 10 % опрашиваемых считают, что имеющиеся различия принципиальны; 2 % респондентов затруднились ответить.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК [Электронный ресерс].URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231 (дата обращения: 10.05.2024 г.).

По мнению 91 % опрошенных, предусмотренный в УПК РФ порядок уведомления лица об имеющемся в его отношении подозрении позволил бы в полной мере реализовать право на защиту от обвинения в рамках досудебного производства по уголовному делу.

Особенно интересным представляется аргумент, по сей день используемый некоторыми процессуалистами для обоснования необходимости сохранения института привлечения лица в качестве обвиняемого в уголовно-процессуальном законе Российской Федерации, состоящий в том, что указанный институт был успешно внедрён в отечественный уголовный процесс по аналогии с так называемой «французской моделью» и за уже более 150 лет функционирования стал неотторгаемым.

Автором настоящей статьи был проведён ретроспективный анализ уголовно-процессуального законодательства Российского государства и тех его норм, которые в разные периоды регулировали обвинительную деятельность, и в частности, составляли исследуемый институт. Более подробно полученные результаты освещены автором в иных публикациях [10; 11]. Резюмируя, следует отметить, что нами не было выявлено каких-либо объективных закономерностей и так называемой «генетической связи», исторически обусловивших наличие в обвинительной деятельности в уголовном судопроизводстве России этапа привлечения лица в качестве обвиняемого. Ранее подобный вывод был исчерпывающе обоснован профессором Б. Я. Гавриловым, а также М. Ю. Колбеевой [8, с. 43–65; 3, с. 93].

Многие процессуалисты связывают появление института привлечения лица в качестве обвиняемого (в максимально приближенном к современному варианту виде) в российском уголовном процессе с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 года (далее – Устав). Тем не менее анализ норм Устава, регламентировавших обвинительную деятельность, позволил заключить, что привлечение лица в качестве обвиняемого осуществлялось прокурором лишь в момент предания обвиняемого суду. Указанному акту предшествовало вынесение прокурором специального процессуального документа – обвинительного акта, отражавшего полное содержание обвинения.

Возвращаясь к тезису о том, что институт привлечения лица в качестве обвиняемого является рудиментом в первую очередь конкретно обвинительной деятельности, следует отметить, что данная деятельность осуществляется уполномоченными субъектами с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица (или в случае возбуждения дела по факту совершения преступления – с момента получения лицом процессуального статуса подозреваемого) и завершается в суде (нередко в экстраординарных стадиях уголовного процесса).

Целью обвинительной деятельности выступает вменение общественно опасного деяния в вину лицу, объективно заподозренному в его совершении. Исходя из смысла текста норм УПК РФ, объективным подозрение может считаться лишь с того момента, когда следователем, дознавателем, прокурором по внутреннему убеждению имеющиеся данные и доказательства будут оценены как достаточные.

Обвинительный тезис, предъявленный лицу, остаётся по своей сущности подозрением до момента, пока не будет отражён в обвинительном приговоре суда. Суд, в свою очередь, не является субъектом обвинительной деятельности, а разрешает уголовное дело по существу. Сказанное приводит к выводу о том, что институт привлечения лица в качестве обвиняемого заформализовывает, необоснованно усложняет и удлиняет обвинительную деятельность, а значит и уголовное преследование, и в целом уголовное судопроизводство.

Таким образом, на сегодняшний день существует несколько основных вариантов реорганизации института привлечения лица в качестве обвиняемого, среди которых:

1) замена привлечения в качестве обвиняемого на привлечение в качестве подозреваемого, предъявления обвинения на уведомление о подозрении; перенос фактического привлечения в качестве обвиняемого на момент вынесения следователем обвинительного заключения;

2) в процессе осуществления обвинительной деятельности в форме предварительного следствия – перенос момента привлечения лица в качестве обвиняемого на этап вынесения обвинительного заключения, в форме дознания – без изменений;

3) передача полномочий по привлечению лица в качестве обвиняемого прокурору, перенос акта привлечения на момент утверждения прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления), направленных ему с материалами уголовного дела.

---

1. Ахпанов А. Н., Хан А. Л. Предание прокурором суду обвиняемого и его статус в парадигме равноправия сторон // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2022. № 1(68). С. 51–57.
2. Гаврилов Б. Я. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: соответствует ли он реалиям сегодняшнего дня? // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4(68). С. 88–96.
3. Гаврилов Б. Я., Красильников А. В. Институт привлечения лица, в качестве обвиняемого: соответствует ли он реалиям сегодняшнего дня? // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4(68). С. 88–96.
4. Гаврилов Б. Я., Красильников А. В. Предъявление обвинения в досудебном производстве: есть ли основания к его реорганизации? // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4(44). С. 51–56.
5. Егоров С. Е. Материалы круглого стола «Предъявление обвинения: современное состояние и проблемы правоприменения» (Академия управления МВД России) // Юридический консультант. 2010. № 3. С. 9–16.
6. Колбеева М. Ю. Альтернативы институту привлечения в качестве обвиняемого в российском и зарубежном процессуальном законодательстве // Наука и практика. 2015. № 3(64). С. 66–68.
7. Колбеева М. Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. 222 с.
8. Малахова А. Е. История развития законодательства об обвинительной деятельности в уголовном процессе Российского государства // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2023. № 3(60). С. 111–117.
9. Малахова А. Е. Нормативное регулирование обвинительной деятельности по российскому уголовно-процессуальному законодательству XX века // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы XI международной научно-практической конференции, Севастополь, 27 апреля 2023 года. Севастополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. С. 76–79.
10. Прокопова А. А. Признание лица подозреваемым и определение квалификации его деяния: сущность и значение в уголовном процессе Казахстана // Вестник Национального института бизнеса. № 4 (48). 2022. С. 46–53.
11. Саюшкина Е. В. Нужен ли уголовному российскому процессу институт привлечения в качестве обвиняемого? // Право и государство: теория и практика. 2020. № 8(188). С. 156–160.

1. Axpanov A. N., Xan A. L. Predanie prokurorom sudu obvinyaemogo i ego status v paradigme ravnopraviya storon // Vestnik Instituta zakonodatel`stva i pravovoj informacii Respubliki Kazaxstan. 2022. № 1(68). S. 51–57.
2. Gavrilov B. Ya. Institut privlecheniya licza v kachestve obvinyaemogo: sootvetstvuet li on realiyam segodnyashnego dnya? // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2023. № 4(68). S. 88–96.
3. Gavrilov B. Ya., Krasil`nikov A. V. Institut privlecheniya licza v kachestve obvinyaemogo: sootvetstvuet li on realiyam segodnyashnego dnya? // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2023. № 4(68). S. 88–96.
4. Gavrilov B. Ya., Krasil`nikov A. V. Pred``yavlenie obvineniya v dosudebnom proizvodstve: est` li osnovaniya k ego reorganizacii? // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 4(44). S. 51–56.
5. Egorov S. E. Materialy` kruglogo stola «Pred``yavlenie obvineniya: sovremennoe sostoyanie i problemy` pravoprimeneniya» (Akademiya upravleniya MVD Rossii) // Yuridicheskij konsul`tant. 2010. № 3. S. 9–16.
6. Kolbeeva M. Yu. Al`ternativy` institutu privlecheniya v kachestve obvinyaemogo v rossijskom i zarubezhnom processual`nom zakonodatel`stve // Nauka i praktika. 2015. № 3(64). S. 66–68.
7. Kolbeeva M. Yu. Institut privlecheniya licza v kachestve obvinyaemogo v usloviyax reformirovaniya ugolovno-processual`nogo zakonodatel`stva: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2013. 222 s.
8. Malaxova A. E. Istoriya razvitiya zakonodatel`stva ob obvinitel`noj deyatel`nosti v ugolovnom processe Rossijskogo gosudarstva // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoj akademii. 2023. № 3(60). S. 111–117.
9. Malaxova A. E. Normativnoe regulirovanie obvinitel`noj deyatel`nosti po rossijskomu ugolovno-processual`nomu zakonodatel`stvu XX veka // Ugolovnoe proizvodstvo: processual`naya teoriya i kriminalisticheskaya praktika: materialy` XI mezhdunarodnoĭ nauchno-prakticheskoĭ konferencii, Sevastopol`, 27 aprelya 2023 goda. Sevastopol`: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu «Izdatel`stvo Tipografiya «Arial», 2023. S. 76–79.
10. Prokopova A. A. Priznanie licza podozrevaemy`m i opredelenie kvalifikacii ego deyaniya: sushhnost` i znachenie v ugolovnom processe Kazaxstana // Vestnik Nacional`nogo instituta biznesa. № 4 (48). 2022. S. 46–53.
11. Sayushkina E. V. Nuzhen li ugolovnomu rossijskomu processu institut privlecheniya v kachestve obvinyaemogo? // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2020. № 8(188). S. 156–160.

Информация об авторе

Ангелина Евгеньевна Малахова. Адъюнкт.
Академия управления МВД России.
125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Information about the author

Angelina Ev. Malakhova. Adjunct.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125171, Russia, Moscow, Zoya and Aleksandr Kosmodemyanskikh st., 8.

Статья поступила в редакцию 23.08.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted August 23, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 343.13

СРОКИ РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Муравьев Кирилл Владимирович[1], Абрамова Любовь Леонидовна[2], Олейник Виталий Васильевич[3]

[1]Академия управления МВД России, Москва, Россия
[2]Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия
[3]Российский государственный университет правосудия, Дальневосточный филиал, Хабаровск, Россия

[1]murki@list.ru
[2]luba11177@mail.ru
[3]vitalyaol15@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию различных злоупотреблений, связанных с временными границами деятельности по рассмотрению сообщений о преступлениях. На основе изучения действующей правовой регламентации, научных позиций и практики правоприменения авторы обобщают типичные нарушения в данной области, выделяют пробелы уголовно-процессуального регулирования, предлагают решение проблем путём внесения изменений в закон.

Ключевые слова: процессуальные сроки, возбуждение уголовного дела, разумный срок уголовного судопроизводства, проверка сообщения о преступлении, предварительное расследование.

Для цитирования: Муравьев К. В., Абрамова Л. Л., Олейник В. В. Сроки рассмотрения сообщений о преступлениях: проблемы регламентации и правоприменения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 196–206.

DEADLINES FOR REVIEWING REPORTS OF CRIMES: PROBLEMS OF REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

Kirill V. Muraviov[1], Lyubov L. Abramova[2], Vitaliy V. Oleinic[3]

[1]Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
[2]Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia
[3]Russian State University of Justice, Far Eastern branch, Khabarovsk, Russia

[1]murki@list.ru
[2]luba11177@mail.ru
[3]vitalyaol15@gmail.com

Annotation. The article is devoted to the study of various abuses related to the time limits of crime reporting activities. Based on the study of the current legal regulation, scientific positions and law enforcement practice, the author summarizes typical violations in this area, highlights gaps in criminal procedure regulation, and offers his own solution to problems by amending the law.

Keywords: procedural deadlines, initiation of a criminal case, reasonable period of criminal proceedings, verification of the crime report, preliminary investigation.

For citation: Muraviov K. V., Abramova L. L., Oleinic V. V. Deadlines for reviewing reports of crimes: problems of regulation and law enforcement // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 196–206.

Сроки пронизывают практически все институты уголовно-процессуального права – начиная от этапа проверки заявления о преступлении и заканчивая обращением приговора к исполнению, производствами в исключительных стадиях.

Соблюдение установленных законом временных границ в уголовном судопроизводстве имеет важное значение как для обеспечения интересов органов предварительного расследования, так и для охраны прав участников процесса. Нарушение в данной сфере может повлечь наступление санкции ничтожности – признание принятых за рамками сроков решений недействительными, а также привлечение к установленной законом ответственности должностных лиц [1, с. 34].

Актуальность исследования вопросов, связанных с временными границами предварительной проверки сообщений о преступлениях, не вызывает сомнений. С каждым годом число зарегистрированных противозаконных фактов неуклонно растёт. На практике большинство злоупотреблений касается именно пределов производства предварительной проверки. Указанное приводит к ущемлению прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, а также лиц, в отношении которых решается вопрос о возбуждении уголовного дела.

Современная нормативная регламентация уголовно-процессуальных сроков рассмотрения сообщений о преступлениях (решение должно быть принято в срок не позднее 3 суток со дня поступления соответствующей информации с возможностью продления до 10 и до 30 суток) представляет собой результат длительного исторического процесса. Формирование данного правового института происходило на различных этапах его развития. Анализ эволюции показывает, что институт сроков проверки сообщений о преступлениях появился в отечественном законодательстве с принятием УПК РСФСР 1960 года, после чего наблюдалась тенденция к расширению его пределов до 30 суток. Это было вызвано рядом объективных причин, обусловленных, прежде всего, потребностями практики.

Проведённый комплексный анализ норм УПК РФ и Инструкции, утверждённой Приказом МВД России от 29.08.2014 № 736[1], позволяет выделить ряд общих условий, при которых допускается продление сроков предварительной проверки. К таковым, по нашему мнению, можно отнести:

1. Наличие фактических оснований: при продлении срока рассмотрения сообщения о преступлении до 10 суток основания напрямую в тексте закона не уточняются, разработчики нормы в общем виде обязывают правоприменителя мотивировать ходатайство. Но это не значит, что дозволение о возможности продления срока предварительной проверки не должно обеспечиваться фактическими основаниями. Категория «фактические основания» подробно разработана профессором В. В. Кальницким в контексте принятия решений о производстве следственных действий и представляет собой совокупность положенных в его основу сведений [2, с. 48–53]. Методологически данный подход применим и к основаниям продления срока проверки. При этом специфика обсуждаемого решения указывает на такую

[1] Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Рос. Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

совокупность сведений, объём которой не позволяет сделать вывод о наличии в деянии признаков преступления и, соответственно, требует проведения дополнительных проверочных действий.

Основания для увеличения срока предварительной проверки до 30 суток законотворцем подвергнуты более тщательному описанию и предполагают необходимость проведения документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-разыскных мероприятий. Но приведённый исчерпывающий перечень при буквальном его толковании не разрешает обосновывать продление необходимостью получения, например объяснений от очевидцев. Как поступать при возникновении такой потребности, остаётся вопросом.

2. *Надлежащие субъекты, уполномоченные на возбуждение ходатайства и продление сроков проверки:* в ч. 1 и ч. 3 ст. 144 УПК РФ зафиксирован перечень субъектов, к которым отнесены дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, начальник органа дознания, прокурор. Ведомственная Инструкция более унифицированно подошла к данному вопросу, используя разные формулировки, многократно упоминая по тексту о руководителе, поручившем проверку; о сотруднике органов внутренних дел, которому поручена проверка; о руководителе, установившем срок проверки; о должностных лицах, продливших срок проверки. Более того, пункт 40 Инструкции называет конкретные должности лиц органа дознания, полномочных поручать проведение проверки, а именно: руководителя (начальника) территориального органа МВД России, его заместителя или заместителя начальника полиции либо начальника управления (отдела, отделения, пункта) полиции или его заместителя, начальника линейного отдела (отделения, пункта) полиции или его заместителя либо лиц, их замещающих, а также руководителя органа предварительного следствия территориального органа МВД России, осуществляющего соответствующие процессуальные полномочия руководителя следственного органа, либо его заместителя[1]. Следует заметить, что терминология, касающаяся субъектов, в частности органа дознания, в уголовно-процессуальном законе и ведомственных актах существенно отличается, что объясняется особым противоречивым статусом данного субъекта. Основная причина неопределённости ряда положений закона, регламентирующих статус органа дознания, кроется в истории развития советской и постсоветской государственности. Ввиду целого ряда факторов в России постепенно сформировалась достаточно уникальная, существенно отличающаяся от зарубежных аналогов национальная модель досудебного производства, предполагающая переход классических судебно-следственных полномочий, введение правоохранительных органов полицейского типа, в том числе передачу части таких полномочий органам дознания [3, с. 192; 4, с. 22; 5, с. 127; 6, с. 103].

3. *Соблюдение определённой процедуры, устанавливающей пределы проверки и порядка оформления решения:* границы предварительной проверки берут отсчёт с момента поступления информации, предполагающего его дальнейшую регистрацию в Книге учёта заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (далее – КУСП) и заканчиваются принятием итогового решения стадии возбуждения уголовного дела.

Нужно отметить, что в ч. 1 и ч. 3 ст. 144 УПК РФ лаконично описывается технология продления срока через заявление ходатайства сотрудником, которому поручено проведение проверки. Указанное ходатайство подлежит рассмотрению

[1] Там же.

компетентным должностным лицом, устанавливающим соответствующие временные рамки проверки в пределах компетенции.

При детальном анализе Инструкции целесообразно выделить несколько ключевых аспектов, касающихся манипуляций по установлению временных пределов проверки, знаменующих частные случаи и определяющих особые условия в данном направлении.

Так, в пункте 14.1. Инструкции указывается на то, что сотрудник органов внутренних дел, принявший заявление (вне здания территориального органа), обязан *незамедлительно* передать информацию о содержании заявления в дежурную часть *по телефону, электронной почте или с помощью других доступных средств связи*. Если такой возможности нет, то информация передаётся по прибытии сотрудника в территориальный орган МВД России. При этом указанный сотрудник обязан принять меры к *незамедлительной* передаче сообщения в дежурную часть (п. 15). Регистрация в КУСП заявлений и сообщений осуществляется независимо от территории оперативного обслуживания *незамедлительно и круглосуточно* в дежурных частях (п. 23). В КУСП отражаются среди прочих сведения *о дате, времени* поступления заявления (п. 24). Пункт 39 Инструкции акцентирует внимание на том, что после регистрации сообщений оперативный дежурный принимает меры *неотложного реагирования.* Процесс поручения проверки определённому сотруднику осуществляется через *учинение специальной надписи (резолюции)* на документе, фиксирующем повод для возбуждения уголовного дела, руководителем территориального органа (п. 41). Передача заявления исполнителю для разрешения осуществляется оперативным дежурным *незамедлительно под роспись в КУСП с фиксацией времени, даты передачи* и фамилии исполнителя (п. 42). Несложно заметить, что большинство изложенных положений Инструкции направлено на обеспечение максимальной быстроты, неотложности, эффективности уголовного судопроизводства.

Переходя к исследованию юридической формы решения о продлении проверки сообщения, следует отметить, что правильность и точность оформления документов уголовно-процессуальной деятельности служат важной гарантией соблюдения прав и свобод граждан, вовлечённых в сферу уголовного процесса. Этими актами фиксируются в письменной форме процессуально значимые действия и решения. Большинство их детально регламентировано законом как в части процедуры их производства, так и порядка оформления в соответствующем письменном акте. Однако определённая часть решений, имеющих ключевое значение для дела, такой регламентацией не охвачена. Некоторые постановления либо только упомянуты в законе без раскрытия процедуры их вынесения, либо вовсе лишены внимания законодателя, а требования к их составлению выработаны практикой [7, с. 78]. Каких-либо требований к оформлению рассматриваемого решения закон не предъявляет. Как уже было указано, продление срока проверки должно фиксироваться документально путём составления от имени лица, которому поручена проверка «мотивированного ходатайства». Его удовлетворение или отказ совершается полномочным субъектом путём проставления на ходатайстве в правом верхнем углу «резолюции» о продлении с указанием конкретных сроков. При этом, очевидно, что термин «ходатайство» в данном случае используется условно, поскольку системный анализ ст. 7 УПК РФ требует оформления решений властных субъектов в виде постановлений, которые должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Причём законность распространяется на действия должностного лица, на сам процесс принятия решения, а также и на процессуальный документ, отражающий результат данного решения. Отсюда следует, что постановление должно быть законным и по форме, и по содержанию. Повторимся: выносится оно уполномоченным субъектом при наличии предусмотренных законом оснований. Наименование документа, выработанное

правоприменительной практикой, звучит как постановление о возбуждении перед начальником органа дознания (руководителем следственного органа, прокурором) ходатайства о продлении срока проверки сообщения о преступлении.

Учитывая сложившуюся общность структуры и содержания постановлений, по-прежнему не утратила актуальности описанная в юридической литературе трёхзвенная (трёхчастная) структура постановлений, принятая за правило многие десятки лет назад [8, с. 117–119]. Различная ведомственная подчинённость субъектов принятия анализируемого решения и закреплённые в УПК РФ общие требования к содержанию постановлений не искоренили основные подходы в юридической технике и стилю их изложения.

Не будем подробно останавливаться на вводной и резолютивной частях. При этом некоторое внимание следует уделить описательно-мотивировочной, где подробно излагаются: краткое описание событие преступления (фабула) и его предварительная квалификация; данные о предшествующих решениях в случаях, когда это имеет значение для исчисления сроков (например, когда неоднократно по материалам принималось решение о передаче сообщения по подследственности, об отказе в возбуждении уголовного дела и его отмене); установленные фактические обстоятельства, которые описываются со ссылкой на результаты выполненных проверочных действий по сообщению о преступлении, находящемуся на рассмотрении у следователя или дознавателя (сотрудника органа дознания); аргументация, доводы и мотивы, которыми руководствуется лицо при принятии решения о продлении; обосновываются необходимость и требуемый срок продления, перечисляются процессуальные действия, которые следует выполнить; делается заключение о невозможности проведения требуемых проверочных действий в пределах общего срока проверки; ссылка на процессуальный закон, подлежащий применению (ч. 3 ст. 144 УПК РФ).

Таким образом, исходя из проведённого анализа, в самом общем виде под сроками предварительной проверки сообщений о преступлениях можно понимать установленные уголовно-процессуальным законом, гарантирующие быстроту судопроизводства временные периоды, исчисляемые сутками (до 3, 10, 30) начиная с момента официальной регистрации сообщения о преступлении и заканчивая одновременно с принятием итогового процессуального решения о наличии или отсутствии фактических оснований для возбуждения уголовного дела.

В качестве общих условий, при которых допускается принятие решения о продлении сроков предварительной проверки, могут быть выделены: *1) наличие оснований; 2) надлежащие субъекты, уполномоченные на возбуждение ходатайства и на продление сроков проверки; 3) соблюдение определённой процедуры, устанавливающей пределы проверки и порядок оформления решения.*

Подчёркивая важность рассматриваемого процессуального инструмента, рассмотрим ряд проблем практического характера в данной области.

Сложности, связанные с объективной невозможностью принятия итогового решения в срок до 30 суток.

Несмотря на тенденцию к сокращению количества зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений, их количество продолжает оставаться высоким (в 2023 году зарегистрировано 1 947,2 тыс. преступлений, рост отмечен в 40 субъектах Российской Федерации, снижение – в 45)[1]. Наряду с этим происходит многократное увеличение количества процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом более чем в 30 % случаев одновременно с принятием решения об отказе в возбуждении дела уполномоченные органы

[1] Сведения ГИАЦ МВД России о состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/ (дата обращения: 12.10.2024).

ходатайствуют перед прокурором об отмене своего решения как незаконного или необоснованного. Обратим внимание и на то, что с 2007 года у прокурора отсутствует полномочие возбуждать уголовное дело при выявлении признаков преступления. Ежегодно в России прокуроры признают незаконными и необоснованными решения в возбуждении уголовного дела, а также отменяют свыше 20 % решений об отказе в возбуждении дела, после чего осуществляется дополнительная проверочная деятельность, по абсолютному большинству повторно формируются «отказные материалы». Объёмы уголовно-процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела постепенно приобрели характер полноценного предварительного расследования [9, с. 61–67]. «Перемещение» значительной части процессуальной деятельности на этап рассмотрения сообщений о преступлениях произошло по причинам закрепления в УПК РФ жёстких требований института реабилитации, предполагающих возникновение права на неё, а также на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, даже у подозреваемого, к которому не применялись меры принудительного воздействия, что «вынуждает» правоприменителей осуществлять «скрытое» уголовное преследование «заподозренного» лица на этапе возбуждения уголовного дела. Чрезмерная дифференциация процедур возбуждения уголовного дела (в отношении лиц, пользующихся служебным иммунитетом; о налоговых преступлениях; по преступлениям в сфере предпринимательства и т. п.) предполагает установление точной первоначальной квалификации содеянного, что также указывает на необходимость проведения объёмного «предрасследования» [10, с. 124–127]. Совершенствование криминальных схем и способов совершения преступлений, появление новых «теневых» технологий заставляют лицо, рассматривающее информацию об общественно опасном деянии, полно и всесторонне исследовать фактические обстоятельства. Особенно актуальным является вопрос разрешения сообщений об экономических преступлениях. Поэтому в ряде случаев даже 30-суточный срок не позволяет провести полноценную предварительную проверку.

Решением проблемы могло бы явиться дополнение ч. 3 ст. 144 УПК РФ положением о том, что «в исключительных случаях, когда возникает необходимость проведения дополнительных проверочных действий, направленных на установление достаточных оснований для принятия решения в соответствии со ст. 145 УПК РФ, срок проверки сообщения может быть продлён прокурором на срок более 30 суток по мотивированному ходатайству следователя либо дознавателя с обязательным уведомлением заинтересованных лиц». Указанное позволило бы избежать принятия необоснованных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, обеспечить соблюдение прав пострадавших от преступлений.

Исчисление сроков при передаче сообщений по подследственности.

Согласно общему правилу, срок проверки сообщения о преступлении исчисляется с момента регистрации сообщения и заканчивается принятием итогового решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом. Но решение о передаче сообщения по подследственности к итоговым не относится. При поступлении таких материалов в другой орган сообщение вновь проходит регистрацию и период проверки начинает исчисляться заново.

Одним из способов затягивания сроков является неоднократная передача сообщения о преступлении по подследственности. Подобные действия, например, описаны в решении суда Правобережного районного суда г. Магнитогорска[1]. Из его содержания следует, что материал проверки направлялся по признаку территориальной подследственности и регистрировался семь раз.

[1] Обобщение об обжаловании действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, в порядке ст. 125 УПК РФ [Электронный ресурс]. URL: http://magprav.chel.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=538 (дата обращения: 07.10.2024).

Данный вопрос являлся также предметом дискуссии в апелляционном постановлении Ставропольского краевого суда[1]. Так, гражданин К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 296 УК РФ. Осуждённый ссылался на то, что в деле имеются нарушения сроков проверки сообщения о преступлении, допускалось их искусственное продление. Уголовное дело возбуждено спустя два месяца после регистрации рапорта об обнаружении признаков преступления в КУСПе. Однако К. не учёл того, что после регистрации сообщение о преступлении на основании постановления начальника органа дознания передано по подследственности в следственный отдел по г. Пятигорску Следственного управления СК РФ по Ставропольскому краю, где было перерегистрировано. Указанное определило исчисление нового срока проверки сообщения о преступлении. Исходя из этого, суд опроверг доводы К. в части нарушения сроков, апелляционная жалоба была оставлена без удовлетворения.

Таким образом, в обеих ситуациях нужно констатировать, что формально должностными лицами уголовно-процессуальные требования нарушены не были, поскольку алгоритм действий сотрудников в этой части в федеральном законодательстве нормативно не закреплён. Устранением проблемы могли бы послужить изменения, разрешающие данный вопрос.

Другой способ нивелирования срока предварительной проверки связан с первоначальной регистрацией сообщения «как происшествия» с последующей перерегистрацией как «преступление».

Для наглядности приведём примеры. На рассмотрении оперуполномоченного ОУР ОМВД России по Мотыгинскому району Красноярского края находился материал проверки по заявлению гражданки Н.[2], которая просила установить местонахождение её супруга. Проверка показала, что супруг заявителя был остановлен сотрудниками ГИБДД и впоследствии привлечён к административной ответственности. По данному факту проведена полноценная проверка, получены объяснения, истребованы сведения ГИБДД, материалы об административном правонарушении.

Согласно другому примеру, в своём объяснении заявитель утверждала, что полицейским необходимо провести проверку законности деятельности такси, а также установленный тариф по перевозке пассажиров, наличие специального разрешения. По результатам рассмотрения указанных сообщений принято решение приобщить материалы к специальному номенклатурному делу в соответствии с п. 68 приказа МВД России № 736 в связи с тем, что они не подпадают под признаки какого-либо преступления или административного правонарушения[3].

Приведённые примеры указывают на безосновательность отвлечения сотрудников органа дознания от выполнения основных обязанностей. Полагаем, что механизм работы по сообщениям о происшествиях, изначально не содержащих признаков преступления, должен быть максимально упрощённым и не требовать проведения полной проверки уголовно-процессуальными субъектами, оформления мотивированных документов. В таких случаях можно ограничиться отметками в журнале регистрации о списании в специальное номенклатурное дело.

---

[1] Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда № 22-936/2019 от 20 марта 2019 г. по делу № 22-936/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/8bTE0cXanIYK/ (дата обращения: 03.10.2024)

[2] Архив ОМВД России по Мотыгинскому району Красноярского края // материал проверки КУСП № 1446 от 14 августа 2023.

[3] Архив ОМВД России по Мотыгинскому району Красноярского края // материал проверки КУСП № 1324 от 27 июля 2023.

Опишем более детально действующий в ОВД алгоритм работы сотрудников при поступлении информации о *происшествиях.*

Первоначально поступающие в дежурную часть сведения оцениваются оперативным дежурным как сообщение о происшествии с регистрацией в КУСПе и последующим наложением резолюции начальника «о проведении проверки в порядке приказа МВД России № 736». Причем в случае установления по результатам проверки заявления (сообщения) *об административном правонарушении, о происшествии* обстоятельств, указывающих на признаки преступления, исполнитель обязан незамедлительно подготовить рапорт об обнаружении признаков преступления для доклада руководителю территориального органа и повторной регистрации, но уже в качестве сообщения *о преступлении* (п. 47). Следовательно, с этого момента начинает исчисляться новый срок его рассмотрения.

Немаловажно заметить, что если по одному и тому же преступлению, административному правонарушению, происшествию поступили два и более заявления (сообщения), то в случае подтверждения в результате проверки этого факта все заявления и сообщения после регистрации по решению руководителя территориального органа приобщаются к первому зарегистрированному заявлению, о чём делается отметка в КУСП и уведомляется заявитель (п. 48).

Согласно п. 63 Инструкции, по результатам рассмотрения заявлений и сообщений о происшествиях руководителем (начальником) территориального органа МВД России в случае неустановления признаков преступления принимается одно из следующих решений:

– о передаче заявления (сообщения) о происшествии и материалов его проверки на рассмотрение государственного органа, органа местного самоуправления, организации или должностного лица, к компетенции которых относится решение соответствующих вопросов, по подведомственности;

– о передаче заявления (сообщения) о происшествии и материалов его проверки в иной территориальный орган МВД России, на территории обслуживания которого произошло происшествие, разрешение которого отнесено к компетенции органов внутренних дел;

– о приобщении заявления (сообщения) о происшествии и материалов его проверки к материалам номенклатурного дела, прилагаемого к КУСП;

– о приобщении заявления о происшествии к разыскному делу;

– о передаче заявления о происшествии в подразделение делопроизводства для регистрации, учёта и рассмотрения в соответствии с нормативными правовыми актами, регламентирующими работу с обращениями граждан;

– о составлении рапорта исполнителем (лицом, проводившим проверку сообщения) на имя начальника органа дознания, которым в течение суток принимается решение о приобщении заявления (сообщения) о происшествии и материалов его проверки к номенклатурному делу, прилагаемому к КУСП.

Таким образом, надо констатировать, что в описанных обстоятельствах речь идёт о неких альтернативах решению об отказе в возбуждении уголовного дела или его непроцессуальных (организационных) разновидностях. Данные формы не находят своего отражения в уголовно-процессуальном законе, а предусмотрены Инструкцией.

Справедлив ли указанный метод правового регулирования, судить довольно сложно. С одной стороны, насыщение УПК РФ многочисленными техническими и процедурными нормами превращает его в подобие инструкции по делопроизводству [11, с. 43–50]. С другой же – ведомственная регламентация, позволяющая принимать организационные решения, в частности «о списании сообщения в специальное номенклатурное дело», позволяет камуфлировать уголовно-процессуальное решение, по форме и содержанию своему играющее роль того самого «первоначального фильтра». В этой связи полагаем, что упоминание о подобном решении должно найти

отражение в ч. 1 ст. 145 УПК РФ. Соответственно, закон должен содержать и правила исчисления сроков проверки сообщений.

Подводя итоги рассуждениям, следует заключить, что практика испытывает значительные сложности при определении надлежащих оснований, субъектов, процедур, правил исчисления сроков предварительной проверки сообщений о преступлениях. В ряде случаев обстоятельства конкретной ситуации не охватываются положениями ст. 144 УПК РФ, тем самым вырисовываются пробелы нормативного регулирования, влекущие, в том числе, обжалование действий и решений должностных лиц, привлечение их к дисциплинарной ответственности.

Мы не склонны ставить это в упрёк правоприменителю. Полагаем, что оптимизация положений уголовно-процессуального законодательства и создание законодателем эффективных инструментов реализации института сроков предварительной проверки могли бы способствовать не только увеличению раскрываемости преступлений данной категории, но и значительному снижению частоты обжалования действий сотрудников. Это, в свою очередь, в условиях существующего кадрового дефицита позволит избежать значительной нагрузки на следователей, дознавателей, сотрудников оперативных подразделений.

---

1. Артамонов А. Н., Седельников П. В. Исчисление срока при производстве по уголовному делу // Законодательство и практика. 2011. № 1(26). С. 34–35.
2. Кальницкий В. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве основания для производства следственных действий // Законодательство и практика. 2022. № 1(48). С. 48–53.
3. Муравьев К. В., Писарев А. В., Смирнова И. С., Супрун С. В. Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания системы МВД России. М.: ЦОКР МВД России, 2010. 136 с.
4. Есина А. С. Процессуальная компетенция органов дознания системы МВД России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 213 с.
5. Калачева А. В. Орган дознания: обособленное подразделение государственного аппарата или уголовно-процессуальный статус? // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. №1. С. 127–128.
6. Россинский С. Б. Орган дознания как объект уголовно-процессуального регулирования // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64). С. 101–108.
7. Абрамова Л. Л. Требования, предъявляемые к постановлениям органов предварительного расследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 3(54). С. 76–81.
8. Марфицин П. Г., Николаева Н. М. Письменность предварительного расследования: Учебное пособие. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2004. С. 117–119.
9. Муравьев К. В. Способы снижения процессуальной нагрузки, альтернативные декриминализации // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1(30). С. 61–67.
10. Абрамова Л. Л., Муравьев К. В. Фактические основания для начала предварительного расследования: монография. М.: Проспект, 2023. 168 с.
11. Россинский С. Б. О проникновении в уголовно-процессуальный кодекс правил следственного делопроизводства // Правда и Закон. 2022. № 3(21). С. 43–50.

1. Artamonov A. N., Sedel`nikov P. V. Ischislenie sroka pri proizvodstve po ugolovnomu delu // Zakonodatel`stvo i praktika. 2011. № 1(26). S. 34–35.

2. Kal`niczkij V. V. Ispol`zovanie rezul`tatov operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti v kachestve osnovaniya dlya proizvodstva sledstvenny`x dejstvij // Zakonodatel`stvo i praktika. 2022. № 1(48). S. 48–53.
3. Murav`ev K. V., Pisarev A. V., Smirnova I. S., Suprun S. V. Ugolovno-processual`naya deyatel`nost` organov doznaniya sistemy` MVD Rossii. M.: CzOKR MVD Rossii, 2010. 136 s.
4. Esina A. S. Processual`naya kompetenciya organov doznaniya sistemy` MVD Rossii: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2001. 213 s.
5. Kalacheva A. V. Organ doznaniya: obosoblennoe podrazdelenie gosudarstvennogo apparata ili ugolovno-processual`ny`j status? // Sudebnaya vlast` i ugolovny`j process. 2023. №1. S. 127–128.
6. Rossinskij S. B. Organ doznaniya kak ob``ekt ugolovno-processual`nogo regulirovaniya // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2022. № 4 (64). S. 101–108.
7. Abramova L. L. Trebovaniya, pred``yavlyaemy`e k postanovleniyam organov predvaritel`nogo rassledovaniya // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2020. № 3(54). S. 76–81.
8. Marficin P. G., Nikolaeva N. M. Pis`mennost` predvaritel`nogo rassledovaniya: Uchebnoe posobie. Krasnoyarsk: Sibirskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2004. S. 117–119.
9. Murav`ev K. V. Sposoby` snizheniya processual`noj nagruzki, al`ternativny`e dekriminalizacii // Vestnik Omskoj yuridicheskoj akademii. 2016. № 1(30). S. 61–67.
10. Abramova L. L., Murav`ev K. V. Fakticheskie osnovaniya dlya nachala predvaritel`nogo rassledovaniya: monografiya. M.: Prospekt, 2023. 168 s.
11. Rossinskij S. B. O proniknovenii v ugolovno-processual`ny`j kodeks pravil sledstvennogo deloproizvodstva // Pravda i Zakon. 2022. № 3(21). S. 43–50.

Информация об авторах

Кирилл Владимирович Муравьев. Начальник научно-исследовательского центра. Доктор юридических наук, доцент.
Академия управления МВД России.
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Любовь Леонидовна Абрамова. Начальник кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20.

Виталий Васильевич Олейник. Доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин. Кандидат юридических наук.
Российский государственный университет правосудия. Дальневосточный филиал.
680014, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, Восточное шоссе, д. 49.

Information about the authors

Kirill V. Muravyov. Head of the research center. Doctor of Law, Associate Professor.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125993, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8.

Lyubov L. Abramova. Head of the Department of Criminal Procedure. Candidate of Legal Sciences.
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
660131, Russia, Krasnoyarsk, Rokossovsky str., 20.

Vitaly V. Oleinik. Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines. Candidate of Legal Sciences.
Russian State University of Justice. Far Eastern branch.
680014, Russia, Khabarovsk region, Khabarovsk, Vostochnoe highway, 49.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 26.11.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted November 26, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК. 343.3/.7

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ БЕЗОПАСНОСТЬ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Подчерняев Александр Николаевич[1], Кодзов Теймураз Нашудинович[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия

[1]aleksmoscow@mail.ru
[2]mvd.kodzov@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы статистические показатели в сфере дорожного движения, демонстрирующие уровень аварийности и связанные с ним негативные последствия. Авторами аргументировано существенное значение дорожно-транспортной инфраструктуры, оказывающей влияние на функционирование всего государства. Обращено внимание на важную роль пассажирских и грузовых перевозок в решении актуальных стратегических задач реализации критически важных отраслевых объектов. Исследовано историческое развитие норм отечественного уголовного права, обеспечивающих безопасность движения и эксплуатацию автомобильного транспорта. Определены некоторые временные этапы реформирования уголовно-правовых дефиниций, устанавливающих ответственность за различные грубые, в т. ч. повторные нарушения правил дорожного движения. Причём учтены как соответствующие положения действующего УК РФ, так и УК РСФСР.

Ключевые слова: дорожное движение, происшествие, аварийность, уголовная ответственность, нарушение правил дорожного движения.

Для цитирования: Подчерняев А. Н., Кодзов Т. Н. Некоторые аспекты развития уголовно-правовых норм, обеспечивающих безопасность дорожного движения в современной России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 207–215.

SOME ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW RULES ENSURING ROAD SAFETY IN MODERN RUSSIA

Alexander N. Podchernyaev[1], Teymuraz N. Kodzov[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]North-Caucasion institute (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, Russia

[1]aleksmoscow@mail.ru
[2]mvd.kodzov@mail.ru

Annotation. The article analyzes statistical indicators in the field of road traffic, demonstrating the level of accidents and the negative consequences associated with them. The author argues the significant importance of road transport infrastructure for the

functioning of the entire state. Attention is drawn to the important role of passenger and freight transportation in solving urgent strategic tasks of implementing critically important industry facilities. The historical development of domestic criminal law norms ensuring the safety of traffic and operation of motor transport is studied. Some time stages of reforming criminal law definitions establishing liability for various gross, including repeated violations of traffic rules are determined. Moreover, both the relevant provisions of the current Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the RSFSR are taken into account.

Keywords: traffic, incident, accidents, criminal liability, violation of traffic rules.

For citation: Podchernyaev A. N., Kodzov T. N. Some aspects of the development of criminal law norms ensuring road safety in modern Russia // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 207–215.

Транспортная коммуникация вообще и дорожное сообщение в частности длительное время были и остаются важнейшим элементом всей хозяйственной инфраструктуры России. Действительно, сложно представить себе эффективное обеспечение товарообмена между хозяйствующими субъектами путём грузоперевозок [1, с. 45], а также широкое использование услуг пассажирских перевозок [2, с. 86] без автомобильного транспорта в нашей стране.

Ещё труднее переоценить стратегическое значение дорожно-транспортной инфраструктуры в реализации критически важных отраслевых объектов, в т. ч. в сфере военно-промышленного комплекса, обороны нашей страны, оперативного перемещения конкретных грузов и людей на территории, остро в них нуждающейся. Так, по автомобильным дорогам в нашей стране в год перевозят 8 135,2 млн человек[1]. При этом объём таких перевозок другими способами существенно ниже и составляет 111,007 млн железнодорожным, 1 059,3 млн воздушным, 8,611 млн внутренним водным и 4,515 млн морским транспортом.

Что касается грузоперевозок, то автомобильные дороги выступают лидером и здесь, ежегодно обеспечивая перевозку 5 490,5 млн тонн грузов[103], что существенно превышает объём аналогичных перевозок другими видами транспорта.

Например, железнодорожным транспортом доставляется в год 1 284,1 млн тонн грузов, воздушным – 1,5 млн тонн, внутренним водным – 110,3 млн тонн, морским – 23,2 млн тонн[103]. 57 млн км составляет официальная протяжённость автодорожного фонда общего пользования федерального значения в нашей стране[2]. Представленные показатели убедительно демонстрируют приоритетное значение автомобильного транспорта в экономике и жизнедеятельности нашей страны, что определяет важное значение в обеспечении дорожного движения как с точки зрения его эффективности, так и безопасности.

Дорожный фонд в нашей стране – это ценный ресурс, который позволяет функционировать и развиваться всему обществу. Однако автомобильные дороги, а также вовлечённые в их эксплуатацию транспортные средства и участники дорожного движения содержат и некоторые опасные риски. Верным представляется утверждение о том, что в основе любых правил безопасности общества, в т. ч. современного свода правил дорожного движения, лежит накопленный опыт ранних происшествий и их негативных последствий.

Залог безопасного функционирования дорожного движения состоит в выборе законодателем верных правил и в их соблюдении всеми участниками. Сводом таких

[1] Статистика Министерства транспорта Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https:// mintrans.gov.ru (дата обращения: 31.07.2024).
[2] Протяженность Федеральных дорог [Электронный ресурс]. URL: https:// map.rosavtodor.gov.ru (дата обращения: 31.07.2024).

предписаний являются Правила дорожного движения[1], установленные Правительством страны. Однако зачастую участники дорожного движения нарушают положения Правил, допускают опасные действия на проезжей части. Нередко такие нарушения влекут за собой негативные последствия, связанные с причинением вреда жизни и здоровью человека [3, с. 233]. Причём нарушают как лица, управляющие транспортными средствами, так и иные участники дорожного движения. Поэтому аварийность, смертность и травматизм на дорогах нашей страны являются объектом пристального контроля и мониторинга со стороны государственных органов, деятельность которых формирует предпосылки правильной реакции субъектов законодательной деятельности в выборе действенных механизмов обеспечения безопасности дорожного движения правовыми средствами.

Показатели дорожной аварийности и её негативных последствий за последние годы в целом демонстрируют снижение как относительно фактов дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), так и тяжести последствий в виде смертности и травматизма. Действительно, пять лет назад, в 2019 году, произошло 164 358 ДТП, в которых погибли 16 981 человек и получили ранения 209 877 пострадавших. В следующем за ним 2020 году количество ДТП снизилось до 145 073 происшествий, погибли 16 152 человек и получили ранения 183 040 пострадавших. Последующие 2021 и 2022 годы также показали укрепление данной тенденции снижения показателей: 133 331 ДТП с 167 856 погибшими и 183 040 ранеными в 2021 году, 126 705 ДТП с 14 172 погибшими и 159 635 ранеными.

Однако в прошлом 2023 году снижение сменилось ростом, а именно: 132 466 ДТП, в которых погибли 14 504 человека и получили ранения 166 500 пострадавших[2]. При этом заметим, что показатели аварийности и её негативных последствий за 2023 год, хотя и превысили показатели 2022 года, всё же остались ниже 2021 и более ранних годов[106]. Таким образом, представленные статистические сведения убедительно демонстрируют снижение всех показателей, связанных с аварийностью на дорогах до 2023 года, когда снижение оцениваемых параметров сменилось на рост. Сказанное означает, что актуальность обеспечения безопасности дорожного движения не только сохраняется, но и с учётом современных тенденций усиливается, а показатели аварийности в 2023 году требуют дальнейшего более глубоко анализа и принятия на основе его результатов решений.

Сегодня каждый из нас является участником дорожного движения в качестве водителя, пассажира, пешехода и т. д., что, собственно, и определяет потенциальные риски этой, как было отмечено, стратегически важной отрасли страны. Участники дорожного движения в определённой степени уязвимы к ДТП, несущим в себе не только материальные издержки, но и зачастую смертность и травматизм пострадавших.

Количество транспортных средств, зарегистрированных в России, насчитывает около 54 млн единиц[3], что демонстрирует высокий уровень автомобилизации. Значительная концентрация автотранспорта в городах, существующие риски смертности и травматизма на дорогах требуют внимательного отношения к обеспечению безопасного движения транспорта. Правила дорожного движения основной, но не единственный нормативный правовой акт, призванный обеспечить безопасность дорожного движения.

---

[1] О Правилах дорожного движения [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерациот 23 октября 1993 г. № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Показатели состояния безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]. URL: http://stat.gibdd.ru (дата обращения: 31.07.2024).

[3] В России насчитывается около 54 млн. единиц автомобильной техники [Электронный ресурс]. URL: https://www.autostat.ru (дата обращения: 31.07.2024).

Защита от наиболее тяжёлых последствий ДТП, грубых (повторных) нарушений правил дорожного движения реализуется путём запретов на совершение определённых общественно опасных деяний, установленных Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ)[1]. Такие противоправные деяния согласно Уголовному закон являются преступлениями. Определяя противоправность, А. Э. Жалинский выделяет такие юридически значимые аспекты, как наиболее полное фактическое отражение предметно проявляющихся признаков деяния, соотносящихся с мерами уголовно-правового воздействия, а также нормативно-правовая их оценка или характеристика, подкреплённые принципом достаточности нормативной конкретизации [4, с. 351]. В этой связи важно рассмотреть уголовно-правовые аспекты обеспечения безопасного движения и эксплуатации транспорта в нашей стране и, как следствие, жизнь и здоровье участников дорожного движения. Уголовное законодательство в данной сфере развивается, что связано с изменениями жизнедеятельности общества и государства. Формируя предпосылки к уголовно-правовому прогнозированию, нормотворческая деятельность, как считает В. Ф. Цепелев, определяет приоритеты уголовной политики [5, с. 43].

В рамках формирования и реализации уголовной политики законодательство, определяющее преступность и наказуемость деяний, развивается, дополняется новыми положениями, редактируется в части содержания существующих норм. Поэтому даже общий, без глубокого осмысления анализ генезиса уголовного законодательства в нашей стране представляет научный и в известной степени практический интерес.

Принципиально новым по содержанию стал УК РФ в 1996 году, который пришёл на смену Уголовному кодексу Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – УК РСФСР) 1960 года.

Так, например, произошли изменения в подходах к определению преступления, а также оснований (основания) уголовной ответственности [6, с. 43]. Однако и последующая 27-летняя история существования УК РФ демонстрирует динамичное развитие его положений с учётом складывающейся обстановки в государстве и обществе.

Представляется, что уголовное законодательство развивается последовательно в хронологическом порядке, однако это не совсем так. Существуют преступления, которые не являются безусловными новеллами, а являют собой опыт прошлых редакций Уголовного закона нашей страны. В этой связи целесообразно остановиться более подробно на актуальных статьях современного УК РФ, а также положениях предшествующего УК РСФСР, обеспечивающих защиту общественного порядка, в т. ч. отношений в сфере движения и эксплуатации транспорта.

Современное уголовное законодательство формулирует запрет на наиболее опасное противоправное деяние в рассматриваемой сфере, причиняющее тяжкий вред здоровью или смерть потерпевшему (потерпевшим), в ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств». Данное преступление демонстрирует приоритет защиты людей от тяжких последствий в результате ДТП по вине лица, управляющего транспортным средством, обеспечивая такую защиту уголовно-правовыми средствами. Конечно, данная норма достаточно продолжительное время представлена в отечественном законодательстве.

Однако содержание ст. 264 УК РФ не всегда было таким. Так, первая редакция данной статьи с момента принятия УК РФ в 1996 году содержала также указание на последствия в виде крупного ущерба, а также причинение средней тяжести вреда здоровью, помимо тяжкого вреда здоровью или смерти человека (двух и более лиц), на что обратил внимание Н. И. Исаев, который в целом критически оценил такие

[1] Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. Закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

изменения, признав ряд из них явно неаргументированным [7, с. 100]. При этом ст. 211 УК РСФСР и вовсе предусматривала общественно опасные последствия в виде менее тяжкого или лёгкого телесного повреждения либо причинение существенного материального ущерба. Прослеживается последовательное смягчение в Уголовном законе положений ст. 264 УК РФ, заключающееся в исключении в качестве общественно опасных последствий в 1998 году крупного ущерба[1], а в 2003 году вреда здоровью средней тяжести[2]. Данные изменения означают, что в настоящее время при причинении в результате ДТП по вине водителя вреда здоровью потерпевшему средней тяжести наступает административная ответственность. При причинении в тех же обстоятельствах крупного ущерба (на текущий момент свыше 250 тыс. руб.) виновник ДТП также не привлекается к уголовной ответственности. Интересно, что не сформирована практика применения в данном случае положений ст. 168 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества в крупном размере, совершённые путём неосторожного обращения с огнём или иными источниками повышенной опасности.

Начиная с 2019 года ужесточалась ответственность водителя, допустившего при управлении транспортным средством тяжкие последствия в отношении других водителей и участников дорожного движения (ст. 264 УК РФ). При этом были и новеллы, связанные с появлением в диспозициях статьи новых конструктивных признаков. Такие конструктивные изменения состава преступления произошли в 2009 году с выделением в ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ признака совершения преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения[3], и в 2019 году с включением в ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ признака оставления места ДТП[4]. Последующие поправки были внесены в Кодекс в 2022 году: в ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ включён признак совершения преступления лицом, не имеющим или лишённым права управления транспортными средствами[5]. Ранее, до 2003 года, УК РФ содержал норму об ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия (ст. 265 УК РФ), однако позднее такое общественно опасное деяние было декриминализировано, а в 2019 году включено в состав преступления по ст. 264 УК РФ как отягчающее обстоятельство. Возможны ситуации, когда водитель, допустивший ДТП, оставляя место происшествия, фактически бросает без помощи потерпевшего. В таком случае пострадавший, жизни или здоровью которого угрожает опасность, возникшая вследствие дорожно-транспортного происшествия, остаётся в беспомощном состоянии. При умышленном характере оставления в опасности потерпевшего в ДТП деяние виновника ДТП нуждается в дополнительной квалификации по ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности».

Современная уголовно-правовая норма об оставлении в опасности ранее имела свой прототип – ст. 127 УК РСФСР «Оставление в опасности», в соответствии

---

[1] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О внесении изменения в статью 264 Уголовного кодекса Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] О внесении изменений в статьи 264 и 264.1 Уголовного кодекса Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 23апреля 2019 г. № 65-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос. Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

с которой уголовной ответственности подлежали не только лица, которые должны были помогать потерпевшему в силу существующей обязанности или совершения действий, поставивших потерпевшего в жизненно опасное положение (опасность для здоровья в рассматриваемой норме не предусматривалась). Субъектом преступления «Оставление в опасности» следовало считать также лиц, хотя и не обязанных помогать потерпевшему, но имевших возможность без угрозы для себя и других лиц безотлагательно спасти его либо сообщить соответствующим лицам и организациям о такой потребности.

Представляет интерес и развитие уголовного закона, заключающееся в криминализацией повторных административных правонарушений. Вообще, такие нормы не единичны и касаются защиты интересов собственности, жизни и здоровья, конституционного строя и безопасности государства.

Подобный подход прослеживается также в позиции законодателя относительно повторных грубых нарушений правил дорожного движения, в т. ч. водителем, ранее привлечённым к определённым видам административной или уголовной ответственности.

Действительно, в 2014 году в УК РФ был введён новый состав преступления по ст. 264.1. «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость»[1] (согласно актуальной редакции), в соответствии с которой в настоящее время к уголовной ответственности привлекаются водители, допустившие управление транспортным средством в состоянии опьянения (а равно отказавшиеся от освидетельствования), которые уже подвергнуты за подобные нарушения административной ответственности или имеют судимость за совершение ДТП в состоянии опьянения (ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ). Интересно, что УК РСФСР ранее содержал подобную норму.

Так, в соответствии со ст. 211.1. «Управление транспортным средством в состоянии опьянения» к уголовной ответственности привлекались находящиеся в состоянии опьянения водители, совершившие данное нарушение повторно в течение года либо судимые по указанной уголовной статье. Такой запрет действовал до конца 1996 года, после чего в новом УК РФ был декриминализирован.

В 2021 году в УК РФ введена ст. 264.2. «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами»[2], в соответствии с которой к уголовной ответственности привлекаются водители, допустившие грубые нарушения правил дорожного движения, такие как превышение установленного порога скорости движения свыше 60 или свыше 80 километров в час (чч. 4, 5 ст. 12.9. Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ)[3], а равно выезд на встречную полосу движения (трамвайные пути), и подвергнутые ранее административной ответственности за повторное совершение одного из представленных выше правонарушений, а также имеющие судимость по указанной уголовной статье.

В 2022 году в УК РФ введена ст. 264.3. «Управление транспортным средством лицом, лишённым права управления транспортными средствами и подвергнутым

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос. Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос. Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2021 г. № 458-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федерал. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс».

административному наказанию или имеющим судимость»[1], в соответствии с которой к уголовной ответственности привлекаются водители, лишённые права управления транспортным средством, допустившие ранее управление транспортным средством, не имея на это прав, либо будучи лишёнными их (ч. 4 ст. 12.7. КоАП РФ), либо судимые по указанной уголовной статье.

В уголовном законодательстве к настоящему времени представлены уголовно-правовые механизмы воздействия на недобросовестных водителей, грубые, нередко неоднократные нарушения правил дорожного движения, со стороны которых создаются опасные предпосылки возникновения аварий на дорогах, а значит гибели и увечья как их самих, так и других участников дорожного движения. Пьянство за рулем, нежелание помочь пострадавшему, в т. ч. оставление места ДТП, наличие запрета на управление транспортным средством и другие нарушения верно определяются законодателем в качестве общественно опасных деяний и влекут как самостоятельную уголовную ответственность, так и служат отягчающим обстоятельством.

Одновременно, как представляется, такие изменения требуют формирования практики их дальнейшего применения (интеграции), разрешения проблемных ситуаций, толкования [8, с. 68]. При этом основополагающие запреты на совершение преступлений, посягающих на безопасность движения и эксплуатацию автомобильного транспорта, в т. ч. нарушения правил дорожного движения, влекущих тяжкие последствия, управление транспортным средством в состоянии опьянения, сформированы ранее в советском государстве и прошли определённый путь развития. Неизменным в целом остался и подход к оценке бездействия лица, в т. ч. водителя, связанного с оставлением в опасности потерпевшего. Причём, как отмечалось выше, оставление места дорожно-транспортного происшествия в качестве буквального уголовно-правового запрета существовало и раньше его введения в качестве квалифицирующего признака.

Уголовное законодательство претерпело ряд заметных изменений, касающихся защиты наиболее важных сфер жизнедеятельности государства. Генезис уголовно-правовых норм, обеспечивающих безопасность дорожного движения, логически связан с формированием концепции его дальнейшего развития, а также с последующей реализации уголовной политики государства в данной сфере.

Анализ показателей аварийности, смертности и травматизма, сопоставленный с нормотворческой деятельностью законодателя в уголовно-правовой сфере по борьбе с преступностью в сфере дорожного движения и эксплуатации транспорта, убедительно демонстрирует эффективность выбранной стратегии. Снижение негативных последствий на дорогах нашей страны связано с реализацией соответствующей уголовной политики, которая заключалась в своевременной оценке существующих рисков, появляющихся тенденций, в выработке нормотворческих решений, которые заключались в дополнении Уголовного закона актуальными запретами на совершение впервые, а также повторно наиболее грубых нарушений правил дорожного движения. Отметим также и предпосылки развития современного уголовного законодательства, сформированные в Кодексе прошлого времени, – УК РСФСР, который содержал взвешенную позицию, касающуюся запретов на совершение общественно опасных деяний в условиях того времени, многие из которых остаются или вновь становятся актуальными и сейчас.

---

1. Коблов П. С. К вопросу о совершенствовании ответственности за нарушение обязательных требований в области безопасности дорожного движения

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос. Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

грузоперевозчиками // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3(96). С. 44–52.
2. Литвинов А. В., Андреев П. Г. К вопросу безопасности перевозки пассажиров общественным транспортом // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 3(100). С. 85–92.
3. Сучков А. И. Особенности производства отдельных следственных действий при расследовании спровоцированных ДТП // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2 (95). С. 232–241.
4. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 400 с.
5. Цепелев В. Ф. Современное состояние российского уголовного законодательства и его влияние на разработку и реализацию уголовной политики // Российский следователь. 2019. № 7. С. 43–46.
6. Подчерняев А. Н. Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: анализ тенденций // Безопасность дорожного движения. 2023. № 4. С. 42–46.
7. Исаев Н. И. Уголовная ответственность за нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Научно-практическое пособие / под ред. проф. Н. Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2011. 192 с.
8. Кузнецов Д. Ю. Эволюция уголовно-правовой политики в контексте постановления конституционного суда российской федерации от 25.04.2018 № 17-П // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 1(78). С. 67–70.

1. Koblov P. S. K voprosu o sovershenstvovanii otvetstvennosti za narushenie obyazatel`ny`x trebovanij v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya gruzoperevozchikami // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 3(96). S. 44–52.
2. Litvinov A. V., Andreev P. G. K voprosu bezopasnosti perevozki passazhirov obshhestvenny`m transportom // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2024. № 3(100). S. 85–92.
3. Suchkov A. I. Osobennosti proizvodstva otdel`ny`x sledstvenny`x dejstvij pri rassledovanii sprovocirovanny`x DTP // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 2 (95). S. 232–241.
4. Zhalinskij A. E`. Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental`ny`j analiz. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2009. 400 s.
5. Cepelev V. F. Sovremennoe sostoyanie rossijskogo ugolovnogo zakonodatel`stva i ego vliyanie na razrabotku i realizaciyu ugolovnoj politiki // Rossijskij sledovatel`. 2019. № 7. S. 43–46.
6. Podchernyaev A. N. Ugolovnaya politika v sfere obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: analiz tendencij // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2023. № 4. S. 42–46.
7. Isaev N. I. Ugolovnaya otvetstvennost` za narushenie Pravil dorozhnogo dvizheniya i e`kspluatacii transportny`x sredstv. Nauchno-prakticheskoe posobie / pod red. prof. N. G. Kadnikova. M.: ID «Yurisprudenciya», 2011. 192 s.
8. Kuzneczov D. Yu. E`volyuciya ugolovno-pravovoj politiki v kontekste postanovleniya konstitucionnogo suda rossijskoj federacii ot 25.04.2018 № 17-P // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2019. № 1(78). S. 67–70.

Информация об авторах

Александр Николаевич Подчерняев. Начальник кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Теймураз Нашудинович Кодзов. Преподаватель кафедры огневой подготовки.

Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России.

360016, Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Мальбахова, д. 123.

Information about the authors

Alexander N. Podchernyaev. Chief in Criminal Law and Criminology. Candidate of Law, Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Orel, Ignatova st., 2.

Teymuraz N. Kodzov. Lecturer in the Department of Firearms Training.

North-Caucasion institute (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia.

360016, Russia, Kabardino-Balkar Republic, Nalchik, Malbakhova str, 123.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted October 14, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 343.98

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ

Сибилькова Анна Васильевна[1], Бадиков Дмитрий Алексеевич[2]
[1]Академия управления МВД России, Москва, Россия
[2]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

[1]anna.sibilkova@yandex.ru
[2]dibad008@yandex.ru

Аннотация. Актуальность настоящей темы обусловлена нехваткой и текучестью кадров в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России (далее – ЭКП) и связанными с этим длительностью сроков расследования уголовных дел за счёт длительных сроков производства судебных экспертиз; низким качеством производства осмотров мест происшествий, обусловленных невозможностью привлекать к каждому осмотру сотрудника ЭКП; экспертными ошибками. Целью исследования является разработка теоретически обоснованных предложений по совершенствованию организации кадрового обеспечения экспертно-криминалистических подразделений в системе МВД России.

Ключевые слова: экспертно-криминалистические подразделения, кадровое обеспечение, экспертно-криминалистическая деятельность, профессиональные компетенции, квалификационные требования.

Для цитирования: Сибилькова А. В., Бадиков Д. А. Усовершенствование кадрового обеспечения экспертно-криминалистических подразделений в системе МВД России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 216–225.

IMPROVING THE STAFFING OF FORENSIC UNITS IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Anna V. Sibilkova[1], Dmitry A. Badikov[2]
[1]Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
[2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]anna.sibilkova@yandex.ru
[2]dibad008@yandex.ru

Annotation. The relevance of this topic is due to the shortage and turnover of personnel in the forensic units of the Ministry of Internal Affairs of Russia (hereinafter referred to as the ECP), and the associated length of time for investigating criminal cases due to long periods of forensic examinations, poor quality of inspections of accident sites due to the inability to involve an ECP employee in each inspection, expert errors. The purpose of the study is to develop theoretically sound proposals for improving the organization of personnel support for forensic units in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: forensic units, staffing, forensic activities, professional competencies, qualification requirements.

For citation: Sibilkova A. V., Badikov D. A. Improving the staffing of forensic units in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 216–225.

Одной из важнейших форм реализации потенциала криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и профилактики преступлений являются судебные экспертизы, посредством которых может быть не только получена криминалистически значимая информация о преступнике и механизме преступления, но и создана доказательственная база по расследуемому уголовному делу [1, с. 176]. Судебные экспертизы проводятся только специально уполномоченными на это сотрудниками – судебными экспертами. От кадровой обеспеченности органов внутренних дел этими сотрудниками во многом зависит состояние криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности в территориальном органе.

По состоянию на 31 декабря 2023 года штатная численность экспертно-криминалистических подразделений системы МВД России составила более 17 тыс. человек, из них 15,9 тыс. – аттестованные сотрудники.

В ЭКП территориальных органов МВД России на районном уровне – 9,3 тыс. Служба укомплектована на 96,8 %. Основная часть сотрудников имеет значительный опыт работы – почти 60 % специалистов служат в органах внутренних дел более 10 лет. Более 96 % личного состава имеют высшее профессиональное образование. Наибольший некомплект личного состава отмечается в МВД по республикам Бурятия (6,8 %), Ингушетия (5,0 %), ГУ МВД России по Ставропольскому краю (5,1 %), Свердловской области (6,6 %), г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (8,8 %), УМВД России по Приморскому (7,5 %), Камчатскому (10,9 %) краям, Брянской (5,7 %), Магаданской (11,4 %), Оренбургской (4,9 %), Псковской (9,0 %), Тульской (5,4 %) областям, г. Севастополю (5,2 %)[1].

При совершенствовании деятельности по организации кадрового обеспечения экспертно-криминалистических подразделений в системе МВД России [2, с. 6] необходимо учитывать современные тенденции деятельности таких подразделений. Так, в настоящее время деятельность ЭКП осуществляется на фоне небольшого снижения числа зарегистрированных преступлений, продолжающегося несколько лет.

Необходимо отметить, что в целом динамика результатов работы ЭКП коррелирует с изменением уровня и структуры преступности. Наблюдается увеличение удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных (с 27,3 % в 2022 году до 30,3 % в 2023 году), по которым в наибольшей степени применяются криминалистические средства и методы. Так, число квартирных краж сократилось на 22,6 %, разбоев – на 21,7 % (в том числе с проникновением – на 14,4 %), убийств – на 3,2 %.

Наибольший рост в 2023 году прослеживается по преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. Так, в 2023 году зарегистрировано 677,0 тыс. таких преступлений, что на 29,7 % больше, чем за прошлый год. Кроме того, в 2023 году выявлена 191,0 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, что на 7,5 % больше, чем за прошлый год, и на 6,7 % больше зарегистрировано преступлений террористического характера (2 382), что также определяет необходимость проведения

[1] Обзор о результатах деятельности экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России за 2023 год. 19 с. (дата обращения: 17.09.2024).

соответствующих экспертиз. В 2023 году специалисты ЭКП приняли участие в проведении 2 млн 383 тыс. оперативно-разыскных мероприятий и производстве 2 млн 327 тыс. процессуальных действий, в том числе 884,4 тыс. осмотров мест происшествий, из которых 677,3 тыс. с изъятием следов (объектов). В ЭКП назначено 528,9 тыс. исследований и 1 млн 238 тыс. экспертиз. На фоне снижения количественных результатов в 2023 году отмечено повышение эффективности использования экспертно-криминалистических средств и методов в борьбе с преступностью. Так, уровень экспертного сопровождения расследования уголовных дел по кражам с проникновением возрос на 8,1 % (в том числе по квартирным кражам – на 4,3 %), разбоям – на 7,3 %, убийствам – на 9,7 %. Результативность экспертных исследований сохранялась на уровне 2022 года, более 40 % экспертиз способствовало установлению причастности конкретного лица к совершению преступлений, 70 % исследований – их выявлению и раскрытию. По направлению ДНК-анализа результативность экспертиз составила более 70 %, исследований – превысила 80 %[1].

При снижении общего числа назначенных экспертиз традиционных видов отмечается увеличение нагрузки по специальным видам экспертных исследований. В последние годы в территориальных органах интенсивно развиваются наиболее востребованные у правоохранительных органов направления исследований. Например, в 2019–2023 гг. число сотрудников ЭКП, наделённых правом самостоятельного производства лингвистических экспертиз, возросло на 38,1 %, фоноскопических – на 20,4 %, компьютерных – на 19,6 %, исследований методом ДНК-анализа – на 27,3 %, строительно-технических экспертиз – в два раза (с 69 до 138 сотрудников).

С 2018 года в практику органов внутренних дел активно внедряется производство психофизиологических и товароведческих экспертиз. С января 2018 года по октябрь 2023 года среднее количество видов экспертных исследований, производимых в каждом территориальном органе на региональном уровне, возросло с 32,8 до 36,4 (+ 11,0 %).

Следует отметить организацию работы ЭКП ГУ МВД Росси по Волгоградской области. Данное подразделение является первым и в настоящее время единственным из ЭКП территориальных органов на региональном уровне, достигшим 100 % уровня развития судебных экспертиз, производимых в системе МВД России.

Для развития наиболее востребованных направлений специальных видов экспертных исследований в прошедшем году в 32 территориальных органах выделены дополнительные штатные единицы: МВД по Республикам Бурятия, Ингушетия, Коми, Северная Осетия-Алания, Саха (Якутия), Татарстан, Карачаево-Черкесской, Удмуртской, ГУ МВД России по Алтайскому, Краснодарскому, Ставропольскому краям, Воронежской, Иркутской, Нижегородской, Свердловской, Челябинской областям, УМВД России по Камчатскому, Приморскому краям, Амурской, Астраханской, Брянской, Владимирской, Костромской, Курганской, Курской, Магаданской, Мурманской, Новгородской, Тамбовской, Тюменской, Ярославской областям, г. Севастополю.

Недостаточный уровень укомплектованности территориальных экспертных подразделений органов МВД России, специализирующихся на проведении компьютерных экспертиз, может быть решен за счёт увеличения количества подготовленных специалистов в вузах системы МВД России, разработки и внедрения алгоритма получения соответствующих разрешительных документов на выпускных курсах обучения, материального поощрения за высокие достижения в службе [3, с. 182].

В 2023 году неоднократно проводились корректировки ежегодного Плана дополнительного профессионального образования сотрудников (федеральных

[1] Обзор о результатах деятельности экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России за 2023 год. 19 с. (дата обращения: 17.09.2024).

государственных гражданских служащих и работников) МВД России [4, с. 10]. В прошлом году впервые были приняты три Плана ДПО, что обусловило необходимость срочного перераспределения количества учебных групп и их численности, а также переноса периодов обучения.

В прошлом году обучено 930 сотрудников, в том числе сверх плана – 139, что составило 70,2 % от изначально запланированных на 2023 год (1 324).

Уровень профессиональной подготовки конкретного эксперта (компетенция) ЭКП и аттестация его на право самостоятельного производства судебной экспертизы осуществляется экспертно-квалификационными комиссиями. По результатам таких проверок экспертов ЭКП должны аттестовать (или не аттестовать) на право производства конкретных видов экспертиз [5, с. 41]. В 2023 году на 11 заседаниях Центральной экспертно-квалификационной комиссии МВД России рассмотрено 2 372 материала от 2 196 экспертов. Предоставлено (подтверждено) право самостоятельного производства судебных экспертиз 195 экспертам по 2 371 материалу. В целом по стране в 2023 году более чем в 4 раза (с 12 до 50) возросло количество экспертов, имеющих право самостоятельного производства товароведческих экспертиз, на 23% (с 113 до 139) – строительно-технических, на 32 % (с 50 до 66) – психофизиологических, на 22,7 % (с 44 до 54) – радиотехнических, на 5 % (с 416 до 437) – компьютерных[1].

Вместе с тем принятых мер пока недостаточно. Это подтверждает продолжающийся рост объёмов денежных средств, затраченных территориальными органами на проведение экспертных исследований во вневедомственных учреждениях на возмездной основе. Результаты анализа нагрузочных показателей территориальных органов свидетельствуют о том, что ЭКП продолжают функционировать в условиях нагрузки, превышающей нормативную, установленную приказом МВД России от 30.05.2003 № 366 «О вопросах организации деятельности экспертно-криминалистических центров органов внутренних дел»[2]. Основная доля ЭКП осуществляла свою деятельность с превышением нагрузки в 1,3–1,5 раза. При этом в 2023 году в МВД по Республикам Алтай, Башкортостан, Тыва, ГУ МВД России по Алтайскому, Краснодарскому, Ставропольскому краям, Воронежской, Новосибирской, Ростовской, Челябинской областям, УМВД России по Калужской, Курганской областям нагрузка на ЭКП превышала нормативную в два и более раз.

Среди факторов, негативно влияющих на организацию экспертно-криминалистической деятельности, необходимо отметить недостаточную эффективность привлечения сотрудников ЭКП к производству следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. Например, Н. Г. Шурухнов отмечает, что 40 % осмотров мест происшествий с «участием специалистов ЭКП проведено по происшествиям, не связанным с возбуждением уголовных дел» [6, с. 279].

В ряде территориальных органов, включая МВД по Республикам Башкортостан (59,8 %), Коми (53,0 %), Чеченской Республике (61,6 %), ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (51,3 %), УМВД России по Астраханской (54,5 %), Кировской (54,8 %), Курганской (51,9 %), Магаданской (57,6 %), Мурманской (52,3 %), Пензенской (55,4 %) областям, Ненецкому автономному округу (57,6 %), удельный вес таких осмотров превышает 50 %. Нерациональная нагрузка препятствует оптимальному распределению имеющейся штатной численности по направлениям работы, отрицательно сказывается результативности применения криминалистических средств в борьбе с преступностью.

---

[1] Обзор о результатах деятельности экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России за 2023 год. 19 с. (дата обращения: 17.09.2024).

[2] О вопросах организации деятельности экспертно-криминалистических центров органов внутренних дел [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 30 мая 2003 г. № 366. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

По-прежнему большинство назначаемых в ЭКП судебных экспертиз относится к традиционным экспертным исследованиям. Их производство осуществляется во всех ЭКП территориальных органов (в том числе и на районном уровне). Так, в 2023 году сотрудниками ЭКП проведено 800,7 тыс. экспертиз указанной категории, что составляет 64,6 % от общего числа. Необходимо отметить, что на основе анализа современной оперативной обстановки в стране с учётом положений Директивы руководителя МВД РФ по направлению экспертно-криминалистической деятельности следует выделить ряд направлений, требующих отдельного внимания:

– совершенствование экспертно-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий;

– расширение спектра экспертных исследований, проводимых в ЭКП территориальных органов;

– повышение качества экспертно-криминалистического сопровождения осмотров мест происшествий, в том числе выявления и изъятия следовой информации на основе расширения практики использования современных технических средств и расходных материалов;

– совершенствование практики составления субъективных портретов, повышение уровня взаимодействия ЭКП с заинтересованными службами в целях их наиболее эффективного использования в раскрытии и расследовании преступлений;

– распространение правоприменительной практики по использованию подразделениями предварительного следствия и надзорными органами методических рекомендаций по определению ориентировочной стоимости объекта преступного посягательства при невозможности его предоставления, разработанных Центром и поддержанных Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Следственным департаментом и УОД МВД России;

– повышение уровня взаимодействия сотрудников подразделений, уполномоченных проводить расследование по уголовным делам и производство по делам об административных правонарушениях, а также осуществлять оперативно-разыскную деятельность с ЭКП на стадии подготовки материалов для назначения экспертиз и исследований, в том числе информирование их о круге задач, решаемых в рамках экспертных специальностей, включённых в Перечень родов (видов) судебных экспертиз, проводимых в ЭКП органов внутренних дел Российской Федерации.

Также в числе важных направлений должно быть обеспечение содействия избирательным комиссиям при осуществлении их полномочий в части, касающейся технико-криминалистического сопровождения проверок подписных листов в период проведения выборных кампаний.

Таким образом, нерациональная нагрузка препятствует оптимальному распределению имеющейся штатной численности по направлениям работы и отрицательно сказывается на результативности применения криминалистических средств в борьбе с преступностью. Анализ деятельности ЭКП по направлению традиционных экспертиз показал, что по-прежнему большинство в ЭКП относятся к традиционным экспертным исследованиям и их производство осуществляется во всех ЭКП территориальных органов (в том числе и на районном уровне).

Рассматривая современную систему отбора и подготовки кадров для ЭКП в системе МВД России с позиций управленческого процесса, отметим, что она образована субъектами и объектами управления [7, с. 36]. Рассмотрим каждый элемент более подробно. Деятельность по привлечению граждан для прохождения службы в органах внутренних дел, в частности в экспертно-криминалистических подразделениях, является объектом управления руководителей ЭКП и специалистов кадровой службы. Отбор для прохождения службы носит ступенчатый характер,

а именно: информационно-организационный этап, изучение данных о кандидате, этап принятия решения. На каждом из перечисленных этапов следует учитывать специфику отбора кадров с учётом необходимости комплектования именно ЭКП.

На первом этапе уполномоченные руководители ЭКП или сотрудники кадровых подразделений реализуют информационно-организационное обеспечение процесса отбора.

Информационно-организационные мероприятия также должны учитывать специфику деятельности ЭКП, а именно: в ходе информирования населения о порядке отбора на службу в ОВД и условиях такой службы необходимо доводить требования, предъявляемые к уровню специальной подготовки кандидатов. Также специфику требований к кандидатам с учётом деятельности ЭКП необходимо учитывать при проведении с ними профессионально-ориентационных мероприятий и непосредственного поиска кандидатов.

Кадровый отбор в условиях последних изменений жизнедеятельности населения страны осуществляется посредством использования основных начал, которые определяют формирование качественного состава экспертно-криминалистических подразделений. Указанные принципы нашли своё нормативное выражение в ст. 75 ФЗ № 342 от 30.11.2011 «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации»[1], в частности:

– обеспечение равного доступа граждан к службе в органах внутренних дел при проведении обязательного профессионального отбора;

– принятие решения о назначении сотрудника только с учётом уровня его квалификации, заслуг в служебной деятельности, личных и деловых качеств.

Полагаем, что изложенные принципы не в полной мере определяют основные правила отбора кадров в ЭКП с учётом необходимости решения специфических задач, возложенных на эти подразделения, и могут быть дополнены следующими положениями:

1. Плановость при осуществлении отбора и подготовки кадров ЭКП с учётом специфики экспертно-криминалистической деятельности. На основании рассматриваемого положения целесообразно производить мероприятия по реализации настоящего принципа, принимающего во внимание соответствующий план мероприятий. Указанный план рассчитан в соответствии с необходимостью сотрудников, обладающих достаточным образовательным уровнем, владеющих необходимыми навыками, способных нести ответственность за исполнение своей деятельности с учётом специфического ресурсного обеспечения.

2. Производство отбора и профессиональной подготовки кадров экспертно-криминалистических подразделений с учётом возможностей современных технологий информационного характера. Настоящий принцип основан на возможности использования технологий кадрового обеспечения, учитывающей реалии современного мира, которые основаны на использовании оценочных критериев уровня сформированности специальных знаний, выделяя качества, наиболее необходимые в профессиональной деятельности экспертно-криминалистических подразделений. Помимо этого, информационные технологии, соответствующие уровню развития гражданского общества, предоставляют возможность достаточно привлекательного описания службы в ОВД, что позволяет осуществить выбор среди потенциальных сотрудников с учётом специфики последующей деятельности.

Исходя из приведённых принципов, далее рассмотрим порядок организации отбора и подготовки кадров ЭКП, предусмотренный приказом МВД России

[1] О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

от 01.02.2018 № 50[1], учитывая специфику экспертно-криминалистической деятельности.

Целесообразно отметить, что в качестве первоочередной цели отбора граждан Российской Федерации для прохождения службы в системе МВД рассматривается приём людей, которые добросовестно и ответственно на основе достаточно высокого профессионального уровня могут осуществлять порученные обязанности. В исследуемой сфере деятельности допустимо привлекать исключительно лиц, владеющих языком Российской Федерации и соответствующих установленным требованиям Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2]. Квалификационные требования к стажу службы в органах внутренних дел Российской Федерации или стажу (опыту) работы по специальности, образованию, профессиональным знаниям и навыкам сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации утверждены Указом Президента России от 22.11.2012 № 1575[3].

Помимо этого, граждане, которые претендуют на замещение соответствующих должностей должны обладать набором знаний в рамках соответствующей профессии, устанавливающие правовые и организационные основы деятельности органов внутренних дел и навыки профессионального характера.

Квалификационные требования, связанные с возможностью сотрудников, осуществлять экспертно-криминалистическую деятельность также коррелируют с состоянием здоровья кандидата. Так, приказом МВД России от 02.04.2018 № 190[4] утверждены требования к состоянию здоровья граждан, поступающих на службу в ОВД, дополнительные обязательные диагностические исследования и документация, которая ведётся в ВВК. Кроме того, этим же приказом утверждён порядок проведения контрольного обследования и повторного освидетельствования по результатам независимой военно-врачебной экспертизы.

Требования к состоянию здоровья граждан, претендующих на поступление на службу в ОВД, в том числе в ЭКП, содержат перечень болезней, препятствующих возможности прохождения службы на определённых должностях, а также дополнительные требования к состоянию здоровья. Помимо медицинского освидетельствования, отбор граждан на службу в ОВД включает в себя проведение профессионального психологического отбора, который осуществляется для определения способности кандидата по своим личным и деловым качествам выполнять служебные обязанности сотрудника, в том числе задачи, связанные с экспертно-криминалистической деятельностью, а также служит для выявления факторов риска

---

[1] Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Рос. Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Вопросы прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел Рос. Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента Рос. Федерации от 22 ноября 2012 г. № 1575. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] О требованиях к состоянию здоровья граждан, поступающих на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, перечнях дополнительных обязательных диагностических исследований, проводимых до начала медицинского освидетельствования, формах документации, необходимых для деятельности военно-врачебных комиссий, порядке проведения контрольного обследования и повторного освидетельствования и о признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 2 апреля 2018 г. № 190. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

общественно опасного поведения [8, с. 395]. Психологический отбор проводится в соответствии с правилами, установленными Правительством РФ[1].

Таким образом, осуществляя оценку текущего состояния исследуемого направления, целесообразно указать, что оно строится на основных началах, позволяющих проводить формирование кадрового состава ОВД России, которые закреплены в нормативных положениях ст. 75 ФЗ № 342 от 30.11.2011[2].

Вместе с тем необходимо отметить, что рассмотренные принципы подлежат корректировке, так как целесообразно уточнить правила отбора и подготовки кадрового состава для экспертно-криминалистически подразделений, дополнив их следующими положениями.

Во-первых, реализация рассматриваемого направления деятельности должна осуществляться в соответствии планом мероприятий, который предусматривает возможность удовлетворения кадровой обеспеченности кандидатами, обладающими соответствующим образовательным уровнем по профилю работы в экспертно-криминалистических подразделениях. Данный план должен содержать перечень конкретных мероприятий, закреплённых персонально, с привязкой во времени и учитывать обеспечение материально-техническими ресурсами.

Во-вторых, в центре внимания должны оказаться технологии информационного характера, применение которых надлежащим образом обеспечит принципиально новые, эффективные возможности при отборе и подготовке кадров экспертно-криминалистических подразделений. В соответствии с этим принципом целесообразно использовать современные методы кадрового отбора, которые дают возможность определения уровня специальной подготовки, необходимой будущим сотрудникам экспертно-криминалистических подразделений.

Кроме этого, современные цифровые технологии позволяют с большей эффективностью доносить до граждан информацию о привлекательности службы в органах внутренних дел, расширяя круг потенциальных претендентов, что повышает возможность отбора наиболее подходящих, обладающих специальным образованием, опытом работы и наличием соответствующих знаний.

1. Сибилькова А. В. Тенденции развития судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Академическая мысль. 2022. № 2(19). С. 175–178.
2. Кофтина Ю. Н. Организационно-правовые вопросы замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: монография. М: РУСАЙНС, 2022. 158 с.
3. Сибилькова А. В., Беляев А. С. Обеспечение начальником территориального органа МВД России специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных с использованием IT-технологий // Академическая мысль. 2022. № 2(19). С. 179–182.
4. Экспертно-криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел России: учебное пособие / Меретуков Г. М., Данильян С. А., Гусев А. В.; под ред. Е. П. Ищенко. Краснодар: Куб. ГАУ, 2008. 104 с.
5. Белецкая Я. А. Квалификационные требования к сотрудникам органов внутренних дел, нормативные критерии их установления // Полицейская деятельность. 2019. № 3. С. 35–41.

[1] Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Шурухнов Н. Г. Об экспертной деятельности, и не только о ней // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 2. № 1(3). С. 271–283.
7. Артемова М. В. Проблемы правового регулирования подбора, использования и профессионального обучения кадров в организации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 40 с.
8. Коновалова О. А. Современные возможности применения методик профайлинга при приеме на службу в ОВД. В сборнике: Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2021) // Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2021. С. 394–399.

1. Sibil`kova A. V. Tendencii razvitiya sudebno-e`kspertnoj deyatel`nosti v Rossijskoj Federacii // Akademicheskaya my`sl`. 2022. № 2(19). S. 175–178.
2. Koftina Yu. N. Organizacionno-pravovy`e voprosy` zameshheniya dolzhnostej v organax vnutrennix del Rossijskoj Federacii: monografiya. M: RUSAJNS, 2022. 158 s.
3. Sibil`kova A. V., Belyaev A. S. Obespechenie nachal`nikom territorial`nogo organa MVD Rossii special`ny`x znanij pri raskry`tii i rassledovanii prestuplenij, sovershenny`x s ispol`zovaniem IT-texnologij // Akademicheskaya my`sl`. 2022. № 2(19). S. 179–182.
4. E`kspertno-kriminalisticheskoe obespechenie deyatel`nosti organov vnutrennix del Rossii: uchebnoe posobie / Meretukov G. M., Danil`yan S. A., Gusev A. V.; pod red. E. P. Ishhenko. Krasnodar: Kub. GAU, 2008. 104 s.
5. Beleczkaya Ya. A. Kvalifikacionny`e trebovaniya k sotrudnikam organov vnutrennix del, normativny`e kriterii ix ustanovleniya // Policejskaya deyatel`nost`. 2019. № 3. S. 35–41.
6. Shuruxnov N. G. Ob e`kspertnoj deyatel`nosti, i ne tol`ko o nej // Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo – uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya. 2021. T. 2. № 1(3). S. 271–283.
7. Artemova M. V. Problemy` pravovogo regulirovaniya podbora, ispol`zovaniya i professional`nogo obucheniya kadrov v organizacii: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 2005. 40 s.
8. Konovalova O. A. Sovremenny`e vozmozhnosti primeneniya metodik profajlinga pri prieme na sluzhbu v OVD. V sbornike: Aktual`ny`e problemy` psixologii pravooxranitel`noj deyatel`nosti: koncepcii, podxody`, texnologii (Vasil`evskie chteniya - 2021). Materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sankt-Peterburg, 2021. S. 394–399.

Информация об авторах

Анна Васильевна Сибилькова. Старший преподаватель кафедры управления органами расследования преступлений, кандидат юридических наук.
Академия управления МВД России.
125171, Россия, г. Москва ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Дмитрий Алексеевич Бадиков. Доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Anna V. Sibilkova. Senior Lecturer, Department of Crime Investigation Management, Candidate of Legal Sciences.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8.

Dmitry Al. Badikov. Associate Professor of the Department of Criminology and Preliminary Investigation at the Department of Internal Affairs, Candidate of Law.
Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 22.11.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted November 22, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 343

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВЫХ СУДЕЙ

Сокол Юлия Валерьевна[1], Титова Кристина Александровна[2]
[1]Российский государственный университет правосудия, Краснодар, Россия
[2]Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

[1]ulya-sokol@mail.ru
[2]kristi2005@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема профессионального выгорания среди мировых судей, что является актуальной темой в контексте повышения эффективности судебной власти и качества правосудия. Актуальность данного исследования обусловлена возрастающей нагрузкой на судебную систему, что может негативно сказываться на психологическом состоянии судей, их профессиональной деятельности и правосудии в целом. В работе представлены результаты эмпирического исследования профессионального выгорания 24 мировых судей Краснодарского края. Полученные выводы подчёркивают необходимость разработки программ поддержки и совершенствования психологического сопровождения деятельности мировых судей в интересах профилактики их профессионального выгорания и повышения общей эффективности их работы. Исследование демонстрирует важность внимания к психоэмоциональному состоянию мировых судей как необходимого условия для обеспечения качества правосудия.

Ключевые слова: мировой судья, профессиональное выгорание, профилактика профессионального выгорания.

Для цитирования: Сокол Ю. В., Титова К. А. К вопросу об эффективности деятельности мировых судей // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 226–234.

ON THE ISSUE OF THE EFFECTIVENESS OF THE ACTIVITIES OF MAGISTRATE JUDGES

Yulia V. Sokol[1], Kristina A. Titova[2]
[1]North Caucasian Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia
[2]Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

[1]ulya-sokol@mail.ru
[2]kristi2005@yandex.ru

Annotation. The issue of professional burnout among magistrate judges, which is a relevant topic in the context of improving the efficiency of the judiciary and the quality of justice, are presented in this article. The relevance of this research is due to the increasing workload on the judicial system, which can negatively impact the psychological state of judges, their professional activities, and justice in general. The study presents the results of an empirical investigation of professional burnout among 24 magistrate judges in the Krasnodar region. The findings emphasize the need to develop support programs and improve psychological assistance for magistrate judges in the interest of preventing their professional burnout and enhancing the overall effectiveness of their work. The research highlights the

importance of paying attention to the psycho-emotional state of magistrate judges as a necessary condition for ensuring the quality of justice.

***Keywords*:** magistrate judge; professional burnout; prevention of professional burnout.

For citation: Sokol Y. V., Titova K. A. On the issue of the effectiveness of the activities of magistrate judges // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 226–234.

Мировые судьи в нашей стране входят в единую судебную систему Российской Федерации. При этом статус мирового судьи отличается от статуса федерального судьи. В частности, это проявляется в особенностях порядка наделения их полномочиями, требованиях профессионально-личностного характера и т. д. Изложенное свидетельствует о неоднородности судейского состава и необходимости тщательного изучения особенностей профессиональной деятельности судей и её влияния на их личность.

Чаще всего в отечественной литературе описывается некая «идеальная модель» (профессиограмма) судьи посредством перечисления тех качеств и свойств, которыми должен обладать успешный судья. Однако крайне мало эмпирических исследований, направленных на получение сведений о тех реальных качествах, которые на самом деле имеются у действующих судей. Институт судей является традиционно закрытой для исследования профессиональной группой.

Судьи крайне неохотно соглашаются на диагностику качеств их личности (интеллекта, памяти, внимания, эмоциональности и т. д.) [1, с. 201; 2, с. 187]. Соответственно, проблема профессионального (эмоционального) выгорания мировых судей в нашей стране относится к числу малоизученных.

Известно, что возрождение института мировых судей во многом было связано с необходимостью разгрузки федеральных судов от большого количества дел, находившихся в их производстве [3, с. 1755]. При этом проблема оценки эффективности работы мировых судей чаще всего ограничивается преимущественно формальными показателями их деятельности. В основе оценки качества их деятельности, впрочем как и деятельности федеральных судей, лежит понятие «стабильности» принятых ими решений, определяемых количеством отмен и изменений судебных решений. Хотя судебная деятельность является видом юридической деятельности и регламентируется нормами права, её нужно изучать не только с правовой, но и с организационной, психологической и иных сторон.

Численность населения Краснодарского края с 2006 года увеличилась в 2024 году на 736 430 человек и составила, по официальным данным, 5 833 022 человек[1]. Тем не менее с 2006 года по настоящее время в Краснодарском крае по-прежнему действуют 270 мировых судей и 270 судебных участков соответственно[2]. Неизменность числа мировых судей в крае связана с тем, что судебные участки формируются исходя из численности населения (от 15 до 23 тысяч человек) на одном судебном участке. В случае проживания менее 15 тысяч человек в административно-территориальном образовании создаётся один судебный участок[3].

[1] ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31557.do (дата обращения: 10.06.2024).

[2] О внесении изменения в статью 1 Федер. закона Рос. Федерации «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Рос. Федерации» [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 5 декабря 2006 г. № 217-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О мировых судьях в Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 17 декабря 1998 г. № 217188-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Несмотря на сохранение в течение ряда лет общей численности (270) мировых судей в Краснодарском крае, отмечается существенный рост количества дел, находившихся в их производстве.

Так, с 2011 по 2023 год, т. е. за 13 лет, общее количество рассмотренных мировыми судьями уголовных дел, гражданских дел и дел об административных правонарушениях увеличилось в 1,7 раза[1]. Если в 2011 году на одного мирового судью приходилось в среднем 2 082 дела в год, то в 2023 году на одного судью уже приходилось в среднем 3 512 дел. Другими словами, за 13 лет среднее количество ежедневно рассматриваемых мировым судьёй дел увеличилось в 1,75 раза[2].

Работа судей считается ненормированной [8, с. 74]. Осуществление служебной деятельности в условиях перегрузок неизбежно сказываются как на качестве рассмотрения мировыми судьями дел, а также на их личности. По словам судьи в отставке Д. С. Васильева, «идеальный судья – это «судья-конвейер» в гонке за показателями» [9, с. 40], что приводит судей к профессиональному выгоранию.

Д. С. Васильев констатирует: «Потогонная система для достижения показателей количества и сроков означает работу за пределами границы производственных возможностей. Под воздействием требования увеличить количество и уменьшить сроки судьи вынуждены работать сверхурочно, в выходные и в дни отпуска. Перенапряжение постепенно превращает их в эмоционально опустошённых, равнодушных к выполняемой работе людей» [9, с. 44–45].

Как известно, специфика той или иной профессии способна оказывать существенное воздействие на личность специалиста, поскольку каждая профессия предъявляет к человеку вполне определённые требования, под влиянием которых эта личность изменяется. Под воздействием длительного и многократного решения типовых профессиональных задач протекает непрерывный процесс формирования профессионального стиля мышления и поведения специалиста, изменяющий его первоначальный облик.

Как справедливо отмечают К. И. Алтынбаева и О. А. Романенко, под влиянием профессии, «с одной стороны, происходит усиление и интенсивное развитие качеств, которые способствуют успешному осуществлению деятельности, а с другой – профессиональные изменения, которые носят негативный характер, стрессовый, снижают её устойчивость и адаптивные возможности, что влечёт профессиональные деформации» [10, с. 69–70]. Таким образом, «процесс профессионализации протекает в двух основных направлениях – накопления позитивных и негативных изменений» [11, с. 43–44]. Соответственно, учёт психологических закономерностей является одним из важных условий обеспечения эффективности судебной деятельности.

Негативное изменение качеств и свойств личности при выполнении профессиональной деятельности связывается с феноменом профессионального выгорания сотрудника.

В отечественной литературе наряду с термином «профессиональное выгорание» (Н. В. Гришина [8], С. А. Калашникова [9], Д. А. Кутузова [10] и др.) также активно используются и такие термины, как «эмоциональное выгорание» (В. В. Бойко [13], О. В. Крапивина и В. Н Косырев [11] и др.) и «психическое выгорание» (например, Н. Е. Водопьянова и Е. С. Страченкова [12]). Использование нами термина «профессиональное выгорание» акцентирует внимание на рамки профессиональной деятельности человека и рассмотрение выгорания как следствия длительного профессионального стресса.

---

[1] Статистические данные о работе судов и судебных участков мировых судей [Электронный ресурс]. URL: http://usd.krd.sudrf.ru/modules.php? name=stat&rid=2 (дата обращения: 10.08.2024).

[2] Статистические данные о работе судов и судебных участков мировых судей [Электронный ресурс]. URL: http://usd.krd.sudrf.ru/modules.php? name=stat&rid=2 (дата обращения: 10.08.2024).

Профессиональное (психическое) выгорание складывается под влиянием порядка 100 симптомов, которые, как отмечает Е. В. Змановская, «чаще всего, группируются в следующие три группы признаков:

1) синдром психофизиологического истощения и психосоматических нарушений;

2) синдром редукции профессиональных достижений;

3) синдром деперсонализации» [7, с. 46–47].

Соответственно, к числу основных признаков профессионального выгорания относятся, такие как снижение эффективности профессиональной деятельности; эмоциональное и физическое истощение; постоянное чувство усталости; неудовлетворённость собой и профессией; равнодушие к работе и людям и т. д. Эмоциональное выгорание способствует появлению и обострению психосоматических нарушений и заболеваний.

Согласно МКБ-11, выгорание определяется как «синдром, концептуализированный как результат хронического стресса на рабочем месте, с которым не удалось справиться. Он характеризуется тремя составляющими:

1) чувство истощения энергии или изнеможения;

2) возрастание эмоциональной отстранённости от работы, негативное или циничное отношение к работе;

3) чувство неэффективности и недостатка достижений. Выгорание относится только к явлениям в профессиональном контексте и не должно применяться к описанию опыта в других сферах жизни»[1].

В нашей стране крайне мало проводится исследований, направленных на изучение особенностей профессионального выгорания судей. При этом судей чаще всего рассматривают в качестве некой гомогенной (однородной) группы, не подразделяя судебный корпус на федеральных и мировых судей. Проблема служебной перегрузки судей является одной из наиболее обсуждаемых тем в профессиональном сообществе.

Так, 22 февраля 2024 г. в краевом суде на расширенном совещании с участием представителей всех ветвей власти Краснодарского края при подведении итогов работы судов региона за 2023 год отмечалась особая острота вопроса о высокой нагрузке мировых судей[2]. Однако проблема профессионального выгорания судей, к сожалению, продолжает оставаться одной из наименее изученных, хотя судьи относятся к группе профессий типа «человек-человек», наиболее подверженных синдрому профессионального выгорания.

Тем не менее в нашей стране практически отсутствуют исследования такого вида профессионально-личностной деформации, как синдром профессионального выгорания мировых судей. В целях ликвидации этого пробела было проведено исследование профессионального выгорания мировых судей в аспекте их возраста, пола и стажа профессиональной деятельности.

В отечественной науке отсутствует однозначное понимание сущности, содержания и структуры профессионального выгорания. Положительно зарекомендовавшей себя в профессиональном сообществе является методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко, которая была использована нами при проведении исследования профессионального выгорания мировых судей Краснодарского края в июне 2024 года. Данный учёный предпочитает

[1] МКБ-11. QD85 Выгорание [Электронный ресурс]. URL: https://mkb11.online/129350 (дата обращения: 10.06.2024).

[2] Юрий Бурлачко отметил возрастающую нагрузку на мировых судей из-за увеличения населения [Электронный ресурс]. URL: https://vestikubani.ru/urii-byrlachko-otmetil-vozrastaushyu-nagryzky-na-mirovyh-sydei-iz-za-yvelicheniia-naseleniia.html/ (дата обращения: 10.06.2024).

использовать термин «эмоциональное выгорание», считая последнее формой профессиональной деформации личности [13, с. 140].

По мнению В. В. Бойко, эмоциональное выгорание – это «выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций (понижения их энергетики) в ответ на избранные психотравмирующие воздействия» [13, с. 140]. Несложно заметить, что конструкция развития синдрома эмоционального выгорания основывается на теории стресса, разработанной канадским врачом Г. Селье во второй половине XX века, а В. В. Бойко рассматривает выгорание в качестве динамического процесса и синдрома, состоящего из комплекса развивающихся во времени специфичных 12 симптомов. Её методика состоит из 84 суждений, которые позволяют установить симптомы «эмоционального выгорания», а также фазы выгорания («напряжение», «резистенция», «истощение»). Подсчитав сумму показателей 12 симптомов, можно найти итоговый показатель синдрома «эмоционального выгорания».

В проведённом исследовании принимали участие 24 мировых судьи (12 мужчин и 12 женщин) в возрасте от 32 до 63 лет. Стаж работы респондентов в качестве мирового судьи – от 2 до 19 лет. Получены данные о том, что только у одного из мировых судей (мужчина, 41 год, судейский стаж – 5 лет) не был сформирован ни один из 12 симптомов эмоционального выгорания. Тогда как у остальных 23 мировых судей (96 %) был диагностирован как минимум один складывающийся или уже сложившийся симптом эмоционального выгорания. При этом у 21 мирового судьи (87,5 %) уже сложился как минимум один симптом эмоционального выгорания. У 13 мировых судей (54 %) сформированный симптом приобрёл значение доминирующего симптома[1]. Выбор данной методики обусловлен тем, что она позволяет рассматривать выгорание как процесс (в динамике) посредством выделения трёх фаз выгорания и стадий их развития. Другими словами, профессиональное выгорание представляет собой не одномоментное действие, а динамический процесс и в своем крайнем проявлении олицетворяет срыв успешности адаптации к стрессу [14, с. 127–135] или даже приближается к картине посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) [7, с. 48–49], что приводит к «редукции профессиональных обязанностей» [4, с. 79]. Фаза напряжения на стадии формирования была выявлена у 2 мировых судей (8 %); фаза резистенции на стадии формирования – у 13 респондентов (54 %); сформированная фаза резистенции – у 4 мировых судей (17 %). Наиболее значимым результатом исследования следует признать то, что фаза истощения на стадии формирования была выявлена у 4 мировых судей (17 %), а сформированная фаза истощения – у одного мирового судьи (4 %). Таким образом, только у 6 из 24 мировых судей не была сформирована ни одна из трёх фаз выгорания. Изложенное свидетельствует об актуальности проблемы профессионального (эмоционального) выгорания мировых судей, а также о её развитии вплоть до эмоционального истощения.

В. В. Бойко отдельно выделяет в качестве самостоятельного такой симптом, как «психосоматические и психовегетативных нарушения», который проявляется на уровне физического и психического самочувствия [13, с. 153]. «Переход реакций с уровня эмоций на уровень психосоматики свидетельствует о том, что эмоциональная защита – «выгорание» – самостоятельно уже не справляется с нагрузками и энергия эмоций перераспределяется между другими подсистемами индивида» [13, с. 153]. Для того чтобы выйти из состояния выгорания, чаще всего требуется профессиональная помощь (клинических психологов, психотерапевтов, психиатров), чтобы исключить скрытые психические заболевания и расстройства.

[1] При подготовке статьи было проведено анкетирование и опрос 24 респондентов – мировых судей Краснодарского края.

По результатам опроса нами установлено, что у 7 (29 %) мировых судей выявлен симптом «психосоматические нарушения», причём у 4 из них (16 %) этот симптом является сложившимся; у 2 (8 %) этот симптом является доминирующим; а у одного (4 %) мирового судьи было выявлено наличие одновременно 6 доминирующих симптомов. При этом результатом истощения является не только снижение качества и эффективности профессиональной деятельности, но и формирование психосоматических заболеваний. Изложенное свидетельствует о том, что всем мировым судьям, у которых был выявлен симптом «психосоматические нарушения», требуется помощь соответствующих специалистов для того, чтобы успешно справиться с эмоциональным выгоранием и его последствиями[1].

В 2019 году Законодательным собранием Краснодарского края была предпринята попытка увеличения числа мировых судей до 294, однако в 2023 году этот проект был отклонён в Государственной Думе РФ[2]. С учётом складывающейся в стране ситуации трудно рассчитывать на увеличение численности мировых судей. В этих условиях наиболее перспективным следует признать совершенствование психологического сопровождения деятельности мировых судей в интересах профилактики их профессионального выгорания, а также усиление ресурсов адаптационного поведения мировых судей через активизацию их собственных ресурсов [4, с. 79].

Необходимо повышать внутренние ресурсы стрессоустойчивости судей, а также формировать у них умение понимать чужие эмоции и контролировать свои собственные. Несмотря на признаки профессионального выгорания, 22 (92 %) мировых судьи сообщили о том, что они довольны своей работой. 23 (96 %) мировых судьи считают, что их карьера сложилась удачно. Все опрошенные респонденты (100 %) считают, что они не ошиблись в выборе профессии судьи. Как справедливо отмечают О. Ю. Ильина и Л. В. Туманова, «минимальны риски профессионального выгорания у тех судей, которым присущи оптимизм, вера в свои силы (а не самоуверенность), умение распределять свое время, что сейчас принято именовать «тайм-менеджментом», и многие другие качества, известные специалистам-психологам» [15, с. 219].

Вместе с тем возможно рассогласование между реальным отношением к работе и декларируемыми ответами, обусловленными стремлением респондентов предоставить социально ожидаемый (одобряемый) ответ.

Изложенное настоятельно требует дальнейшего тщательного изучения мотивации выбора профессии мирового судьи. Имеются исследования, подтверждающие, что выбор профессии зачастую связан со стремлением получить «ощущение власти над подопечными» [16, с. 20]; реализовать имеющуюся у лица выраженную тенденцию к доминированию [7, с. 43] и т. п.

Все опрошенные мировые судьи проявили заинтересованность относительно изучения проблемы психологического сопровождениях судебной деятельности. Они изъявили готовность ознакомиться с методиками диагностики и профилактики профессионального выгорания.

В ходе опроса мировые судьи также сообщали, что самостоятельно предпринимали действия, связанные с поиском в интернете информации о признаках и профилактике профессионального выгорания. Важно отметить, что судейское сообщество, в наибольшей степени отличающееся закрытостью, обусловленной их корпоративностью, не склонно обращаться за психологической помощью к психологам и/или психиатрам.

---

[1] При подготовке статьи было проведено анкетирование и опрос 24 респондентов – мировых судей Краснодарского края.

[2] Число мировых судей в Краснодарском крае предложили увеличить [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/news/226864/ (дата обращения: 10.06.2024).

В связи с этим мировым судьям необходимо научиться не только стремиться изучать симптомы профессионального выгорания, овладевать техниками по саморегуляции эмоционального выгорания, но и быть готовыми в случае необходимости обращаться за помощью к специалистам. Дальнейшие научные исследования особенностей профессионального выгорания мировых судей будут способствовать разработке эффективных мер его предупреждения, в полной мере учитывающей специфику их профессиональной деятельности.

1. Морозова Л. А. Психологические факторы синдрома эмоционального выгорания у судей // Современная прикладная психология: теория и практика: сб. статей Международной научно-практической конференции «XII Левитовские чтения» (г. Москва, 19- 20 апреля 2017 года): [в 2 т.] / ред. колл. Т. Н. Мельников и др.; отв. ред. Н. Т. Колесник. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 201–204.
2. Рощевская Е. В. К вопросу о психологическом сопровождении судебной деятельности // Человеческий капитал. 2022. № 1 (157). С. 184–189.
3. Дворецкова Д. А. Становление института мировых судей в России // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 1755–1760.
4. Харитонов Л. А., Тарасова Ю. Н. Проблемы профессионального выгорания судей и работников аппарата суда // Право и управление. 2022. № 9. С. 74–81.
5. Васильев Д. С. Судебная статистика и корпоративная культура российских судов // Право и политика. 2020. № 12. С. 34–49.
6. Алтынбаева К. И., Романенко О. А. Особенности профессиональной деформации личности работника судебной системы в контексте социальной действительности // Современный взгляд на науку и образование: Сборник научных статей. Ч. VIII / Научный ред. д. пед. наук, проф. Н. А. Шайденко. М.: Перо, 2021. С. 68–71.
7. Змановская Е. В. Проблема профессионального выгорания в работе с девиантным поведением: системно-динамический подход // Вестник психотерапии. 2005. № 14. С. 43–57.
8. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2008. 544 с.
9. Калашникова С. А. Адекватность профессионального самоопределения и ее проявление в развитии синдрома "профессиональное выгорание" в особых условиях деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2004. 22 с.
10. Кутузова Д. А. Организация деятельности и стиль саморегуляции как факторы профессионального выгорания педагога-психолога: дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 213 с.
11. Крапивина О. В., Косырев В. Н. Синдром эмоционального сгорания у пенитенциарных служащих // Вестник ТГУ. 2003. № 1. С. 36–47.
12. Водопьянова Н. Е., Страченкова Е. С. Психическое «выгорание» и качество жизни // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. Л. А. Коростылевой. Вып. 6. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2002. С.140–154.
13. Бойко В. В. Психоэнергетика. СПб.: Питер, 2008. 416 с.
14. Анчел В. Я. Цыган В. Н. Стресс и стрессоустойчивость человека. М.: Правда, 2003. 86 с.
15. Ильина О. Ю., Туманова Л. В. Правовые и психологические аспекты справедливости судебной деятельности // Психология и право. 2023. № 4. С. 216–226.
16. Старшенбаум Г. В. Выгорание и стресс. Доказательная психология для тех, кто устал уставать. Тесты, упражнения, рекомендации. М.: АСТ, 2024. 704 с.

1. Morozova L. A. Psixologicheskie faktory` sindroma e`mocional`nogo vy`goraniya u sudej // Sovremennaya prikladnaya psixologiya: teoriya i praktika: sb. statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «XII Levitovskie chteniya» (g. Moskva, 19- 20 aprelya

2017 goda): [v 2 t.] / red. koll. T.N. Mel`nikov i dr.; otv. red. N.T. Kolesnik. M.: IIU MGOU, 2017. S. 201–204.
2. Roshhevskaya E. V. K voprosu o psixologicheskom soprovozhdenii sudebnoj deyatel`nosti // Chelovecheskij kapital. 2022. № 1 (157). S. 184–189.
3. Dvoreczkova D. A. Stanovlenie instituta mirovy`x sudej v Rossii // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2014. № 8. S. 1755–1760.
4. Xaritonov L. A., Tarasova Yu. N. Problemy` professional`nogo vy`goraniya sudej i rabotnikov apparata suda // Pravo i upravlenie. 2022. № 9. S. 74–81.
5. Vasil`ev D. S. Sudebnaya statistika i korporativnaya kul`tura rossijskix sudov // Pravo i politika. 2020. № 12. S. 34–49.
6. Alty`nbaeva K. I., Romanenko O. A. Osobennosti professional`noj deformacii lichnosti rabotnika sudebnoj sistemy` v kontekste social`noj dejstvitel`nosti // Sovremenny`j vzglyad na nauku i obrazovanie: Sbornik nauchny`x statej. Ch. VIII / Nauchny`j red. d. ped. nauk, prof. N.A. Shajdenko. M.: Pero, 2021. S. 68–71.
7. Zmanovskaya E. V. Problema professional`nogo vy`goraniya v rabote s deviantny`m povedeniem: sistemno-dinamicheskij podxod // Vestnik psixoterapii. 2005. № 14. C. 43–57.
8. Grishina N. V. Psixologiya konflikta. SPb.: Piter, 2008. 544 c.
9. Kalashnikova S. A. Adekvatnost` professional`nogo samoopredeleniya i ee proyavlenie v razvitii sindroma "professional`noe vy`goranie" v osoby`x usloviyax deyatel`nosti: avtoref. dis. ... kand. psixol. nauk. Barnaul, 2004. 22 c.
10. Kutuzova D. A. Organizaciya deyatel`nosti i stil` samoregulyacii kak faktory` professional`nogo vy`goraniya pedagoga-psixologa: dis. ... kand. psixol. nauk. M., 2006. 213 s.
11. Krapivina O. V., Kosy`rev V. N. Sindrom e`mocional`nogo sgoraniya u penitenciarny`x sluzhashhix // Vestnik TGU. 2003. № 1. S. 36–47.
12. Vodop`yanova N. E., Strachenkova E. S. Psixicheskoe «vy`goranie» i kachestvo zhizni // Psixologicheskie problemy` samorealizacii lichnosti / Pod red. L. A. Korosty`levoj. Vy`p. 6. SPb: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 2002. S.140–154.
13. Bojko V. V. Psixoe`nergetika. SPb.: Piter, 2008. 416 c.
14. Anchel V. Ya. Cygan V. N. Stress i stressoustojchivost` cheloveka. M.: Pravda, 2003. 86 c.
15. Il`ina O. Yu., Tumanova L. V. Pravovy`e i psixologicheskie aspekty` spravedlivosti sudebnoj deyatel`nosti // Psixologiya i pravo. 2023. № 4. S. 216–226.
16. Starshenbaum G. V. Vy`goranie i stress. Dokazatel`naya psixologiya dlya tex, kto ustal ustavat`. Testy`, uprazhneniya, rekomendacii. M.: AST, 2024. 704 c.

Информация об авторах

Юлия Валерьевна Сокол. Старший преподаватель кафедры уголовного права. Кандидат юридических наук.

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия.

350020, Россия, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, д. 234.

Кристина Александровна Титова. Заместитель начальника кафедры административной деятельности ОВД. Кандидат юридических наук, доцент.

Краснодарский университет МВД России.

350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128.

Information about the authors

Yulia V. Sokol. Senior Lecturer of the Department of Criminal Law. Candidate of Law.
North Caucasian Branch of the Russian State University of Justice.
350020, Russia, Krasnodar, Krasnykh Partizan st., 234.

Kristina A. Titova. Deputy Head of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs. Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
350005, Russia, Krasnodar, Yaroslavskaya st., 128.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 17.10.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted October 17, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 343.985.7

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ И ТАКТИКА ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ СПРОВОЦИРОВАННЫХ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Сучков Андрей Игоревич
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, России

andr2892@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать особенности осуществления расследования спровоцированных дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) на первоначальном этапе. Проводится анализ типичных следственных ситуаций, возникающих в результате спровоцированных ДТП, что, по мнению автора, может оказаться полезным для следователей, поскольку позволит им более эффективно осуществлять расследование вышеуказанных видов аварий и устанавливать виновных. Автор статьи предлагает алгоритм работы следователя на первоначальном этапе, необходимом для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по рассматриваемой категории уголовных дел.

Ключевые слова: следователь, следственные действия, расследование, дорожно-транспортное происшествие, следственные ситуации, спровоцированное ДТП.

Для цитирования: Сучков А. И. Типичные следственные ситуации и тактика первоначальных следственных действий при расследовании спровоцированных дорожно-транспортных происшествий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 235–241.

TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS AND TACTICS OF INITIAL INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE INVESTIGATION OF PROVOKED ROAD ACCIDENTS

Andrei Ig. Suchkov
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

andr2892@mail.ru

Annotation. In the article an attempt is made to analyze peculiarities of the investigation of provoked road traffic accidents at the initial stage. The article analyzes The article analyzes typical investigative situations arising as a result of provoked road accidents, which, in the author's opinion, may be useful for investigators, as it will will allow them to more effectively carry out investigation of the above-mentioned types of accidents and to identify the perpetrators. accidents and identify the perpetrators. The author of the article proposes an algorithm of work of the investigator at the initial stage, necessary to establish the circumstances to be to be proved in the considered category of criminal cases.

Keywords: investigator, investigative actions, investigation, traffic accident, investigative situations, provoked traffic accident.

For citation: Suchkov A. I. Typical investigative situations and tactics of initial investigative actions in the investigation of provoked traffic accidents // Scientific Bulletin

of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 235–241.

Расследование отдельных видов дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), связанных с нарушением правил дорожного движения (далее – ПДД), повлёкших причинение по неосторожности тяжкий вред или смерть человека, всегда представлял сложный юридический процесс по сбору доказательств вины того или иного участника аварии. Вместе с тем довольно часто на дорогах происходят дорожно-транспортные ситуации, при которых участники движения непосредственно не контактируют между собой, но своими действиями они создают критическую аварийную ситуацию для иных участников движения, что в совокупности преобразуется в ДТП с уголовно наказуемыми последствиями, предусмотренными ст. 264 УК РФ[1].

Существующие методики исследования не содержат алгоритм проведения исследования подобных «бесконтактных» ДТП. Актуальность исследования подобных происшествий сложно переоценить [1, с. 191]. Расследование ДТП, в результате которых наступают общественно опасные последствия в виде смерти человека или причинения тяжкого вреда здоровью, представляет довольно кропотливый процесс, направленный на установление максимально полных обстоятельств происшедшего, в рамках установленных законом юридических процедур [2, с. 233]. Для оптимизации процесса расследования таких преступлений следователю необходимо руководствоваться рекомендациями, сформулированными криминалистической наукой [3, с. 220].

Изучение существующих определений следственной ситуации даёт возможность заключить, что некоторые исследователи понимают ситуацию как совокупность сведений и других данных, которыми располагает следователь в определённый момент времени, или как состояние расследования, которое характеризуется всеми фактическими данными (информацией) в конкретный момент.

Так, Р. С. Белкин представляет следственную ситуацию как совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование [4, с. 91]. Эти условия могут складываться под воздействием различных факторов: отсутствие данных об отдельных обстоятельствах совершённого преступления; противодействие подозреваемых следователю в установлении различных обстоятельств преступления; недостаток необходимых для качественного расследования сил, средств и т. д. Другие учёные понимают как совокупность информации, характеризующей состояние расследования по уголовному делу без учёта обстановки и условий, в которых оно происходит [5, с. 31; 6, с. 379]. В связи с чем мы приходим к выводу, что это совокупность условий, в которых в определённый момент осуществляется расследование преступления, которые зависят от множества факторов.

Рассмотрим типичные аварийные дорожно-транспортные ситуации, возникающие при расследовании спровоцированных ДТП:

1) опасное перестроение, опасный манёвр поворота/разворота, опасный выезд с прилегающей территории с созданием помехи другому участнику движения, которое провоцирует иное, только уже контактное ДТП иных участников;

2) вышеописанные действия, которые провоцируют бесконтактное ДТП между данными участниками движения, однако причиняют вред пассажирам (падение пассажира в результате резкого торможения или маневрирования);

3) событие, произошедшее во время движения, связанное с отделением от транспортного средства (далее – ТС) отдельных узлов и деталей, а также иных предметов или грузов (колесо, декоративные молдинги, падение штанги

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

токоприёмника троллейбуса, снежной наледи с крыши или прицепа, отцепка прицепа от транспортного средства и т. д.), которое влечёт вред иным участникам движения без контакта ТС между собой.

Необходимо отметить, что основным признаком, характеризующим бесконтактное ДТП, представляется отсутствие факта какого-либо физического взаимодействия выступающих элементов кузова автомобилей, элементов иных ТС, а также отсутствие факта физического контакта ТС и пешеходов. Причины развития такого иного вида ДТП могут возникать из-за того, что при движении по автодороге водителю ТС кто-то или может быть что-то могло «помешать» для дальнейшего движения с той же скоростью и в том же направлении, водитель данного ТС начинает реагировать на возникшую опасность. В этих сложившихся условиях возникает ситуация, при которой действия водителя ТС, реагирующего на опасность, могут создать иную аварийную ситуацию, в которой будет причинён вред уже другим участникам дорожного движения, ранее не задействованным в развивающейся критической аварийно-дорожной ситуации [7, с. 79].

Деятельность органов предварительного расследования в этой сфере имеет ряд сложностей, объясняемых присутствием неконтролируемого человеческого фактора как одной из причин совершения ДТП [8, с. 212]. При расследовании вышеописанного вида ДТП необходимо обращать внимание на то, что составными элементами провокации (как следствие спровоцированного ДТП) являются: а) действия провоцирующего лица; б) вынужденные (ответные) действия провоцированного; в) последствия провокации. Таким образом, все следственные действия, проводимые на первоначальном этапе, должны быть направлены на установление или опровержение версии о «провокации ДТП» со стороны участников дорожного движения.

Первоначальный этап расследования – это начальная стадия уголовного процесса, которая включает в себя проведение неотложных следственных действий после возбуждения уголовного дела. К первоначальным следственным действиям рассматриваемой категории уголовных дел обычно относят: осмотр места происшествия, освидетельствование, осмотр трупа, выемку, допрос, очную ставку, назначение экспертиз, следственный эксперимент. Однако конкретный набор процессуальных действий будет зависеть от детальных обстоятельств преступного деяния, связанного с «провокацией», выраженной отсутствием факта какого-либо физического взаимодействия между участниками дорожного движения, но которое в последующем создаёт аварийную ситуацию, результатом которого выступает новое «контактное» ДТП с другими участниками движения, без непосредственного участия «провокатора» вышеуказанной аварийной ситуации.

Анализируя вышеописанные виды аварийных ситуаций при спровоцированных ДТП, мы приходим к выводу, что типичными следственными ситуациями будут выступать:

1. Водитель – «провокатор ДТП» – остался на месте ДТП вместе с транспортным средством, имеются: очевидцы; видеозапись; следы колёс транспортных средств, указывающие на механизм бесконтактного ДТП.

2. Водитель – «провокатор ДТП» – скрылся с места ДТП вместе с транспортным средством, имеются: очевидцы; видеозапись; следы колёс транспортных средств, указывающие на механизм бесконтактного ДТП.

3. Водитель – «провокатор ДТП» – скрылся с места ДТП без транспортного средства, имеются: очевидцы; видеозапись; следы колёс транспортных средств, указывающие на механизм бесконтактного ДТП.

5. На месте спровоцированного ДТП отсутствуют: видеозапись; следы колёс (торможения, юза и т. д.) транспортных средств на проезжей части; очевидцы ДТП, в том числе пассажиры транспортных средств (идеальные следы), указывающие на механизм бесконтактного ДТП.

6. На месте спровоцированного ДТП отсутствуют: видеозапись; следы колёс (торможения, юза и т. д.) транспортных средств на проезжей части; очевидцы ДТП, в том числе пассажиры транспортных средств (идеальные следы), указывающие на механизм бесконтактного ДТП, – «провокатор» скрылся с места ДТП без транспортного средства.

7. На месте спровоцированного ДТП отсутствуют: видеозапись; следы колёс (торможения, юза и т. д.) транспортных средств на проезжей части; очевидцы ДТП, в том числе пассажиры транспортных средств (идеальные следы), указывающие на механизм бесконтактного ДТП, – «провокатор» скрылся с места ДТП на транспортном средстве.

Следственные ситуации являются важным элементом любой из методик расследования преступлений. Использование ситуационного подхода позволяет разрабатывать, а в дальнейшем и своевременно применять методические рекомендации по выбору наиболее эффективных методов и средств тактического воздействия на ход расследования [9, с. 241].

С учётом приведённых вышеперечисленных ситуаций следователь определяет состав и очерёдность процессуальных и иных действий на первоначальном этапе расследования. Рассмотрим предложенный нами алгоритм работы следователя при расследовании спровоцированных ДТП с учётом специфики рассматриваемых аварийных дорожно-транспортных ситуаций.

Программа действий следователя на первоначальном этапе расследования по производству отдельных следственных действий состоит из следующих этапов:

1. Осмотр места происшествия. В ходе осмотра необходима детальная фиксация следов колёс ТС, следов торможения, юза, фиксация конечного расположения транспортных средств в условиях отсутствия физического контакта между ТС. Следы колёс ТС играют основополагающую роль исследования механизма спровоцированных ДТП.

2. Освидетельствование. Установление факта состояния опьянения (алкогольного, наркотического и иного) у всех участников аварийной ситуации, несмотря на отсутствие физического контакта между ними. Проводить освидетельствование необходимо с доставлением участников аварии в профильное медицинское учреждение.

3. Осмотр трупа. Проводить осмотр трупа рекомендуется не на месте ДТП, а в медицинском учреждении по производству судебно-медицинских экспертиз и исследования трупов. В вышеописанных следственных ситуациях № 5 и № 6 это является необходимым, так как выявленные повреждения, повлёкшие причинение смерти, могут существенно отличаться от «классических» травм, образующихся в результате воздействия выступающих элементов кузова или салона ТС. Травмы, образованные при падении пассажира или удара отделившимся элементом ТС во время движения, схожи с травмами, которые могут возникнуть в повседневной жизнедеятельности человека в условиях несчастного случая. В условиях неочевидности рассматриваемого вида ДТП анализ полученных повреждений будет иметь важное значение при установлении причинно-следственной связи между последствия ДТП и нарушениями ПДД, необходимой для установления уголовной ответственности[1].

4. Выемка. Изъятие всех носителей видеозаписи (стационарных камер наблюдения/камер видеорегистраторов), на которой запечатлено развитие аварийной дорожно-транспортной ситуации (далее – ДТП). В рассматриваемом случае

[1] О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 // Рос. газ. 2008. 26 дек. № 265.

наибольший интерес представляет начальная стадия развития ДТС, установление объективной информации о первоначальных траекториях движения ТС, оценка действий участников в процессе развития аварийной ДТС по изменению их траекторий движений, маневрирования, торможения или иных действий, направленных на предотвращение ДТС.

5. Допрос. Установление момента возникновения опасности со слов участников движения, выяснение траекторий движения транспортных средств до момента возникновения опасности, подробное описание действий (маневрирование без торможения, торможение с маневрированием и т. д.) на возникшую опасность, описание причин и условий, в связи с чем лицо восприняло действия другого участника как опасные, описание указанных опасных действий.

6. Очная ставка. Устранение противоречий между участниками аварийной ДТС на предмет наличия или отсутствия опасных действий, явившихся причиной развития аварийной ситуации.

7. Назначение экспертиз. Судебно-медицинская экспертиза решает вопрос о наличии причинно-следственной связи между последствия и фактом ДТП, о чём более подробно было описано при отражении специфики такого следственного действия, как осмотр трупа, что в своем роде является логическим продолжением процессуального закрепления доказательственной базы о механизме причинения повреждений, повлёкших смерть человека. Автотехническая экспертиза призвана исследовать техническое состояние ТС. При этом необходимо установить техническую возможность остановить своё транспортное средство в момент возникновения опасности для движения. Оценить с технической точки зрения действия водителей в сложившейся ДТС. Дать с технической точки зрения оценку очерёдности проезда автомобилей в сложившейся дорожно-транспортной ситуации. Установить экспертным путём, пересеклись ли траектории движения (произошло бы столкновение) автомобилей, если бы не менялась траектория их первоначального движения.

8. Следственный эксперимент. Данное следственной действие может проводиться в несколько этапов с получением промежуточных результатов автотехнических экспертиз. В ходе опытных действий необходимо фактически подтвердить или опровергнуть данные, полученные в ходе допроса участников (очной ставки, проверки показаний на месте), то есть установить момент возникновения опасности непосредственно на месте ДТП с воспроизведением соответствующих условий аварийной ситуации (время суток, освещённость, погодные условия, интенсивность движения ТС, иные факторы), в которых было совершено ДТП. Установить траектории движения ТС до момента возникновения опасности с учётом его размеров и проезжей части автодороги, проанализировать расстояния между участниками аварии путём производства замеров между ними на стадии начала развития аварийной ситуации. Установить границы «безопасного коридора», осуществить его замеры с целью установления «линии безопасного разъезда» в условиях возможного отсутствия ответных действий в виде маневрирования со стороны участников аварии в складывающейся ситуации, которая ими воспринимается как опасность для движения.

В криминалистической литературе продолжается поиск наиболее эффективных алгоритмов действий следователя по уголовным делам о ДТП, зависящих от первоначальных типичных следственных ситуаций [10, с. 97].

Главным итогом расследования преступления в области дорожного движения является оценка действий водителя (водителей) транспортного средства (транспортных средств) и участников дорожного движения на соответствие требованиям Правил дорожного движения Российской Федерации, определение последствий, а также установление причинно-следственных связей между нарушениями в действиях участников дорожного движения и наступившими последствиями [11, с. 64].

Таким образом, в настоящей статье мы отразили типичные следственные ситуации, а также специфику тактических операций следователя при производстве отдельных следственных действий при расследовании спровоцированных ДТП на первоначальном этапе. Приведённая нами обобщённая программа действий следователя позволит правоохранительным органам, осуществляющим предварительное следствие по расследованию уголовных дел, связанных с нарушением правил дорожного движения, повлёкших причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, рационально и эффективно использовать служебное время на первоначальном этапе расследования с целью недопущения утраты данных, которые в последующем могут приобрести статус доказательств.

1. Лосев П. А. Особенности производства экспертных исследований «бесконтактных» ДТП // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1. С. 190–192.
2. Сучков А. И. Особенности производства отдельных следственных действий при расследовании спровоцированных ДТП // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 232–241.
3. Сретенцев А. Н. Сравнительно-правовой анализ деятельности по расследованию ДТП в Российской Федерации и Республике Никарагуа // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 1(98). С. 220–227.
4. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М., 1988. С. 302.
5. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978. С. 64.
6. Евтюков С. А., Васильев Я. В. Дорожно-транспортные происшествия: расследование, реконструкция, экспертиза. СПб.: ДНК, 2008. С. 390.
7. Бадиков Д. А. Бесконтактные дорожно-транспортные преступления: особенности расследования // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1(40). С. 78–83.
8. Чаплыгина В. Н. Проблемные аспекты расследования отдельных видов ДТП // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования: Сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Орёл, 25–26 апреля 2024 года. Орёл: Орловский юридический институт МВД РФ им. В.В. Лукьянова, 2024. С. 211–217.
9. Пинчук Л. В. Следственные ситуации и программы действий следователя на последующем этапе расследования дорожно-транспортных преступлений // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 241–248.
10. Селедников Н. В. Типичные следственные ситуации первоначального этапе расследования уголовных дел о ДТП и алгоритм действий следователя // Рефлексия. 2024. № 4. С. 96–99.
11. Колычева А. Н. Проблемы назначения и производства комплексных судебно-медицинских экспертиз при расследовании преступлений в области дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2024. № 1. С. 64–67.

1. Losev P. A. Osobennosti proizvodstva e`kspertny`x issledovanij «beskontaktny`x» DTP // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 1. S. 190–192.
2. Suchkov A. I. Osobennosti proizvodstva otdel`ny`x sledstvenny`x dejstvij pri rassledovanii sprovocirovanny`x DTP // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 2(95). S. 232–241.

3. Sretencev A. N. Sravnitel`no-pravovoj analiz deyatel`nosti po rassledovaniyu DTP v Rossijskoj Federacii i Respublike Nikaragua // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 1(98). S. 220–227.
4. Belkin R. S. Kriminalistika: problemy`, tendencii, perspektivy`. Ot teorii k praktike. M., 1988.
5. Vasil`ev A. N. Problemy` metodiki rassledovaniya otdel`ny`x vidov prestuplenij. M., 1978.
6. Evtyukov S. A., Vasil`ev Ya. V. Dorozhno-transportny`e proisshestviya: rassledovanie, rekonstrukciya, e`kspertiza. SPb.: DNK, 2008.
7. Badikov D. A. Beskontaktny`e dorozhno-transportny`e prestupleniya: osobennosti rassledovaniya // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2024. № 1(40). S. 78–83.
8. Chaply`gina V. N. Problemny`e aspekty` rassledovaniya otdel`ny`x vidov DTP // Upravlenie deyatel`nost`yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy`, puti sovershenstvovaniya: Sbornik materialov XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2-x chastyax, Oryol, 25–26 aprelya 2024 goda. Oryol: Orlovskij yuridicheskij institut MVD RF im. V.V. Luk`yanova, 2024. S. 211–217.
9. Pinchuk L. V. Sledstvenny`e situacii i programmy` dejstvij sledovatelya na posleduyushhem e`tape rassledovaniya dorozhno-transportny`x prestuplenij // Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. 2019. № 4. S. 241–248.
10. Selednikov N. V. Tipichny`e sledstvenny`e situacii pervonachal`nogo e`tape rassledovaniya ugolovny`x del o DTP i algoritm dejstvij sledovatelya // Refleksiya. 2024. № 4. S. 96–99.
11. Koly`cheva A. N. Problemy` naznacheniya i proizvodstva kompleksny`x sudebno-medicinskix e`kspertiz pri rassledovanii prestuplenij v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2024. № 1. S. 64–67.

Информация об авторе

Андрей Игоревич Сучков. Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного следствия в ОВД.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the author

Andrei Ig. Suchkov. Head Teacher of the chair of Criminalistics and Preliminary Investigation at the Internal Affairs Department.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova st., 2.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted October 16, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 343.98

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Таршева Мира Николаевна[1], Матросова Лидия Дмитриевна[2]
[1,2]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

[1]mirra_2023@internet.ru
[2]itdovd@gmail.com

Аннотация. Актуальность тематики исследования обусловлена необходимостью решения проблем обнаружения, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, увеличением их числа в течение последних лет (проанализирован период 2019–2024 г.г.), сохранением скрытости и низким уровнем раскрытия. На основании анализа статистических и литературных источников авторами обозначен ряд основных проблем в раскрытии и расследования преступлений в сфере информационных технологий; предлагаются варианты решения таковых.

Ключевые слова: IT-преступления, киберпреступность, информационные технологии, раскрытие и расследование преступлений, уголовное судопроизводство, vpn, proxy-сервер.

Для цитирования: Таршева М. Н., Матросова Л. Д. Проблемные вопросы раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 242–249.

PROBLEMATIC ISSUES OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGY

Mira N. Tarsheva[1], Lidiya D. Matrosova[2]
[1,2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]mirra_2023@internet.ru
[2]itdovd@gmail.com

Annotation. The relevance of the research topic is due to the need to solve the problems of detection, disclosure and investigation of crimes committed using information technology, an increase in their number in recent years (the period 2019-2024), the preservation of secrecy and a low level of disclosure. Based on the analysis of statistical and literary sources, the authors identify a number of main problems in the detection and investigation of crimes in the field of information technology, and propose solutions to such.

Keywords: IT crimes, cybercrime, information technology, disclosure and investigation

For citation: Tarsheva M. N., Matrosova L. D. Problematic issues of disclosure and investigation of crimes in the field of information technology // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 242–249.

Стремительное развитие информационных технологий привело к разительным изменениям в обществе, которые не могли не затронуть такое социальное явление, как преступность. Террористические организации, преступные сообщества, иностранные государства, враждебно настроенные по отношению к нашей стране, очень умело и достаточно активно используют «возникший разрыв между удобством и безопасностью информационно-коммуникативных технологий (далее – ИКТ)» [1, с. 190], создавая серьёзные угрозы безопасности граждан, общества и государства.

Одним из приоритетных направлений национальной безопасности обозначено обеспечение информационной безопасности и укрепление суверенитета информационного пространства нашего государства. Для достижения вышеуказанной цели решается ряд задач, закреплённых в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в том числе «создание условий для эффективного предупреждения, выявления и пресечения преступлений и иных правонарушений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий»[1].

Наиболее ощутимый рост преступлений, совершённых с использованием информационных-телекоммуникационных технологий, пришёлся именно на период после 2019 года, который был ознаменован постоянно увеличивающимся объёмом людей, одновременно находящихся в киберпространстве (в том числе ввиду изоляции, вызванной пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19) [2, с. 58]. В 2019 году в качестве ответа на такой вызов, как стремительный рост ИКТ-преступности, в структуре МВД России были созданы подразделения, специализирующиеся на расследовании преступлений, совершённых с использованием информационных технологий; в сентябре 2022 года Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина в структуре МВД – Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – УБК). Создание УБК было обусловлено ростом компьютерных атак, кибермошенничества и незаконной цифровой деятельности.

УБК стало ведущим подразделением МВД в борьбе с киберпреступностью, задачами которого являются предотвращение, выявление и пресечение преступлений в сфере IT-технологий; анализ данных в информационно-телекоммуникационных сетях в целях выявления запрещённого контента, а также координация действий в рамках ведомства; осуществление взаимодействия с ФСБ, государственными органами, финансовыми учреждениями, организациями, занимающимися информационными технологиями, а также другими участниками информационного обмена, включая агрегаторов данных. Уровень важности вопроса, касающегося совершенствования деятельности правоохранительных органов по противодействию ИКТ-преступности, очевиден. Значимость такой деятельности обозначается Президентом Российской Федерации В. В. Путиным, освещается в докладах и выступлениях руководителей отраслевых ведомств.

7 мая 2024 года Президентом России В. В. Путиным подписан Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[2], нацеливающий на «создание системы эффективного противодействия преступлениям, совершённым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, снижение ущерба от их совершения». В 2024 году на расширенном заседании коллегии МВД России Президент отметил, что в 2023 году

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный доступ]: указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный доступ]: указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2024 № 309. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

увеличилось количество зарегистрированных преступлений с использованием ИКТ, и заключил, что «нужно серьёзно совершенствовать механизмы борьбы с правонарушениями в этой сфере, работать на опережение»[1].

В последние 5 лет (нами был проанализирован период с 2019 по 2024 год) отмечается ежегодное увеличение количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Так, в 2019 году было зарегистрировано 294,4 тыс. преступлений[2]; в 2020 году – 510,4 тыс.[3]; в 2021 году – 517,7 тыс.[4]; в 2022 году – 522,1 тыс.[5]; в 2023 году – 677 тыс.[6]; в 2024 (за январь-август) – 500,4 тыс., что уже на 16,4% больше, чем за аналогичный период прошлого года[7]. Учитывая высокий процент латентной преступности, совершаемой с использованием информационных технологий, надо понимать, что реальные цифры таковой значительно превышают представленные выше.

Что же касается уровня раскрываемости, то в 2020 году из 510,4 тыс. было раскрыто 94 942 преступления; в 2021 году из 517,7 тыс. – 118 920 преступлений, в 2022 году – из 522,1 тыс. 288 312 преступлений, в 2023 году – из 677 тыс. 172 290 преступлений, в 2024 году (по состоянию за период январь-август) 120 254 преступления. Можем заключить, что проведённые организационно-штатные изменения структуры МВД России позволили повысить уровень раскрываемости ИКТ-преступности, особенно ярко нам говорят об этом статистические данные за 2021–2022 годы, однако процент раскрываемости преступлений с использованием информационных технологий остаётся низким. В связи с этим имеется необходимость в более детальном рассмотрении проблем, связанных с раскрытием и расследованием преступлений, совершаемых с применением информационных технологий. Неслучайно, что среди учёных-юристов и практиков наблюдается большой интерес к рассматриваемой тематике исследования. В ходе подготовки научной статьи мы проанализировали работы следующих авторов: Ю. В. Гаврилина и А. Г. Парадникова [3], А. Ю. Коптяева [4], Н. С. Костенко, Г. М. Семененко, А. А. Пшеничкина [5], В. С. Овчинского [1] и других видных учёных.

Проблематика настоящего исследования требует прояснения большого количества вопросов, и в первую очередь стоит определиться с такими дефинициями, как «информационные технологии», «преступления, совершённые с использованием информационных технологий», «киберпреступность», «преступления в сфере компьютерной информации» для того, чтобы понимать, о каких противоправных деяниях идёт речь.

Ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закреплено, что «информационные технологии – процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки,

---

[1] Выступление Президента Российской Федерации на заседании расширенной коллегии МВД [Электронный доступ]: URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770 (дата обращения: 21.10.2024).

[2] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2019 года // Электронный доступ: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/ (дата обращения: 21.10.2024).

[3] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2020 года // Электронный доступ: file:///C:/Users/prepod/AppData/Local/Temp/MicrosoftEdgeDownloads/4d3ec50c-6f27-4d87-bbd4-cdd10b37375c/Sb_2012.pdf (дата обращения: 21.10.2024).

[4] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2021 года // Электронный доступ: file:///C:/Users/prepod/Music/Desktop/Sb_21_12.pdf (дата обращения: 21.10.2024).

[5] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2022 года // Электронный доступ: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/ (дата обращения: 21.10.2024).

[6] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2023 года // Электронный доступ: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/ (дата обращения: 21.10.2024).

[7] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - август 2024 года // Электронный доступ: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/55225633/ (дата обращения: 21.10.2024).

предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов» [6]. Таким образом, спектр используемых в преступной деятельности информационных технологий достаточно широк: общедоступные социальные сети, компьютерная техника, а также различные средства связи, программное и аппаратное обеспечение, которое помогает скрывать следы преступлений, шифровать действия преступника и т. д. К преступлениям в области информационных технологий можно отнести распространение вирусов, взлом паролей, кражу данных банковских карт и других финансовых сведений, а также распространение незаконной информации через интернет, такой как клевета, порнографический контент, материалы, подстрекающие к межнациональной и межрелигиозной ненависти, и т. д. Также под преступлениями в области компьютерной информации понимаются действия, вмешивающиеся в работу различных систем критической инфраструктуры через компьютерные сети и нарушающие информационную безопасность нашей страны.

В юридической литературе отмечается, что как в отечественной, так и в международной правовой практике не выработан единый подход к определению основных понятий и терминов в области противодействия ИТ-преступности, хотя и существует некая унификация дефиниций, ставшая возможной в рамках заключения международных договоров в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий [7, с. 75].

В большинстве зарубежных стран для обозначения преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, применяется термин «киберпреступность», который используется в Будапештской Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации. В тексте Конвенции обозначены четыре основные категории киберпреступлений: 1) преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем; 2) преступления, связанные с использованием компьютерных средств; 3) преступления, связанные с содержанием данных; 4) преступления, связанные с нарушением авторского права и смежных прав [7, с. 79].

В российской научной доктрине отмечается дифференциация таких основополагающих терминов и понятий, как «преступления, совершённые с использованием информационных технологий», «киберпреступность», «преступления в сфере компьютерной информации». Нельзя не заметить, что легитимный для уголовного права термин «преступления в сфере компьютерной информации» является составной частью «преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий» и по своему содержанию гораздо уже первого [8, с. 76]. Анализ норм материального права позволяет нам сделать вывод, что объектом преступлений, закреплённых в гл. 28 УК РФ, является компьютерная информация, предметом же – информация, объекты информатизации, информационные системы, сайты, сети связи, а также информационные технологии.

К преступлениям, совершённым с использованием информационных технологий, следует относить и такие противоправные деяния, где объектом преступного посягательства информация не является, однако информационные технологии (технические средства, аппаратно-программные комплексы, информация в виде кодов, паролей и т. д.) выступают в качестве орудия или средства его совершения [6, с. 8].

На наш взгляд, А. И. Мысина достаточно точно определила, что «под преступлением в сфере ИТ следует понимать противоправное общественно опасное виновно совершённое уголовно наказуемое деяние, причиняющее вред или создающие опасность причинения вреда личности, государству или международному сообществу, предметом посягательства которого являются ИТ, и/или которое совершено с использованием ИТ» [8, с. 12].

Таким образом, к преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий, следует относить общественно опасные деяния в сфере компьютерной информации, закреплённые гл. 28 УК РФ, а также ответственность за которые предусмотрена статьями Особенной части уголовного законодательства, совершаемые с использованием информационных технологий.

Приводя к стремительному росту и популярности, основной причиной киберпреступности является её высокая прибыльность, сопровождаемая низким риском наказания, ввиду распространения программных средств и методов, обеспечивающих анонимность пользователей в сети Интернет, а также оказывающих противодействие установлению личности виновного лица. С помощью современных информационных технологий стало возможно совершать преступления, находясь при этом на значительном расстоянии от потерпевшего (в другом городе или государстве). Очевидно, что такая анонимность создаёт благоприятную почву и для совершения преступлений, в том числе особо тяжких преступлений террористической и экстремистской направленности, а также связанных с распространением наркотических средств и психотропных веществ, и для легализации добытых преступным путём доходов. Кроме того, мошенники мастерски используют все имеющиеся данные открытых источников, современные технологии и знания психологии человека, чтобы получить у людей необходимую информацию для доступа к их персональным данным.

Речь в данном случае идёт о таких информационных технологиях, обеспечивающих анонимность в сети, как *VPN* (виртуальная частная сеть) и proxy-сервер. Как правило, VPN-сервер осуществляет шифрование данных между двумя точками, а также сокрытие IP-адреса, необходимого для определения местонахождения пользователя. Решение обозначенной проблемы учёные видят в законодательном обеспечении блокирования доступа анонимных пользователей в телекоммуникационную, банковскую и государственные сферы услуг [1; 9, с. 242].

Следующей проблемой являются недостатки взаимодействия между государственными, правоохранительным органами, учреждениями кредитно-банковской сферы, операторами мобильной связи, интернет-провайдерами и пр., что приводит к неэффективности мер по борьбе с ИТ-преступностью. Например, речь идёт об отсутствии оперативности при получении искомой информации сотрудниками органов предварительного расследования. Правоохранительные органы получают такую информацию посредством получения ответов на направляемые запросы, проведения оперативно-разыскных или следственных действий через судебное санкционирование. Как следствие, сроки доследственных проверок продлеваются, а шансы на раскрытие преступлений снижаются. Ещё одной неприятностью в вопросах взаимодействия органов предварительного расследования и банковских организаций являются малые сроки хранения информации, представляемой в виде видеоизображений с банкоматов или непосредственных помещений банков [7, с. 195]. Стоило бы проработать вопрос увеличения сроков их хранения.

Вопрос налаживания электронного взаимодействия с возможностью получения искомой информации в кратчайшие сроки требует своего разрешения с учётом современных технических и технологических возможностей. Не менее остро стоит вопрос совершенствования международного сотрудничества при расследовании преступлений в сфере информационных технологий при получении информации от зарубежных поставщик банковских услуг, услуг связи.

В научной литературе можно встретить инициативу об изменении порядка проведения следственных действий, затрагивающих конституционные права участников уголовного судопроизводства, при расследовании ИТ-преступлений. Е. С. Храмцов предлагает законодательно закрепить возможность проведения

СД и получения информации без судебного решения в случаях, не терпящих отлагательств, с последующим уведомлением прокурора и судьи и, соответственно, судебным санкционированием [9, с. 242]. Полагаю, что предложение учёного стоило поддержать.

Деятельность по выявлению, раскрытию и предварительному расследованию преступлений, совершённых с использованием современных информационных технологий, имеет свои особенности. Ошибки, допускаемые следователями, чаще всего связаны с недостатками в их профессиональной подготовке для работы в этой сфере криминалистики. Одной из основных причин низкого качества предварительного расследования таких преступлений является отсутствие эффективных методических разработок, в которых были бы использованы самые современные информационные технологии. Кроме того, ИКТ-преступность быстро подстраивается под происходящие изменения в сфере информационных технологий, меняя способы совершения преступлений. Правоохранительные органы не отличаются таким высоким уровнем адаптации. На практике возникают серьёзные трудности с обнаружением, фиксацией и изъятием криминалистически значимой информации для использования в качестве доказательств в уголовном деле. Основное отличие ИТ-преступлений заключается в том, что их предотвращение и расследование невозможно без знаний и навыков работы с современными информационными технологиями, которые требуют, в том числе, обращения с цифровыми доказательствами. Поэтому необходимо осуществлять подготовку и переподготовку специалистов для эффективной борьбы с такими преступлениями.

Перечень обозначенных проблем раскрытия и расследования ИТ-преступлений, конечно, не является исчерпывающим, мы продолжим исследовать таковые, предлагая варианты их разрешения. В заключение отметим, что в современных условиях непрекращающегося развития информационных технологий становится очевидным, что государство должно разработать эффективные и согласованные внутренне меры для борьбы с новыми цифровыми угрозами. Общество сейчас больше всего нуждается в поиске оптимальной модели регулирования цифровой экономики, обеспечении правопорядка и защиты интересов личности, общества и государства от новых цифровых угроз.

---

1. Бабушкин А. А. Формирование системы оперативно-розыскного контроля органов внутренних дел за лицами, склонными к совершению преступлений, в условиях развития информационного общества // Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2024. 630 с.
2. Лысенко Е. С., Семенов Е. Ю. Борьба с преступностью в условиях развития информационного общества // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 4(93). С. 57–64.
3. Гаврилин Ю. В., Парадников А. Г. Совершенствование выявления, раскрытия и расследования хищений, совершенных и использованием информационных банковских технологий (по итогам Всероссийского онлайн-семинара) // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2(54). С. 123–130.
4. Коптяев А. Ю. Расследование преступлений, совершенных с использованием современных информационно-коммуникационных технологий: учебное пособие. Тюмень, 2022. 78 с.
5. Костенко Н. С., Семененко Г. М., Пшеничкин А. А. Основные проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, на современном этапе // Вестник Воронежского института МВД России № 4. 2020. № 4. С. 193–196.

6. Информационные технологии в уголовно-правовой сфере: монография / под ред. А. И. Бастрыкина, А. Н. Савенкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 279 с.
7. Мысина А. И. Международно-правовое регулирование сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. 35 с.
8. Храмцов Е. С. Оптимизация уголовно-процессуального законодательства в области доказывания по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России – 2022. № 2 (58). С. 239–243.

1. Babushkin A. A. Formirovanie sistemy` operativno-rozy`sknogo kontrolya organov vnutrennix del za liczami, sklonny`mi k soversheniyu prestuplenij, v usloviyax razvitiya informacionnogo obshhestva // Operativno-rozy`sknaya deyatel`nost` v cifrovom mire: sbornik nauchny`x trudov / pod red. V. S. Ovchinskogo. M.: INFRA-M, 2024. 630 s.
2. Ly`senko E. S., Semenov E. Yu. Bor`ba s prestupnost`yu v usloviyax razvitiya informacionnogo obshhestva // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2022. № 4(93). S. 57–64.
3. Gavrilin Yu. V., Paradnikov A. G. Sovershenstvovanie vy`yavleniya, raskry`tiya i rassledovaniya xishhenij, sovershenny`x i ispol`zovaniem informacionny`x bankovskix texnologij (po itogam Vserossijskogo onlajn-seminara) // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 2(54). S. 123–130.
4. Koptyaev A. Yu. Rassledovanie prestuplenij, sovershenny`x s ispol`zovaniem sovremenny`x informacionno-kommunikacionny`x texnologij: uchebnoe posobie. Tyumen`, 2022. 78 s.
5. Kostenko N. S., Semenenko G. M., Pshenichkin A. A. Osnovny`e problemy` raskry`tiya i rassledovaniya prestuplenij, sovershaemy`x s ispol`zovaniem informacionno-telekommunikacionny`x texnologij, na sovremennom e`tape // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii № 4. 2020. № 4. S. 193–196.
6. Informacionny`e texnologii v ugolovno-pravovoj sfere: monografiya / pod red. A. I. Bastry`kina, A. N. Savenkova. M.: YuNITI-DANA, 2023. 279 s.
7. My`sina A. I. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie sotrudnichestva gosudarstv po protivodejstviyu prestupleniyam v sfere informacionny`x texnologij: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 2021. 35 c.
8. Xramczov E. S. Optimizaciya ugolovno-processual`nogo zakonodatel`stva v oblasti dokazy`vaniya po ugolovny`m delam o prestupleniyax protiv sobstvennosti, sovershenny`x s ispol`zovaniem informacionno-kommunikacionny`x texnologij // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – 2022. № 2 (58). S. 239–243.

Информация об авторах

Мира Николаевна Таршева. Преподаватель кафедры информационных технологий в деятельности ОВД. Кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Лидия Дмитриевна Матросова. Начальник кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел. Кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Mira N. Tarsheva. Lecturer at the Department of Information Technology in the Activities of the Department of Internal Affairs, Candidate of Law.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Orel, Ignatova st., 2.

Lidya D. Matrosova. Chief of the Department of Information technologies in Ministry of Internal Affairs. Candidate of Juridical Sciences, dozent.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Orel, Ignatova str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 17.10.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted October 17, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 343.985.1

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ ТИПИЧНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ, СКЛАДЫВАЮЩИХСЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Тишутина Инна Валерьевна[1], Кононов Павел Анатольевич[2]
[1]Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[2]Академия МВД Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь

[1]inna_tishutina@mail.ru
[2]kononov.pascha@yandex.by

Аннотация. В статье отмечается, что общая картина аварийности на дорогах Республики Беларусь показывает, что дорожно-транспортная сфера является одной из наиболее криминогенных. Постоянно увеличивается число дорожно-транспортных происшествий с участием лиц, управляющих средствами персональной мобильности. Подчёркивается проявляющаяся в этой связи специфика современных дорожно-транспортных преступлений и необходимость подготовки методических рекомендаций по расследованию данного вида преступлений с опорой на типизацию следственных ситуаций, складывающихся при расследовании преступлений, участниками которых выступают лица, управляющие средствами персональной мобильности. На основе изучения практики, всестороннего анализа научной литературы по проблематике расследования дорожно-транспортных происшествий предложена авторская классификация следственных ситуаций и типовой алгоритм деятельности по их разрешению.

Ключевые слова: следственная ситуация, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, дорожно-транспортные преступления, средства индивидуальной мобильности, расследование.

Для цитирования: Тишутина И. В., Кононов П. А. Об отдельных аспектах изучения типичных следственных ситуаций, складывающихся при расследовании дорожно-транспортных преступлений (опыт Республики Беларусь) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 250–258.

ON CERTAIN ASPECTS OF THE STUDY OF TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS ARISING DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST TRAFFIC SAFETY AND TRANSPORT OPERATION (EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

Inna V. Tishutina[1], Pavel An. Kononov[2]
[1]Moscow university the Ministry of Internal Affairs of Russia behalf of V.Y. Kikot, Moscow, Russia
[2]Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

[1]inna_tishutina@mail.ru
[2]kononov.pascha@yandex.by

Annotation. The article notes that the overall picture of accidents on the roads of the Republic of Belarus shows that the road transport sector is one of the most crime-prone. The number of road accidents involving persons driving personal mobility vehicles is constantly increasing. The specificity of modern road traffic crimes manifested in this regard and the need to prepare methodological recommendations for the investigation of this type of crime based on the typification of investigative situations that arise during the investigation of crimes involving persons driving personal mobility vehicles are emphasized. Based on the study of practice, a comprehensive analysis of scientific literature on the problems of investigating road traffic accidents, the author's classification of investigative situations and a standard algorithm for resolving them are proposed.

Key words: investigative situation, crimes against traffic safety and transport operation, road traffic crimes, personal mobility vehicles, investigation.

For citation: I. V. Tishutina, P.A. Kononov On certain aspects of the study of typical investigative situations arising during the investigation of crimes against traffic safety and transport operation (experience of the Republic OF Belarus) // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 250–258.

Уровень криминогенности дорожно-транспортной сферы в Республике Беларусь довольно высок: с 2016 по 2023 год по ст. 317 УК Республики Беларусь «Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств» количество возбуждённых уголовных дел возросло в три раза [1, с. 4–6]. При этом раскрываемость не превышает 40 %. В общей массе регистрируемых происшествий 33–38 % составляют дорожно-транспортные происшествия с участием пешеходов, в качестве которых по действующему законодательству Республики Беларус выступают лица, управляющие средствами персональной мобильности: электросамокатами, моноколесами, сигвеями, гироскутерами и т. п., широко используемыми в последние годы. Так, в 2022 году прирост преступлений, участниками которых стали лица, управлявшие средствами персональной мобильности, составил 44,8 % по отношению к предыдущему периоду. В сложившейся ситуации остро встаёт вопрос разработки новых и совершенствования существующих методических рекомендаций по расследованию дорожно-транспортных преступлений с акцентом на появление новых участников дорожного движения.

Общие методические вопросы расследования дорожно-транспортных преступлений довольно основательно были освещены в криминалистической литературе в середине прошлого века, и на их базе были подготовлены и с успехом использовались на практике соответствующие методические пособия [2; 3; 4; 5]. Принимая во внимание, что многие аспекты механизма таких происшествий не претерпели серьёзных изменений: определённая часть методических рекомендаций вполне может быть воспринята современной следственной практикой с поправкой на особенности технической модификации средств передвижения, актуальную редакцию правил дорожного движения и появление принципиально новых средств передвижения.

В начале XXI века рядом авторов осуществлялись работы, направленные на совершенствование и обновление научно-теоретических основ расследования дорожно-транспортных преступлений, преодоление противодействия их расследованию и т. п., для последующей переработки методических основ расследования дорожно-транспортных преступлений [6; 7; 8]. Однако в этих работах ещё не затрагивались вопросы, связанные с появлением в числе участников дорожного движения лиц, управляющих средствами персональной мобильности. Тем временем практика уверенно менялась, и в настоящий момент проблемы расследования дорожно-транспортных преступлений с их участием приобрели особую значимость.

Расследование любого вида или группы преступлений принципиально во многом определяется ситуационным подходом. Он позволяет выстроить алгоритм действий и определить приоритетность задач. Бесспорно, что учёт условий места, времени, окружающей среды, особенно во взаимосвязи со специфичными для конкретной ситуации процессами объективной действительности, важен для достижения целей эффективности расследования.

С середины прошлого века ситуационный подход привлекает внимание ведущих учёных-криминалистов, и это закономерно, поскольку, только оценив ту обстановку, которая сложилась на определённом этапе расследования, можно грамотно с расчётом на ожидаемый результат спланировать и скоординировать действия всех субъектов расследования. Неслучайно пристальное внимание научным дискуссиям о становлении ситуационного подхода уделено Р. С. Белкиным в его знаменитом «Курсе криминалистики», где он отразил теоретические подходы к формированию понятия, содержания следственной ситуации, интерес к которым проявили А. Н. Васильев, В. К. Гавло, И. Ф. Герасимов, Л. Я. Драпкин, А. Н. Колесниченко, В. А. Образцов, Н. П. Яблоков, и отметил проявившуюся уже в тот период и сохранившуюся впоследствии двойственность позиций учёных по вопросу о природе и, соответственно, месте в науке учения о следственной ситуации с опорой на тактический и методический компонент [9; с. 129–139].

Несмотря на то, что величайшие криминалисты прошлого (начала текущего столетия) были достаточно прозорливы в своих научных мыслях и определении перспектив дальнейшего развития криминалистики, тем не менее, думается, что, разрабатывая вопросы ситуационного подхода, Л. Я. Драпкин мог не предполагать, что сегодня потомки, опираясь на его неоценимый вклад в науку, будут говорить о ситуациях расследования не тех дорожно-транспортных преступлений, которые были широко известны во времена его практики, а о тех, в которых уже появились и продолжают появляться на дорогах общего пользования новые средства передвижения. И если сегодня мы, к сожалению, исключительно под давлением практики, а не на основе предиктивной аналитики говорим о следственных ситуациях дорожно-транспортных преступлений с участием лица, управляющего средством персональной мобильности, то скоро мы будем вынуждены обсуждать ситуации расследования с участием беспилотного транспортного средства.

Нами за основу взято понимание следственной ситуации как «…динамической информационной системы, элементами которой являются существенные признаки и свойства обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу, связи и отношения между ними, а также между участниками процесса расследования, наступившие или предполагаемые результаты действий сторон…» [10, с. 28–29]. При этом важно помнить, что в силу постоянно меняющегося объёма и характера информации в распоряжении субъекта расследования, которым определяется динамичность следственной ситуации, её сущность непостоянна.

Диагностирование особенностей следственной ситуации во многом зависит от личного опыта лица, производящего расследование, как в целом, так и в отношении конкретной категории дел. Особенно ярко такая зависимость проявляется именно при расследовании преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, поскольку, в отличие от большинства иных уголовных дел, в данном случае налицо специфический технический компонент, знание и понимание которого крайне важно для эффективного разрешения следственной ситуации.

И в этой связи в качестве теоретической основы следует принимать во внимание, на наш взгляд, оба обозначенных выше подхода учёных во взглядах на сущность следственной ситуации, поскольку, даже отрицая понимание её как реальной

обстановки (В. К. Гавло, Л. Я. Драпкин), в конечном счёте, к ней необходимо обращаться, чтобы показать соотношение её с информационной моделью.

По нашему глубокому убеждению, в настоящее время следственная ситуация является элементом системы криминалистического обеспечения расследования, а точнее его составляющей – организационного обеспечения. Такой подход считаем обоснованным и применительно к расследованию дорожно-транспортных преступлений. При этом закономерно, что вопросы типизации следственных ситуаций по данной категории уголовных дел, рассматривавшиеся в трудах учёных, посвятивших свои исследования изучению различных проблемных аспектов их расследования [11; 12; 13; 14; 15], опирались в этом отношении на сложившиеся в науке общие классификационные подходы.

В качестве оснований предлагаемых в науке классификаций типичных следственных ситуаций по уголовным делам о дорожно-транспортных преступлениях выступают: место нахождения потерпевшего на момент происшествия [16, с. 41–51]; позиция по уголовному делу подозреваемого в совершении данного вида преступлений [17, с. 165–166; 18, с. 79–80]; расположение транспортного средства после происшествия [19, с. 47–49]; место совершения наезда на пешехода [20, с. 63–64]. Ознакомление с данными классификациями позволяет сделать принципиально важный вывод: любые основания классификации могут быть востребованы, однако ни одна из них неуниверсальна по причине неполного охвата характеристик складывающейся ситуации. Осуществлявшиеся до последнего времени попытки учёта максимального количества факторов пока не позволили сформулировать универсальную типизацию.

Более того, в последние годы проявилась необходимость учитывать дополнительные параметры типизации следственных ситуаций, складывающихся при расследовании рассматриваемой категории уголовных дел – появление абсолютно новых средств передвижения, новых участков уличной дорожной сети. Острую потребность в обновлении методических рекомендаций в этой связи испытывают практические сотрудники, что было установлено нами в результате исследования – на это указали 88,2 % следователей и 87,2 % сотрудников ГАИ. Ежегодное увеличение числа фактов участия лиц, управляющих средствами персональной мобильности, в преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспорта при практически полном отсутствии методических рекомендаций, основанных на научно осмысленной и систематизированной информации о них, существенно усложняет процесс разрешения таких ситуаций, а соответственно, и весь процесс расследования или производства проверки по поступившим материалам.

Поскольку комплекс действий по разрешению типичной следственной ситуации предопределяется особенностями конкретной ситуации, складывающейся в рамках материалов определённого дела, полагаем целесообразным, рассматривая типизацию следственных ситуаций по уголовным делам о дорожно-транспортных происшествиях, брать за основу сложившуюся в науке классическую систему, предполагающую их деление на типичные и специфические, благоприятные и неблагоприятные, конфликтные и бесконфликтные.

Следует отметить, что при расследовании дорожно-транспортных преступлений особую значимость приобретает ситуация доследственной проверки, поскольку именно она, сформировавшись к моменту прибытия следственно-оперативной группы на место происшествия, определяет алгоритм действий, направленный на её разрешение, а соответственно, и принятие решения о возбуждении уголовного дела. Формирование такой ситуации осуществляется под влиянием различных факторов, которые в науке традиционно принято объединять в две группы: объективные и субъективные. Их перечень в определённой степени универсален и распространяется на ситуации по большинству преступлений.

Результаты изучения практики и проведённые ранее исследования проблем расследования рассматриваемой группы преступлений позволяют определить специфичные факторы, оказывающие принципиальное влияние на ситуацию доследственной проверки. Прежде всего, к ним относится наличие информации:

– о параметрах и характеристиках участка улично-дорожной сети;

– о количестве участников, их местонахождении на момент осмотра;

– о месте нахождения транспортных и иных средств передвижения;

– об «истории водительского удостоверения» участников происшествия (наличие нарушений ПДД, их количество, характер, частота и др.);

– о последствиях происшествия, очевидных на момент осмотра;

– о наличии протоколов видеофиксации происшествия [21, с. 123].

Традиционная классификация следственных ситуаций включает её разновидности в зависимости от степени конфликтности обстановки, в которой осуществляется расследование. Следует отметить, что в процессе доследственной проверки по рассматриваемой категории дел конфликтность ситуации во многом определяется характеристиками «водительской истории» участников происшествия: сроком водительского стажа, наличием систематических нарушений правил, их количеством, непогашенными штрафами и т. п. В дальнейшем характер ситуации может меняться с появлением дополнительных обстоятельств в ходе расследования и определением виновника происшествия.

Результаты изучения практики и опыт предыдущих исследователей проблематики расследования дорожно-транспортных происшествий дали нам основания для объединения всех складывающихся в настоящее время типичных следственных ситуаций доследственной проверки в зависимости от того, каковы характеристики места происшествия. Это позволило представить систему более высокой степени обобщения, так называемый первый уровень. В частности, когда происшествие имело место:

1) на проезжей части дороги, где регулирование осуществляется дорожной разметкой или знаками;

2) за пределами проезжей части дороги:

– в зоне, где возможно движение обоих или одного из участников,

– в неположенном для движения участника произошедшего события месте;

3) на проезжей части дороги, где регулирование осуществляется согласно ПДД, в отсутствие дорожной разметки, знаков и светофорного объекта (зона индивидуальной жилой застройки, местные проезды и территории, прилегающие к жилой застройке);

4) на проезжей части дороги, где регулирование осуществляется светофорным объектом [21, с. 126].

На втором, более конкретном уровне систематизации на сущность следственной ситуации и её вид будут влиять дополнительно иные параметры, которые становятся очевидными на момент прибытия следственно-оперативной группы на место:

– наличие на месте всех участников события и технических средств;

– причины, по которым кто-либо отсутствует, и наличие информации об их местонахождении (скрылся, доставлен в учреждение здравоохранения и др.);

– соответствует ли место расположения транспортных средств их положению в момент происшествия (перемещались ли после контакта (столкновения, наезда и т. п.)).

С акцентом на участие в дорожно-транспортном происшествии лица, управлявшего средством персональной мобильности (СПМ), и с учётом результатов исследования систематизация типичных ситуаций на этапе доследственной проверки может быть представлена следующим образом:

– за пределами проезжей части дороги – 49 % (из них: 40 % – тротуар, пешеходная зона и др., 9 % – в неположенном для движения участника произошедшего события месте (вело/пешеходная дорожка);

– на проезжей части дороги, где регулирование осуществляется только дорожной разметкой и (или) знаками в 20 %;

– на проезжей части дороги, где регулирование осуществляется светофорным объектом (регулируемый пешеходный переход, перекрёсток) – 18 %;

– на проезжей части дороги, где регулирование осуществляется в соответствии с ПДД, в отсутствие дорожной разметки, знаков и светофорных объектов (характерно для зоны индивидуальной жилой застройки, местных проездов и прилегающей территории) – 13 %.

Конкретизация таких ситуаций с зависимости от места нахождения после происшествия лица, управлявшего СПМ, и самого средства, на основе результатов изучения практики, включает следующие разновидности:

– СПМ находится на месте происшествия, а лицо, управлявшее им, отсутствует 67,6 % (65,8 % – лицо доставлено в учреждение здравоохранения; 1,8 % – лицо покинуло место происшествия, оставив арендованное СПМ);

– СПМ и лицо, управлявшее им, находятся на месте происшествия – 18,9 %;

– СПМ и лицо, управлявшее им, отсутствуют на месте происшествия –13,5 % (7,2 % – доставлено вместе с собственником в учреждение здравоохранения; 6,3 % – лицо покинуло место происшествия на СПМ) [21, с. 128–129].

Разрешение типичных следственных ситуаций осуществляется тем эффективнее, чем более гибкий и максимально вариационный типовой алгоритм разработан для этих целей учёными с опорой на потребности практики. Спектр средств, которые могут быть использованы в этих целях, определён ст. 173 УПК РБ и включает комплекс следственных, процессуальных действий и организационных мероприятий. Типовые алгоритмы помогают следователю ориентироваться в сложной обстановке, при дефиците информации, который особенно свойствен для этапа доследственной проверки, уменьшают непродуктивные затраты времени, сил и средств. Нами предлагается базовый (типовой) алгоритм действий в рамках доследственной проверки по фактам дорожно-транспортных преступлений [21, с. 126–129]. В случае участия в преступлении лица, управлявшего средством персональной мобильности, обязательными элементами такого алгоритма должны быть: осмотр средства персональной мобильности (СПМ); направление запроса в службы кикшеринга о лицах, арендовавших данное средство персональной мобильности.

Большие сложности у практиков вызывает осмотр средства персональной мобильности, который должен включать:

1) осуществление измерений:

– габаритные размеры;

– колейность СПМ (одно-, двух-, трёхколейные);

2) осмотр поверхности (обнаружение следовой информации);

3) определение конструктивных особенностей и марки СПМ;

4) обнаружение USB, Type-C и сервисных портов и запечатление информации с бортового компьютера;

5) осуществление детальной фотосъёмки СПМ.

Таким образом, в заключениё подчеркнем, что благодаря базовым научно-теоретическим основам криминалистической ситуалогии, заложенным величайшими мэтрами криминалистики; совокупности научных исследований, проведённых учёными по проблемам расследования дорожно-транспортных преступлений; результатам изучения практики и выявленным потребностям нами предложена типизация следственных ситуаций, формирующихся по фактам дорожно-транспортных

преступлений, позволившая сформулировать типовой алгоритм их разрешения, направленный на повышение эффективности процесса расследования преступлений, связанных с нарушением правил безопасности движения автотранспорта.

Построенный нами алгоритм разрешения типичных исходных доследственных ситуаций по дорожно-транспортным преступлениям, участниками которых стали лица, управлявшие средствами персональной мобильности, позволит оптимизировать процесс выявления совокупности фактов, достаточных для возбуждения уголовного дела.

---

1. Сведения о состоянии дорожно-транспортной аварийности в Республике Беларусь в 2016–2022 г.: аналит. сб. / Сост.: М. Ю. Сороговец; под общ. ред. А. П. Барсуков, Д. М. Корзюк, В. Н. Гаркун, Н. А, Мельченко, Ю. Г. Назаренко. Минск: МВД РБ, 2017–2023. С. 4–6.
2. Автотранспортные происшествия и их расследование / Под ред. Н. С. Алексеева, И. Х. Максутова. М.: Госиздат Юридическая литература, 1962. 315 с.
3. Зотов Б. Л. Расследование и предупреждение автотранспортных происшествий. М.: Юридическая литература, 1972. 192 с.
4. Маландин И. Г. Происшествия и правонарушения на автомототранспорте и городском электротранспорте в СССР. Саратов: Изд-во Саратовский университет, 1968. 237 с.
5. Глистин В. К., Боровский Б. Е. Автотранспортные преступления: (квалификация и методика расследования). Ленинград, Изд-во Ин-та усовершенствования следственных работников органов прокуратуры и МВД СССР, 1969. 134 с.
6. Кутафин В. Н. Расследование дорожно-транспортных происшествий: практическое руководство. Ростов на Дону: Феникс, 2007. 256 с.
7. Кисляков С. В. Основы расследования дорожно-транспортных происшествий с причинением вреда здоровью человека. Монография. Владимир: Библиорг, 2016. 85 с.
8. Головин А. Ю., Грибунов О. П., Бибиков А. А. Криминалистические методы преодоления противодействия расследованию транспортных преступлений: монография. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2015. 164 с.
9. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3-х томах. Т.3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1979. 480 с.
10. Драпкин Л. Я. Понятие и классификация следственных ситуаций // следственные ситуации и раскрытие преступлений. Научные труды Свердловского юридического института. Свердловск, 1975. Вып. 41. С. 27–34.
11. Ким О. Д. Проблемы и пути совершенствования расследования ДТП на основе научных знаний: дис. … докт. юрид. наук. Бишкек, 1998. 438 с.
12. Коленко А. Д. Проблемы расследования дорожно-транспортных преступлений: на материалах Приморского края: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004.
13. Ремизов С. М. Противодействие расследованию дорожно-транспортных преступлений: криминалистические методы его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 241 с.
14. Зуев П. М. Исследование обстановки места происшествия при наездах транспортных средств на пешеходов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. 189 с.
15. Лысенко В. В. Собирание, проверка и оценка сведений о временных характеристиках дорожно-транспортного преступления: дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. 139 с.
16. Алексеев А. Г. Методика расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в условиях неочевидности: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 187 с.
17. Онучин А. П. Проблемы расследования дорожно-транспортных происшествий с учетом ситуационных факторов. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 184 с.

18. Кольчурин А. Г. Особенности расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в сельской местности: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 223 с.
19. Китаев Е. В. Методика реконструкции параметров движения транспортного средства по характеру деформации его деталей при дорожно-транспортном происшествии: дис. ... канд. юрид. наук: Волгоград, 2005. 189 с.
20. Скачек Р. В. Расследование дорожно-транспортных преступлений, связанных с наездами на пешеходов: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2012. 187 с.
21. Кононов П. А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с нарушением правил безопасности движения автотранспорта (по материалам Республики Беларусь): дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. 286 с.

1. Svedeniya o sostoyanii dorozhno-transportnoj avarijnosti v Respublike Belarus` v 2016–2022 g.: analit. sb. / Sost.: M. Yu. Sorogovecz; pod obshh.
red. A. P. Barsukov, D. M. Korzyuk, V. N. Garkun, N. A, Mel`chenko, Yu. G. Nazarenko. Minsk: MVD RB, 2017–2023. S. 4–6.
2. Avtotransportny`e proisshestviya i ix rassledovanie / Pod red. N. S. Alekseeva, I. X. Maksutova. M.: Gosizdat Yuridicheskaya literatura, 1962. 315 s.
3. Zotov B. L. Rassledovanie i preduprezhdenie avtotransportny`x proisshestvij. M.: Yuridicheskaya literatura, 1972. 192 s.
4. Malandin I. G. Proisshestviya i pravonarusheniya na avtomototransporte i gorodskom e`lektrotransporte v SSSR. Saratov: Izd-vo Saratovskij universitet, 1968. 237 s.
5. Glistin V. K., Borovskij B. E. Avtotransportny`e prestupleniya: (kvalifikaciya i metodika rassledovaniya). Leningrad, Izd-vo In-ta usovershenstvovaniya sledstvenny`x rabotnikov organov prokuratury` i MVD SSSR, 1969. 134 s.
6. Kutafin V. N. Rassledovanie dorozhno-transportny`x proisshestvij: prakticheskoe rukovodstvo. Rostov na Donu: Feniks, 2007. 256 s.
7. Kislyakov S. V. Osnovy` rassledovaniya dorozhno-transportny`x proisshestvij s prichineniem vreda zdorov`yu cheloveka. Monografiya. Vladimir: Bibliorg, 2016. 85 s.
8. Golovin A. Yu., Gribunov O. P., Bibikov A. A. Kriminalisticheskie metody` preodoleniya protivodejstviya rassledovaniyu transportny`x prestuplenij: monografiya. Irkutsk: FGKOU VO VSI MVD Rossii, 2015. 164 s.
9. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki. V 3-x tomax. T.3: Kriminalisticheskie sredstva, priemy` i rekomendacii. M.: Izd-vo Akademii MVD SSSR, 1979. 480 s.
10. Drapkin L. Ya. Ponyatie i klassifikaciya sledstvenny`x situacij // sledstvenny`e situacii i raskry`tie prestuplenij. Nauchny`e trudy` Sverdlovskogo yuridicheskogo instituta. Sverdlovsk, 1975. Vy`p. 41. S. 27–34.
11. Kim O. D. Problemy` i puti sovershenstvovaniya rassledovaniya DTP na osnove nauchny`x znanij: dis. … dokt. yurid. nauk. Bishkek, 1998. 438 c.
12. Kolenko A. D. Problemy` rassledovaniya dorozhno-transportny`x prestuplenij: na materialax Primorskogo kraya: dis. ... kand. yurid. nauk. Vladivostok, 2004.
13. Remizov S. M. Protivodejstvie rassledovaniyu dorozhno-transportny`x prestuplenij: kriminalisticheskie metody` ego preodoleniya: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006. 241 s.
14. Zuev P. M. Issledovanie obstanovki mesta proisshestviya pri naezdax transportny`x sredstv na peshexodov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1980. 189 s.
15. Ly`senko V. V. Sobiranie, proverka i ocenka svedenij o vremenny`x xarakteristikax dorozhno-transportnogo prestupleniya: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2002. 139 s.
16. Alekseev A. G. Metodika rassledovaniya dorozhno-transportny`x prestuplenij, sovershenny`x v usloviyax neochevidnosti: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2001. 187 s.
17. Onuchin A. P. Problemy` rassledovaniya dorozhno-transportny`x proisshestvij s uchetom situacionny`x faktorov. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1987. 184 s.

18. Kol`churin A. G. Osobennosti rassledovaniya dorozhno-transportny`x prestuplenij, sovershenny`x v sel`skoj mestnosti: dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2004. 223 s.
19. Kitaev E. V. Metodika rekonstrukcii parametrov dvizheniya transportnogo sredstva po xarakteru deformacii ego detalej pri dorozhno-transportnom proisshestvii: dis. ... kand. yurid. nauk: Volgograd, 2005. 189 s.
20. Skachek R. V. Rassledovanie dorozhno-transportny`x prestuplenij, svyazanny`x s naezdami na peshexodov: dis. ... kand. yurid. nauk. Minsk, 2012. 187 s.
21. Kononov P. A. Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya prestuplenij, svyazanny`x s narusheniem pravil bezopasnosti dvizheniya avtotransporta (po materialam Respubliki Belarus`): dis. … kand. yurid. nauk. M., 2023. 286 s.

Информация об авторах

Инна Валерьевна Тишутина. Профессор кафедры криминалистики. Доктор юридических наук, профессор.
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.
117437, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Павел Анатольевич Кононов. Преподаватель кафедры расследования преступлений следственно-экспертного факультета. Кандидат юридических наук.
Академия МВД Республики Беларусь.
220005, Республика Беларусь, г. Минск, пр-т Машерова, д. 6А.

Information about the authors

Inna V. Tishutina. Professor of department of criminalistics, Doctor of Law, Professor, Moscow university the Ministry of Internal Affairs of Russia behalf of V.Y. Kikot.
117437, Russia, Moscow, Akademika Volgina st., 12.

Pavel A. Kononov. Lecturer of the crime investigation department of the investigative and expert faculty, Candidate of legal sciences.
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus.
220005, Republic of Belarus, Minsk, Masherov Ave., 6A.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 29.11.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted November 29, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 343.1

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Тохирзода Олимджон Тохир
Академия МВД Республики Таджикистан, Душанбе, Таджикистан

otohirzoda@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются конституционные и иные законодательные положения, обусловленные ответственностью государства в уголовном процессе перед его гражданами, в частности в рамках производства по уголовным делам частного обвинения. Затрагиваются некоторые проблемы предела ответственности государства и его уполномоченных должностных лиц в связи с несвоевременным или неэффективным обеспечением судебной защиты потерпевших. Отмечается несостоятельность конституционных предписаний в уголовно-процессуальной деятельности в рамках рассмотрения заявлений о преступлениях, преследуемых в порядке частного обвинения. Обосновывается мнение о необходимости дальнейшего изучения выявленных проблем и поиска пути их решения, в том числе с помощью совершенствования отдельных положений законодательства с целью обеспечения государством эффективной реализации конституционных прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве и выполнения им своих международных обязательств.

Ключевые слова: конституция, государство, пределы ответственности, частное обвинение, потерпевший, обвиняемый, суд, судебная защита.

Для цитирования: Тохирзода О. Т. Ответственность государства в уголовном процессе в контексте производства по уголовным делам частного обвинения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 259–267.

STATE RESPONSIBILITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF CRIMINAL PROCEEDINGS OF PRIVATE PROSECUTION

Olimjon T. Tohirzoda
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan

otohirzoda@yandex.ru

Annotation. This article examines the constitutional and other legislative provisions conditioned by the responsibility of the state in criminal procedure before its citizens, in particular in the framework of criminal procedure on private charges. Some problems of the limit of responsibility of the State and its authorized officials in connection with the untimely or ineffective provision of judicial protection of victims are touched upon. It is noted that constitutional prescriptions are ineffective in criminal procedural activities, in particular in the framework of considering applications for crimes prosecuted in private. The opinion is substantiated that it is necessary to further study the identified problems and find ways to solve them, including by improving certain provisions of legislation in order to ensure the

effective implementation by the state of constitutional rights and freedoms of citizens in criminal procedure and fulfilling its international obligations.

Keywords: constitution, state, limits of responsibility, private prosecution, victim, accused, court, judicial protection.

For citation: Tohirzoda O. T. State Responsibility in Criminal Proceedings in the Context of criminal proceedings of private prosecution // Scientific bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 259–267.

Любая смена политического устройства в современном государстве, как правило, предполагает внесение в его общественно-политическую и социально-экономическую сферы новых, взвешенных и судьбоносных действий и решений. Это во многом предопределяет последовательное повышение уровня жизни и благосостояния населения. В условиях же когда народ избрал путь «правового государства», представление о роли и вкладе права в развитие гражданского общества значительно вырастает. Для молодого независимого Таджикистана курс к построению правового государства по объективным причинам выдался нелёгким, в том числе обусловленный пятилетней гражданской войной в период 1992–1997 годов, внёсший свои коррективы по дестабилизации общественно-политической ситуации в стране. Находясь на протяжении почти семидесяти лет в составе Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР), таджикский народ и жители соседних стран постсоветского пространства к концепции правового государства по идеологическим и иным соображениям относились критически, отнеся её ценности к буржуазным, а значит чуждым для советского общества.

Всё кардинально изменилось с прекращением существования в 1991 году СССР. В результате «парада суверенитетов» Республика Таджикистан наряду с другими соседними, уже бывшими советскими республиками стала независимой страной. В ходе всенародного референдума 6 ноября 1994 г. была принята первая Конституция Республики Таджикистан, которая определила страну в качестве «правового государства». В подобном государстве, как полагает учёный Б. А. Кистяковский, интересы общества и государства объединяются и взаимодополняются, государство ограничивает свою власть в пользу повышения роли личности, признании неотъемлемых его прав высшей ценностью [1, с. 154].

К ключевым признакам правового государства, по общему утверждению, относятся: верховенство закона; разделение власти на независимые ветви (законодательную, исполнительную, судебную) и отсутствие противоречий интересов между ними; сильная независимая судебная власть; гарантия защиты прав личности; общественный контроль над властью; взаимная ответственность государства и личности; высокое правовое просвещение народа и т. д. Данные признаки, в частности, можно усмотреть в положениях ст. ст. 5, 14, 17, 19, 21, 25, 31, 42, 84 Конституции Республики Таджикистан[1], где закреплены гарантии судебной защиты прав личности и возможности компенсации вреда потерпевшему. Данное приоритетное направление озвучивалась неоднократно и в посланиях Президента Республики Таджикистан[2].

Кроме того, в честь 30-летия принятия Конституции страны в своём очередном послании Парламенту Республики Таджикистан Лидер нации объявил 2024 год «Годом

[1] Конституция Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/Конституция_Таджикистана (дата обращения: 10.11.2024).

[2] Послание Президента Маджлиси Оли Республики Таджикистан // Народная газета. Душанбе, 2014, 30 апр.; Послание Президента Маджлиси Оли Республики Таджикистан // Народная газета. Душанбе, 2017, 27 дек.

правового просвещения», призывая государственные институты оказать в этой сфере активное содействие гражданам и подчёркивая значимость освоения и реализации ими своих прав в рамках развивающегося правового общества.

Логично, что в связи со сменой политико-правового режима, принятием новой конституции и проведением новой судебно-правовой реформы в стране произошли поэтапные демократические изменения в сторону либерализации, гуманизации и рационализации законодательства, в т. ч. и в такой ключевой сфере, как уголовное судопроизводство. Правы те учёные, которые пишут, что таким образом охранительная функция уголовной юстиции приобрела очевидный приоритет над ранее «карательной» [2, с. 38]. Одним из ключевых событий проведённой реформы можно считать принятие в 2009 году действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) и включение в его правовую орбиту нового института частного обвинения. Оно предоставляет лицам, пострадавшим от преступлений указанной категории дел, самим решать вопрос инициации возбуждения или прекращения уголовного дела без активного участия должностных лиц государства. Очевидно, что принятие и внедрение этого правового института с усилением частных начал в уголовном судопроизводстве обусловлено повышением уровня прав и свобод личности, а также глобализацией международного права, оказывающих ключевое влияние на прогрессирование ценностей современного правового государства.

Однако, учитывая, что уголовный процесс – это публичное, исключительно государственно-властная деятельность, даже по упомянутым делам защита прав потерпевших обеспечивается через публично-правовые механизмы на основании поданного заявления в суд. Но всё же, в отличие от иных категории дел, указанная категория является исключением из общих правил, т. к. в рамках его производства нет стадий досудебного этапа и участия должностных лиц органа уголовного преследования. Рассмотрением заявления занимается только судья, который не является стороной обвинения или защиты и призван в качестве независимого арбитра, разрешить правовой спор с соблюдением требований особого порядка и процессуальной формы, предусмотренных в УПК РТ[1].

Заметим, что сама концепция внедрения института частного обвинения с точки зрения конституционного принципа состязательности и равенства сторон, активного вовлечения частных лиц в сферу государственной деятельности (уголовно-процессуальной) путём предоставления им приоритетного права на доступ к правосудию превосходна отвечает нравственным, этическим ценностям правового государства в целом и уголовному судопроизводству в частности. Преступления указанной категории совершаются в основном между супругами, родственниками и знакомыми и фактически не причиняют вред общественным благам. В этой ситуации делегирование частному лицу права самостоятельно разрешить конфликт представляет собой волю законодателя, выражающую его уважение к интересам потерпевшего, с целью достижения восстановительного правосудия [3, с. 22]. Вмешательство государства без учёта мнения потерпевшего к происходящему вызвало бы недовольство граждан и больше навредило бы их межличностным отношениям, разрушило бы устои семьи, родственные и дружественные связи, что привело бы к неоправданной и «излишней» уголовной репрессии со стороны должностных лиц государства. Практика показывает, что по истечении определённого времени в более чем 70 % случаев стороны конфликта прощают взаимные оскорбления и обиды и в связи с примирением в дальнейшем просят суд о прекращении дела [4, с. 140].

Однако не все потерпевшие готовы примириться с обвиняемым, есть и те, которые хотят добиться уголовного наказания своего «обидчика». В этом случае,

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан // Ведомости Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 12 (1409), ст. 816.

к сожалению, приходится констатировать, что, несмотря на предусмотренные конституционные положения и на этой основе проведения более пятнадцати лет судебно-правовых реформ, вопросы соблюдения прав и интересов личности в связи с отсутствием чётко отлаженного механизма по их реализации в вышеуказанной сфере правоотношений вызывают опасения. Помимо этого, не исключается риск злоупотребления правом со стороны некоторых потерпевших, которые, действуя из корыстных побуждений и без достаточных оснований, могут инициировать уголовное преследование. Это может нанести вред репутации и чести граждан, что, в свою очередь, не отвечает назначению уголовного процесса. Отметим, что задачами УПК РТ (ст. 3) наряду с другими процессуальными гарантиями являются защита прав и интересов потерпевших от преступлений, и чтобы ни одно лицо не было необоснованно и незаконно обвинено или осуждено. Эти позиции вытекают из содержания принципов, закреплённых в ст. 7–23 УПК РТ. В установлении обоих случаев ключевая роль принадлежит должностным лицам государства, ведущим уголовное судопроизводство.

Заметим, что фактическая реализация построения правового государства обеспечивается через органы государственной власти, обладающие правом избрания мер принуждения в рамках уголовного процесса, где особое место отведено суду. В этой связи для устранения некоторых коллизий возникает вопрос о пределе ответственности государства и его уполномоченных лиц перед гражданами, вовлечённых в уголовное судопроизводство? Категоричного ответа на данный вопрос дать нельзя. Но, если исходить из смысла конституционных положений, то государство обязано за совершение любого вида преступлений реагировать своевременно и главное эффективно. Иначе, по идее потерпевший может подать судебный иск в отношении государства за то, что оно не обеспечило ему гарантированную безопасность, в результате чего лицо лишилось своих благ (здоровья, денег, спокойствия и т. д.). Мы солидарны с профессором Л. В. Головко, который пишет, что в косвенном смысле государство ответственно за то, что оно не смогло воспитать добропорядочного гражданина, обеспечить общественный порядок и предотвратить совершение криминального деяния. Можно вменить государству претензии и за нераскрытые преступления, т. к. это предполагает некачественное расследование преступления и неустановление обвиняемого лица, подлежащего уголовной ответственности [5, с. 379].

Вышеуказанная тема стала также предметом обсуждения ведущих учёных-процессуалистов, в т. ч. В. А. Михайлова, Р. Р. Юлдашева и других, которые среди функций государства отмечают создание адекватных условий, гарантий и механизмов по эффективной реализации и охране прав лиц в уголовном процессе. Однако частые случаи нарушения конституционных прав и свобод граждан при рассмотрении заявлений о преступлениях на досудебном этапе требуют должной реакции государства [6, с. 355–356]. Аналогичного мнения придерживается З. Х. Искандаров, заявивший о том, что вопросы развития правового статуса и защиты естественных прав личности в уголовном судопроизводстве нуждается в глубокой научной разработке [7, с. 3].

Следует отметить, что абсолютное большинство криминальных деяний в Уголовном кодексе Республики Таджикистан (всего 405 статей, а с учётом ввода новых дополнительных статей по состоянию на 10.11.2024 составляет 456) относятся к категории публичного обвинения. Только 14 разновидностей являются делами частно-публичного обвинения, и ещё меньше – 3 вида преступлений – относятся к разряду частного обвинения. Несмотря на то, что «…частное лицо всегда действует в частных интересах, а государство и его органы – в интересах публичных…», тем не менее «…противоборства двух частных лиц в стиле «агрессор-жертва» вопрос о приватизации (разгосударствлении) уголовной юстиции никто сегодня всерьёз не рассматривает», и реальная защита прав потерпевших зависит от государства и так

будет всегда [5, с. 358, 362]. По делам частного обвинения потенциальный обвиняемый не вступает в прямой конфликт с государством. Роль и вклад последнего в лице судьи, ещё раз подчеркнём, состоит лишь в разрешении правового спора с условием, что потерпевший подал в суд заявление согласно требованию УПК РТ. Это является причиной для его рассмотрения и принятия властных публично-правовых мер.

Таким образом, участие государства в той или иной форме проявляется во всех категориях уголовных дел с той разницей, что именно по делам частного обвинения оно не подвергает лицо уголовному преследованию, этим занимается частное лицо. Однако государство обязано для реализации гражданами своих прав и интересов создать приемлемые условия, которые соответствовали бы конституционным гарантиям и реально обеспечивали им упрощённый доступ к правосудию. За бездействие или необоснованно принятое решение, повлёкшее существенное ущемление прав граждан на судебную защиту, государство несёт соответствующую ответственность. При этом трудно не согласится с мнением Л. В. Головко, что чисто политически государство или его отдельные институты в широком понимании не могут быть привлечены в качестве ответчика (обвиняемого, подсудимого), это означало бы коллективное осуждение целого народа, всегда стоящего за государством. Невозможно это и в международном уголовном суде, поскольку уголовная ответственность персонифицирована, к ответственности могут привлекаться только частные лица (в некоторых случаях юридические лица), занимавшие ответственные должности на государственной службе или допустившие должностные деликты [5, с. 372–374; 8, с. 4].

Заметим, что варианты привлечения к ответственности могут проявляться на различных уровнях – национальном или международном. В первом случае для обжалования бездействий либо незаконных решений должностных лиц государства и восстановления нарушенных прав внутри страны могут быть применены правовые средства обращения в вышестоящие судебные инстанции (Верховный Суд, Конституционный Суд), Генеральную прокуратуру или в офис Омбудсмена Республики Таджикистан. Во-вторых, если потерпевший исчерпал все национальные средства юридической защиты, то он вправе обратиться в международные инстанции, например в Международный уголовный суд (далее – МУС).

Следует отметить, что решение МУС для «страны-ответчика» имеет юридическую силу для исполнения, если она ратифицировала соответствующую международную конвенцию. В ситуации, когда МУС признаёт факт нарушения прав личности, государство – член договора Римского Статута Международного уголовного суда от 1998 года – обязано принять незамедлительные меры для их восстановления, в т. ч. путём выплаты потерпевшему денежной компенсации. Однако в этой сфере имеются свои «подводные камни» по следующим причинам:

1. Сложности в доказывании неправомерности действий должностных лиц государства, т. к. представление сведений доказательственного значения может находиться в распоряжении тех лиц, кто обвиняется в нарушении прав личности. Например, для получения копии постановления об отказе в принятии заявления (возбуждении уголовного дела) по делу частного обвинения со стороны судьи, если таковое, конечно, имеется, т. к. в связи с нормативным пробелом УПК РТ не регламентирует такой порядок и судья волен не выносить подобное решение.

2. Даже в случаях, когда потерпевшему удаётся доказать неправомерные действия официальных лиц, сумма компенсации может оказаться недостаточной по возмещению морального и материального вреда с учётом их несоответствия фактическому объёму понесённых расходов на судебные издержки, проживание, пропитание, лечение, оплаты услуг адвоката, передвижения на транспорте и т. д.

3. После признания неправоты государства на национальном или же на международном уровне процедура возмещения ущерба может неоправданно затянуться. Судебные решения по удовлетворению поданных исков могут занять

месяцы, годы, а это ещё больше усугубит моральное состояние потерпевшего. В свою очередь, затягивание выплат компенсаций подрывает доверие граждан к правосудию (государству), а непринятие мер по изменению законодательства или судебной практики с целью предотвращения повторения подобных нарушений – и к системе восстановления нарушенных прав.

4. За неправомерные действия официальные лица могут не понести персональной ответственности и избежать санкций, в то время как убытки возмещаются из государственного бюджета за счёт налогоплательщиков, народа. Это создаёт крайне неблагоприятную ситуацию оставления государственных чиновников безнаказанными, что придаёт им стимул дальнейшего проявления пренебрежительного отношения к положениям законодательства и должностным обязанностям в ущерб соблюдения прав и интересов граждан.

Следует отметить, что Республика Таджикистан одним из первых среди представителей СНГ еще в 2000 году ратифицировала документ Римского Статута МУС. Вместе с тем данный институт, выступающий под эгидой ООН, хотя и является постоянно действующим, однако его юрисдикция распространяется только за совершение особо тяжких преступлений, таких как геноцид, преступления против человечности, а также военные преступления [8, с. 3, 14, 19, 28, 85]. Выходит, что если нарушения прав личности имели место в рамках производства по делам частного обвинения, то данное обстоятельство не может являться предметом рассмотрения Международным уголовным судом. Подобная ситуация не может не вызвать сожаление, учитывая, что обеспечение верховенства закона и защита прав личности на конституционном и международном уровне многими государствами, в т. ч. и Республикой Таджикистан, отнесены и признаны высшей социальной ценностью.

Несмотря на это, хочется верить, что в случае систематических проблем по затягиванию рассмотрения дел (по делам частного обвинения – заявлений) или недостаточной независимости судей государство для реформирования правовой системы своими силами и средствами в будущем примет действенные меры, для этого в рамках проводимой судебно-правовой реформы принят ряд важных документов. Это может быть пересмотр действующих законов, оптимизация механизмов контроля соблюдения срока судебных процессов, проведение реформы по переизбранию судей и т. д. Совершенствование национального закона и судебной практики в контексте защиты прав личности в уголовном процессе и компенсации ущерба за неправомерные действия должностных лиц государства требует, на наш взгляд, проведения комплекса мероприятий, включающего внедрение международных стандартов.

На основании изложенного и с целью достижения намеченных целей в указанном сегменте считаем целесообразным внести следующие рекомендации:

1. Разработать и внедрить в УПК РТ конкретные процессуальные нормы для предотвращения произвола со стороны правоохранительных органов и судей, предусмотреть разумные сроки рассмотрения заявлений потерпевших. Ввести внутренний и внешний контроль над действиями должностных лиц следственно-судебных органов путём установления общественного контроля над обращением потерпевших (например, создать общественную палату при Парламенте или Президенте Республики Таджикистан).

2. Регламентировать чёткие правила обеспечения квалифицированной правовой помощи путём предоставления своевременного доступа к адвокату, особенно на досудебной стадии рассмотрения заявлений по уголовным делам о преступлениях, отнесённых к категории частного обвинения.

3. Создать особые механизмы подачи исков о компенсации ущерба по поводу неправомерных действий официальных лиц государства с упрощёнными

процессуальными требованиями. Установить обязательные сроки рассмотрения исков о компенсации и обеспечения их своевременного исполнения.

4. Внести изменения и дополнения в ведомственные нормативные акты, направленные на предотвращение уклонения должностных лиц от выполнения функциональных обязанностей, с включением строгих мер ответственности за их бездействие или вынесение заведомо необоснованных решений.

5. В судебных и других соответствующих правоохранительных органах ввести централизованный электронный учёт регистрации жалоб и заявлений о преступлениях, в т. ч. отнесённых к категории частного обвинения, что позволит максимально гарантировать защиту прав потерпевших и установить цифровой контроль над документооборотом.

6. Провести мероприятия по правовому просвещению граждан, установить их возможности правовой защиты, создать системы бесплатной юридической помощи для людей с низкими доходами, включая услуги по защите их прав в уголовном судопроизводстве.

7. С целью лучшего освоения ценностей прав и свобод человека и частого применения международных стандартов в правоприменительной практике необходимо внедрить целенаправленные обучающие программы для судейского корпуса, что является предпосылкой для повышения авторитета суда, а также гармонизации и рационализации национального законодательства.

8. В УПК РТ предусмотреть положение о том, что по делам частного обвинения необходимо внести судебную практику предварительных слушаний, на заседаниях которых будет обсуждаться обоснованность заявленного иска, вопросы, связанные с возможностью примирения сторон или предъявления встречного заявления.

9. Судебная практика должна развиваться в направлении увеличения объёма компенсаций для потерпевших от неправомерных актов должностных лиц государства, в связи с чем необходимо создать прецеденты.

10. Развивать практику открытых заседаний и публикации решений судов, в т. ч. на их официальных сайтах, что будет способствовать максимальной прозрачности и ответственности судебной системы. Ввести статистику по жалобам, связанным с правами личности, включая количество рассмотренных дел частного обвинения и его конечные результаты.

Таким образом, меры по совершенствованию законодательства и реформы в следственно-судебной практике, направленные на защиту прав личности в рассматриваемой сфере правоотношений, требуют, безусловно, проведения комплекса организационно-правовых мероприятий. Наряду с необходимостью внесения изменений в законы нужно также поменять подход и саму культуру правосудия, чтобы уполномоченные лица государства стали восприимчивы и более ответственны к актуальным проблемам защиты прав личности. Правовая культура судей – это не только присущая им деятельность, но и их намерение защищать и отстаивать права граждан [9, с. 187]. Внедрение международных стандартов в положения национального законодательства и правоприменительную практику могло бы создать почву для более эффективной и справедливой судебной системы, способной защитить блага граждан и обеспечить адекватную компенсацию за их нарушения. Вместе с тем международные инстанции, хотя и важны для охраны прав личности, однако они ограничены в своем влиянии в первую очередь из-за длительных процедур и трудности по реализации принятых решений. По этой причине ключевую роль всё же играют национальные суды, которые могут эффективнее защитить права личности в уголовном процессе с учётом местных традиций, культуры и правовых особенностей. Национальные суды наиболее приближены к населению, способны быстрее реагировать на их жалобы, имеют прямой доступ к исследованию доказательств. В этой связи в правовой стране на государство и его должностных лиц как гарантов

законности всегда возложена ответственность по соблюдению верховенства права, судебной защиты, обеспечения лицам упрощённых условий доступа к правосудию, в т. ч. по уголовным делам частного обвинения, и это неотъемлемая часть конституционных и международных обязательств таджикского государства.

1. Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое / Вопросы философии. 1990. № 6. С. 141–159.
2. Мухитдинов А. А., Пулатов Ю. С. Уголовно-процессуальное обеспечение конституционных прав граждан в Республиках Таджикистана и России при даче показаний по расследуемым делам: Учебное пособие. Душанбе: «ЭР-граф», 2022. 124 с.
3. Келина С. Г. Освобождение от уголовной ответственности как правовое последствие совершения преступления // Уголовное право: новые идеи. М., 1994. 73 с.
4. Тохирзода О. Т. Производство уголовным делам частного обвинения (по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации): дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. 208 с.
5. Головко Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство: Монография. М.: Издательский Дом «Городец», 2022. 464 с.
6. Михайлов В. А., Юлдашев Р. Р., Нозиров Н. А., Арипов А. Л. Конституционно-правовые основы уголовного судопроизводства : монография / под ред. доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации Михайлова В. А. Душанбе: «Ирфон», 2014. 448 с.
7. Искандаров З. Х. Конституционно-правовые основы защиты прав человека и гражданина в уголовном процессе Республики Таджикистана [Текст] Душанбе: Эчод, 2008. 184 с.
8. Раджабов С. А. Становление и развитие Международного уголовного суда. Душанбе, Деваштич, 2005. 232 с.
9. Сергеева С. Л. Правовая культура в деятельности судей // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. Сборник научных работ. Вып. 8. 2014. С. 182–187

1. Kistyakovskij B. A. Gosudarstvo pravovoe i socialisticheskoe / Voprosy` filosofii. 1990. № 6. S. 141–159.
2. Muxitdinov A. A., Pulatov Yu. S. Ugolovno-processual`noe obespechenie konstitucionny`x prav grazhdan v Respublikax Tadzhikistana i Rossii pri dache pokazanij po rassleduemy`m delam: Uchebnoe posobie. Dushanbe: «E`R-graf», 2022. 124 s.
3. Kelina S. G. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti kak pravovoe posledstvie soversheniya prestupleniya // Ugolovnoe pravo: novy`e idei. M., 1994. 73 s.
4. Toxirzoda O. T. Proizvodstvo ugolovny`m delam chastnogo obvineniya (po zakonodatel`stvu Respubliki Tadzhikistan i Rossijskoj Federacii): dis. … kand. yurid. nauk. M., 2023. 208 s.
5. Golovko L. V. Gosudarstvo i ego ugolovnoe sudoproizvodstvo: Monografiya. M.: Izdatel`skij Dom «Gorodecz», 2022. 464 s.
6. Mixajlov V. A., Yuldashev R. R., Nozirov N. A., Aripov A. L. Konstitucionno-pravovy`e osnovy` ugolovnogo sudoproizvodstva: monografiya / pod red. doktora yuridicheskix nauk, professora, Zasluzhennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii Mixajlova V. A. Dushanbe: «Irfon», 2014. 448 s.
7. Iskandarov Z. X. Konstitucionno-pravovy`e osnovy` zashhity` prav cheloveka i grazhdanina v ugolovnom processe Respubliki Tadzhikistana [Tekst] Dushanbe: E`chod, 2008. 184 s.
8. Radzhabov S. A. Stanovlenie i razvitie Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda. Dushanbe, Devashtich, 2005. 232 s.

9. Sergeeva S. L. Pravovaya kul`tura v deyatel`nosti sudej // Istoriko-pravovy`e problemy`: novy`j rakurs. Sbornik nauchny`x rabot. Vy`p. 8. 2014. S. 182–187

Информация об авторе

Олимджон Тохир Тохирзода. Профессор кафедры организации тактики оперативно-розыскной деятельности факультета № 6, кандидат юридических наук.
Академия МВД Республики Таджикистан.
734012, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Мастонгулова, д. 3.

Information about the author

Olimjon T. Tohirzoda. Professor of the Department of Organization of tactics of operational investigative activities of the Faculty № 6. Candidate of Law.
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan.
734012, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Mastongulova st., 3.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
The article was submitted November 10, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 343.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Фарафонова Ольга Алексеевна
Академия управления МВД России, Москва, Россия

ofarafonova99@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из перспективных направлений совершенствования организации уголовного судопроизводства на современном этапе – использованию информационных технологий, включая системы видео-конференц-связи (далее – ВКС). Материалами исследования явились научные труды по рассматриваемой тематике, а также уголовно-процессуальное законодательство ряда стран. Проанализировав зарубежный опыт и динамику внедрения систем ВКС в уголовный процесс нашей страны, можно сделать вывод о положительной практике использования таких систем. С учётом результатов исследования не вызывает сомнения тот факт, что одной из наиболее остро обсуждаемых тем является применение системы ВКС в уголовном процессе России. Для наиболее широкого распространения и эффективного применения систем ВКС мы предлагаем внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство, более детально регулирующее использование ВКС.

Ключевые слова: следственные действия, видео-конференц-связь, дистанционное взаимодействие, допрос, очная ставка, предъявление для опознания.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктора юридических наук, профессора Россинского С. Б.

Для цитирования: Фарафонова О. А. Использование видео-конференц-связи в уголовно-процессуальном производстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 268–275.

USING OF VIDEO CONFERENCING IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Olga Al. Farafonova
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

ofarafonova99@mail.ru

Annotation. The article is devoted to one of the promising areas of improving the organization of criminal proceedings at the present stage – the use of information technologies, including videoconferencing systems (hereinafter – VKS). The materials of the study were scientific works on the topic under consideration, as well as criminal procedure legislation of a number of countries. Having analyzed foreign experience and the dynamics of the introduction of VKS systems into the criminal process of our country, we can conclude that the practice of using such systems is positive. Taking into account the results of the study, it is not surprising that one of the most hotly debated topics is the use of the VKS system in criminal proceedings in Russia. For the widest possible dissemination and effective use

of VKS systems, we propose to amend the criminal procedure legislation that regulates the use of VKS in more detail.

Keywords: investigative actions, video conferencing, remote interaction, interrogation, confrontation, identification parade.

Gratitude: the work was made with the support of the scientific supervisor, Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor Rossinsky S.B.

For citation: Farafonova O.A. Using of video conferencing in criminal proceedings // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 268–275.

Российское законодательство подверглось влиянию стремительного технологического прогресса, который затронул все сферы жизнедеятельности. Современные информационно-телекоммуникационные и компьютерные сети и технологии широко используются в правоохранительной деятельности и уголовно-процессуальном праве Российской Федерации.

Информатизация данной сферы позволяет переходить от письменного документооборота к электронному на этапе производства предварительного следствия по уголовному делу. Собранные с информационных носителей материалы могут приобщаться к делу, сохраняя при этом исходный формат. Однако при этом необходимо усилить контроль за соблюдением прав и свобод граждан. Данная система значительно облегчает работу и позволяет избежать многих ограничительных мероприятий, например, таких как продление сроков производства предварительного следствия.

В зарубежной практике широко используется видео-конференц-связь (далее – ВКС). Некоторые государства закрепили использование ВКС при расследовании уголовных дел на законодательном уровне. В таких странах, как Соединенные Штаты Америки, Канада, Швеция, Эстония, Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Итальянская Республика, Австралия и Индия, все доказательства, полученные и исследованные с помощью ВКС, являются допустимыми.

Также уголовно-процессуальное законодательство стран СНГ предусматривает возможность использования ВКС: Республика Беларусь, Республика Казахстан, Украина, Республика Узбекистан и, конечно, Российская Федерация. Отличий в освоении внедрения данных технологий между вышеперечисленными государствами практически нет.

Система уголовно-процессуального производства в странах СНГ во многом схожа. Так, например, статья 224.1. УПК Республики Беларусь звучит следующим образом: «Проведение допроса, очной ставки, предъявления для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции)»[1]. Статья 213 УПК Республики Казахстан «Особенности допроса с использованием научно-технических средств в режиме видеосвязи (дистанционный допрос)»[2]. Статья 232 УПК Украины «Проведение допроса, опознания в режиме видеоконференции во время досудебного

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958&doc_id2=30414958#activate_ doc=2&pos=79;-80&pos2=2375;-54 (дата обращения: 01.11.2024).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#sub_id=6740000 (дата обращения: 01.11.2024).

расследования»[1]. Такая же возможность предусмотрена в УПК Республики Узбекистан в статьях 91-1 – 91-4[2].

Разница между каждой статьёй и применением ВКС в целом заключается лишь в выбранных государствами наиболее значимых для их законодательства отдельных следственных действий, а также круга участников либо досудебного, либо судебного производства. Примечательно, что вышеперечисленные страны единогласно и повсеместно используют видео-конференц-связь при допросе участников уголовного судопроизводства, поскольку в момент рассмотрения уголовного дела основой материалов выступает именно та информация, которая получена в ходе производства допроса участников уголовно-процессуального производства. Видеофиксация процесса позволяет оценить качество изъятой информации, а также посредством анализа мимики, жестов и реакций допрашиваемого лица выявить ложь.

Уголовно-процессуальное законодательство РФ значительно отстаёт от стремительно прогрессирующих информационно-телекоммуникационных сетей и компьютерных технологий. Ранее, до 2022 года, система видео-конференц-связи использовалась только непосредственно на стадии судебного производства. После нововведений в УПК РФ использование систем ВКС стало возможным на стадиях предварительного расследования. С 10.01.2022 в УПК РФ внесена поправка в виде статьи 189.1. «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путём использования систем видео-конференц-связи»[3]. Отныне можно проводить вышеуказанные следственные действия путём дистанционного контакта участников предварительного расследования. Однако необходимо отметить, что в самом УПК РФ не определено понятие системы видео-конференц-связи, что может быть источником неопределённости для участников уголовного процесса.

Изучив труды современных учёных-процессуалистов, мы выдели несколько дефиниций. Так, например, в работе Р. М. Морозова и В. Н. Бодякова было дано следующее определение: «ВКС – компьютерно-цифровая технология, которая в установленных в уголовно-процессуальном законе случаях и порядке обеспечивает надлежащее качество дистанционного аудиовизуального взаимодействия в режиме реального времени нескольких абонентов – участников уголовного судопроизводства, в целях обмена аудио- и видеоинформацией посредством обособленной телекоммуникационной сети либо с использованием закрытых каналов сети Интернет» [3, с. 130].

В работах О. В. Овчинниковой так определяет это понятие: «Комплекс системы ВКС представляет собой стационарный, специально разработанный программный комплекс, обеспечивающий передачу визуальной информации по защищённым каналам связи, соответственно, его установка возможна лишь в помещениях правоохранительных и судебных органов» [4, с. 29]. Разработанная дефиниция не совсем точна, поскольку внутри некоторых помещений правоохранительных органов содержатся документы, имеющие гриф секретности или гриф «для служебного пользования», что, в свою очередь, затрудняет размещение там систем ВКС. Однако определение учитывает особенности уголовного судопроизводства.

Как полагает Д. С. Гринь, «видео-конференц-связь – компьютерно-цифровая технология, которая в установленных в уголовно-процессуальном законе случаях

---

[1] Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651- VI [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178 (дата обращения: 01.11.2024).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан, утв. Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101 (дата обращения: 01.11.2024).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации: Федер закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

и порядке обеспечивает дистанционное аудиовизуальное взаимодействие в режиме реального времени нескольких абонентов – участников уголовного судопроизводства – с возможностью добавления к каналу связи дополнительных абонентов, имеющих уголовно-процессуальный статус, в целях обмена аудио- и видеоинформацией посредством обособленной телекоммуникационной сети либо с использованием закрытых каналов сети Интернет» [5, с. 84].

В 2015 году на законодательном уровне определение ВКС всё-таки было дано [1, с. 127]. Закреплено оно в Регламенте организации применения ВКС при подготовке и проведении судебных заседаний. Так, «видео-конференц-связь» (ВКС) – способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами»[1]. Несмотря на то, что данное определение содержится в нормативном акте, который регулирует правоотношения на стадии судебного производства, считаем, что оно вполне применимо и для характеристики систем ВКС в целом. Учитывая тот факт, что данный термин употребляется в УПК РФ более 20 раз, законодателю стоит задуматься над тем, чтобы закрепить его в ст. 5 УПК [2, с. 73].

Предоставление возможности участникам уголовно-процессуального производства дистанционно взаимодействовать при производстве следственных действий стало реальным благодаря технической оснащённости, несмотря на пробелы в законодательстве и методологии организации процесса. Использование видео-конференц-связи для проведения следственных действий при невозможности их проведения очно позволяет достичь процессуальной экономии в уголовно-процессуальном производстве. Результат внесённой поправки в УПК РФ дал следователю (дознавателю) возможность эффективно расследовать уголовные дела на большом расстоянии и в разумные сроки.

Эффективность расследования уголовного дела заключается в дословной видеофиксации. Как было отмечено выше, полученные материалы в ходе проведения с применением ВКС отдельных следственных действий позволяют повторно их анализировать как следователем (дознавателем), так и криминалистом, что позволяет не упускать важные детали для уголовного дела. Однако использование и организация системы видео-конференц-связи при производстве других следственных действий не является возможными из-за определённых обстоятельств [6, с. 79].

Помимо видимых преимуществ, которые делают производство дистанционных следственных действий эффективным инструментом получения доказательств, у правоприменителей вызывают вопросы некоторые аспекты, которые не определены в законодательстве. Так, уголовно-процессуальным кодексом установлено, что обязанность составления протокола лежит на следователе (дознавателе), кому поручено производство предварительного расследования, а обязанность получения подписки, в которой делаются записи о разъяснении участникам прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия – на следователе, которому поручено организовать участие лица в следственном действии.

В ч. 5 ст. 189.1. УПК РФ предусмотрено, что следователь, обеспечивающий участие лица в следственном действии, должен отправить подписку лицу, осуществляющему расследование, однако не сказано, посредством каких каналов должно осуществляться данное действие. По этому поводу существуют разные мнения. Почтовая служба не может в полной мере обеспечить безопасность охраняемой законом

[1] Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний [Электронный ресурс]: приказ Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации от 28 декабря 2015 года № 401. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

информации. Предлагается использовать фельдъегерскую службу, что также не гарантирует неразглашение информации, кроме того, существует высокая вероятность затягивания доставки документов. Единственно разумный вариант – направлять документы посредством СЭП МВД России. Это значительно сократит сроки доставки и обеспечит передачу информации посредством защищённых каналов связи.

Нам видится, что процедуры оформления подписки и отправки документов можно упростить следующим образом: после составления протокола следственного действия должностное лицо, его составившее, сканирует протокол и посредством СЭП направляет следователю, которому поручено обеспечить участие лица в следственном действии. Тот, в свою очередь, распечатывает полученный скан протокола, участники ознакамливаются с ним, вносят замечания о дополнении или уточнении, подписывают протокол, после чего он вновь сканируется и отправляется вместе с подпиской, приобщёнными к ней материалами и документами, а также адвокатским ордером обратно следователю, который данный протокол составил. После чего протокол распечатывается и приобщается к материалам уголовного дела.

Кроме того, считаем необходимым подчеркнуть, что роль следователя, которому направлено поручение об организации участия лица в следственном действии, сводится лишь к обеспечительным функциям. Он не является субъектом расследования уголовного дела и его права сведены к минимуму, поэтому он не должен вмешиваться в ход следственного действия. Он демонстрирует предметы или ознакамливает лицо с теми материалами, которые были заранее посредством зашифрованных каналов связи (СЭП) направлены ему следователем, в чьём производстве находится дело.

Ещё один законодательный пробел использования ВКС в уголовно-процессуальном производстве заключается в отсутствии урегулирования вопроса о технических сбоях, которые могут возникнуть в момент производства следственного действия. Несмотря на технический прогресс, любая информационно-телекоммуникационная сеть или компьютерная система имеет вероятность нестабильной работы и плохой подачи сигнала. В случае технических сбоев законодатель не предусмотрел дальнейшие действия участников уголовного судопроизводства. Конечно, данные казусы могут негативно отразиться на проведении отдельных следственных действий и нет ничего совершенного, но механизм и последовательность действий должны быть обозначены и разъяснены [7, с. 114]. Поэтому важно определить порядок действий следователя (дознавателя) в случае возникновения таких проблем.

В соответствии с ч. 4 ст. 166 УПК необходимо в протоколе зафиксировать процессуальные действия в том порядке, в каком они производились, после чего делается перерыв. Указывается время прекращения передачи сигнала и время его возобновления. В том случае, если связь так и не возобновилась в разумный срок, следственное действие следует завершить, сделав об этом пометку в протоколе. Разумный срок не установлен, его определение остаётся на усмотрение должностных лиц, но следует учитывать и другие нормы законодательства, согласно которым, например, допрос не может длиться дольше 4 часов непрерывно. Вероятно, в каких-то ситуациях разумным будет завершить следственное действие и провести его повторно, а в каких-то случаях лучше постараться в максимально сжатые сроки устранить неполадки и продолжить следственное действие, поскольку, например, повторное предъявление для опознания по тем же признакам невозможно.

В действительности система ВКС на досудебных стадиях уголовного процесса довольно «сырая» и недоработанная. Существует необходимость в разработке и установлении чётких правил и процедур для реализации системы ВКС, что поможет устранить существующие проблемы и обеспечить более эффективное и прозрачное проведение дистанционных следственных действий.

Введение технических средств, в частности системы ВКС, в процесс расследования уголовного дела требует нормативного уточнения и дополнения норм, регулирующих данную систему. Де-юре система ВКС упрощает расследование и способствует экономии времени – де-факто возникают проблемы, которые законодательство решить на данном этапе времени не в состоянии из-за отсутствия для этого правовых норм. Помимо отсутствия нормативно-правового регулирования, в расчёт следует принимать несовершенство технологий, работоспособность которых может зависеть от внешних факторов, например погодные условия, которые могут привести к потере сигнала интернета для продолжения проведения ВКС.

Развивая и модернизируя институт ВКС, необходимо придавать должное внимание его эффективности как способу защиты прав и свобод граждан РФ. В этом контексте в ст. 5 УПК РФ представляется необходимым закрепить понятие «видео-конференц-связь», признав удачным единственное официальное толкование, которое содержится в п. 1.5. Приказа Судебного Департамента при ВС «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний».

Резюмируя вышесказанное, для унификации процедуры применения систем ВКС при производстве следственных действий считаем необходимым отметить следующие особенности, которые необходимо учитывать при решении о производстве допроса, очной ставки и предъявления для опознания посредством ВКС:

1. Направление протокола для ознакомления с ним участников следственного действия и его подписания необходимо осуществлять посредством СЭП МВД России. Следователь, которому поручено производство предварительного расследования, распечатывает подписанный скан протокола и приобщает его к материалам уголовного дела вместе с подпиской, ордером адвоката и иными документами.

2. Следователь, которому направлено поручение об организации участия лица в следственном действии, обладает достаточно узким объёмом прав, что объясняется его ролью, которая сводится лишь к обеспечительным функциям.

3. Определить порядок действия должностных лиц в случае возникновения технических сбоев следующим образом: в протоколе следственного действия указать время потери сигнала и попытаться восстановить соединение, после чего в протоколе указать время возобновления подачи сигнала; в случае невозможности в разумный срок устранить технические неполадки, следственное действие следует завершить, сделав об этом пометку в протоколе. После этого допрос и очную ставку можно провести повторно.

Помимо теоретико-методологического аспекта, важно обратить внимание на техническое оснащение подразделений, осуществляющих предварительное следствие. Без современного оборудования и подходящего программного обеспечения проведение видео-конференц-связи может быть неполноценным или даже невозможным. Современные средства коммуникации участников уголовного процесса должны быть действенными и соответствовать требованиям времени и достижениям информационного общества [8, с. 103]. Описанные выше изменения окажут положительное влияние на оптимальность, эффективность и качество уголовного судопроизводства.

---

1. Волченко, А. В. Возможности использования видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4(103). С. 123–133.

2. Ключникова М. А., Ремянникова Н. А. Проблемные аспекты производства следственных действий в режиме видео-конференц-связи // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2022. № 3. С. 72–76.
3. Бодяков В. Н. Актуальные вопросы внедрения института производства отдельных следственных действий, проводимых дистанционно с использованием видеоконференцсвязи в местах лишения свободы // Вестник Кузбасского института. 2021. № 2(47). С. 115–131.
4. Овчинникова О. В. Перспективы применения видеоконференцсвязи при производстве дознания // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 28–31.
5. Гринь Д. С. Теоретическое и нормативное определение видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука. 2020. № 3. С. 82–87.
6. Победкин А. В. Производство следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи на досудебном производстве: рамочность процессуальных гарантий // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. №. 1(95). С. 77–84.
7. Байрамова А. Ф. Проблемы применения видео-конференц-связи в судебной практике // Форум молодых ученых. 2019. № 4(32). С. 104–110.
8. Афанасьева С. И., Добровлянина О. В. Правовое регулирование производства следственных действий с использованием видео-конференц-связи по действующему УПК РФ // Ex jure. 2022. №. 4. С. 100–117.

1. Volchenko, A. V. Vozmozhnosti ispol`zovaniya video-konferencz-svyazi pri proizvodstve sledstvenny`x dejstvij // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 4(103). S. 123–133.
2. Klyuchnikova M. A., Remyannikova N. A. Problemny`e aspekty` proizvodstva sledstvenny`x dejstvij v rezhime video-konferencz-svyazi // Penitenciarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel`naya praktika. 2022. № 3. S. 72–76.
3. Bodyakov V. N. Aktual`ny`e voprosy` vnedreniya instituta proizvodstva otdel`ny`x sledstvenny`x dejstvij, provodimy`x distancionno s ispol`zovaniem videokonferenczsvyazi v mestax lisheniya svobody` // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2021. № 2(47). S. 115–131.
4. Ovchinnikova O. V. Perspektivy` primeneniya videokonferenczsvyazi pri proizvodstve doznaniya // Vestnik Ural`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 1. S. 28–31.
5. Grin` D. S. Teoreticheskoe i normativnoe opredelenie video-konferencz-svyazi v ugolovnom sudoproizvodstve // Yuridicheskaya nauka. 2020. № 3. S. 82–87.
6. Pobedkin A. V. Proizvodstvo sledstvenny`x dejstvij s ispol`zovaniem sistem video-konferencz-svyazi na dosudebnom proizvodstve: ramochnost` processual`ny`x garantij // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. №. 1(95). S. 77–84.
7. Bajramova A. F. Problemy` primeneniya video-konferencz-svyazi v sudebnoj praktike // Forum molody`x ucheny`x. 2019. № 4(32). S. 104–110.
8. Afanas`eva S. I., Dobrovlyanina O. V. Pravovoe regulirovanie proizvodstva sledstvenny`x dejstvij s ispol`zovaniem video-konferencz-svyazi po dejstvuyushhemu UPK RF // Ex jure. 2022. №. 4. S. 100–117.

Информация об авторе

Ольга Алексеевна Фарафонова. Адъюнкт.
Академия управления МВД России.
125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Information about the author

Olga Al. Farafonova. Adjunct.
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh st., 8.

Статья поступила в редакцию 23.08.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted August 23, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Научная статья
УДК 343.1

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА – ПРИНЦИП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ: НАУЧНЫЙ ПОДХОД ПРОФЕССОРА АНАТОЛИЯ ПЕТРОВИЧА ГУЛЯЕВА

Шурухнов Николай Григорьевич
Всероссийский государственный университет юстиции, Тула, Россия;
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Россия

matros49@mail.ru

Аннотация. Приводятся отдельные биографические данные Гуляева Анатолия Петровича, Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора. Обращается внимание на его научный подход (на базе теоретико-методологических оснований) к формированию содержания и правовых гарантий реализации принципов деятельности следователя. Выделяется одно из важнейших положений – всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела, позволяющее в полном объёме установить факты, подлежащие доказыванию, обеспечить защиту прав и законных интересов граждан.

Ключевые слова: научная позиция А. П. Гуляева, принципы деятельности следователя, всесторонний и полный анализ обстоятельств уголовного дела.

Для цитирования: Шурухнов Н. Г. Исследование обстоятельств уголовного дела – принцип деятельности следователя: научный подход профессора Анатолия Петровича Гуляева // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 276–283.

INVESTIGATION OF THE CIRCUMSTANCES OF A CRIMINAL CASE – PRINCIPLE OF INVESTIGATOR'S ACTIVITY: SCIENTIFIC APPROACH OF PROFESSOR ANATOLY PETROVICH GULYAEV

Nikolai G. Shurukhnov
All-Russian State University of Justice, Tula, Russia;
Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

matros49@mail.ru

Annotation. Some biographical data of Anatoly Petrovich Gulyaev - Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor are given. Attention is drawn to his scientific approach (on the basis of theoretical and methodological foundations) to the formation of the content and legal guarantees of the implementation of the principles of the investigator's activity. One of the most important provisions is highlighted - comprehensive, complete and objective investigation of the circumstances of the case, which allows to fully establish the facts to be proved, to ensure the protection of the rights and legitimate interests of citizens.

Keywords: A. P. Gulyaev's scientific position; principles of the investigator's activity; comprehensive and complete analysis of the circumstances of a criminal case.

For citation: Shurukhnov N. G. Investigation of the circumstances of a criminal case – the principle of the investigator's activity: the scientific approach of Professor Anatoly Petrovich Gulyaev // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. № 4(101). P. 276–283.

22 января 2018 г. не стало Заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора, известного российским юристам специалиста в сфере процедур расследования преступлений, правового статуса следователя и деятельности органов предварительного следствия Анатолия Петровича Гуляева. Он сочетал в себе великолепного учёного и настоящего гражданина России, искреннее переживавшего за справедливую реализацию положений уголовного судопроизводства, за обеспечение прав и законных интересов российских граждан, за ответственную работу следователей, относящуюся к наиболее сложному виду юридической деятельности.

Он родился 14 февраля 1934 г. в Москве, после окончания средней школы работал на заводе, а получив высшее юридическое образование в самом престижном вузе – Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, изъявил желание служить в МВД СССР. Его служба началась в Московском областном управлении мест заключения (МОУМЗ) с должности инспектора. Однако реализация функциональных обязанностей, связанных с контролем над исправительно-трудовым процессом осуждённых к лишению свободы, морального удовлетворения ему не приносила. Присутствовало внутреннее желание «распутывать» хитросплетения, кроющиеся в способах совершения преступлений, приёмах сокрытия противоправной деятельности, противодействия субъекту расследования и самое главное – устанавливать истины произошедшего. Такое стремление молодого юриста привело в следственный отдел, где он занял должность следователя. Здесь и проявились такие личностные качества А. П. Гуляева, как кропотливость в установлении отдельных фактов, стремление к тщательной проверке установленного, взвешенность в принятии решений, обстоятельность, сочетающаяся с желанием посоветоваться со старшими опытными коллегами, умение взаимодействовать с должностными лицами органа дознания. Как говорили современники, его обвинительные заключения отличались «фактурой и обстоятельностью». При этом отмечали ещё одно его качество – уважительное отношение к участникам уголовного процесса, в том числе и к обвиняемым.

Пытливость, склонность к анализу, сопоставлению и обобщению фактов в последующем «привели» Анатолия Петровича на службу науке, во ВНИИ МВД СССР (РФ). Следует заметить, что работа следователя не «отпустила» его и на научном поприще. 25 мая 1971 г. он успешно защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата юридических наук по теме: «Процессуальные сроки на предварительном следствии и дознании в советском уголовном процессе» [1]. Его научным руководителем был маститый учёный, известный российской общественности специалист в области уголовного права и процесса, доктор юридических наук, профессор Станислав Владимирович Бородин[1]. Ведущим предприятием (так тогда именовалась ведущая организация) было следственное управление МВД СССР. Официальными оппонентами выступили доктор юридических

[1] Станислав Владимирович Бородин (18 сентября 1924 г. – 16 сентября 2005 г.) – известнейший советский и российский учёный-правовед, доктор юридических наук, профессор, генерал-лейтенант милиции, судья Верховного суда РСФСР (1952-1961 гг.), начальник Всесоюзного научно-исследовательского института МВД СССР (1975-1979 гг.), начальник Академии МВД СССР (1979–1983 гг.).

наук, профессор Иосиф Моисеевич Гуткин (Высшая школа МВД СССР) и доктор юридических наук, профессор Александр Иванович Михайлов, заслуженный юрист РСФСР (научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ). Приводим эту информацию специально для того, чтобы показать актуальную научно-квалификационную работу А. П. Гуляева, которая была интересна учёным, значима практикам, подготовлена на должном научном уровне, которую можно было предъявить взыскательным экспертам.

Большой период времени Гуляев посвятил всестороннему изучению и анализу с использованием комплекса методов научных исследований (индукция и дедукция, классификация, сравнение, аналогия, экстраполяция, экспертные оценки, описание), проблем деятельности следователя. А также его правового положения, юридического статуса следственного подразделения (органа).

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Вячеслав Владимирович Николюк на юбилейной конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения А. П. Гуляева, сделал следующее перечисление его научных направлений: «Социально-политическая роль и место следователя в системе государственных органов, противостоящих преступности, его процессуальные функции, принципы или общие условия его деятельности, взаимодействие с органами дознания, новеллы уголовно-процессуального законодательства, оптимизация форм расследования в зависимости от категории преступления, освобождение от анахронизмов и процессуальных догм в конструкциях институтов привлечения лица в качестве обвиняемого, составления обвинительного заключения, ознакомления участников процесса с материалами уголовного дела, обжалования решений и действий следователя, пределы процессуальной самостоятельности следователя, аргументированно позволяющие действовать ему единолично, не согласовывая свои действия с ведомственным руководством, прокурором и судом…» [2, с. 48].

В 1988 году на кафедру «Организации расследования преступлений» Академии управления МВД СССР Анатолий Петрович Гуляев представил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук. Она называлась «Совершенствование правового регулирования деятельности следователя» [3], защита состоялась 29 декабря 1988 г. Работу оппонировали авторитетнейшие специалисты в области уголовного судопроизводства: доктор юридических наук, старший научный сотрудник Якубович Наталья Арсентьева; доктор юридических наук, старший научный сотрудник Ларин Александр Михайлович; доктор юридических наук, профессор Томин Валентин Тимофеевич.

Диссертация включала семь глав: «глава 1. Отправные положения и методология исследования правового регулирования деятельности следователя; глава 2. Система правовых норм, регламентирующих деятельность следователя; глава 3. Совершенствование концентрированных форм правового регулирования деятельности следователя; глава 4. Актуальные проблемы правового регулирования средств и форм осуществления следователем процессуальных функций; глава 5. Проблемы совершенствования правовых гарантий реализации следователем процессуальных принципов; глава 6. Некоторые проблемы совершенствования общих правовых условий деятельности следователя; глава 7. Проблема унификации и дифференциации правового регулирования деятельности следователя». Список опубликованных соискателем работ включал 38 научных источников. Организационно-научное сопровождение работы осуществляла кафедра организации расследования

преступлений Академии МВД СССР. Это была одна из нескольких диссертаций, прошедших через названную кафедру.

Моё знакомство с Анатолием Петровичем составляет более 35 лет. Связано это с деятельностью 9-го отдела ВНИИ МВД СССР (проблем предварительного следствия и дознания), которым руководила Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук, профессор Лидия Михайловна Карнеева [4, с. 215–219].

А. П. Гуляев в названном отделе состоял в должности научного сотрудника (с разной степенью), а я – адъюнкта заочной формы обучения. В силу этого обстоятельства с моей стороны было бы неправильно не сказать несколько слов о выдающемся учёном и прекрасном человеке – Гуляеве Анатолии Петровиче. Он был для нас в определённой мере «опекуном», поддерживающим нас при отчётах о проделанной научной работе (за которую был строгий спрос), помогал с рецензированием и прохождением публикаций, поднимал настроение, стимулировал морально-психологический климат всего отдела.

Он являлся членом Учёного и диссертационного советов при ВНИИ МВД России, а также Московской академии экономики и права МВД РФ. Опубликовал более 500 научных работ. Наиболее известная его работа «Следователь в уголовном процессе» [5].

В перестроечные 90-е годы прошлого века профессор А. П. Гуляев был в составе различных авторских коллективов, которые разрабатывали столь необходимые для того периода времени множественные законопроекты. Инициировал и отдельные из них, вносил реальные предложения по совершенствованию обсуждаемых и проходящих чтения в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации законопроектов. К числу таких документов относились: проект закона «Об основах государственной уголовно-правовой политики»; один из вариантов проекта Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; проекты ведомственных нормативных правовых актов. В последние годы своей жизни он был главным научным сотрудником Центра по исследованию проблем предварительного следствия и дознания ВНИИ МВД России.

Содержанием его научного интереса, подчеркнём ещё раз, на протяжении всей жизни были предварительное следствие, деятельность следователя, его правовое положение, процессуальные функции, взаимодействие с органами дознания, правовые формы и средства осуществления следователем процессуальных функций. Среди перечисленного выделяются содержание и правовые гарантии реализации принципов деятельности следователя. Кратко остановимся на позиции А. П. Гуляева по принципу всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Как представляется, из одиннадцати выделенных им принципов деятельности следователя он был одним из важнейших.

Следует уточнить и сказать о том, что Анатолий Петрович Гуляев вёл речь не о принципах уголовного судопроизводства [6, с. 71–101] (принципах уголовного процесса [7, с. 51–72]). Современные учёные-процессуалисты называют их различное количество, дают некоторые особенности реализации при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности в определённых условиях, например при исполнении наказания в виде лишения свободы. Наверняка уже появились размышления об их реализации в условиях проведения Специальной военной операции (СВО) и в свете

последних изменений уголовно-процессуального законодательства[1]. А Гуляев говорил о принципах деятельности следователя.

Мы анализируем научный подход Анатолия Петровича, который изложен в уже названной его монографии «Следователь в уголовном процессе». В качестве отправных функций уголовного процесса он брал обвинение, защиту и разрешение уголовного дела – содержание научной школы профессора М. С. Строговича [8, с. 189]. Сосредотачиваясь на двух первых, применительно к предварительному следствию, отмечал, что самым уязвимым в представленных функциях является отсутствие исследования уголовного дела. «Это, – по его мнению, – ведет к искажению понятия функций обвинения и защиты» [5, с. 11].

Как представляется, это способно привести к смешиванию этих принципиально различных видов деятельности следователя. Указывал, что «первую определяют обычно как совокупность процессуальных действий, направленных на то, чтобы изобличить в совершении преступления лицо, привлечённое в качестве обвиняемого, обеспечить применение к нему мер заслуженного наказания, либо как деятельность, направленную на изобличение и осуждение виновного в совершении преступления; вторую – как совокупность процессуальных действий, направленных на опровержение обвинения, на установление невиновности обвиняемого или на смягчающих его ответственность» [5, с. 11–12].

По мнению А. П. Гуляева, принцип всестороннего исследования обстоятельств дела относится к числу важнейших, так как его практическая реализация способна обеспечить законность прав и интересов граждан в уголовном судопроизводстве. По своей направленности обозначенный принцип заранее не подлежит делению на обвинительную и оправдательную составляющие. Это связано с тем, что «следователь, – указывал А. П. Гуляев, – довольно часто получает доказательственную информацию, которую в момент получения нельзя определить, направлена ли она на изобличение либо на оправдание. Лишь при оценке и сопоставлении с другими доказательствами можно решить, обвинительная она либо оправдательная» [5, с. 12].

Автор анализируемой монографии, опираясь на действующее в тот период времени уголовно-процессуальное законодательство, отмечал, что «следователь в целях всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела обязывался выявлять уличающие и оправдывающие обвиняемого сведения». И делалось это наряду с установлением отягчающих и смягчающих его вину обстоятельств.

Анализируя существовавшее требование уголовно-процессуального законодательства по установлению объективной истины, характеризовал её как конечную цель. Делал вывод о том, что оно не определяло способа достижения поставленной цели. Что же касается принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, то им устанавливались и средства достижения конечного результата.

Во всесторонности им виделась тщательная проверка всех возможных в конкретной ситуации предположений (версий) относительно каждого обстоятельства, относящегося к механизму совершения преступления и личностным свойствам субъекта противоправной деятельности. Полнота в определённой мере конкретизировала всесторонность и должна быть направленной на исследование всех

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос. Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 23 марта 2024 № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. Полнота – это своего рода предел доказывания обстоятельств совершённого преступления. Объективность, по определению А. П. Гуляева, есть «беспристрастные, лишённые какого бы то ни было предубеждения и предвзятости исследование и оценка всех обстоятельств, имеющих значение для дела, тщательное выяснение и проверка обстоятельств как уличающих лицо или отягчающих его ответственность, так и оправдывающих или смягчающих его ответственность» [5, с. 64].

Объективность он предлагал рассматривать как обязанность следователя руководствоваться только интересами установления истины, не допуская предвзятости «натяжек», обвинительного уклона при оценке доказательств и принятии процессуальных решений.

При рассмотрении приведённого принципа деятельности следователя в работе приводились и гарантии его реализации. Автор обращал внимание как на общие (процессуальный контроль, прокурорский надзор, судебный контроль, защита, обжалование), так и на специальные гарантии, призванные непосредственно обеспечить всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств дела.

Наиболее важными из них являются:

– отвод следователя, переводчика, специалиста, эксперта в случаях, если они лично, прямо или косвенно, заинтересованы в деле. Запрет на постановку наводящих вопросов допрашиваемому, исключение домогательства показаний обвиняемого путём насилия, угроз и иных незаконных мер;

– исключение допроса в качестве свидетеля лица, не способного в силу своих физических или психических недостатков правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания;

– участие понятых (не менее двух граждан, не заинтересованных в деле) при проведении большинства следственных действий, направленных на обнаружение и закрепление доказательств; производство обыска и выемки в присутствии заинтересованных лиц;

– применение к обвиняемому меры пресечения, чтобы помешать ему воспрепятствовать установлению истины;

– удовлетворение (обязательное) ходатайств, имеющих значение для уголовного дела;

– производство предварительного следствия не только по месту совершения преступления, но и по месту его обнаружения, а также по месту нахождения подозреваемого, обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения наибольшей полноты расследования;

– возможности продления срока следствия;

– протоколирование всех следственных действий; вынесение постановлений при принятии решений по основным вопросам следствия и обязательности их мотивирования.

В заключение следует сказать о том, что, опираясь на комплекс эмпирических данных, Анатолий Петрович Гуляев как бы предупреждал следователей о преждевременном и необоснованном прекращении уголовного дела.

Так как односторонность, неполнота и необъективность при производстве расследования ведут к другим нарушениям законности, выражающимся в необоснованном отягчении либо смягчении вины, неполном раскрытии преступлений, неустановлении всех обстоятельств совершения преступления, оставлении без исследования причин и условий, которые способствовали совершению противоправного деяния.

1. Гуляев А. П. Процессуальные сроки на предварительном следствии и дознании в советском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1971. 18 с.
2. Николюк В. В. О научной концепции А.П. Гуляева «Следователь в уголовном процессе и методология исследования оптимальности правового регулирования его деятельности» // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. памяти заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А.П. Гуляева в связи с 90-летием со дня рождения. (Орел, 11 октября 2024 г.): в 2 ч. Ч. 2. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024. С. 47–52.
3. Гуляев А. П. Совершенствование правового регулирования деятельности следователя: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1988. 32 с.
4. Шурухнов Н. Г. Высказать огромную благодарность – это так мало: памяти Великого российского ученого – доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР Л.М. Карнеевой // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. С. 215–219.
5. Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1981. 192 с.
6. Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс: учебник. М., 2023. 960 с.
7. Брыляков С. П., Шурухнов Н. Г. Принципы уголовного процесса. Особенности их реализации при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы // Уголовно-процессуальное право: учебник. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2018. 560 с.
8. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. I: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Изд-во «Наука», 1968. 470 с.

1. Gulyaev A. P. Processual`ny`e sroki na predvaritel`nom sledstvii i doznanii v sovetskom ugolovnom processe: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 1971. 18 s.
2. Nikolyuk V. V. O nauchnoj koncepcii A.P. Gulyaeva «Sledovatel` v ugolovnom processe i metodologiya issledovaniya optimal`nosti pravovogo regulirovaniya ego deyatel`nosti» // Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo – uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. pamyati zasluzhennogo yurista Rossijskoj Federacii, doktora yuridicheskix nauk, professora A.P. Gulyaeva v svyazi s 90-letiem so dnya rozhdeniya. (Orel, 11 oktyabrya 2024 g.): v 2 ch. Ch. 2. Orel: OrYuI MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova, 2024. S. 47–52.
3. Gulyaev A. P. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya deyatel`nosti sledovatelya: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. M., 1988. 32 s.
4. Shuruxnov N. G. Vy`skazat` ogromnuyu blagodarnost` – e`to tak malo: pamyati Velikogo rossijskogo uchenogo – doktora yuridicheskix nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki RSFSR L.M. Karneevoj // Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. 2022. № 2. S. 215–219.
5. Gulyaev A.P. Sledovatel` v ugolovnom processe. M.: Yurid. lit., 1981. 192 s.
6. Grigor`ev V. N., Pobedkin A. V., Yashin V. N. Ugolovny`j process: uchebnik. M., 2023. 960 s.
7. Bry`lyakov S. P., Shuruxnov N. G. Principy` ugolovnogo processa. Osobennosti ix realizacii pri osushhestvlenii ugolovno-processual`noj deyatel`nosti v uchrezhdeniyax, ispolnyayushhix nakazanie v vide lisheniya svobody` // Ugolovno-processual`noe pravo: uchebnik. – M.: YuNITI: Zakon i pravo, 2018. 560 s.

8. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa. T. I: Osnovny`e polozheniya nauki sovetskogo ugolovnogo processa. M.: Izd-vo «Nauka», 1968. 470 s.

Информация об авторе

Николай Григорьевич Шурухнов. Профессор кафедры организации правоохранительной и правозащитной деятельности Тульского института (филиала) (РПА Минюста России). Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России. Доктор юридических наук, профессор.

Всероссийский государственный университет юстиции; Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний.

300026, Россия, г. Тула, пр. Ленина, д. 104.

Information about the author

Nikolaj G. Shurukhnov. Professor of the Chair of Organization of Law Enforcement and Human Rights Activities of the Tula Institute (branch) (RPA of the Ministry of Justice of Russia). Leading researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow. Doctor of Sciences (Law), Professor.

All-Russian State University of Justice; Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

300026, Russia, Tula, Lenin Avenue., 104.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted November 10, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 20, 2024.

Информация для авторов

ТРЕБОВАНИЯ,
предъявляемые к статьям, представляемым для опубликования
в журнале «Научный вестник Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова»

В целях ускорения прохождения рукописей к принятию к опубликованию в журнале просим соблюдать следующие требования.

Содержание статей должно отражать современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции. Тематика научных статей, принимаемых к опубликованию в журнале, должна соответствовать отрасли «Юридические науки» по специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

К рассмотрению не принимаются **рукописи, опубликованные в других изданиях**. Если рукопись статьи одновременно направлена в другое издание либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

В статье не должно быть **сведений ограниченного распространения**, ответственность за соблюдение режима секретности возлагается на автора и должностных лиц, осуществляющих контроль за соблюдением режима секретности, в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

Статья представляется в **бумажном варианте**, отпечатанном на одной стороне листов формата А4 (210х297 мм), заверенном подписью автора(ов). **Электронная версия** статьи в виде файла MS Word должна соответствовать распечатке и иметь в названии файла фамилию автора, например: Ivanov.doc, Ivanov-Petrov.doc.

Объём статьи вместе со сведениями об авторах, списком используемой литературы и ключевыми словами должен соответствовать диапазону от 0,45 до 0,6 авт.л. (18-24 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Основной текст рукописи набирается через 1 интервал гарнитурой Times New Roman (12-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов. Все поля на страницах должны быть одинаковы и равны 2,5 см. Абзацный отступ – 1,25 см.

В статье должен быть указан номер по Универсальной десятичной классификации **(УДК)** и **шифр научной специальности**, соответствующий тематике статьи.

Название статьи набирается на русском и английском языках полужирным шрифтом, **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ,** без абзацного отступа и центрируется относительно полосы набора.

Сведения об авторе на русском и английском языках включают: Ф.И.О., учёную степень, учёное звание, занимаемую должность, место работы (в именительном падеже) и электронный адрес.

Статья должна быть снабжена **аннотацией** на русском и английском языках с объемом 500-1000 знаков, включая пробелы. В аннотации должна быть четко сформулирована основная идея статьи (она должна содержать характеристику темы исследования, раскрывать актуальность, степень разработки, теоретико-методологическое и практическое значение темы, цель работы и ее результаты).

Статья также должна содержать **список ключевых слов** на русском и английском языках (шесть-десять основных слов (словосочетаний) статьи, характеризующих проблематику статьи, через запятую).

Статья авторов-адъюнктов (аспирантов) должна содержать **благодарность** научному руководителю с указанием занимаемой должности, места работы, ученой степени, ученого звания и ФИО.

Размещение **таблиц, рисунков, диаграмм, схем и другого иллюстративного материала** на страницах с альбомной (горизонтальной) ориентацией не допускается. Графики, диаграммы не должны иметь сплошную (в т.ч. цветную) заливку.

Рисунки и таблицы (размер используемого шрифта – 12 пунктов) должны быть в черно-белом или полутоновом исполнении размещены в тексте после абзацев, содержащих ссылки на них (см. таблицу 1).

Таблица 1
Заголовок таблицы

Текст	Текст	Текст	Текст	Текст

Схемы должны иметь общую группировку всех объектов, входящих в них, быть центрированы относительно полосы набора.

Размеры и разрешение рисунков должны обеспечивать их дальнейшее качественное полиграфическое воспроизведение.

Рис. 1. Название рисунка.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ).

К рассмотрению принимаются статьи, имеющие **оригинальность не менее 60%.** Текст статьи проверяются системой специализированного программного обеспечения («Антиплагиат»). По решению редакционной коллегии статья может быть рекомендована к опубликованию в журнале и в том случае, если оригинальность статьи ниже установленного порогового значения.

Цитаты и заимствования текста из научных источников должны сопровождаться соответствующими **ссылками**, которые оформляются арабскими цифрами в квадратных скобках с указанием через запятую страницы, на которой размещается цитируемый текст, например: «По мнению П.А. Лупинской, ...» [1, с. 100].

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Каждый используемый научный источник указывается в списке литературы **один раз в порядке упоминания** в тексте.

При повторном использовании данного источника в квадратных скобках указывается тот же порядковый номер из списка литературы. Указание в списке литературы источников, на которые нет ссылок в тексте, не допускается.

Список литературы, как правило, должен содержать от 8 до 20 источников.

Обязательная версия списка литературы на латинице размещается в статье сразу за списком русскоязычных (исходных) ссылок и подготавливается автором(ами) статьи из русскоязычных ссылок независимо от того, имеются ли иностранные источники. На сайте http://translit.ru можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу, выбрав стандарт BGN.

Ссылки на нормативные акты, иные официальные документы и электронные источники информации, сведения об анкетировании и т.п. указываются в виде постраничных сносок с нумерацией на каждой странице.

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Статья должна быть обязательно **подписана автором (соавторами)** следующим образом: «Своей подписью подтверждаю, что материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Ранее статья нигде не публиковалась.

«Я безвозмездно предоставляю редакции журнала права на опубликование моей статьи, в том числе на неограниченное её распространение любым способом, включая создание её электронного варианта, с целью доведения статьи до всеобщего сведения».

Авторам-адъюнктам (аспирантам) дополнительно следует указать: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее указываются: дата, ФИО руководителя, его подпись.

При наличии **соавторов** необходимо указать, что ими внесен равный вклад в написание статьи, или указать объем вклада каждого соавтора, а также отметить заявление об отсутствии конфликта интересов.

К статье прилагаются:

краткий отчет о проверке статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения, сформированный программой;

для научных статей адъюнктов, аспирантов, магистрантов – отзыв научного руководителя.

Образец оформления статьи размещен на веб-сайте по адресу: https://орюи.мвд.рф/Nauka/nauchnij-zhurnal-instituta

Уважаемые читатели и авторы!

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объём статей и принимать решение о включении их в журнал. Отклонённые материалы не возвращаются. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала. Ответственность за достоверность фактов, библиографических ссылок и правильность цитирования несут авторы статей.